



РОССИЯ ДЕРЖАВНАЯ

Т. Мундт

НЕРАЗГАДАННЫЙ МОНАРХ

МИР КНИГИ

Т. Мундт



НЕРАЗГАДАННЫЙ МОНАРХ



УДК 821.112.2
ББК 84(4Гер)
М90

Оформление серии: А. Шубный

Мундт Т.
М90 Тихий ангел; Любовь и политика; При малом дворе; Неразгаданный монарх: Романы / Пер. с нем.— М.: Мир книги; Литература, 2009.— 352 с. (Россия державная).

ISBN 978-5-486-03194-6

Теодор Мундт (1808—1861) — немецкий писатель, критик, автор исследований по эстетике и теории литературы; муж писательницы Луизы Мюльбах. Получил образование в Берлинском университете. Позже был профессором истории литературы в Бреславле и Берлине. Участник литературного движения «Молодая Германия». Книга «Мадонна. Беседы со святой», написанная им в 1835 г. под влиянием идей сен-симонистов об «эмансипации плоти», подвергалась цензурным преследованиям. В конце 1830-х — начале 1840-х гг. Мундт капитулирует в своих воззрениях и примиряется с правительством. Главное место в его творчестве занимают исторические романы: «Томас Мюнцер» (1841); «Граф Мирабо» (1858); «Царь Павел» (1861) и многие другие.

В данный том вошли несколько исторических романов Мундта. Все они посвящены жизни российского царского двора конца XVIII в.: бытовые, светские и любовные коллизии тесно переплетены с политическими интригами, а также с государственными реформами Павла I, неоднозначно воспринятыми чиновниками и российским обществом в целом, что трагически сказалось на судьбе «неразгаданного монарха».

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гер)

ISBN 978-5-486-03194-6

© ООО ТД «Издательство Мир
книги», оформление, 2009
© ООО «РИЦ Литература», 2009

Тихий ангел

*Исторический роман
из жизни великой княгини Натальи Алексеевны,
супруги великого князя Павла Петровича,
впоследствии императора Павла I*





I

В 1774 году вода в Неве стояла настолько высоко, что приплывший с немецких берегов бриг «Саламандра» мог, не останавливаясь в Кронштадте, проследовать по заливу вплоть до столицы русской империи и кинуть якорь у нарядной набережной Невы.

Среди пассажиров, находившихся на борту этого брига, особенный интерес возбуждала немолодая аристократического вида дама, схавшая из Штетина в Петербург с тремя очаровательными девицами. Это была осанистая, полная ландграфиня Гессен-Дармштадтская, которая, как гласила распротранившаяся молва, везла своих красавиц-дочерей на смотрины в Петербург, потому что великая императрица Екатерина II решилась женить своего сына, только что вступившего в двадцатилетний возраст великого князя Павла Петровича, на одной из немецких принцесс.

По той помпе и вниманию, с которыми на Английской набережной поджидали прибытия немецкого корабля, можно было убедиться, что этот слух не лишен основания. Немецких гостей ждали придворные экипажи, и, как только звон колокола извещал о благополучном прибытии корабля, гофмаршал князь Барятинский спешным шагом направился на «Саламандру».

Ландграфиня Гессен-Дармштадтская слыла на родине образцом изысканной тонкости придворного обращения. Теперь на приветствия князя Барятинского, от имени своей государыни поздравившего «с приездом» высоких гостей, она ответила с такой величественной надменностью, которая составляла необходимую часть придворного этикета мелких немецких дворов, где старались держаться еще более высокого тона, чем при дворах крупнейших европейских «потентатов». Зато три принцессы робко жались к матери и боязливо посматривали на вы-

сокую, величественную фигуру князя Барятинского, который произвел на них чрезвычайное впечатление.

Исполнив первую часть высочайшего поручения, князь проводил высоких гостей с пристани к экипажам, в которых им предстояло отправиться в назначенный им для жительства Мраморный дворец.

Лошади с быстротой урагана помчали их по улицам Петербурга. Молодые принцессы даже взвизгнули от радости, потому что им никогда не приходилось ездить с той быстротой, которой отличались царские вороны. Но державная мамаша сейчас же поспешила величественным жестом унять это девичье веселье и заметила, что неприлично вслух удивляться всему в чужой стране. В Дармштадте лошади крупнее, а потому там и не знают такой быстрой езды.

Но по мере того, как они ехали, русская столица развертывалась пред путешественницами в таком юном великолепии, что даже сдержанная ландграфиня не могла в конце концов удержаться от выражения удивления и восхищения пред этими дворцами и церквями.

— Да, пожалуй, наш Дармштадт несколько отстал от Петербурга! — сказала она не без досады, надменно откидываясь назад.

Принцесса Вильгельмина, самая младшая и красивая из трех сестер, задумчиво смотрела в открытое окно кареты. Изящное личико, окруженное белокурыми локонами, выражало затаенную, упорную мысль: точно она настойчиво работала над какой-то задачей. Эти мысли, видимо, волновали ее, и юная грудь бурно вздымалась в порывистом трепетанье.

Старшие сестры, Елизавета и Фредерика, казались гораздо веселее и непосредственнее. Тогда как у Вильгельмины не вырвалось ни одного замечания, они то и дело вскрикивали в радостном изумлении, что каждый раз вызывало строгое замечание матери.

— Мама права, — сказала старшая, черноглазая Елизавета. — Наш милый Дармштадт кажется совсем крошечным после этого чудовищно-громадного Петербурга. Но что касается внешнего вида, то я нахожу массу сходства. И у нас, в Дармштадте, улицы так же широки и правильны, а разве мало у нас велико-

лепных дворцов? Вот только ручеек Дарм никак нельзя сравнить с гордой красавицей Невой, да и...

В этот момент карета остановилась пред громадным, но мрачным зданием. Это был величественный дворец, построенный из гранита и темного мрамора, что придавало ему какой-то хмурый, отпугивающий вид.

Лакеи в расшитых золотом ливреях подскочили, чтобы открыть дверцу кареты, а князь Барятинский, следовавший за каретой ландграфини, поспешил с глубоким поклоном помочь гостям выйти из экипажа, объявляя в то же время, что их высочества изволили прибыть на место. Затем он торжественно ввел их во дворец и сдал на руки целому рою фрейлин и статс-дам, назначенных в распоряжение высоких гостей. Через несколько времени ландграфиня Гессен-Дармштадтская сидела с тремя дочерьми в большом старинном зале дворца. Все они успели переодеться и теперь сверкали ослепительными туалетами. Императрица послала сказать им, что она сегодня же будет у них, чтобы поздравить немецких гостей с благополучным прибытием в Петербург, и теперь они сидели в боязливом ожидании этого визита.

Как они узнали от приставленных к ним придворных дам, этот дворец принадлежал Орлову, но с тех пор, как всесильный когда-то временщик потерял расположение императрицы, он не жил там больше, и дворец обыкновенно служил для помещения иностранных гостей.

Этот дворец поражал богатством и великолепием, но он имел неприятное свойство наводить жуть и мрачные мысли. Как-то серо, мрачно, безнадежно-грустно чувствовалось там. И это сейчас же почувствовали молоденькие принцессы, им казалось, будто величественный дворец живет какой-то своеобразной жизнью, жизнью прошлого, и отжившие тени все еще роятся в его темных уголках. О России рассказывали слишком много таинственного, страшного; то прошлое, которым дышали складки гардин и портьер, полотна старых портретов, гобелены стен, было мрачно, полно слез и крови, и невольно пугала мысль: а вдруг это прошлое оживет в страшных, истерзанных привидениях?



Да и пугало ожидание императрицы — о ней тоже ходили легенды, не лишённые красных пятен. Того гляди, она появится, как вампир из сказки, схватит своими цепкими руками одну из принцесс и похоронит в далекой, чуждой России. Вильгельмина, самая впечатлительная из сестер, уже чувствовала, что слезы подступают у нее к горлу, а Фредерика и Елизавета прятали свои побледневшие личики на груди матери, точно желая уйти от всех ужасов прошлого и будущего.

Нежная, хрупкая, тихая Вильгельмина была тверже всех сестер. Это было премилое создание, в котором уживались самые разнородные качества. Она была мягка, но там, где чувствовала задетым свое женское достоинство, была способна бороться с выдержкой и энергией мужчины. Она была очень добра, но была способна преподнести правду в самом неприкрашенном виде, как бы жестока ни казалась эта правда. Она была очень тиха, но ссорой и шумом ее не удавалось запугать, раз дело шло о доказательстве того, что ей самой казалось непреложной истиной. И теперь слезы сразу высохли на ее глазах, когда блеснувшая мысль заслонила девичьи страхи.

— Мне кажется, милая мама,— сказала она, и ее лицо выразило горькую иронию,— что мы играем здесь, в Петербурге, в высшей степени смешную роль. Мы — немецкие принцессы, а между тем нас притащили сюда, словно рабынь на рынок, чтобы иноземный принц, даже некрасивый и несимпатичный, мог надменно выбрать себе ту, которая более всего поразит его варварское воображение. Еще недавно на уроке истории я проходила, как в Греции отправляли молоденьких девушек на съедение Минотавру. Мне кажется, что наше положение тоже не лучше. Неужели не было бы приличнее, если бы великий князь приехал к нам, в Дармштадт, раз он хочет жениться? Неужели наше милое отечество так ничтожно и гадко, что с ним даже не считаются? Мне кажется, что мы, как немки, должны быть более гордыми и не ездить с таким бесстыдством на бесцеремонный выбор русского рабовладельца!

Елизавета и Фредерика вскочили и с удивлением и отчаянием смотрели на младшую сестру, которая так дерзко и смело говорила с матерью.

Ландграфиня попыталась уничтожить «дерзкую девчонку» презрительным взглядом, но, когда это не помогло, сказала с надменным достоинством:

— Милая девочка, я вижу, что я мало занималась твоим воспитанием. Но это беда поправимая: такую невоспитанную девицу не берут в жены, так что я буду еще иметь возможность пополнить недостатки твоего воспитания по возвращении в Дармштадт.

— Ну, это еще как знать! — иронически ответила принцесса Вильгельмина. — Бедной жертвой могу оказаться и я так же, как сестры!

— Если это случится, то ты не будешь счастлива: ты недостаточно разумна, чтобы справляться с вопросами высшей политики. Ты не отдаешь себе отчета в положении вещей! То, что ты считаешь унижением, на самом деле является выдающейся честью. Мы, немцы, хороши решительно всем, но нам не хватает могущества. Власть мы получаем только через замужество с иностранным государем, и, если бы не было политических браков, то Дармштадт оказался бы совершенно беззащитным и нас давно проглотили бы. Об этом такое маленькое, глупое создание, как ты, конечно, не думает. Ты, например, в своей самоуверенности дошла до того, что назвала великого князя уродом. Милая Вильгельмина, русский великий князь не может быть уродом: его сан настолько велик, что способен окружить чело неземным сиянием. Красота — это для простых; у нас, принцев, — сан! Заметь это себе, Вильгельмина!

— Но здесь все так жутко, так мрачно! — не сдавалась юная принцесса. — С того момента, как мы вошли в этот зал, мне непрестанно кажется, что из какого-нибудь темного угла вдруг воспрянет тень Петра Третьего...

— Молчи, несчастная! — воскликнула ландграфиня с жестом отчаянья. — Легкомысленная, глупая девчонка! Молчи, не смей говорить больше ни слова, иначе ты вовлечешь всех нас в беду! Неужели ты не знаешь, — продолжала она, понизив голос до шепота, — что здесь, в Петербурге, никто не смеет даже заикнуться о покойном Петре Третьем? Мрачные пытки, ссылка, преследования грозят неосторожному, дерзнувшему потревожить прошлое... О, дети, вы забыли, что мы в России!

Последнее восклицание было настолько пронизано ужасом и жутью, что даже смелая Вильгельмина побледнела и замолчала.

II

Вдруг главные двери зала с визгом и скрипом распахнулись под давлением невидимой руки, струя воздуха пробежала по залу, и от неожиданности мать и дочь вскрикнули, словно ожидая, что теперь к ним ворвутся все кровавые тени прошлого.

Но это была сама Екатерина, явившаяся навестить своих гостей в сопровождении одной только графини Браницкой, ставшей в последнее время любимой статс-дамой государыни. Императрица упругой, почти юношеской походкой вошла в зал и обратилась к сидевшим там с ласковым приветом:

— Добрый вечер! Здравствуйте, дорогие!

Ландграфиня первая справилась со своим испугом. Она поспешно встала и приветствовала императрицу изящнейшим реверансом. Но дочери, казалось, совершенно потеряли голову. Сначала они бросились друг к другу и отвернулись от вошедших; но, сейчас же вспомнив наставления матери и требования этикета, они, еще более испуганные, поспешили исправить свою ошибку и кинулись на колена пред... графиней Браницкой!

Последняя очень тактично указала принцессам на их ошибку, и это вызвало у перепуганных целые потоки слез. Только тогда, когда Екатерина несколькими любезными и приветливыми фразами ободрила их и ласково приказала встать с колен, чтобы она могла разглядеть их «фрэнхен» — «мордочки», немецким гостям удалось окончательно справиться с собой.

Императрица Екатерина II приближалась в то время к сорока пяти годам, но это была все еще красивая женщина, производившая неотразимое впечатление пышностью расцвета и величием осанки. Правда, она уже начинала чрезмерно полнеть, ее формы получали излишнюю пышность и прекрасные линии тела сплывались теперь в беспорядочные очертания. Но, несмотря на это, все ее движения были полны юношеской гра-

ции, а лицо дышало таким умом, такой веселостью, такой женственностью, что Екатерина чаровала с первого взгляда.

Впрочем, это очарование у многих пропадало сейчас же после первого взгляда, потому что при более внимательном рассмотрении выражение лица императрицы поражало странным контрастом двух противоположных элементов.

Нижняя часть лица имела что-то грубое, жестокое, чувственное; между верхней губой и носом рот окаймляла неприятная складка, придававшая лицу злобное, распущенное выражение. Эта складка была, между прочим, причиной того, что Екатерина забраковала свой портрет работы знаменитого Лампи. Артист хотел дать живой образ русской царицы, хотел схватить все характерное в ее лице, изобразить это яркое смешение противоположностей. Но, когда Екатерина разгневалась за складку, «которой у нее не было, да и быть не могло», то Лампи пришлось писать императрицу по трафарету, сочетав все женственные достоинства. Екатерина опять-таки осталась недовольна: юная, невинная нимфа, смотревшая на нее с полотна Лампи, тоже отнюдь не была похожа на русскую самодержицу. Но что же было делать Лампи, если Екатерина не хотела обмана и не соглашалась с правдой?

Итак, нижняя половина лица императрицы производила, бесспорно, отталкивающее впечатление, и это сейчас же почувствовали чуткие принцессы. Когда же они, осмелев немного, подняли взоры выше и разглядели высокий царственный лоб Екатерины, ее чудные глаза, светившиеся умом, грациозной насмешливостью и страстью, они сразу забыли подбородок и рот и стали с обожанием любоваться этим объектом самых причудливых легенд: мало про кого так много говорилось в Европе, как про великую русскую государыню.

Екатерина сразу заметила смущение и испуг гостей. Она усадила ландграфиню и принцесс, села сама в кресло между ними, глазами приказала сесть и графине Браницкой, а затем завела легкий, веселый разговор, в который сумела втянуть всех присутствующих.

— Да, так хорошо говорится только с земляками! — заметила наконец она, ласково поглаживая руку ландграфини и последовательно приласкав взглядом всех принцесс; вдруг ее взор от-

разил радостное удивление и, всплеснув руками, она, обращаясь к старшей из сестер, воскликнула: — Боже мой, вот никогда бы не думала! Милая Елизавета, знаете ли вы, на кого вы похожи? На меня, дитя мое, на меня, когда я была моложе лет на двадцать, разумеется! Вот мы сейчас это проверим. Графинюшка, — обратилась она к Браницкой, — у тебя в медальоне должен быть мой портрет того времени, дай-ка сюда!

Браницкая поспешила снять с золотой шейной цепочки усеянный крупными бриллиантами медальон и подала его государыне. Теперь все обступили Екатерину, и, разумеется, не было недостатка в восторженных похвалах красоте портрета.

— Ну, разве я не права, дорогие мои? — спросила Екатерина. — И разве эта милочка не похожа на меня, как две капли воды?

Все, за исключением Вильгельмины, поспешили ответить, что сходство есть, и очень большое, но где же принцессе Елизавете до ее величества! В сравнении с лучезарной красотой русской государыни принцесса — просто дурнушка.

Вильгельмина досадливо повела плечом и даже не старалась скрыть насмешку, которая сверкнула на ее юном личике при этой сцене. У Елизаветы не было ни малейшего сходства с Екатериной, кроме того, она была не только не хуже, а гораздо красивее императрицы. Сестре, конечно, не хватало того величия, того блеска ума, которым сверкал взор портрета. Но, как женщина, она была несравненно красивее: ведь у Екатерины лицо даже не отличалось классической правильностью!

«И к чему нужно всегда так много лгать? — с брезгливостью думала принцесса, выдающейся чертой характера которой была глубокая правдивость. — Боже мой, боже мой, какую жалкую роль играем мы здесь!»

Что касается ландграфини, то она вся так и расцвела. Ей казалось, будто она угадала тайный смысл слов императрицы, и ландграфиня с торжеством смотрела на любимую дочь: для нее было вне всяких сомнений, что она будет избрана в невесты великому князю!

Императрица, казалось, чувствовала себя все лучше и лучше среди своих гостей. Она встала и принялась расхаживать

по комнате, в дальнем углу которой на столах были разложены платья, белье и прочий багаж гостей. Заметив это, императрица с юношеской бодростью подошла к столам и принялась осматривать туалеты принцесс, обсуждая с ландграфиней достоинство материй и красоту покроя.

— Да, милочки мои,— сказала она, обращаясь к девушкам,— когда я приехала в Петербург, то была далеко не так богата, как вы. Ну, нет! У меня не было таких красивых туалетов, а что касается белья, то и говорить нечего. Да, я даже не могла менять рубашки так часто, как мне этого хотелось. Но я твердо видела пред собою определенную цель и, как видите, распоряжаюсь целыми областями легче, чем прежде рубашками. Не правда ли, это недурной способ взять реванш за прошлое?

Ландграфиня, к которой императрица смеясь обратилась с последним вопросом, вместо всякого ответа схватила руку Екатерины и с чувством поцеловала ее.

— Вы слишком добры, милая ландграфиня,— сказала императрица, с благоволением поглаживая гостью по толстым красным щекам.— Я очень рада, что познакомилась с вами, и надеюсь, что мы сойдемся в наших желаниях. В самом деле я очень, очень благодарна вам за то, что вы приехали! Но только вот что я никоим образом не могу допустить, чтобы все расходы по этому путешествию пали на вас одну. Раз вы приехали по моей просьбе, то уж мое дело заботиться о расходах, а потому позвольте мне, ландграфиня, вручить вам вот этот пустячок!

С этими словами Екатерина взяла из рук графини Браницкой набитый ассигнациями бумажник и, развернув его, подала испуганной ландграфине.

— Боже мой, такая щедрость! — пробормотала смущенная и обрадованная в то же время мамаша.

Младшая дочь резким движением подскочила к ней и шепнула, сверкнув глазами:

— Мама, вы не смеее принять эту подачку!

Императрица с удивлением посмотрела на смелую девушку. Хотя она и не слыхала ее слов, но поняла их смысл. Кровь прилила к щекам Екатерины, и грозный, молниеносный взор каскадом гневных искр обрушился на Вильгельмину, словно желая испепелить ее, смести с лица земли. Но принцесса с достоин-

ством подняла голову и, не мигнув, выдержала взгляд государыни.

Лицо Екатерины вдруг смягчилось и просветлело.

— Дитя мое,— сказала она, взяв Вильгельмину за руку,— ты мне очень нравишься. Из твоих умных глазок светятся гордость, ум и благородство чувств. Ты, пожалуй, окажешься в состоянии дать мне нагоняй за то, что я осмелилась взять на себя эти расходы? Да, да, от тебя это может стать! Ты, кажется,— порядочный дичок и способна бесстрашно выложить все, что у тебя на душе! Разве я не права, милочка? Ну, что же, выручай меня, если тебе этого так хочется, но уж мамашу свою оставь в покое!

Императрица милостиво погладила Вильгельмину по пышным белокурым волосам, но это прикосновение неприятно поразило и ту и другую. Им обоим показалось, будто что-то враждебное изошло из их существ, будто они никогда не будут в состоянии ужиться друг с другом. Это была какая-то физическая антипатия: ведь тела, как и души, могут любить и ненавидеть!

Но это ощущение не передалось всем остальным; наоборот, им показалось, что Вильгельмина окончательно вытеснила Елизавету из милости государыни и что теперь все шансы на стороне не старшей, а младшей сестры.

Каков же был испуг сестер и мамы, когда Вильгельмина почтительно, но твердо заговорила:

— Осмелюсь ли я с неудовольствием взирать на признанное великодушие великой русской государыни? Но вместе с тем я не могу без неудовольствия видеть, что моя мать пользуется этим великодушием, когда в этом не представляется никакой надобности. Дармштадт гораздо беднее России — о, их нельзя сравнивать! — но до сих пор наше маленькое государство было в состоянии оплачивать все свои расходы. Для нас было большим удовольствием принять любезное приглашение нашей державной хозяйки, а теперь, когда нам оплачивают дорогу в два конца, выходит так, будто мы только исполнили чужое приказание. Я знаю, что мама взяла с собой достаточно денег, но если бы их даже не хватило, то папа...

Императрица, в самом начале отповеди Вильгельмины отдернувшая руку, перебила говорившую, с ледяной любезностью обратившись к гостям:

— До свиданья, друзья мои! Завтра я приму вас в торжественной аудиенции и буду иметь честь представить вам там великого князя Павла. Утром гоф-фурьер доставит вам официальное приглашение и церемониал приема. Но я хотела попросту сойтись с землячками, а потому поспешила забежать к вам без чинов и церемоний. До свидания!

Императрица послала воздушный поцелуй в сторону ландграфини, улыбнулась Елизавете и Фредерике, бросила на Вильгельмину холодный, надменный взгляд и вышла в сопровождении графини Браницкой.

Ландграфиня была так огорошена, так подавлена всем случившимся, что не чувствовала себя в состоянии дать «дерзкой девчонке» заслуженный нагоняй. Она растерянно теребила бумажник, который так и не решилась отдать императрице обратно. Внутренне она сознавала, что Вильгельмина не совсем неправа, но все-таки... Ах, господи, надо же было так случиться...

В этот вечер мрачное настроение так и не покинуло членов гессен-дармштадтской семьи...

III

В том флигеле Зимнего дворца, где помещался юный великий князь Павел Петрович со своим воспитателем, графом Паниным, с утра царило большое оживление. Еще вчера вечером императрица сообщила ему о назначенном на сегодня торжестве, о котором говорил уже весь Петербург, и великий князь против своего обыкновения очень рано встал с постели, чтобы подготовиться к торжественной аудиенции и смотринам.

Когда Павла Петровича терзал гнев, он способен был внушить отвращение. Но мало людей устояло бы пред подкупающей прелестью его грустного взгляда, когда великий князь погружался в скорбную, меланхолическую задумчивость. Только мало кто видел его наедине с самим собой, а на людях самолю-

бивому великому князю вечно приходилось болезненно чувствовать свое положение нелюбимого сына, и это заставляло его настораживаться, быть не самим собой.

Сегодня какое-то радостное ожидание вызвало розоватую окраску на его желтоватые щеки, и он казался моложе и привлекательнее, чем всегда. Его камердинер, Иван Павлович Кутайсов, с нескрываемым изумлением выслушивал приказания цесаревича, касавшиеся той или другой принадлежности туалета: ведь обыкновенно наследник выражал упорное равнодушие к костюму, а теперь он задумывался над гармонией отдельных частей туалета, спрашивал, согласуется ли вот эта окраска с цветом его лица, не ярок ли подбор драгоценных камней в этой пряжке.

— Я все-таки боюсь, Иван,— сказал он,— что эти драгоценности придадут мне чересчур фатоватый вид! Что ты скажешь?

Кутайсов сверкнул хитрыми черными глазами, с комическим ужасом развел руками, сложил последние на груди, подскочил довольно высоко и опустился на пол, почти касаясь лбом земли. Затем он произнес нараспев:

— Солнце красоты и весна юности излили щедроты даров своих на нашего господина, и его великолепие ослепит ту, которая дерзнет слишком близко подойти, дабы вдохнуть в себя аромат прелести его высочества!

— Да ну тебя совсем! — с брезгливой досадливостью крикнул великий князь.— Ты ведь знаешь, что я терпеть не могу этих восточных замашек! Что за манера вечно вилять хвостом по-собачьи? Я тебе тысячу раз говорил, что ты должен перестать быть турком, должен доказать, что не напрасно на тебя тратили при крещении освященную воду. А если ты будешь продолжать обращаться со мной, словно с пашой, так я тебя прогоню с глаз долой. Запомни себе это!

Кутайсов вытянулся и встал в почтительной придворной позе. Что-то скорбное на мгновение дрогнуло в его лице, а затем сменилось облаком изящной мечтательности. Но только на мгновение. Мечтательность сменилась злобой; злоба — светлой, преданной улыбкой. И вся эта смена чувств пронеслась на его интересном лице с какой-то фантастической быстротой.

— Ваше высочество,— грустно ответил он,— с того момента, когда турецкий мальчик попал в руки русских солдат и прихотливый случай дал ему великую честь служить русскому цесаревичу, он полюбил своего господина так, как не полюбит больше никого и никогда. Так что же мне делать? Ваше высочество довольны предстоящим, радуетесь будущему, видите в нем залог счастья. Я же не жду ничего хорошего от этого сватовства. Но смею ли я смущать радость возлюбленного господина? Так и льется с уст уклончивый ответ, который вашему высочеству кажется собачьей ужимкой. Что же мне делать, если я не могу делить радость вашего высочества!

— Что же тебя тревожит? Ты боишься за себя? Но я не расстанусь с тобой и после свадьбы, Иван!

— Не о себе беспокоюсь я, ваше высочество, но, любя вас, я не могу забыть о тех, кто любил и любит моего господина. И, видя радость вашего высочества, я не могу забыть о тех слезах, которые льет теперь Чарновская...

— Как ты смеешь лезть ко мне с нею как раз в этот момент! — крикнул Павел, стукнув кулаком по туалетному столу и покраснев от гнева.

— Я глубоко провинился пред вашим высочеством,— ответил Кутайсов, покорно склоняясь пред наследником,— но нельзя противиться прекрасным глазкам Чарновской, когда она просит о чем-нибудь. Она хочет во что бы то ни стало еще раз взглянуть на возлюбленного пред тем, как ей придется навсегда расстаться с ним. И вот я взял на себя смелость довести до слуха вашего высочества эту просьбу, даже если это будет стоить мне здоровой потасовки!

Подвижное лицо Кутайсова изобразило комический ужас от ожидаемой экзекуции, и Павел не мог удержаться, чтобы не расхохотаться.

— Ты и в самом деле подвергаешь себя большой опасности, Иван, если не с моей стороны, то со стороны императрицы. Ты ведь знаешь, что ее величество строго запретила даже произносить в моем присутствии имя Софьи, не то что видеться с нею. Против моей державной матушки не пойдешь: у нее ведь всегда на первом плане государственная необходимость, ну, а мое сердце... О таких пустяках, конечно, не думают.

Кутайсов снова подскочил несколько раз и сказал:

— Что и говорить, послушание приказания ее величества — проступок тяжелый и опасный, но, когда любишь своего господина так, как я, и когда примешь заранее все меры, то... А меры я все принял, ваше высочество!

Павел испуганно вздрогнул и на мгновение задумался. Он и жаждал этого свидания, и боялся его. Кутайсов с хитрой улыбкой наблюдал эту игру чувств, отражавшуюся на лице Павла.

— Иван,— сказал наконец Павел,— неужели она здесь, совсем близко?

Кутайсов таинственно кивнул и указал рукой на ковровую дверь, находившуюся в глубине комнаты.

Павел вскочил и хотел броситься туда, но в это время в комнату вошел лакей и доложил, что граф Панин желает видеть его высочество. Через минуту граф уже входил в комнату и с ласковым достоинством приветствовал своего царственного питомца; но лицо графа приняло укоризненное выражение, как только он заметил, что с туалетом великого князя дело не очень-то подвинулось. Он достал свои осыпанные бриллиантами часы, справился с показанием стрелок и затем медленным взором оглядел наследника с ног до головы.

Граф Панин был одним из наиболее достойных и уважаемых кавалеров русского двора, и почетное назначение воспитателем великого князя свидетельствовало, с каким доверием относилась к нему императрица. К тому же он неоднократно доказал как высшее бескорыстие, так и государственные способности, почему Екатерина назначила его кабинет-министром и с особенным удовольствием советовалась с ним в важных вопросах. Женильба великого князя клала конец обязанностям Панина как воспитателя, но, отличаясь анекдотической точностью и пунктуальностью, граф считал, что его гувернерство кончится только после брака, а до этого момента он все еще ответствен за действия питомца. Поэтому-то он и счел своим долгом проверить, готов ли великий князь к приему иностранных гостей.

— Ваше высочество,— сказал он,— ровно через двадцать минут я вернусь сюда, чтобы сопровождать вас в парадный зал ее величества. Через тридцать минут мы уже должны стоять на

ступенях трона, а пять минут понадобятся нам на прохождение разделяющих нас покоев. Я надеюсь, что ваше высочество примете это во внимание и будете готовы к назначенному сроку.

Великий князь ворчливо обещал постараться не опоздать.

— Вот еще что, ваше высочество,— сказал Панин,— я должен сказать вам кое-что по секрету. Выслушайте меня внимательно, но тем временем продолжайте заниматься своим туалетом, а то мы не успеем к назначенному часу. Пусть Иван делает свое дело — он может слушать то, что я скажу, потому что этот хитрый парень все равно знает все, что здесь делается.

Великий князь вновь отдался искусным рукам верного Ивана, который торопливо принялся приводить в порядок его туалет.

Граф Панин еще несколько раз торжественно прошелся взад и вперед по комнате и потом, остановившись пред стулом Павла, заговорил:

— Я должен сделать вашему высочеству сообщение, касающееся девицы Софьи Чарновской. Ее величество всемилостивейше озаботилась дальнейшей судьбой этой особы; впрочем, она вполне заслужила такое внимание той услугой, которую она оказала государству.

Панин остановился, как бы взвешивая дальнейшие слова; Павел с удивлением взглянул на него, нетерпеливо дожидаясь объяснения столь странного вступления.

— Согласно приказанию ее величества фрейлина София Чарновская покидает завтра Россию, чтобы отправиться во Францию с избранным государыней супругом. Честь вести к алтарю девицу Чарновскую выпала на долю графу Ростопчину. Довольны ли вы, ваше высочество, этим?

— А почему мне быть довольным или недовольным? — с каким-то испугом ответил Павел. — Какие права могут быть у меня на Софию Чарновскую, раз мать озаботилась и моим, и ее браком? Хотя нас и связывали самые тесные, самые нежные узы, но нам приходится расстаться без последнего «прости». Что же делать, такова воля ее величества...

— Да,— важно и серьезно сказал Панин,— ее величество не желает никаких прощальных свиданий между вами. Императрица строго приказала следить за тем, чтобы это приказание

было в точности соблюдено. Надеюсь, что здесь не было принято что-либо в этом направлении?

Граф строго и внимательно посмотрел на Павла и камердинера, но лица обоих оставались совершенно невозмутимыми.

— Ваше величество,— ласково продолжал Панин,— вы должны отныне всецело посвятить свои мысли новому восходящему солнцу. Одна из тех немецких принцесс, которые приглашены на сегодняшний прием к ее величеству, должна стать отныне вершительницей вашей судьбы. Ей и только ей должны принадлежать теперь все ваши мысли. Когда ее величество год тому назад решила, что вашему высочеству пора сочетаться браком, то ее царственная заботливость и предусмотрительность пошли гораздо дальше, чем это обыкновенно принято. Нашлись люди, которые принялись нашептывать государыне императрице, будто не имеет ни малейшего смысла заботиться о совершении этого важного обряда, так как физическая слабость и некоторые недостатки все равно не позволят вашему высочеству стать отцом, а между тем только это и оправдывает в государственном отношении бракосочетание наследника. И вот тогда было решено подвергнуть испытанию темперамент и супружеские способности вашего высочества. Припомните, ведь не личная склонность бросила вас в объятия фрейлины ее величества. Только высокая мудрость императрицы направила внимание ваших чувств на пламенную польку. Да, да, ваше высочество, во избежание всяких недоразумений, скажу вам прямо, что связь с Чарновской была просто пробным камнем, посредством которого ее величество хотела решить, не подвергнется ли молодая жена наследника русского престола той участи, которой чуть-чуть не подверглась когда-то сама ее величество. Словом, было решено проверить, поскольку ваше высочество способны быть мужчиной. Чарновская вполне оправдала доверие ее величества с достойной восхищения пунктуальностью, а это создало блестящее доказательство лживости утверждениям клеветников. Вот тогда-то и был окончательно решен вопрос о браке вашего высочества!

В то время как Панин говорил все это, Кутайсов закончил туалет великого князя.

Павел встал, подошел к Панину и взволнованно посмотрел в честное, серьезное лицо своего воспитателя.

— Ты кончил? — спросил Панин камердинера. — Тогда уходи вон!

Иван повиновался не без явного неудовольствия. Как только дверь закрылась за ним, выражение лица Панина сразу изменилось.

— Ваше высочество, — сказал он с заискивающей ласковостью, которую трудно было предположить в нем, — мне очень хотелось сказать вам одно словечко, но меня связывало присутствие этого отвратительного субъекта. Поверьте, что я многое сказал бы совершенно иначе, если бы не имел оснований предполагать, что этот Кутайсов — просто шпион императрицы. Очень хорошо пускать таких людей по ложным следам...

Павел с испуганным изумлением посмотрел на Панина и воскликнул:

— Что вы говорите, граф? Кутайсов — шпион?

— Оставим это, — ответил Панин, — не будем останавливаться на точных определениях. Здесь, в Петербурге, где царит единственная самодержавная воля, не знающая границ и пределов, каждый может оказаться шпионом...

У великого князя вырвался легкий крик. Панин продолжал:

— Я предвижу, что сегодняшний день будет чреват последствиями. Вашему высочеству предстоит вступить в новую эпоху своей жизни. Выбрав себе невесту и вступив в брак, ваше высочество становитесь совершеннолетним, получите собственный придворный штат. Вам предстоит стать влиятельной политической личностью, которая — я надеюсь на это! — будет проводить в жизнь свою собственную политическую систему. До сих пор я гордился, что мог называть ваше высочество своим воспитанником и учеником, а теперь я молю Небо, чтобы мне дано было дожить до новой эры, той, которая в моих мыслях неразрывно связана с личностью вашего высочества. И — простите, ваше высочество! — я прошу в то же время, чтобы эта эра наступила поскорее. Поверьте старому, поседевшему в трудах государственному человеку: жизнь быстрее изменяется в формах, чем государственная система. Поэтому даже самая лучшая политическая система способна устареть, раз она применяется

слишком долго. Развитие всей жизни государства способствует духу времени. Я могу смело и открыто сказать, что мы отстали теперь. Значит, вся надежда России на ваше высочество!

Павел продолжал мрачно и задумчиво ходить по комнате взад и вперед в такт речи Панина. Тот подошел к нему и продолжал еле слышно шептать на ухо:

— Великий князь, отечество с доверием и надеждой взирает на вас! Ведь престол по праву принадлежит вам с самого момента таинственной кончины вашего державного батюшки. В данный момент он занят слишком близким вашему высочеству человеком, чтобы говорить о правах. Но вообще ваше право не потеряно, а только отсрочено вступление его в силу...

— Бога ради, граф! — почти с отчаянием воскликнул Павел. — Не будем говорить об этих вещах! Я не могу говорить об этом!

Великий князь был бледен и казался взволнованным до глубины души. Он то смотрел с тревогой и ужасом на графа Панина, как бы умоляя его не продолжать, то посматривал с беспокойством на ковровую дверь, за которой должна была находиться свидетельница всего этого опасного разговора.

— Не бойтесь ничего! — твердо сказал ему граф. — Имейте доверие ко мне, в России найдется немало людей, которые готовы будут пожертвовать своей жизнью за счастье вашего высочества. Мной вы можете располагать, как самым верным и преданным слугой вашим. Сколько уж лет я только и думаю о том моменте, когда можно будет образовать партию великого князя Павла. Эта партия теперь уже имеется налицо, у нее существует своя программа, она только ждет того решительного момента, когда вашему высочеству будет угодно вступить в командование ею!

Теперь Павел уж не ходил, а бегал от волнения по комнате. Время от времени его глаза сыпали целые потоки молний на графа, который стоял пред ним в почтительной позе. Наконец он ответил:

— Лучше не будем говорить, милый граф, ничего такого, что могло бы очень не понравиться моей августейшей матери и государыне. Ее величество изволит благополучно здравствовать, и я, как почтительный сын и первый подданный государства,

могу только молить Бога о продлении ее дней. Поверьте, граф, я хочу только одного: быть в состоянии всегда оставаться покорным сыном... Не пора ли нам отправиться в покои императрицы? Ваше сиятельство говорили прежде, что в моем распоряжении всего каких-нибудь полчаса, и, по-моему, этот срок давно истек!

Панин хитро улыбнулся и поклонился наследнику самым почтительнейшим на свете поклоном.

— Я понимаю, ваше высочество! Вы знаете меня, старика, только как строгого воспитателя, но еще придет время узнать меня как следует со всех сторон! Вы совершенно правы: переход был слишком неожидан и резок. Но я уже имел честь объяснить вашему высочеству, чем был вызван мой предыдущий тон... Оставим это и займемся более радостным разговором... ну, хотя бы о госпоже Чарновской!

— О Чарновской? — удивленно переспросил Павел. — Но... почему?

— Да, да, о госпоже Чарновской, — весело повторил Панин. — Только не гневайтесь на старика, ваше высочество; как истинный педант, я должен сначала взглянуть на часы.

— При чем здесь часы? — почти в бешенстве крикнул Павел.

— Ваше высочество изволили заметить, что, по всей вероятности, у нас нет времени медлить долее и что срок явиться к ее величеству давно истек. Но, представьте, ваше высочество, какое дело: оказывается, я совершенно непонятным образом ошибся, и в нашем распоряжении имеется еще добрых полчаса, которые вы можете употребить по своему желанию. Вот увидите, что я не из тех, кто вкладывает палки в колеса! — и, сказав это, хитрый царедворец указал рукой на коверную дверь, из чего можно было видеть, что граф с самого начала был посвящен в тайну ожидаемого свидания.

Но он с улыбкой сообщника подмигнул великому князю и сделал жест, который говорил, что его высочеству предоставляется полная свобода действий.

— Но, значит, вы... знаете...

— Сначала я намеревался не допустить этого свидания. В силу своих обязанностей я должен быть всегда в курсе всего, что здесь происходит. Поэтому я не мог не знать, с какой стати эта

пройдоха Кутайсов, готовый в любой момент на любую интригу, запрятал сюда красавицу-польку. Но потом я решил убедить вас, ваше высочество, насколько серьезно я готов предоставить себя в ваше полное распоряжение. Партия великого князя Павла находит во мне такого ревностного приверженца, что как в великом, так и в малом я готов поставить все на карту, чтобы служить своему царственному господину!

Сказав это, Панин с грацией прирожденного аристократа подошел к ковровой двери и открыл ее, нажав на секретную пружинку, тайна которой ему была отлично известна.

Из потайной двери показалась грациозная женская фигурка, сверкавшая ослепительной красотой. Панин отступил назад, подошел к великому князю и шепнул ему на ухо:

— Теперь, ваше высочество, вы можете воспользоваться остающимся временем, чтобы обо всем переговорить с госпожой Чарновской. Но осмелюсь обратить ваше внимание на одно обстоятельство. Вы только что изволили сказать, что желаете одного, а именно быть всегда покорным сыном. Оставляю вас в надежде, что вы и во время свидания с Чарновской не измените этой покорности, потому что вы должны понять, чем руководствовалась ее величество, запрещая вам видеться. Прошлое кончено, ваше высочество, кончено навсегда; не пытайтесь переживать его вновь!

Сказав это, Панин изысканно поклонился наследнику и скрылся в дверях. В тот же момент Софья с радостным восклицанием бросилась к великому князю, упала на землю около его ног и страстно обхватила его колена.

— Встань, Соня, пожалуйста, встань! Ну, какая ты!.. Да полно, Соня! — смущенно пробормотал Павел, стараясь поднять польку.

Но она во что бы то ни стало хотела оставаться в прежней униженной позе. Первый момент высшей радости сейчас же сменился приступом горя, и слезы бурными потоками текли из ее прекрасных глазок.

— Нас разлучают, Павел! — рыдая вскрикнула она, полуприподнимаясь и страстно обвивая его шею белыми, выхоленными руками. — Какая непонятная жестокость! Сначала нас умышленно толкали друг к другу, а потом ни с того ни с сего отры-

вают. Ведь мне никогда в жизни больше не придется видеть ваше высочество! Завтра я должна буду выйти замуж за старого урода, с которым уеду во Францию. Что же будет с нашим мальчиком, с нашим славным, дорогим Симеоном Великим¹, как нам его назвали?

Великому князю удалось наконец поднять ее с колен и довести до дивана, где он долго держал ее в своих объятиях, не говоря ни слова.

Но в его молчании было больше скорби, больше отчаяния, чем во всех рыданиях и патетических выкриках Чарновской.

Вдруг она высвободилась из его объятий, долгим, любящим взглядом посмотрела ему в глаза и, положив руки на плечи, сказала, с мгновенным переходом к почти веселому спокойствию:

— А в конце концов все-таки надо примириться с нашей участью! Я рада, что мне дали возможность хоть увидеть тебя еще разок, мой ненаглядный Павел. Что оставалось мне делать далее при дворе? То, что от меня требовалось в интересах русской короны, я сделала. Теперь моя песенка спета, в Петербург прибыл целый корабль, доверху нагруженный немецкими принцессами, ты должен жениться, и за это взялись очень ретиво. Софья Чарновская стала лишней... Ну, что же, постараюсь лучше устроиться в Париже. Там весело живет, а я уж сумею сойтись с обществом. Мой генерал очень стар, а это тоже немалое достоинство: особенно мешать мне не будет... Если бы только я могла знать, что станет с нашим сыночком!

— Когда-нибудь он станет отменным солдатом, об этом позабочусь уж я! — сказал Павел, торжественно протягивая руку Софьи. — Я о нем не позабуду, можешь быть спокойной. Пусть послужит русскому оружию!..² Но как мне будет тяжело без тебя, Софья! Только подумать: мы ни разу не поссорились с тобой. Да что «поссорились» — у нас не было ни одной грустной минутки! Ты такая забавная, такая веселая, ты так умела разогнать мои грустные думы и примирить меня с тяжестью моего положения. Будь счастлива, Софья, а я тебя никогда не забуду!

¹ Об этом см. у Кастера, т. II, с. 92.

² Симеон Великий служил в чине флотского капитана под начальством контр-адмирала Тревенена в шведскую войну, в которой блестяще отличился.

И опять лицо изменчивой, как погода, польки сразу омрачилось, она снова бурно зарыдала, обвивая шею великого князя и цепляясь за него, словно решив не отдавать его никому и никогда...

В этот момент в дверь громко постучали, и в комнату вновь вошел граф Панин.

— Вы уже готовы, ваше высочество, и, наверное, заждались меня? — сказал он, делая вид, будто не замечает плачущей женщины.

Лицо Павла исказилось угрюмой, зловещей судорогой. Он что-то нежно шепнул Чарновской, и Софья покорно встала и вышла через потайную дверь.

Вскоре комната наполнилась чинами свиты, которые выстроились в подобающем порядке. Великий князь торжественно направился в покои императрицы.

IV

Императрица была уже готова и собиралась выйти из кабинета, когда ее первая камерфрау Протасова, бледная и встревоженная, вбежала к ней и не своим голосом зашептала:

— Ваше величество! Он опять тут!

— Кто «он»? — спокойно спросила Екатерина, улыбаясь испугу своей любимицы.

— Граф Григорий внезапно прибыл во дворец, ваше величество! Он находится в приемной и умоляет ваше величество дать ему на самое короткое время милостивую аудиенцию по важному делу!

Протасова была немало удивлена тому спокойствию, с которым императрица выслушала неожиданное известие о прибытии Орлова. Но ведь ему было строжайше запрещено являться ко двору без зова! И ее величество, обыкновенно столь непреклонная, столь нетерпимая в вопросах повиновения, выслушивает эту весть с равнодушной улыбкой?

Граф Григорий Орлов, один из вдохновителей и активнейших участников переворота 1763 года, был в течение двенадцати лет самым близким человеком императрицы, которая возне-

сла его на вершины власти. В первые годы царствования Екатерина видела во всей стране такую разруху, такой упадок, ее собственное положение было настолько не упрочено, что ей волей-неволей приходилось мириться с необузданностью характера этого опасного временщика, способного в припадке гнева забываться до того, чтобы топтать и кричать на самое императрицу. Но, когда она почувствовала под ногами более твердую почву, когда Орлов перестал быть ей необходимым, Екатерина сразу покончила с ним.

Протасова живо помнила, как шумел и бесновался Орлов, не желая примириться с постигшей его участью; как он грозил разоблачениями; как пряталась императрица, опасаясь, чтобы Григорий не ворвался во дворец и не убил ее. А теперь она только улыбалась! Господи, да не ослышалась ли она, Протасова? Ведь ее величество спокойно приказала:

— Ну что же, попроси войти графа Орлова!

Протасова подавила возглас удивления и поспешила в приемную.

Орлов предстал пред императрицей во всем былом блеске. Это был прежний Григорий, колосс, красавец лицом и сложением. Так же пламенно смотрели его глаза на государыню, и Екатерина внезапно задалась мысленно вопросом, как же могла она так долго обходиться без него?

Екатерина забыла, что Орлов уже отставлен от всех ее милостей. Она улыбнулась ему той очаровательной, полной значения и интимных намеков улыбкой, которую он так хорошо знал, и протянула ему руку. Не помня себя от восторга, Орлов бросился на колена, покрыл обе руки Екатерины поцелуями до самого локтя и прижал к своему сердцу.

Дрожь передернула все тело Екатерины от этих пламенных ласк, которые напоминали ей очень-очень многое!..

— Мы думали, что вы обретаетесь в Ревеле,— сказала она ему,— и уж не чаяли видеть вас; и вдруг вы решили обрадовать нас своим посещением. Вы попадаете к нам в очень важную минуту, так как через несколько минут должна состояться церемония приема иностранных гостей, присутствовать на коей мы приглашаем и вас. Сегодня великий князь Павел должен выбрать себе невесту! Но вы так и не сказали нам, поче-

му до сих пор не делали ни малейшей попытки проведать нас в Петербурге?

Орлов впился в лицо императрицы хмурым, злобным взглядом и ответил, отчеканивая каждую букву:

— Ваше величество, для моего здоровья очень вредно дышать одним воздухом с Васильчиковым, а теперь, когда я узнал, что этот господин выехал из Петербурга...

Екатерина со спокойной улыбкой посмотрела на Орлова и спросила с наивной простотой:

— Ну да, милый мой, Васильчиков уехал, но что это доказывает?

Этот вопрос так поразил Орлова своей непосредственностью, что он смущенно улыбнулся и только развел руками в ответ.

— Ну да,— продолжала императрица,— какое, в сущности, отношение может иметь Васильчиков к вам? У него свои достоинства, у вас — свои. Васильчиков очень мил, очень забавен, вы очень пламенны, отличаетесь преизбытком сил и энергии. В моих глазах вы оба могли бы только дополнить друг друга. Кроме того, мне кажется, вы слишком горды, чтобы приехать исключительно потому, что только что уехал Васильчиков. Наверное, что-нибудь другое привело тебя сюда, Григорий?

— Ты права, царица! — патетически воскликнул Орлов.— Я поспешил в Петербург, чтобы предупредить о страшной опасности, в которой обретаетесь вы, ваше величество!

— Опасность? В чем дело, Григорий? Ты пугаешь меня!

— Ваше величество, опасность начнется с момента брака его высочества. Хотя я и покинул двор вашего величества, но у меня осталось достаточно приятелей, которые по моей просьбе следят за тем, что мне дороже всего: за безопасностью вашего величества. И вот что мне удалось только что узнать. В кружках, настроенных враждебно к великой русской императрице, известие о близком браке наследника принято с нескрываемым торжеством. Женитьба наследника связана с предоставлением его высочеству большей самостоятельности. Последняя будет использована для образования партии великого князя Павла, во главе которой становится хитрая лисица Панин!

Екатерина еле заметно улыбнулась. Она больше Орлова знала действительную роль Панина в деле образования оппозиционной партии; знала также, что Васильчиков, заменявший Орлова в ее милости, был фаворитом Панина, что назначение Орлова главным уполномоченным на мирных переговорах в Фокшанах, послужившее ловушкой для его удаления, было тоже придумано Паниным. И, сопоставляя последнее с характером Орлова, готового из мести в любой момент поступиться истиной, она нисколько не поколебалась в доверии к воспитателю наследника.

Но Орлов снова будил в ней заснувшую страсть, снова мощно влек ее к себе, и Екатерина хотела сделать вид, будто разделяет его опасения, будто ее трогает его заботливость, его преданность.

— Как мне благодарить тебя, верный друг! — ласково сказала императрица. — Я сама очень беспокоюсь за те осложнения, которых всегда можно ждать в России. Но разве имеются какие-нибудь явные доказательства существования враждебной мне партии? Я знаю, что Павел будирует против меня, но таковы обыкновенно все наследники: им кажется, что они лучше и легче справятся с государственными делами, чем ныне царствующий государь, сгорают жаждой поскорее доказать на деле свои способности, а потому и любят окружать себя роем недовольных. Но что же делать? Неужели из-за этого пренебречь интересами страны и не обеспечить ей правильного престолонаследия? Я могу утешаться одним: как Павел будирует против меня, так его сын станет когда-нибудь будировать против него самого...

— Государыня! — воскликнул Орлов. — Но если это будирование не ограничится одними словами, а перейдет к делу?

— Милый мой, помнишь ли ты, что сказал выдающийся врач Роджерсон, которого я послала к твоему заболевшему брату: «Я сейчас не могу определить ни самую болезнь, ни степень ее опасности. Поэтому пока роль врача должна ограничиться одним надзором. Но мы будем наготове, и, как только болезнь скажется в явных формах, тогда мы и придадим ее!» Я могу ответить тебе этими же словами: для того, чтобы справиться со своей государственной болезнью, мы должны предоставить

ей пока свободное течение, но не выпускать из вида необходимости в решительный момент прибегнуть к верному средству. Иначе можно ошибиться, Григорий! Но для того, чтобы я могла в решительный момент справиться с этим злом, мне прежде всего нужны люди. Оставайся около меня, Григорий, прикрой свою царицу, стань ей по-прежнему надежным оплотом. И тогда мне не страшны никто и ничто!

Говоря это, она наклонилась всем корпусом к коленопреклоненному Орлову так, что на мгновение оказалась почти в его объятиях. Затем, поцеловав Орлова в лоб, она скрылась в соседней комнате. Орлов вскочил и чуть не закричал молодецким гиком от торжества победы.

V

Императрица воссела на троне, по бокам которого ослепительной вереницей встали первые сановники государства и представители иноземных держав. Юный великий князь стоял вместе с графом Паниным справа, совсем близко от императрицы, но до сих пор еще она не удостоила его ни единым взглядом. Вообще в начале церемонии в зале царило очень подавленное настроение, вызванное главным образом появлением Орлова и теми резкими словами, которые вслух сказал на его счет Павел, о чем, разумеется, немедленно было сообщено императрице еще до ее выхода.

Слова великого князя вызвали довольную усмешку на лицах угодливых придворных, которые думали, что песенка бывшего фаворита спета. Когда же императрица, сев на трон, кинула Орлову несколько обворожительнейших улыбок, все перепугались за неосторожную усмешку: Орлов был не из тех, которые чего-нибудь не видят или что-нибудь прощают! И все спешили заискивающе и подобострастно взглянуть на того, кого они так легкомысленно похоронили.

— Так и кажется, что они хвостиками замашут и на лапки встанут,— досадливо шепнул Павлу Панин, единственный из всех присутствующих, кто не изменил презрительного отношения к Орлову.

Но Павел уже не обращал на Орлова никакого внимания: он был весь захвачен видом трех принцесс, только что введенных в зал Барятинским, во главе со своей матерью.

Императрица довольно долго говорила с последней, и Павел мог без всякой помехи наблюдать за дочками, смущенно жавшимися к ландграфине.

Ближе всего к нему стояла старшая принцесса, Елизавета. Павел был прямо-таки поражен этой пышной, строгой красотой, и черноглазая принцесса вся покраснелась от его взгляда, знаменательно говорившего о произведенном ею впечатлении. Она была честолюбива, а потому мысль восторжествовать над сестрами приводила ее в бурный восторг, о котором явно говорили блеск ее глаз и взволнованное дыхание.

«Эта! И никто другой!» — сказал себе Павел, переводя затем взгляд на вторую сестру, Фредерику.

Но принцесса Фредерика показалась ему такой незначительной, такой будничной после красавицы Елизаветы, что он не стал приглядываться к ней, а перевел взор на младшую, Вильгельмину.

Что-то болезненно защемило его сердце от взгляда на эту высокую, стройную блондинку с живыми карими глазами. Он невольно перевел на мгновение взор на Елизавету и снова посмотрел на Вильгельмину. Та была как пышное лето, знойное, беспокойное, волнуемое жар в крови, а эта — словно тихий ангел, слетевший с неба и немного насмешливо поглядывавший на всю беспокойную, ненужную суету и пышность... Она должна быть задорна, бойка, весела. Но это было в ней только радостью бытия, только восторгом полуоперившегося птенчика: взгляд больших глаз говорил о тихой преданности, о душевной глубине, о способности к великому подвижничеству сердца...

Пока великий князь рассматривал Елизавету, Вильгельмина в свою очередь рассматривала Павла. Удивление, восторг, жажда обладания так явно сквозили в его взгляде, что Вильгельмина несколько не усомнилась в его выборе.

«Бедная Лиза, — подумала Вильгельмина, — она так честолюбива, и это, пожалуй, и покажется ей высшим счастьем. Но я несколько не завидую ей; разве можно быть счастливой с таким заморышем? В его лице сказываются такая необуздан-

ность, такой беспокойный, нездоровый дух, что с ним должно быть страшно тяжело!»

Она стала смотреть по сторонам, но вдруг почувствовала на себе чей-то упорный взгляд и, обернувшись, встретила с устремленными на нее взорами великого князя. Это было так неожиданно, что, не отдавая себе отчета, Вильгельмина состроила великому князю гримаску, полную отвращения и презрения.

«Фу, как ты мне гадок, как противен!» — говорил ее взгляд.

Ответный взгляд великого князя был полон такой боли, такой жалобы, что Вильгельмина вздрогнула от смущения и сострадания. Она с мольбой обратила на него свои дивные голубые глаза, словно прося извинить ее девическую несдержанную резкость, но Павел уже отвернулся от нее и стал смотреть, как императрице представляли принцессу Елизавету.

«Вот тебе и тихий ангел! — хмуро подумал он, не будучи в силах подавить в себе чувство боли. — Как смотрит-то, словно раздавить хочет!»

Слова, с которыми обратилась императрица к принцессе Елизавете, были полны особой многозначительности. Павел хмуро вспоминал, как мать еще вчера особенно обращала его внимание на старшую принцессу, и уныло поглядывал на пышную красавицу, подобострастно улыбающуюся императрице. Теперь он глядел на нее совершенно иначе. Да, она красива, но ведь не лучше Чарновской. Следовательно, с этой стороны воспитанная в строгой добродетели немка не будет в состоянии дать ему какие-либо иные, неизвестные ощущения, не заменит страстной, необузданной в ласках польки. Вместе с тем как жена-друг она тоже не годится ему: это будет домашний шпион, всецело преданный императрице — вот как она уже заранее глядит на свою будущую царственную богоданную матушку!

«Ее величество, — криво улыбаясь, думал Павел, — уверяла меня вчера, что Елизавета очень похожа на нее в юности. Но говорят также, что я очень похож на своего несчастного отца! Гм! Если это так, то схожесть принцессы с моей матушкой для меня может быть только опасной. Пусть жизнь несет мне пока мало радости, но я не имею ни малейшего желания преждевременно отправляться туда, «иде же несть болести и въздыха-

ния»... Нет, нет! Принцесса Елизавета очень красива, но я отказываюсь от счастья быть ее мужем! Но все-таки,— продолжал он свои невеселые думы, глядя, как Елизавету заменила Фредерика,— ведь надо же мне кого-либо выбрать из этого «груза принцесс», как выразилась милая Софья! Таково желание ее величества, а ее желание — закон. Но кого же? Уж не эту ли бесцветную немку? Нет, избави бог! Так как же быть? Сказать разве, что ни одна из них мне не нравится? Или, может быть, в качестве покорного сына предоставить ее величеству избрать мне жену? Но тогда она навяжет мне эту красивую собачонку Елизавету! Лучше всего будет, пожалуй, устроить лотерею и разыграть свою судьбу между тремя сестрами! Что же, идея не так плоха, как кажется».

После нескольких равнодушно-милостивых слов Фредерика была отпущена, и представляться ее величеству надлежало принцессе Вильгельмине. Последняя весело озиралась по сторонам и казалась совершенно спокойной. Но в тот момент, когда гофмаршал склонился пред ней, чтобы вести к трону, принцесса так испугалась этого, что побледнела как смерть.

Что, собственно, так испугало ее? Она сама не могла понять это. Было ли ей просто душно, забилося ли сердце, действовала ли на нее непривычная обстановка, блеск и пышность, окружавшие могущественную русскую царицу, но только Вильгельмина почувствовала, что ноги не повинуются ей и все тело охватывает непреодолимая слабость. Почти в полуобморочном состоянии она пошла за князем Барятинским, только и моля Бога, чтобы не упасть в обморок.

Как она была хороша в этой девической, робкой беспомощности! Куда только девались весь ее задор, бойкость, смешливость! Павел смотрел на нее, любовался без дум, без размышлений и весь уходил в созерцание ее девственной, чистой, неземной прелести.

Императрица стоя поджидала принцессу, равнодушно поглядывая по сторонам. Она уже видела, как смотрел Павел на Елизавету, и была спокойна за его выбор, так согласовавшийся с ее волей. Вся остальная часть церемонии была пустой формальностью, совершенно не интересной теперь, когда главное уже было сделано.



Вдруг она заметила, как Панин, весьма недвусмысленно кивнув в сторону Орлова, шепнул что-то на ухо стоявшему рядом с ним Вяземскому; по растерянному и смущенному лицу последнего императрица поняла, что Панин отпустил что-то неприлично едкое насчет вновь вошедшего в фавор любимца.

Она грозно сверкнула глазами, и ее лицо отразило сильный гнев; но в этот момент гофмаршал начал церемонию представления третьей принцессы, и Екатерина обернулась на звук его голоса и все тем же разгневанным на Панина взглядом уставилась на Вильгельмину.

И без того смущенная и растерянная, принцесса окончательно потеряла всякое самообладание, когда увидела этот разгневанный взор. Она не могла понять, чем это она рассердила императрицу, и это еще более увеличило ее смущение. Вдруг она неловко зацепилась ногой за ступеньку и, споткнувшись, рухнула всем телом на пол.

Великий князь вскрикнул, словно подстреленный, и бросился к упавшей, поднимая ее и шепча ей какие-то сумбурно-ласковые слова. Вид этого некрасивого, нескладного юноши, хлопотавшего около упавшей, был скорее смешон, чем трогателен; его волнение и тревога были почти неприличны. Но этого никто не заметил, так как внимание общества было отвлечено другим происшествием: императрица так испугалась этого падения, что пошатнулась и непременно упала бы, если бы Орлов не успел подскочить и схватить ее в свои объятия.

Не прошло и тридцати секунд, как весь переполох улегся, Вильгельмина со смущенной улыбкой стояла как ни в чем не бывало на ногах, и только красное пятно на щеке, которой она ушиблась, свидетельствовало о происшедшем. Оправилась и императрица. Но она испытала слишком сильный испуг от этой неожиданности, чтобы простить бедной принцессе ее падение. Окидывая несчастную Вильгельмину гневным взглядом, государыня натянуто кинула ей два-три пренебрежительных, холодных слова и отпустила небрежным кивком головы.

Церемония представления была кончена. Императрица многозначительно посмотрела в сторону великого князя, напоми-

ная ему об условленном церемониале. Тогда Павел подошел к подножию трона и молчаливо преклонил колени пред императрицей.

— А, понимаю! — весело сказала Екатерина. — Понимаю, сын мой, что значит твоя молчаливая просьба! Одна из залетных иностранных фаций прельстила тебя, и ты хочешь просить у меня разрешения назвать ее своей женой? Что же, сын мой, ты вступил в тот возраст, когда можешь действовать самостоятельно. Я настолько полагаюсь на твою рассудительность, что предоставляю тебе право свободного выбора, заранее обещаясь не производить ни малейшего давления на твое решение. Так говори же, сын мой, кого отметил твой взор? Говори, чтобы я могла от всей души прижать к сердцу свою дочку!

Говоря эти слова, Екатерина с такой многозначительной, такой многообещающей улыбкой смотрела на принцессу Елизавету, что как последней, так и всем присутствующим казалось бесспорным, что выбор великого князя падет на нее.

— Раз ваше величество так добры, — громким, веселым голосом ответил Павел Петрович, — то я пользуюсь вашей высочайшей милостью и прошу руки принцессы Вильгельмины!

— Что такое? — крикнула Екатерина, гневно отступая на два шага назад. — Но я ждала от тебя совсем другого имени!

Вместо ответа Павел вскочил, подбежал к Вильгельмине, взял ее за руку и принудил перенуганную девушку выступить с ним вперед. Взгляд Павла дышал непривычной энергией; видно было, что в этом вопросе он не уступит.

Императрица молчала; молчали и все присутствующие; в зале стояла какая-то жуткая тишина..

— А, понимаю! — язвительно сказала наконец императрица. — Понимаю, в чем тут дело! Мягкое, чувствительное сердце великого князя снова сыграло с ним плохую шутку. Если бы ее высочество не имела несчастья упасть, то сердце великого князя, наверное, склонилось бы к другому выбору. Ну да что же делать теперь! С вашей стороны, принцесса, было очень умно упасть, хотя и не особенно любезно по отношению ко мне. Ну да так или иначе, а вы добились своего. Господа, имею честь

объявить вам о помолвке его высочества великого князя и наследника цесаревича Павла Петровича с принцессой Вильгельминой Гессен-Дармштадтской. О днях празднования и церемониале будет извещено особо!

VI

После этого удивительного обручения принцесса Вильгельмина как-то застыла в немой покорности судьбе. Порой отчаяние грозило переполнить чашу ее терпения, но она говорила себе: «Так хотел Бог!» — и в сознании необходимости, неизбежности случившегося находила в себе силы примириться с крушением своих девичьих грез. Чувство долга играло очень большую роль в этом еще не вполне установившемся, но глубоко симпатичном характере. Серьезно взглянув на те обязанности, которые вытекали из ее нового положения, Вильгельмина делала все, чтобы завоевать расположение русского двора. Это удалось ей до такой степени, что даже Екатерина по временам забывала свое раздражение и говорила с ней с почти искренней ласковостью.

А в сердце великого князя радостным цветом росла самая нежная любовь к невесте. Любовь творила с ним чудеса. Он потерял всю свою угловатость, неровность, даже похорошел, и Вильгельмина с некоторым удовольствием думала о том, что будущее, пожалуй, окажется вовсе не таким ужасным, каким она представляла себе по первому впечатлению.

Павел старался входить во все мелочи ее повседневной жизни и принимал самое горячее участие в уроках русского языка, которым Вильгельмина отдавалась почти со страстью, делая, к радости Павла, большие успехи. Большую часть времени, проводимого вместе женихом и невестой, они употребляли на эти занятия, и молодая принцесса серьезно и внимательно выслушивала объяснения жениха по поводу той или иной тонкости произношения или русской грамматики.

При этом она держала себя со спокойной, дружелюбной серьезностью, не допуская ни на минуту, чтобы разговор перешел в интимный, доверчивый тон.

Она как бы говорила: «Ты меня выбрал, но я тебя не выбирала. Я должна покориться и исполню свой долг. Но лицемерить я не могу и не стану. Я не знаю, кто ты такой. Мою руку ты мог взять, но сердце надо сначала заслужить».

И редко-редко бывало, что природный юмор великого князя, которым он вообще отличался в минуты душевного спокойствия, вызывал у нее веселый смех. Ведь она была молода, а остроты, хотя и строго грамматические, были так неожиданно-остроумны, что трудно было не залиться звонким девичьим смехом. Но она сейчас же спохватывалась, точно пугаясь собственной веселости, и снова ее обращение с великим князем переходило на ту грань холодности и ласковости, оставаясь на которой она могла и не внушать излишних надежд жениху, и не подавать ему повода для жалоб или неудовольствия.

Кроме уроков русского языка принцессе приходилось заниматься также Законом Божьим, так как знание русского языка и переход в православие должны были предшествовать обряду бракосочетания. В догматы православной церкви принцессу посвящал длиннобородый и седовласый протоиерей Самбурский, человек образованный, умный и глубоковерующий. Он понимал, что над молодой душой, воспитанной в правилах иной веры, нельзя творить насилие, а потому вводил ее в круг православного верования осторожно и исподволь. Он не оспаривал лютеранских догматов, не громил еретических воззрений, а, наоборот, подчеркивал, что вера в Христа и в Божественное искупление в достаточной мере объединяет все христианские религии, несмотря на видимую разницу, а эта разница заключается в том-то и том-то.

Эта система приносила богатые плоды. Терпимость священника обезоруживала принцессу и заставляла ее с полным доверием прислушиваться к его словам, открывать им прямой путь к сердцу, а трогательная поэтичность православных верований невольно воздействовала на ее мечтательную душу.

Правда, Вильгельмина не сдавалась так сразу. Отличаясь пытливым, острым умом, она зачастую предлагала священнику такие вопросы, на которые он затруднялся ответить прямо и без оговорок, что заставляло его смущенно улыбаться и разводить руками. Но это было только проблесками девичьей ша-

ловливости, развлечением; что же касалось внутреннего убеждения, то Самбурский видел, насколько искренне принцесса склоняется к православию.

В шесть месяцев Вильгельмина сделала такие успехи и в языке, и в религии, что Самбурский доложил императрице о возможности приступить к совершению обряда воссоединения принцессы с православием. Когда это было совершено с необычной помпой и пышностью и когда принцесса Вильгельмина была наречена Натальей Алексеевной, императрица лично поздравила ее с пожалованным ей титулом русской великой княжны.

Через несколько месяцев отпраздновали великолепную свадьбу; однако старой ландграфине и сестрам невесты не пришлось присутствовать на ней. Петербургский климат оказался не по силам старухе, и врачи настойчиво потребовали ее удаления. Молодая великая княжна осталась совсем одна в чуждой стране... Это заставило ее несколько отказаться от чрезмерной сдержанности обращения с женихом, и ко дню бракосочетания они были добрыми друзьями.

Да, в жизни великого князя Павла Петровича тот день, когда он повел от алтаря смущенно улыбающуюся великую княгиню Наталью Алексеевну, был одним из лучших.

VII

Через несколько дней после свадьбы великому князю доложили, что граф Панин настоятельно просит осчастливить его аудиенцией по весьма важному делу. Хотя Павел и был в этот момент погружен в весьма интересный разговор с молодой женой, но он не мог отказать любимому воспитателю в его просьбе и поспешил выйти в приемную.

Панин был грустен, его голова тряслась, взор поблек. Павел с удивлением глядел на этого всегда спокойного человека, выдержке которого он неизменно удивлялся. Что могло так поразить гордого, сдержанного графа?

Павел фамильярно взял Панина под руку, подвел к дивану и усадил.

— Как поживаете, граф? — ласково спросил он.

— Премного благодарен, ваше высочество; ее величество почтила меня особой милостью...

Павел не выдержал и рассмеялся.

— Ну, знаете, милый граф, — сказал он, — именно сегодня вы не очень-то похожи на ошастливленного человека!

— И все-таки, ваше высочество, императрица щедро наградила меня за выполнение порученной мне заботы по воспитанию вашего высочества. Помимо других ценных подарков, я имел счастье получить семь тысяч крестьян!

— Ну, что же, — улыбаясь, сказал великий князь, — у нас, в России, живой человек имеет определенную ценность в рублях и копейках, так что...

— Ее величество, — все так же грустно продолжал Панин, — объявила мне вместе с тем, что служба, которой я до сих пор имел счастье посвящать все свое время у вашего высочества, ныне кончена. Поэтому ее величество предложила мне выехать из помещения, занимаемого мною во дворце. И вот это-то, ваше высочество, и повергает меня в грусть. Я не могу примириться с мыслью, что приходится расставаться с комнатами, ставившими меня в такую близость к вашему высочеству.

Павел ласково пожал старику руку и сердечно сказал;

— Милый Панин, мне и великой княгине будет очень грустно расставаться с вами. Но вы можете быть совершенно спокойны: ее величество, отдавая это распоряжение, считалась только с тем, что ваши апартаменты могут понадобиться кому-нибудь из чинов вновь учрежденного моего личного двора, так что вы не должны усматривать тут какое-нибудь неблаговоление!

— Дорогой мой великий князь, — сердечно ответил Панин, — поверьте мне, что дело обстоит совершенно не так. Я кое-что знаю от преданных людей, да и поседел я при дворе, так что умею разбираться в положении. Ее величество исполняет не свою волю, предлагая мне выехать из дворца, а только волю Орлова, вновь вошедшего в милость ее величества. Мне что? Я старик. Но я люблю вас, ваше высочество, мне дорого ваше счастье, а это усиление Григория Орлова не предвещает именно вам ничего хорошего. Орлов знает, какой сильный противник является ему в моем лице, вот он и хочет освободить себе

во дворце широкое поле действий, оставляя ваше высочество беззащитным от всевозможных нападков. О, Орлов! Я знаю, что моя щедрая награда продиктована его волей. Но, как вы думаете, ваше высочество, для чего понадобился ему этот щедрый дар? Только для того, чтобы восстановить против меня моих адъютантов, секретарей и вообще прежних помощников на службе вашему высочеству, которым почти ничего не дали. О, я, конечно, сейчас же разделю между ними крестьян и большинство подарков, оставив себе на память только одну вещь. Меня на таких штучках не проведешь. Но, как видите, ваше высочество, положение вещей таково, что мы должны принять свои меры!

Павел внимательно выслушал Панина, и его лицо отразило глубокое раздражение. Помолчав немного, он сказал:

— Мне пришла в голову хорошая мысль. Я отправлюсь к государыне и постараюсь помочь вашему делу, любезный Панин. С одной стороны, я рассчитываю на то, что мать, которая в последнее время выказывает мне высшее благоволение, не откажет мне и в этой просьбе, а с другой... Впрочем, не буду говорить пока о своем плане. Скажу просто, что я сделаю один ответный визит, который доставит моей матери большое удовольствие. Вы научили меня быть прежде всего дипломатом; постараюсь доказать, что я — исправный ученик.

Панин ушел с тысячью благодарностей, а Павел решил сейчас же привести свою мысль в исполнение. Он позвонил камердинеру, чтобы приказать приготовить себе костюм для выезда.

Кутайсов вышел на звонок с хмурым, недовольным лицом. С того дня, когда состоялось бракосочетание великого князя с Натальей Алексеевной, он словно переродился. От его прежней подвижности и веселости не осталось и следа. Он постоянно был хмурым и недовольным. Казалось, будто он ревновал Павла к жене, влиянию которой приписывал то, что великий князь уже не болтал с ним, как прежде, часами, а в последние дни и вообще-то почти не обращал на него внимания. Теперь, явившись на зов Павла, он встал пред ним в скорбно-приниженной позе, которая совершенно не вязалась с блуждавшей на его лице иронической, злобной гримасой.

Но Павел не обратил на все это внимания и крикнул резко и недружелюбно:

— Я еду сейчас, Иван, сначала к Орлову, потом вернемся в Зимний дворец, где обожду государыню. Выбери мне такой туалет, который уместен в обоих случаях. Да поторапливайся! В последнее время ты служишь мне как будто далеко не с прежней охотой!

Иван, словно проснувшись от тяжелого сна, сделал прыжок вверх и пламенным движением бросился к ногам великого князя. Его лицо казалось злобным и упрямым, но когда великий князь внимательнее присмотрелся к нему, то с удивлением заметил, что глаза Кутайсова полны слез. Юноша казался теперь очаровательным и привлекательным, словно девушка, и великий князь, которого до бешенства раздражали все эти выходки, все-таки не мог решиться дать ему пинка ногой, как обыкновенно делал в подобных случаях.

— Были времена,— заговорил Иван,— когда Григорий Орлов был больше самой государыни, и эти времена, кажется, готовы снова настать. К Орлову не так-то легко пробраться. У него в доме поселилась толстая уродливая финка, которая играет там самую главную роль. Она лучше любого цепного пса стережет его и никого, чей нос не придется ей по нраву, не пускает.

Великий князь громко рассмеялся и, дотрагиваясь до своего носа, весело ответил:

— Тогда мне придется, пожалуй, оставить всякую надежду, так как если финка решит быть строгой, то вряд ли она сочтет носом мой скромный орган обоняния. Тем не менее я хочу попытать счастья у этой финляндской графини или герцогини, или как там вообще зовут эту толстую даму, оспаривающую у нас графа Орлова.

— Она не графиня и не герцогиня,— возразил Иван с шутковскими ужимками.— Раньше она была простой судомойкой в одном из финляндских имений графа, где граф Орлов и открыл в ней тайны природы, и какую власть забрала она в руки, видно из того, что даже теперь, когда граф Орлов в непродолжительном будущем предстанет пред все милостивейшей государыней, она едет с ним в Петербург.

Павел вспыхнул и, окидывая Ивана строгим и мрачным взглядом, проговорил:

— Прекрати свою бестолковую болтовню, конфискованный бастард полумесяца, и помоги мне надеть шпагу. Затем пройди к великой княгине и спроси, могу ли я быть принят сейчас ее императорским высочеством, так как мне необходимо видеть ее еще сегодня до моего отъезда.

Иван Павлович окончил туалет великого князя и одно мгновение стоял как бы в колебании, указывая на дверь (как бы спрашивая, должен ли он сейчас идти) и вместе с тем выделяя своим лицом страшные гримасы.

— Что с тобой, Иван? — спросил великий князь, обративший внимание на странное поведение своего камердинера.

— Должен ли я сейчас отправиться к ее императорскому высочеству великой княгине? — в свою очередь спросил Иван, серьезно и вопросительно взглядывая на великого князя.

— Не понимаю, почему ты медлишь исполнить мое приказание, — возразил великий князь, по-видимому сразу впавший от этого вопроса в дурное расположение духа.

— Граф Разумовский только что отправился к великой княгине, — ответил Иван, с потупленным взором и в смущении пощипывая полу своего кафтана, — а ее высочество не любит, когда нарушают ее беседу с графом Разумовским. Я боюсь лишиться милостивого расположения великой княгини, если явлюсь к ней в это время с докладом.

— Граф Андрей Разумовский? — удивленно воскликнул Павел. — Чего же ты строишь такие рожи при этом, дурак? Все-милостивейшая государыня назначила по моей просьбе графа Разумовского камергером к моей супруге, и меня радует, что великая княгиня находит удовольствие в беседе с ним. Граф Разумовский — один из образованнейших людей России, и жаждущая знаний великая княгиня получает от него всякие сведения относительно русского государства, а кроме того, он мой верный друг, так как мы любим и знаем друг друга с самого раннего детства.

Иван Павлович низко склонился, скрестив крестообразно обе руки, и бесшумно выскользнул за дверь. Великий князь посмотрел ему вслед недоверчивым взглядом и погрузился в

мрачные мысли, пока наконец не решился перейти в покои своей супруги, находившиеся в том же флигеле дворца и примыкавшие непосредственно к половине великого князя.

Павел сам дивился тому, что выказывал такую торопливость; через передние комнаты он прошел почти на носках, как будто предполагая застать врасплох свою супругу, и сразу раскрыл дверь, не объясняя даже себе то чувство, которое толкало его на это.

В покое великой княгини царила странная тишина, когда туда вошел Павел. Великая княгиня, облокотившись на оконную нишу, по-видимому, была занята каким-то важным разговором со стоявшим пред ней графом Андреем Разумовским. В тот момент, когда дверь открылась и на пороге появился Павел, великая княгиня вдруг умолкла и почти испуганно взглянула на своего супруга. Граф Разумовский, по-видимому, тоже был приведен в смущение появлением Павла и, потупив взгляд, склонился пред великим князем.

Павел вопросительно взглянул на великую княгиню. Та с невыразимой откровенностью вскинула на него взгляд своих прекрасных голубых глаз, придав в то же время ему выражение гордости и решимости, что всегда производило сильное впечатление на Павла.

Павел не знал, что сказать, и даже не мог объяснить себе причину чувства неудовольствия, родившегося в его душе. Можно было подумать, что он был готов обратиться за советом к своему старому другу, графу Разумовскому, так как нерешительно повернулся в его сторону и поднял на него взгляд.

Граф Андрей Разумовский был красивым статным мужчиной и производил своей фигурой и манерами большое впечатление. Его благородная осанка не давала возможности предполагать, что он происходит из простой крестьянской семьи¹. Граф Андрей пользовался благосклонностью императрицы Екатерины и дружбой великого князя Павла. Вследствие этого он был назначен военным руководителем великого князя и

¹ Род Разумовских шел от украинского крестьянина, который стал впоследствии казацким гетманом и брат которого в свое время был главным фаворитом императрицы Елизаветы.

единственно из личной склонности к великому князю занял пост камергера при великой княгине.

— Я, кажется, помешал вашей беседе,— осведомился Павел, одновременно окидывая подозрительными и угрожающими взглядами свою супругу и графа Разумовского.

— Мы говорили о положении крестьян,— ответила великая княгиня Наталья и взглянула на великого князя так ясно и так открыто, что Павел невольно снова потупился.— Граф был так добр, что взялся объяснить мне жизнь русского крестьянина, и я в высшей степени благодарна ему,— добавила великая княгиня, повернувшись к графу.

— Вы говорили о русских крестьянах? — повторил великий князь и громко расхохотался.— Неужели можно рассказывать что-нибудь интересное об этих несчастных, невежественных существах.

Он так громко и так грубо смеялся, что великая княгиня вся как-то съежилась и бросила украдкой многозначительный взгляд на графа Разумовского.

— Я хотел только попрощаться с тобой, Наталья,— проговорил Павел, протягивая великой княгине руку.

Она поблагодарила его формально-вежливым поклоном, который, по-видимому, снова привел в дурное расположение духа Павла, и он, окинув мрачным взглядом великую княгиню, вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

VIII

Граф Орлов, приехав снова в Петербург, остановился в маленьком дворце, принадлежавшем его роду. Он уже ранее несколько раз во время своих кратковременных наездов в столицу останавливался там. Выбором этого не особенно удобного и не роскошного дворца Григорий Орлов хотел показать, что, появившись снова при дворе Екатерины, он вовсе не рассчитывает занять свое прежнее положение. В противном случае он должен был бы переехать в Зимний дворец, в те самые апартаменты, которые были отведены ему некогда, когда он был властителем повелительницы одного из могущественных государств.

Таким образом, остановка графа Орлова в старом маленьком дворце была не чем иным, как обманным кокетством, желанием показать, что он каждую минуту готов покинуть Петербург. В то время как он сидел у себя во дворце, обдумывая план действий, в комнату вошел камердинер, доложивший, что приехал великий князь Павел, и адъютант великого князя пришел спросить, может ли граф Орлов принять его. На одно мгновение Орлов как бы смутился, а затем резким голосом крикнул: — Талкуна!

В тот же момент в комнату вошла далеко не молодая женщина, необъятной толщины и весьма своеобразно одетая. Она была в длинном, ниспадавшем складками пурпурном одеянии, украшенном по бокам золотым шитьем. На голове у нее был такого же цвета тюрбан, также весь затканый золотом, с которого сзади свешивались две тяжелые кисти. Она казалась не то предводительницей дикого племени, не то рабыней. Ее большие блестящие глаза были великолепны, но выражение этих глаз и всего лица было столь гордо и столь бесстыдно, что становилось совершенно непонятным, каким образом граф Орлов мог питать к ней нежные чувства.

— Талкуна,— сказал Орлов, дружелюбно беря ее за руку,— я уже не раз был обязан своим спокойствием твоей ловкости и уму. Внизу находится великий князь, а у меня нет ни малейшего желания видеть его высочество. Если бы сама государыня захотела оказать мне честь своим посещением, тогда другое дело. Не правда ли, ты понимаешь меня, Талкуна? Я сперва должен узнать, как относится ко мне государыня, а уж потом можно будет поговорить и с сыном. Поэтому пройди, пожалуйста, в приемные комнаты, где теперь находится великий князь, и прими его вместо меня. Поди и скажи великому князю, что граф Орлов лежит на смертном одре, что я выслал тебя, как свою верную подругу, которая лучше чем кто-либо другой знает, как и чем я страдаю. Представься, как будто ты сама веришь тому, что я болен вследствие охвативших меня сомнений в благосклонности ко мне государыни. Предоставляю тебе полную свободу действий и уверен, что ты не скажешь ни одного лишнего слова и вместе с тем выведаешь у великого князя все, что будет нужно.

После этого Орлов вышел из комнаты и, пройдя в свой кабинет, заперся там на ключ. Дипломатка же в красном одеянии величественным шагом отправилась исполнять возложенное на нее поручение.

Между тем великого князя Павла Петровича ввели в приемный зал, где он стал ходить быстрыми, нетерпеливыми шагами, поджидая появления графа Орлова. Великому князю казалось странным, что он находится здесь, и, осматриваясь с горькой улыбкой вокруг себя, он бормотал:

— И вот я околачиваю пороги у убийцы моего несчастного отца. Здесь, в этих мрачных залах, подготавливался заговор против Петра Третьего. Сама государыня по ночам приезжала в этот дом и присутствовала на тайных заседаниях... Мне известно все это еще с детства. Но подождите, пробьет час мести.

Его лицо вспыхнуло мрачным гневом, глаза пронизывали попадавшие на пути предметы, и смертельная ненависть вспыхивала в них при каждом шорохе, который, казалось, предвещал приближение графа Орлова.

Великий князь остановился перед двумя огромными картинами, которые привлекли его внимание. Это были два портрета, знакомые великому князю с давних пор; на одном из них был изображен граф Григорий Орлов, а на другом — его брат, Алексей Орлов, адмирал русского флота. Эти портреты Екатерина приказала написать после знаменитой карусели, устроенной при петербургском дворе, во время которой Алексей Орлов предводительствовал квадрилью турок, а Григорий — квадрилью римлян. Впечатление, произведенное на императрицу красавцами братьями, было столь сильное, что она отдала приказ написать их портреты в натуральную величину. Сперва портреты находились в императорском Эрмитаже, рядом с портретом самой императрицы. Во время последнего отсутствия Орлова Екатерина распорядилась перевезти обе картины в Мраморный дворец, о чем великому князю еще не было доложено. Но теперь, взглянув на портреты, Павел узнал их и вздрогнул от воспоминания.

«Вот Орловы! Вот Григорий, сердечный дружок моей царственной матушки, главный заговорщик против моего бедного отца. А вот Алексей, тот самый, который первый поднял

свою гнусную руку, чтобы нанести удар своему императору. Но все-таки я чувствую себя до известной степени очень обязанным своим злодеям. Когда после гибели моего отца некоторые из заговорщиков требовали, чтобы корона принадлежала мне, а мать была только регентшей, то Орловы воспротивились этому и настояли на короновании матери. Как я счастлив, что не получил короны из рук этих негодяев! Как я счастлив, что не обязан им ничем, кроме ненависти и мести до конца!.. Когда настанет мое время...»

Среди этих дум великий князь внезапно почувствовал, что сзади кто-то тихо подошел к нему и остановился за его спиной. Он обернулся и чуть не с испугом увидел необыкновенно высокую и толстую женщину, одетую в неприличный, фантастический костюм. Под влиянием первого впечатления Павел отскочил в сторону и схватился за кинжал, спрятанный у него под платьем.

Но финка спокойно стояла, скрестив руки, и не делала никаких враждебных движений. Только ее глаза с наглой насмешкой смотрели на чахлую фигуру великого князя, не выражая ни малейшего почтения.

Павел, сконфуженный собственным испугом, оправился и повелительно указал незнакомке на дверь. Но Талкуна не двинулась с места и, приложив по-военному два пальца к своему тюрбану, заговорила грубым голосом, причем выговор явно выдавал ее нерусское происхождение:

— Граф Орлов приказал мне извиниться за него пред вашим высочеством: его сиятельство опасно заболел, в чем я могу поклясться своей честью, так как ухаживаю за ним. Поэтому он не может принять сегодня никого, будь то хоть сама государыня.

Сказав это, Талкуна состроила такую зверскую гримасу, что великий князь невольно расхохотался. Он вспомнил о том, что только что рассказывал ему Кутайсов, и догадался, что этот гвардеец и является предметом нежной страсти Орлова. Но в одном он не мог согласиться с камердинером: несмотря на неженский рост, на фантастическую толщину, на груды мяса и жира, Талкуне нельзя было отказать в своеобразном очаровании, источником которого было, несомненно, ее оригинальное

лицо с парой чудных, выразительных глаз, и он с интересом и одобрением принялся рассматривать ее.

Когда Талкуна, окончив официальную часть своей миссии, заметила, какой интерес возбуждает ее фигура в великом князе, она почувствовала себя польщенной, стала кокетливо поворачиваться пред ним, словно давая возможность осмотреть себя со всех сторон, а в конце концов принялась недвусмысленно строить ему глазки, очевидно желая очаровать его и заставить кинуться к своим фундаментальным ногам.

Уловив это, великий князь снова почувствовал непреодолимое желание смеяться. Он долго сдерживался, но в конце концов захохотал и смеялся до слез. Это нисколько не смутило Талкуну, а наоборот, придало ей смелости. Покачиваясь на жирных бедрах, финка подбежала к великому князю и, протянув одну руку, другой сделала ему поцелуй.

Великий князь не без некоторого содрогания, смешанного с удовольствием, смотрел на аллюры Талкуны, а затем сказал:

— Мне было бы очень приятно еще некоторое время поговорить с вами по душе. Но только будете ли вы со мной так же правдивы, как вы очаровательны?

Талкуна улыбнулась и бросила на великого князя пламенный, многозначительный взгляд.

— Для вас — все, что хотите, — сказала она.

— В таком случае, — спросил великий князь, поглаживая ее по щеке, — скажи мне, действительно ли Григорий Григорьевич настолько болен, что не может принять сына своей государыни?

Талкуна явно смутилась. Она стояла на распутье между долгом и личной склонностью. Но долг взял верх.

— Да, ваше высочество, — ответила она с глубоким реверансом, — я сама отнесла графа в постель. Его сиятельство так простудился, что у него все члены застыли, словно замерзшее на веревке белье.

Павел посмотрел на нее таким серьезным, таким строгим, мрачным взглядом, что Талкуна испуганно остановилась и, окончательно выйдя из роли, сразу потеряла всю ту задорную наглость, с которой встретила Павла вначале.

— Как замерзшее на веревке белье? — повторил великий князь. — Это очень удачное сравнение, которое вполне соответствует сущности отношений графа Орлова к прекрасной Талкуне. Ведь уверяют, что он прельстился ее прелестями именно в тот момент, когда она стирала белье!

Талкуна состроила капризную гримасу и бесцеремонно повернулась к великому князю спиной, собираясь обиженно выйти из комнаты. Тогда великим князем овладел тот неудержимый приступ бешенства, который нередко с непреодолимой силой вспыхивал в нем, заставляя в данный момент забывать решительно обо всем на свете. Он гордо вытянулся, словно вырос, затем быстро очутился сзади Талкуны и дал ей такого пинка ногой в спину, что наглая финка тяжело рухнула на пол, заревев и громко завыв.

Это сразу привело Павла в благодушное настроение.

— Передай это от меня своему барину! — крикнул он ей и с диким хохотом отправился к своей карете.

IX

Императрица с большим неудовольствием выслушала доклад о том, что его высочество почтительнейше просит немедленно принять его. Ей было вовсе не до великого князя, но в последнее время он выказывал такую почтительность и покорность, он вообще так редко обращался к императрице-матери с какой-либо просьбой, что у Екатерины не хватило духа отказать ему. И она решила прервать свой разговор с интересным собеседником — философом Дидро.

Это был один из выдающихся умов Франции, с которым, как и со многими другими великими людьми, Екатерина поддерживала оживленную переписку уже много лет. Царственная корреспондентка уже давно звала Дидро побывать в Петербурге, но только теперь философ смог исполнить желание императрицы и воспользоваться ее гостеприимством. Вот уже несколько дней, как он жил в Петербурге, и каждый день Екатерина старалась урвать возможно больше свободного времени, чтобы досыта наговориться с ученым. И вот во время одного из

таких оживленных собеседований Екатерине помешал великий князь Павел своим посещением. Императрица, вся раскрасневшаяся от интересного разговора, с неудовольствием вскочила. Именно сегодня Дидро рассказывал ей много интересного о свободе и правах народа, и его красноречие увлекло ее далеко за пределы действительности, к которой возвращало предстоявшее свидание с сыном.

Императрица приказала провести великого князя в соседний зал и обратилась к Дидро с милостивой просьбой подождать ее, пока она не отпустит его высочества, потому что ей надо еще многое выяснить с французским ученым. Затем она отправилась к великому князю.

Услышав ее шаги, Павел заранее принял почтительную позу. Небрежно кивнув ему головой, императрица заявила, что у нее нет свободного времени, а потому она просит его говорить как можно короче.

Павел уже давно привык к тому, что у матери для него неизменно не оказывалось времени даже в те редкие минуты, когда ему удавалось повидать ее. Поэтому он выработал особый тактический прием, заключающийся в том, что, отправляясь к матери, составлял целый план военных действий. Он заранее обдумывал, в каком боевом порядке выдвинуть все то, что ему было важно разрешить, и всегда начинал с того, что могло заинтересовать императрицу.

— Я только что прибыл из дворца графа Орлова,— сказал он,— куда отправился во исполнение желания вашего величества. Не буду скрывать, мне это было очень нелегко, но я надеюсь, что, ответив на визит графа, я сохраню высокое благоволение вашего величества. К сожалению, мне не удалось повидать графа, так как я узнал от его прелестной домоправительницы, что бедный Орлов сильно простудился и лежит в кровати. Вот и весь результат моей поездки!

— Вы говорите все это очень странным тоном, ваше высочество,— официально-холодно заметила императрица,— по-видимому, вы имели основание усомниться в правдивости сообщенных вам сведений! Надеюсь, по крайней мере, что вы были встречены с почетом, подобающим вашему сану?

— О,— ответил Павел, снисходительно махнув рукой,— меня там вообще не встречали. После того как я прождал в приемной минут двадцать, ко мне выслали прекрасную Талкуну, которая принялась строить мне глазки...

— Что такое? — гневно вскрикнула императрица.— Неужели в доме Орлова царит такой скверный тон? Кто же эта Талкуна, которой поручают встречать членов императорской фамилии?

— О, это в высшей степени почтенная особа,— с нескрываемой иронией ответил Павел.— По происхождению она финка и служила прачкой в имении графа. Она отличается колоссальными формами тела, ну, а ведь неразборчивость графа вошла в поговорку. Граф прельстился прелестной Талкуной и сделал ее другом своего сердца, на что она поспешила намекнуть мне с первых же слов. Не умею даже описать вашему величеству, что это за грубое, нескладное, грязное существо! По какой-то странной иронии судьбы природа послала ей пару очаровательных глаз, которыми она и вытеснила из сердца графа всех его прежних возлюбленных. Ну, что же, они должны почитать себя счастливыми, что им не приходится соперничать с какой-то не то судомойкой, не то прачкой!

Императрица вздрогнула и смертельно побледнела. Она впилась в лицо великого князя пытливым взором, словно желая убедиться, уж не ее ли имеет он в виду, говоря о соперничестве с Талкуной. Но Павел заранее приготовился к своей роли и смотрел на мать самым невинным, добродушно-улыбающимся взглядом. Екатерина перевела дух и брезгливо сказала:

— Бросим рыться в грязной изнанке жизни графа. Пусть каждый обретает свое счастье там, где оно ему доступнее и ближе. Но раз граф оказывает такое явное непочтение члену императорской фамилии, то я не вижу оснований оставлять его при дворе, тем более что в последнее время мы отлично обходились и без него. Спасибо вам, ваше высочество, за то, что вы исполнили мое желание, и не обращайтесь внимания на эту выходку: она только показала, что великий князь воспитаннее и вежливее Орлова, как и должно быть. А теперь всего лучшего, потому что я не могу долее оставлять Дидро.

— Ваше величество! — с комическим отчаянием воскликнул великий князь. — Но ведь я так и не изложил вам своей просьбы! Она касается графа Панина.

— Что еще? — недовольно ответила императрица. — С Паниным покончено, и притом так, что он не имеет оснований к неудовольствию!

— Дело в том, ваше величество, что Панин в предписании освободить занимаемое им во дворце помещение усматривает немилость вашего величества. Мне очень больно, что старик, питающий такое восхищение и обожание к особе вашего величества, будет страдать...

Императрица на минутку задумалась, а затем сказала:

— Хорошо! Я сама не видела никаких оснований гнать Панина из дворца, но этого хотел Орлов, который представил мне ряд соображений по этому поводу. У них старые счеты... Ну что же, Орлов был невежлив к вам, и уж ради этого одного Панин может остаться. Теперь все, надеюсь? До свидания, мне очень некогда!

Екатерина торопливо вышла из зала. Ей и в самом деле было очень некогда: надо было послушать рассказ Дидро о грядущем торжестве свободы, о счастливой эпохе свободного народа, о близком торжестве идеалов права и правды, после чего предстояло еще поработать над проектом введения в Малороссии крепостного права.

Х

Императрице пришлось пережить несколько дней в большом волнении, потому что Орлов снова дал ей знать о себе. В тот же день, когда великий князь шутя рассказал ей о роли, играемой Талкуной в жизни Орлова, императрица приказала навести точные справки и убедилась, что Павел сообщил ей чистую правду. Не могла же она допустить, чтобы теперь Орлов вновь начал играть подле нее прежнюю роль! И вот к Орлову был откомандирован один из приближенных императрицы, который передал ему нижеследующее: ее величество, узнав от великого князя, что граф серьезно болен, приписывает это

нездоровье влиянию петербургского климата, а потому предлагает графу немедленно выехать из Петербурга; кроме того, ее величество предлагает Орлову вручить посланному миниатюрный портрет императрицы, когда-то подаренный ею ее любимцу.

Орлов пришел в неистовое бешенство. Он заявил, что никуда не уедет — пусть-ка попробуют прибегнуть к силе. Что же касается портрета, то вот — и он схватил портрет, выломал его из золотой, осыпанной бриллиантами рамы, швырнул последнюю посланному, а портрет при нем же растоптал ногами.

Пришлось завести с графом целые дипломатические переговоры, задаривать его крупными денежными подачками, преподнести даже титул светлейшего князя. Ничто не помогало: Орлов сначала выехал из Петербурга в Царское Село, но потом опять вернулся и занял по отношению к императрице прежнюю, полную скрытой угрозы позицию.

Но вот Орлов выехал на несколько дней на охоту, и императрица свободнее перевела дух. Все время она боялась, что Орлов, которому известны все ходы и выходы во дворце, неожиданно-негаданно предстанет перед ней ночью и лишит ее жизни. Кроме того, отсутствие павшего фаворита давало ей возможность привести в исполнение одно намерение, самая мысль о котором заставляла ее пульс биться горячее обыкновенного.

Это намерение было настолько важно, что ему предшествовал обстоятельный доклад кабинет-министра, графа Панина, весьма обстоятельно и убедительно доказывавшего, что пустование комнаты фаворитов идет вразрез с интересами страны. Уже давно императрица не чувствовала с такой очевидностью, какой клад она имеет в старом Панине, и еще раз с благодарностью помянула великого князя, благодаря заступничеству которого бывшим воспитателем не пожертвовали капризу Орлова.

Действительно, Панин обладал завидным талантом угадывать желание императрицы и представлял его ей же под видом государственной необходимости. Так было уже не раз: когда императрица не знала, как отделаться от Орлова, и не решалась ни с кем посоветоваться, Панин явился с докладом о необходимости командировать верного человека в Фокшаны. И теперь

он с серьезным, деловым видом говорил о замещении комнаты фаворитов, перечисляя достойных кандидатов и особенно выдвигая того, к которому склонялось сердце Екатерины.

Этим счастливым был молодой генерал Потемкин, тот самый, который в чине вахмистра принимал деятельное участие в низвержении Петра III, эскортировал карету с арестованным государем и осмелился лично преподнести императрице свою портупею, когда заметил, что она, становясь во главе войск, забыла надеть таковую.

Еще тогда императрица разглядела колоссальный рост и выдающуюся красоту Потемкина. Но всемогущие Орловы заметили эту опасность и сумели оттереть соперника. Долго не давали Потемкину хода, пока он не отправился в армию генерала Румянцева и не был послан последним к императрице с донесением и с самым лестным отзывом о храбрости и способности молодого генерала.

Потемкин, произведя на императрицу опять-таки самое выгодное впечатление, сам вдруг почувствовал себя глубоко разочарованным. Дело в том, что, отправляясь в Петербург и зная о падении Орлова, он твердо рассчитывал на исполнение своих заветных планов и вдруг узнал, что в комнатах фаворитов помещался в то время Васильчиков. Потемкин захандрил, впал в покаянный стих и ханжество, которому бывал зачастую подвержен (в юности он собирался поступить в монастырь), и скрылся из вида. Екатерина была очень огорчена этим, но ее внимание было отвлечено возвращением Орлова, потом женитьбой великого князя, и только теперь, окончательно отказавшись от всякой мысли вновь сблизиться с Орловым, она опять принялась мечтать о Потемкине. После доклада Панина Екатерина настолько упрочилась в желании осуществить свою мечту, что поручила графине Брюс разыскать Потемкина и позондировать, свободно ли его сердце.

Графиня Брюс, статс-дама и интимная подруга императрицы, была одной из красивейших и элегантнейших дам двора. Императрица всецело полагалась на ее вкус, а потому Брюсочке, как звала ее государыня, поручалось многое, что было очень важно не только для Екатерины, но, если верить Панину, и для интересов государства.

Теперь императрица с нетерпением поджидала свою любимицу, которая должна была прийти с докладом по поводу исполнения своего поручения, и когда было доложено о прибытии графини Брюс, сейчас же приказала впустить ее.

— Ну, Брюсочка,— нетерпеливо спросила Екатерина, вскакивая с места при входе любимицы,— удалось ли тебе поймать за крылышки причудливого мотылька? По твоему лицу вижу, что да. Но теперь у меня новая забота: не слишком ли крепко ухватилась ты за эти блестящие крылышки? Ведь у мотыльков они покрыты очень нежной окраской, страдающей от малейшего прикосновения!

Брюсочка густо покраснела в ответ на эту шутливую фразу, отлично поняв намек государыни. Отличаясь чрезмерной пылкостью темперамента и легко теряя голову при виде красивого мужчины, графиня Брюс уже не раз превышала свои полномочия и заходила дальше, чем это бывало нужно в интересах императрицы. Разве не застала ее однажды императрица в объятиях Орлова, и притом в собственном кресле государыни? Обыкновенно очень ревнивая, императрица прощала Брюсочке ее увлечения, но держала себя с ней весьма настороже в этом отношении.

— Простите, ваше величество,— шутливо ответила графиня,— но бывой мотылек превратился ныне в длиннобородого монаха, и в этом странном наряде мне удалось разыскать его!

— Что вы хотите сказать этим, графиня? — строго спросила Екатерина.— Не мог же Потемкин постричься!

— Ваше величество, Потемкин отрастил себе бороду и заперся в кельи Александро-Невского монастыря. Я застала его над чтением пожелтевших церковных книг, в которые он так углубился, что долгое время не отзывался на мой привет. Наконец, когда я осмелилась потрясти его за плечо, он обернулся ко мне и торжественно попросил поздравить его с обретением истинного мира. Я с ужасом принялась отговаривать его, указывала на то, что в жизни слишком много светлого и радостного. Тогда из его глаз брызнули слезы, и он начал говорить мне о своих сверхчеловеческих страданиях, перенесенных в миру. Ах, если бы вы, ваше величество, видели, сколько муки было

у него на лице! В конце разговора он заявил мне, что не пройдет и трех месяцев, как монастырь окончательно и бесповоротно скроет его в своих стенах.

— Неужели он не сказал ни слова о том, что именно, какие именно страдания заставили его искать спасения в монастыре? — спросила императрица, весь вид которой выдавал ее безграничное волнение.

— Он сказал только, что причиной всему была безнадежная любовь.

— И тебе не удалось узнать, кто та жестокая, которая отвергла его?

В глазах у Брюс заиграли лукавые огоньки.

— Дело в том, ваше величество, что Потемкин только воображает, будто он любит безнадежно. Конечно, он слишком высоко поднял свои взоры, но разве страсть разбирает? Да и если там, наверху, куда он дерзнул кинуть взор, его страсть могла быть принята благожелательно... Но так или иначе, а Потемкин почему-то отчаялся и предпочел удалиться в монастырь. Улыбка торжества озарила лицо Екатерины.

— Но послушайте, графиня, — тоном ласковой укоризны сказала она, — я дала вам такие полномочия, которые могли бы успокоить бедного генерала и внушить ему больше доверия к судьбе! Что же сделали вы, графиня Брюс?

— Не зная, как утешить бедного генерала, — шаловливым тоном ответила графиня, — я решилась пригласить его сегодня в десять часов вечера на ужин.

— Брюсочка, да ты прелесть! — воскликнула Екатерина, захлопав от радости в ладоши. — Ну а сказала ты ему, кто случайно может зайти к тебе вечером?

— О нет! Я только намекнула, что судьба обыкновенно награждает тех, кто терпеливо переносит ее удары. Но только если бы ваше величество знали, что за смешной человек этот Потемкин! Как только я пригласила его на ужин и намекнула на то, что к нам двоим может присоединиться еще и третий, Потемкин вскочил и сжал меня в объятиях с такой силой, что я боялась быть раздавленной. Затем он бросился метаться по келье, разбрасывая все свои вещи по сторонам, пока не на-

шел того, чего искал: громадных ножниц. Я была крайне изумлена, не угадывая его намерения, но затем успокоилась, когда увидела, что он отрезал себе бороду и разбросал ее клочками по всей келье. Затем — я еще не успела и скрыться — он торопливо принялся переодеваться из монашеского платья в свое прежнее. Я поспешила добраться до дверей и убежать, но на прощанье все-таки крикнула ему, чтобы он не опаздывал к назначенному часу!

— Спасибо тебе, Брюсочка,— сказала Екатерина,— ты вновь оправдала мое доверие и отлично справилась с возложенной на тебя обязанностью. Я с удовольствием проведу сегодня вечером несколько минут в твоём доме, куда меня уже давно тянет. Если при уходе я сделаю тебе обусловленный знак, то сейчас же устрой все так, как тебе еще раньше было предписано делать в подобных случаях.

С этими словами императрица отпустила графиню.

XI

Потемкин явился к назначенному часу во дворец к графине Брюс во всем блеске своего генерал-лейтенантского чина. Уже ничто не напоминало в нем теперь человека, твердо решившего похоронить себя в монастыре.

— Итак, мне предстоит свидание с прелестной графиней Брюс? — воскликнул он, входя по приглашению графини в столовую, где на большом, богато украшенном и заставленном цветами столе красовались два прибора, что поражало по сравнению с массой зажженных огней: сотни горящих свечей заставляли предполагать, будто здесь произойдет пышный фестиваль персон на пятьдесят по крайней мере.

— Ну, этот тет-а-тет нам не опасен,— ответила графиня с чарующей улыбкой,— тем более что мы недолго будем одни: как я уже говорила вам утром, по всей вероятности, к нам присоединится и третья персона, но только не сейчас. Поэтому мы можем пока приступить к ужину. Рекомендую вам, генерал, заняться этим паштетом из молок: древние недаром приписывали

молокам возбуждающие свойства, а вам ведь надо пришпорить свое воображение, чтобы немедленно вырешить, как достойнее всего использовать представившийся вам необыкновенно счастливый случай!

— Клянусь всеми богами древности! — воскликнул Потемкин.— Я буду счастливейшим из смертных, если государыня...

— Тише! — остановила его графиня.— Мы не должны называть здесь никаких имен! Вспомните детскую сказку о кладоискателе, у которого клад вырвался из рук и вновь скрылся под землей в наказание за нескромность!

— Так вот как? — улыбнулся Потемкин.— Значит, вы, милая графиня, хотите переселить меня в мир сказок? Ну, да не беспокойтесь: я не окажусь таким глупцом, который способен упустить все счастье своей жизни из-за излишней болтливости! Нет, что я схвачу, то уже не выскользнет из моих рук!

— Так схватите, пожалуйста, кусочек этого паштета и займитесь едой, генерал!

Потемкин рассмеялся, с некоторым фатовством закрутил пышные усы, уселся за стол и принялся уписывать за обе щеки, не упуская случая приложиться также к замороженному шампанскому.

— Да здравствуют деликатесы кухни графини Брюс и вино огненной Шампани! — произнес он, высоко поднимая стакан.

Потемкин ел долго, старательно и сосредоточенно. Вдруг он хлопнул себя по лбу, сорвался с места, подбежал к большому венецианскому зеркалу и принялся тщательно разглядывать свое отражение.

— Чтобы меня черт побрал! — жалобно воскликнул он наконец.— У меня отвратительнейший на свете вид. Эта монастырская жизнь повлияла на меня ужасно скверно, и, не явись вы сегодня подобно светлему ангелу, чтобы вывести меня из этого душеспасительного чулана, я окончательно извелся бы... А тут еще потеря левого глаза...

— Кстати, генерал, каким образом вы повредили себе его? Тут болтали, будто однажды, поддавшись чарам хмельного бога Бахуса, вы вступили на улице в драку и палкой...

— Что за чушь! — рассердился Потемкин.— Левый глаз вышиблен мне проклятым Орловым. Во время переворота шесть-

десять второго года всемилостивейшая императрица изволила кинуть на меня благосклонный взор, что не скрылось от внимания Гришки Орлова. Однажды он подметил, с каким восхищением и обожанием я взираю на сладостный облик ее величества. Подъезжает он ко мне — дело было на смотре — да и говорит: «Смотри, брат, как бы у тебя чего худого со зрением не случилось: не безопасно подолгу на солнце смотреть!» Тогда я не обратил на это внимания, а пришлось мне эти слова вспомнить не раньше вечера, когда Орлов пригласил меня к себе, накормил, напоил, а потом предложил сыграть партию на бильярде. Во время игры я оперся локтями на борт и смотрю, как Орлов готовится трудного шара от двух бортов в лузу положить. Вдруг он крикнул «берегись», стукнул кием по шару, и тот от борта отскочил вместо лузы мне в глаз: ведь Орлов играет на бильярде как черт! Ну, вот с тех пор глаз у меня стал болеть, болеть, да и пропал! Ну, да просчитался Гришка! Все равно — я и с одним глазом больше увижу, чем он с двумя...

В этот момент в соседней столовой комнате слышался легкий шорох, и оттуда появилась государыня. Графиня еще раньше услышала шум ее шагов и хотела обратить внимание Потемкина, чтобы он был поосторожнее, но появившаяся на пороге столовой Екатерина жестом приказала ей молчать и с шаловливым любопытством стала прислушиваться к словам ничего не подозревавшего Потемкина.

А тот продолжал:

— Гришка красив, силен, ну, да и я не плох: ему со мной в борьбе не совладать. А что касается ума, так и говорить нечего: мой тезка глуп, как черкасский бык. Немудрено, что он не сумел удержаться в милости ее величества: где такому насекомому с орлом в поднебесье парить!

— Здравствуй, Брюсочка! — произнес за его спиной чей-то голос.

Потемкин испуганно обернулся, увидел государыню, вскочил, да так и замер с разинутым ртом.

— Я очень люблю время от времени побывать у милой Брюсочки, — продолжала Екатерина, обращаясь к Потемкину и любясь его растерянностью. — С ней так хорошо поболтать по

душе! Но могла ли я рассчитывать встретить здесь храброго вояку Потемкина, который, как говорит скандальная хроника, решил отречься от благ мира сего и покончить свои дни в монастырской келье?

— Ваше величество...— начал смущенный Потемкин.

— Одно слово, милый генерал: прошу заметить, что здесь я бываю не как государыня, а просто как подруга милой Брюсочки. Поэтому здесь нет места титулам! Итак, я упомянула, что с Брюсочкой очень приятно вести беседу. Что вы скажете на это, генерал?

— О, графиня вообще прелестная женщина,— ответил, набравшись храбрости, Потемкин,— но лучше всего в ней то, что она имеет таких подруг, благоволение которых способно вознести нас на седьмое небо. Клянусь, я с радостью превратился бы из генерала Потемкина в графиню Брюс, если бы только мне была обеспечена дружба ее подруг — не всех, разумеется, а только одной: царицы любви и всех приятностей, царицы ума, доброты и грации!

— Так вот как? — улыбаясь, ответила императрица.— Генерал хочет превратиться в статс-даму? Наверное, он проведаль, что я собираюсь заключить мир с турками, и боится, что в качестве испытанного вояки окажется за штатом, так как в мирное время ему негде будет проявить свои способности? В таком случае я поспешу успокоить генерала: его услуги понадобятся родине и в мирное, и в военное время.

Сказав это, Екатерина бросила такой пламенный, манящий взгляд на генерала, что Потемкин готов был вскочить с места и тут же броситься к ногам государыни. Но испуганный взгляд графини Брюс сказал ему, что чрезмерная горячность пока еще способна только все погубить, и Потемкин поспешил сдержаться.

— Итак, ожидается заключение мира? — сказал он с глубоким поклоном.— Ну, что же, раз Потемкин может пригодиться в мирное время, так он счастлив. О, я всегда буду рад отдать всю кровь своего сердца до последней капли за царицу... Извиняюсь, что упомянул здесь имя ее величества, но в конце концов что же делать? Ведь мы имеем нашу царицу, нашу великую, мудрую красавицу-царицу, так как же не обмолвиться,

как же не проронить ее высокого имени, раз мысль непрестанно возвращается к ней?

Екатерина с ласковым вниманием слушала Потемкина. Видно было, что эти льстивые, рассчитанные фразы находили прямой путь к ее сердцу, уже подготовленному к восхищению красивым, умным, храбрым офицером.

— До свидания,— сказала она, вставая с места,— я подумаю на досуге, чем мне вознаградить храброго героя турецкой войны и как усладить его жизнь в мирное время!

Екатерина ласково кивнула Потемкину и, обратившись к графине, сделала едва уловимый знак рукой. Затем она исчезла так же неслышно и таинственно, как появилась.

— Последний жест ее величества решил все,— тихо сказала графиня, когда они остались одни.

— Как? — воскликнул Потемкин.— Значит, моя судьба решена? Ура! — и он принялся хлопать в ладоши, словно маленький мальчик.

— Теперь мы должны следовать программе, раз навсегда установленной ее величеством для подобных случаев,— продолжала Брюсочка, принимая гордый вид важного должностного лица.

— Программа? При чем здесь программа? К черту программу! — крикнул Потемкин, делая нетерпеливую гримасу.

— Прошу вас, генерал, видеть в данный момент во мне должностное лицо, которое не может допустить, чтобы к программе ее величества относились без должного уважения!

— Да что я должен делать-то?

— Прежде всего установленная ее величеством программа требует, чтобы вы предложили мне руку и проводили меня в мой будуар...

— Ну, а потом?

— А потом видно будет. Если обстоятельства сложатся для вас благоприятно, то вы должны будете вместе со мной отправиться во дворец.

Не говоря более ни слова, Потемкин поспешил к графине, схватил ее за талию, поднял на воздух и словно ребенка вынес из столовой. Через час он уже садился с графиней Брюс в карету, которая быстро помчалась ко дворцу.

К последнему они подъехали не с главного входа, а с маленького бокового подъезда. Там они поднялись по узенькой мраморной лестнице в первый этаж дворца и направились по молчаливому, тихому, напоенному ароматами курений коридору.

Так дошли они до небольшого салона, в котором царил приятный полусвет. В первый момент Потемкин не мог ничего разглядеть, но затем мало-помалу заметил, что обстановку этой комнаты составляла очень причудливая мягкая мебель, — креслица, турецкие диванчики, кушетки, — тонувшая в массе зелени и цветов. Полуотворенная узенькая дверь позволяла видеть смутные очертания винтовой лестницы.

— Мы прибыли на место, генерал! — тихо шепнула ему графиня.

— Да ведь это комната фаворитов! — пробормотал Потемкин. — А там, не правда ли, виднеется лестница, которая ведет в комнату ее величества? Ну, а скажите, графиня, дальше-то как же? Ждать мне чего-либо или так, просто...

В ответ графиня молчаливо показала на дверь, глубоко поклонилась Потемкину и скрылась. Потемкин остался один.

В первый момент он хотел броситься прямо к лестнице, но вдруг у него с такой силой забилося сердце, что он чуть не упал. Он, тяжело дыша, опустился в кресло и задумчиво смотрел на лестницу. Он хотел сначала собраться с силами, привыкнуть к мысли о неожиданно блеснувшем счастье, а уж потом действовать.

Мало-помалу его глаза привыкли к этой полутьме, и очертания мебели, комнаты и лестницы явственнее выступили перед ним. Вместе с тем ему начало казаться, будто в самом низу лестницы виднеется очертание какой-то большой, но согнувшейся, притаившейся и старавшейся остаться незамеченной фигуры. Заинтересованный Потемкин подошел ближе и вдруг с изумлением, доходившим до испуга, отскочил назад: перед ним был Орлов.

— Какого черта вы тут делаете? — вскрикнул он.

Орлов встал и выпрямился во весь свой колоссальный рост.

— Ваше появление в этой комнате,— сказал он, подходя к Потемкину и положив ему руку на плечо,— имеет характер официального назначения, друг мой, в чем меня особенно убеждает то, что явились вы сюда под очаровательным конвоем графини Брюс. Но вы видите, что Орлов по-прежнему стоит на своем посту, а потому советую вам очистить это место, принадлежащее мне по праву!

— Полно! — ответил Потемкин, энергично стряхивая с своего плеча руку Орлова.— Ваше сиятельство собираетесь распоряжаться на чужой территории, забывая, что вы уже давно потеряли здесь какое-либо влияние. Вы забрались сюда силой или хитростью, но во всяком случае без ведома державной хозяйки этих комнат. Однако по этой лестнице вам уже больше не подняться — ручаюсь вам!

— Уж не ты ли помешаешь мне? — крикнул Орлов, поднимая руку для удара.

— Берегись, князь! — с мрачной решимостью ответил Потемкин, не отступая ни на шаг и вперея энергичный взор в искаженное бешенством лицо Орлова.— Я не слабее вас и в обиду не дамся. А стоит мне только крикнуть, и сюда вбежит достаточное количество стражи, которая поможет мне скрутить вас по рукам и ногам. И — предупреждаю вас, князь,— скандал, который по вашей милости разыграется в личных покоях ее величества, не получит огласки, потому что будут приняты все меры, чтобы вы исчезли без следа, как исчезали уже многие... Или вы сейчас же уйдете отсюда добровольно, или завтра вам будет предоставлена возможность обратиться с челобитной к самому Господу!

Орлов на минуту задумался. Самые разнородные чувства и страсти боролись в его душе, отражаясь на лице рядом судорожных гримас. Он понял, что его ставка проиграна, что всякая попытка насильственно устранить Потемкина в данный момент приведет только к полному и окончательному крушению его же самого, Орлова.

— Я считаю ниже своего достоинства вступать с вами в соперничество,— презрительно сказал он.— Честь и место! — и с ироническим поклоном он вышел из комнаты.

Потемкин прислушался к шуму его удалявшихся шагов и с торжеством воскликнул:

— Ну, Гриц, теперь все сметено с пути. Так вперед же, вверх, поднимайся!.. Эта маленькая лестница способна завести тебя очень высоко!

XII

По случаю ратификации мирного договора с Турцией императрица устроила в царскосельском дворце пышное празднество, на которое были приглашены также и великий князь Павел с супругой. Обыкновенно довольно запущенное и пустынное царскосельское шоссе теперь сверкало роскошными придворными и аристократическими экипажами, направлявшимися к дворцу, расположенному среди роскошных цветников. Сам по себе дворец производил неприятное впечатление своим мрачным, унылым видом, однако это не мешало Екатерине избрать его своей излюбленной летней резиденцией. Правда, по приказанию Екатерины дворец подновили, расцвелили красками и позолотой, но все это так не вязалось с мрачной архитектурой дворца Анны Иоанновны, что украшения только подчеркивали угрюмость настроения.

Великая княгиня Наталья Алексеевна со скрытым ужасом смотрела на этот дворец, когда она с великим князем подъезжала к главному portalу, где виднелась пестрая толпа нарядных дворцовых слуг, ожидавших прибытия высоких особ. Наталья Алексеевна и сама не могла бы объяснить, в чем причина ее неприятных ощущений. Правда, об этом дворце ходило много мрачных легенд, но подобными легендами были обвиты все русские здания, которые ей приходилось видеть. Однако тут ей казалось, будто кровавые тени незримо прячутся по уголкам, грозятся, жалуются и вот-вот выступят из своих убежищ для активного вмешательства в веселую жизнь праздника. И это ощущение не покидало ее и тогда, когда она поднималась под руку с мужем по нарядной, светлой мраморной лестнице в парадные покои.

Да, невесело жилось молодой царевне в России! Она прибыла туда веселой, жизнерадостной резвухой, подростком, но несколько месяцев превратили ее в исстрадавшуюся женщину. С того самого момента, когда мрачные стены Мраморного дворца дохнули на нее жутким холодом, ее нежная, хрупкая душа испуганно заледенела и уже никогда не могла окончательно оттаять. И это отталкивало от нее симпатии всех упитанных, довольных царедворцев, которым не было дела до внутренних переживаний молодой души, которые искали от жизни только поверхностной остроты ощущений и которым тревога и скрытая печаль взгляда молодой великой княгини только портили аппетит и настроение. Ближайшие чины двора обожали ее за ее доброту, ласковость, чарующий такт обращения. Все, от простой судомойки до ближайшей статс-дамы, называли ее «тихим ангелом», но не все решались открыто проявлять свою симпатию: ведь недружелюбное отношение императрицы к великой княгине не было секретом ровно ни для кого!

Действительно, нелюбовь Екатерины с каждым днем все росла и росла. К первым причинам недовольства — сцене в Мраморном дворце и падению на торжественной аудиенции — прибавилось еще многое другое. Екатерина находила, что честь быть женой ее сына настолько велика, что счастливая избранница должна бы сиять восторгом и торжеством. Между тем великая княгиня была грустна, в ее взоре виднелось страдание, все ее жесты, движения, грустная улыбка — все говорило о смерти ее грез и надежд. Кроме того, императрице уже успели донести, что великая княгиня интересуется правовым положением русского народа и постоянно высказывает недоумение, как это возможно существование подобных порядков, давно отживших в культурной Европе. Вся жизнь Екатерины с момента приезда в Россию до переворота 1762 года, вознесшего ее на русский престол, прошла в бесконечных интригах — сначала против политики императрицы Елизаветы, потом против прав мужа и сына. Естественно, что она применяла к великой княгине свой собственный аршин и считала ее способной к таким же интригам. Императрицу уже давно пугали тем, что Павел Петрович с течением времени может образовать собст-

венную партию и пытаться свергнуть ее с трона. Она утешала себя только сознанием вялости и политической неспособности сына. Но в руках ловкой интриганки и Павел мог стать опасным орудием, а какой крупный козырь в игре «партии цесаревича Павла» мог иметь призыв к восстановлению попираемых прав народа! И вот, учитывая все это, императрица ненавидела великую княгиню не только в силу чисто физической антипатии, но и как опасного политического противника.

Ко всему этому присоединялось также недовольство тем, что женитьба не вызвала в Павле ожидаемой императрицей перемены. Она думала, что Павел станет веселее, об руку с молодой женой погрузится в вихрь удовольствий и развлечений, ну, а кто занят танцами да маскарадами, тому некогда ковать политическую интригу. Однако Павел Петрович только в самое первое время после свадьбы был доволен, весел и даже послушен ее желаниям — качество, которым великий князь обыкновенно похвалиться не мог, — а затем опять все пошло не только по-старому, но даже еще хуже: Павел был неизменно мрачен, его взгляд горел внутренним тревожным огнем, выдававшим какую-то снедавшую его душевную боль, по отношению к матери он стал еще более резок, несдержан и дерзок. И все это Екатерина приписывала влиянию невестки.

Пред обедом согласно церемониалу должен был иметь место торжественный прием императрицей высших чинов государства. Этот прием происходил в так называемом «Янтарном зале». Стены этой комнаты были сплошь выложены янтарем; этот ценный подарок был сделан прусским королем Фридрихом Вильгельмом I императрице Анне Иоанновне.

Екатерина стояла в этом зале под балдахином у трона, окруженного блестящей толпой царедворцев. Появление великокняжеской четы не вызвало перерыва торжественной церемонии, так что можно было даже подумать, будто никто и не заметил, как Павел с супругой вошел в круг стоявших у трона чинов. Только императрица вдруг запнулась на полуслове и гневно сверкнула взглядом в сторону великой княгини. Странное дело! Глаза этой женщины-ребенка неизменно оказывали на императрицу таинственно-неприятное действие. В присутствии великой княгини Екатерина начала чувствовать себя «не

по себе», ей было трудно дышать, тяжело говорить, мысли ее путались.

Но это замешательство было делом какой-нибудь ничтожной секунды. Императрица овладела собой и спокойно продолжала свое обращение к окружавшим ее придворным.

Это обращение касалось генерала Потемкина, стоявшего в непосредственной близости от трона и сиявшего счастьем и торжеством. Императрица объявила, что успешность ведения войны в значительной степени зависела от проявленной генералом Потемкиным рассудительности и храбрости, а призванный потом для совещаний по вопросу о заключении мира этот генерал выказал недюжинные государственные способности, которыми делу заключения мира было дано быстрое и для интересов российской короны донельзя успешное движение. Ввиду всего этого Потемкин был назначен личным адъютантом государыни, а за военную доблесть награжден золотой шнагой, усеянной крупными бриллиантами.

Внимательный наблюдатель, которому пришло бы в голову следить за выражением лица Потемкина, сумел бы уловить у него, кроме радости и торжества, также проблески худо скрываемой иронии. Потемкин был слишком умен, чтобы считать за чистую монету все сказанное в восхваление его доблестей. Он знал, что таких генералов, которые проявили храбрость в турецкой войне, было много десятков, что мирные переговоры велись по инструкциям и под непосредственным контролем самой императрицы. Если же и была им, Потемкиным, проявлена выдающаяся доблесть, то не на полях сражения и не в залах совещания, а при совсем особых, высокоинтимных обстоятельствах. Но разве не всегда так бывает на свете? Разве награждается тот, кто оказал действительную пользу, а не тот, который тем или иным путем сумел понравиться? Да и не все ли равно — и ум, и способности, и красота одинаково не приобретаются, а получаются от природы в виде готового дара. От самого человека зависит умение использовать наивыгоднейшим образом свои природные данные, и разве не одно сплошное удовольствие смотреть, как при словах императрицы искажаются злобой и бешеной завистью лица всех этих придворных гробокопателей, которые хотят строить свою карьеру только на основании

прав рождения, на фундаменте заслуг предков? Пусть злятся, пусть бесятся! Пусть они способнее, умнее, талантливее его, Потемкина, а все-таки им придется склониться пред ним, признать в нем своего господина и хозяина!

Потемкиным овладела почти непреодолимая потребность расхохотаться прямо в лицо всем этим графчикам и князьям, но он понимал, что еще не пришел тот момент, когда его самый неприличный поступок будет раболепно приниматься в качестве неопровержимого доказательства гениальной оригинальности, талантливого чудачества. А все-таки как неудержимо хотелось ему смеяться!

Стараясь справиться с одолевавшим его смехом, Потемкин невольно корчил гримасы. Это заразило великого князя, наблюдавшего за нововосходящим светилом. С самого детства у Павла наблюдались склонности к эпилепсии, и в особенности он бывал чувствителен и восприимчив к искажениям чужого лица: великий князь не мог не подражать игре мускулов наблюдаемого субъекта. Так и теперь: лицо великого князя с карикатурной преувеличенностью отражало мимическую игру лица Потемкина. Это было замечено придворными, и некоторые из них, в особенности молоденькие фрейлины, уже начинали фыркать от смеха. Неизвестно, чем бы кончилось это и до чего дошел бы скандал, если бы Потемкин вдруг не задумался и не застыл в мечтательном выражении лица. Такая перемена благотельно подействовала на настроение великого князя, он тоже перестал гримасничать, и инцидент был исчерпан.

Тем временем императрица кончила восхвалять выдающиеся заслуги Потемкина и двинулась вперед. Круг придворных раболепно расступился пред ней. Екатерина остановилась и принялась обводить присутствующих возбужденным, пламенным взором. Она остановила его на великокняжеской чете, как бы желая, но не решаясь заговорить с нею.

Прошла минута томительной паузы. Наконец движением руки императрица подозвала к себе Павла Петровича и Наталью Алексеевну, и те сейчас же подошли ближе к ней.

— Я еще не приняла пожеланий счастья от ваших высочеств,— сказала она с натянутой любезностью,— а сегодня такой день, когда мне хотелось бы, чтобы все вокруг меня разделя-

ли мое счастливое настроение. Ну, ваше высочество,— обратилась она к Павлу,— что скажете вы по поводу Кайнарджийского мира, заключенного мною в полной уверенности тех преимуществ, которые вытекут для России из этого соглашения. Это — очень крупный шаг вперед; он еще более увеличивает значение нашей страны в кругу европейских и азиатских держав!

В ответ Павел молчаливо поклонился. Его поза говорила о раболепном преклонении пред мудростью великой государыни-матери, но вокруг рта играла та ироническая улыбка, которой так боялась, которую так ненавидела в сыне Екатерина. Великая княгиня тоже ни слова не прибавила к полному достоинства молчаливому поклону в ответ на слова ее величества.

— Вообще,— с худо скрытым раздражением прибавила Екатерина,— я буду искренне обязана, если меня избавят сегодня от хмурых, полных страдания гримас. Как-то не вяжется такое выражение лиц с общегосударственным торжеством и моим исключительно счастливым настроением!

Эти слова, брошенные по адресу великой княгини, произвели на последнюю действие удара кнута. Наталья Алексеевна вздрогнула, побледнела, покраснела и затем кинула на императрицу взгляд, полный немого, страдальческого укора.

— А знаешь ли, Павел, почему я сегодня так особенно довольна? — продолжала Екатерина, по-прежнему совершенно игнорируя великую княгиню.— Потому что сила мятежного Пугачева наконец-то сломлена и не сегодня завтра его, связанного по рукам и по ногам, привезут на суд. Да, много бед наделал нам этот казак! Конечно, надо было обладать всем невежеством, глупостью и развращенностью, составляющими отличие подлой черни, чтобы попасться на удочку этого мятежника!

Что-то дрогнуло в лице великой княгини при этих жестоких, полных наивного самодовольства словах императрицы. И, не обдумывая своего вопроса, не считаясь с его уместностью, она сказала своим звонким, мелодичным голосом:

— Правда ли, что этот казак действительно был очень похож на покойного императора Петра Третьего? Мне кажется, что в нем все-таки было что-то особенное, раз весь юго-восток восстал, чтобы помочь самозванцу вернуть мнимоутраченный престол...

Дорого дала бы Наталья Алексеевна, чтобы вернуть эти тихо сказанные слова, которые отразились на настроении присутствующих подобно удару грома. Она не хотела ни на что намекать; ей просто хотелось воззвать к хорошей части души императрицы, указать, что народ, довольный настоящим правлением, не встал бы на сторону первого попавшегося мужика. Но как императрица, так и все присутствующие усмотрели в этих словах вызов, намек на то, что престол принадлежит не Екатерине, а ее сыну, что до тех пор, пока она будет незаконно владеть им, подобные бунты не преминут повториться.

Лицо Екатерины потемнело от гнева и исказилось судорогой. Все ждали, что императрица, страшная в припадках раздражения, обрушится на неосторожную молодую женщину. Но в этот момент Потемкин, стоявший рядом с императрицей, нагнулся к ее уху и шепнул что-то, от чего лицо Екатерины прояснилось и разгладилось.

— Ты прав, Григорий, — шепотом ответила она, — на глупость сердиться не приходится. Григорий Александрович! — вслух продолжала она. — Будьте любезны ответить ее высочеству на ее более чем странный вопрос!

— Ваше высочество изволили спросить, не потому ли народ пошел за Пугачевым, что дерзкий казак был похож лицом на в бозе почившего императора Петра Третьего, — сказал Потемкин. — Затем ваше высочество изволили высказать предположение, что мятежник был отмечен перстом судьбы, так как без этого не сумел бы повести за собой народные толпы. Отвечу сначала на первый вопрос. В бозе почивший император царствовал слишком короткое время, и его царствование не было отмечено никаким клонящимся к народной пользе деянием, которое могло бы снискать ему народную память и любовь. Наоборот, когда его величество соизволил повелеть синоду, чтобы православные священники обрились и одевались в подобное лютеранским пасторам одеяние¹, то в народе поднялись волнения, вызвавшие опасения за целостность династии. Принимая все это во внимание, можно считать достоверным, что на-

¹ Исторический факт.

род, не зная лица почившего императора, не мог верить в самозванца, а, памятуя о попытках почившего нанести удар чтимой вере православной, не мог и желать восстановления его царствования, особенно теперь, когда всяк и каждый вкушает плоды мудрого управления нашей обожаемой монархини. Но мудрое правление ее величества включает в себя все то, что входит в понятие этого слова, то есть порядок, законность и твердость, что так ненавистно живущему неправдой сброду. И не народ, а вот этот-то сброд и пошел вслед за мятежным казаком: орда разбойников увидала в разбойнике своего главу. Что касается особой печати судьбы, то осмелюсь уверить ваше высочество, что мятежник действовал хитростью, обещая своим приверженцам невозможное. Не выдающимися дарованиями, а обещаниями злобуйственной, вредной свободы, освобождения исконных рабов от власти господ, нарушения твердых основ государственности увлек за собой Пугачев прочих мятежников. И скажу еще — да простится мне эта смелость! — суждение, какое всем нам пришлось услышать от вашего высочества, возможно только в устах иностранца, так как каждый верноподданный ее величества почел бы такое суждение государственной изменой!

Последние слова Потемкин произнес твердо, подчеркнуто, с особым ударением. Придворные опасливо переглянулись между собой — совсем через край перехватил блестящий фаворит! Как ни не любит государыня своей невестки, а за подобные слова она, пожалуй, тоже по шерстке не погладит!

Но вопреки всеобщему ожиданию Екатерина милостиво кивнула Потемкину головой и даже зааплодировала.

— Браво, браво! — сказала она. — Так должен мыслить и говорить каждый истинный русский и верноподданный! — и, сказав это, она презрительно отвернулась от великой княгини.

Наталья Алексеевна была теперь окончательно перепугана и потрясена. Она робко оглянулась вокруг, но при ее взгляде все придворные немедленно силились изобразить негодование. В виде последнего прибежища она с робкой мольбой взглянула на великого князя, но тот ответил ей гневным, возмущенным взглядом. Все закружилось пред взором молодой женщины, она схватилась рукой за сердце и чуть не упала. Да она и действи-

тельно упала бы, если бы ее не поддержала чья-то заботливая рука, в то время как знакомый милый голос шепнул:

— Ваше высочество, оправьтесь, овладейте собою, не доставляйте всем им такого торжества!

Наталья Алексеевна слабо улыбнулась и еле заметным кивком головы поблагодарила поддерживавшего ее Разумовского.

Тем временем императрица, милостиво разговаривая с окружившими ее лицами, медленно направилась к выходу. Все устремились вслед за ней. Великая княгиня осталась одна.

Еще больнее, еще острее ощутила она те смутные предчувствия, которые томили ее с самого приезда в Петербург. Отдаваясь своей тихой меланхолии, Наталья Алексеевна подошла к окну и стала смотреть на ветвистые деревья парка; и ее с неудержимой силой потянуло вдруг из этой душной, пропитанной интригами и лестью атмосферы на свежее лоно чистой природы.

Повинуясь этой жажде природы, Наталья Алексеевна скользнула через полуоткрытую дверь в галерею, уставленную мраморными бюстами и полуокружиem обнимавшую дворец. Окна галереи были закрыты. Великая княгиня распахнула одно из них, оперлась обоими локтями на подоконник и стала жадно впитывать в себя летний воздух.

Осторожный шум, послышавшийся сзади нее, вывел ее из мечтательной задумчивости. Наталья Алексеевна обернулась и увидела пред собой Разумовского.

— Разве меня уже хватились в зале? — с испугом спросила его великая княгиня.

— Это был очень неосторожный шаг со стороны вашего высочества, — с ласковым упреком ответил Разумовский. — Боже мой! Уйти в то время, когда ее величество изволит беседовать! Какое нарушение этикета! — Разумовский с комическим отчаянием всплеснул руками. — Но вам, ваше высочество, покровительствуют незримые силы: не зная сами, вы избрали для своей прогулки в высшей степени удачную минуту!

Сказав это, он еле заметно кивнул головой в сторону большого стеклянного простенка, через который виднелась внутренность большого зала. Великая княгиня посмотрела туда и увидела, что императрица погружена в оживленный разговор

с графом Паниным, с которым она по большей части говорила только о политике. Панин любил говорить долго и чересчур подробно, а следовательно, он и теперь должен был не так-то скоро кончить говорить. Судя же по тому, что императрица слушала его с большим вниманием и сама подавала оживленные реплики, можно было свободно предположить, что ее величество в данный момент не обращает никакого внимания на все происходящее вокруг нее.

— Они обсуждают там кое-что новенькое,— продолжал Разумовский.— Ее величество делится с кабинет-министром мыслью отправиться со всем двором в Москву, дабы устроить там пышное национальное празднество по поводу заключения мира с турками.

— И нас всех тоже возьмет? — спросила великая княгиня.

— Мне кажется, в этом не может быть никаких сомнений,— ответил Разумовский, низко кланяясь Наталье Алексеевне.— Присутствие вашего высочества придаст больше блеска празднеству, а заодно и мне будет позволено в качестве верной тени вашего высочества последовать туда. Да и что случилось бы со мною в противном случае? Ведь я извелся бы с тоски, если бы хотя на один день меня лишили возможности созерцать светлый облик моей милостивой госпожи!

Граф Разумовский прошептал последние слова с такой страстью, какую трудно было ждать от этого выдержанного, суховатого, неизменно спокойного аристократа.

Наталья Алексеевна густо покраснела и в замешательстве не знала, что сказать.

Прошло несколько секунд томительного молчания.

Чтобы сказать что-нибудь, Наталья Алексеевна снова вернулась к теме, которую незадолго пред тем она так неосторожно затронула.

— А что вы, Андрей Кириллович, думаете о Пугачеве,— спросила она,— и возможно ли, что народ искренне верил, что это настоящий царь Петр? Разве смерть Петра Третьего произошла при таких обстоятельствах, что возможны были сомнения?

Андрей Разумовский побледнел, испуганно оглянулся по сторонам и приложил палец к губам в знак того, что здесь слишком опасно говорить о таких вещах. Но великая княгиня

окинула его таким смелым, таким презрительным к его малодушию взглядом, что Разумовский вздрогнул. Человек вытеснил в нем царедворца; проводя рукой по лбу, он ответил:

— Нигде во всем мире самозванство не пользовалось таким успехом, как у нас, в России. Но никогда еще самозванцы не пользовались именами умерших царей или князей, а всегда именами погибших. Петр Третий ничего не сделал для народа, ничем не заслужил ни любви, ни памяти. Но у русского народа страшно развито чувство справедливости, и ныне царствующей государыне, несмотря на массу пользы, которую ее величество принесла стране, народные массы не могут простить свержение супруга с престола. Конечно, тут имеются налицо и другие условия, благоприятствовавшие распространению легенды о воскрешении царя Петра. Пугачев сумел привлечь толпы такими обещаниями, над которыми стоит задуматься. Ведь этот полуграмотный казак в своих манифестах объявил восстановление равенства, уничтожение крепостного права с распределением среди трудящихся землепашцев крупных поместий, находящихся в дворянском владении. Словом, этот безграмотный казак сам собой дошел до признания тех истин, которые во Франции явились следствием работы ряда выдающихся умов. У нас любят представлять Пугачева каким-то заурядным разбойничьим атаманом. Однако этот разбойник разбивал целые армии, которыми предводительствовали выдающиеся полководцы!

— Но об этом и говорить нечего: что бы ни говорили, я никогда не перестану верить, что Пугачев — человек крупный, недюжинный. Родись он дворянином, из него вышел бы большой полководец или государственный деятель... А скажите мне теперь, что представлял собою покойный Петр Третий?

— Я любил его, княгиня, несмотря на все его недостатки! Это был очень добрый, но слабый, крайне несчастный человек. Правда, он мало подходил для управления такой большой страной, как моя родина, но кто же имеет право судить об этом? Смеялись над его ребячливым поклонением Фридриху Великому; но ведь Старый Фриц — большой государь, а Пруссия — очень мощное государство. Россия, страшно истощенная лег-

комысленным правлением императрицы Елизаветы, нуждалась прежде всего в твердом мире, чтобы можно было заняться внутренними реформами, и тесный союз с Пруссией мог дать ей эту возможность. Вообще русская пословица говорит, что «сердце цареве в руках Бога». Многие, что теперь высмеивается в мероприятиях Петра, могло привести к очень хорошим результатам: покойный бессознательно желал добра. Но его главным недостатком было то, что Екатерине Алексеевне хотелось неограниченной власти. За этот недостаток Петр Третий заплатил жизнью!

— Вам известны подробности о его кончине? Скажите, действительно ли его смерть была делом приказания императрицы?

— Не могу вам с уверенностью ответить на последний вопрос. Мне кажется, что клеветы императрицы просто перестарались, потому что сам Петр не был опасен в тех условиях, в которых ему определили жить. Скажу одно: когда Петр Третий умер, то весь сенат в полном составе обратился к императрице с просьбой не присутствовать на похоронах...

— Но он был действительно лишен жизни?

— О да! А знаете ли, ваше высочество, ведь все стоящие здесь бюсты увековечивают лиц, принимавших участие в удалении бедного, милого Петра Третьего с престола! Вот там бюст Григория Орлова. Посмотрите на его наглое, дерзкое лицо; он словно хвастается совершенным, словно...

Разумовский вдруг остановился и смертельно побледнел, уставившись взором на одну из колонн. Наталья Алексеевна последовала своим взглядом за ним, и с ее уст сорвался испуганный крик: за колонной стоял притаившись великий князь, от слова до слова подслушавший их разговор. Павел только было собрался выйти из своего тайника, когда разговаривавшие заметили его.

Великий князь был бледен и крайне взволнован. Голова у него тряслась, ноги слегка подгибались, когда он вышел из-за колонны.

Кое-как справившись со своим смущением, Наталья Алексеевна поспешила подойти к супругу с ласковым приветствием, протягивая ему руку. Но Павел сделал вид, будто не замечает протянутой ему руки: его мрачно сверкавшие глаза пытливо

установились на Разумовского, стоявшего в стороне в почтительной позе.

Павел Петрович подошел к нему ближе и ласково кивнул ему головой, а затем, протянув ему руку, сказал, сопровождая свои слова судорожным рукопожатием:

— Спасибо, спасибо!.. Вы любили моего отца... Спасибо!..

Разумовский вспыхнул от удовольствия: в последнее время великий князь относился к нему с худо скрытой враждебностью и вечно старался найти какие-либо упущения по службе. Тем приятнее было Разумовскому встретить такую неожиданную ласку.

Но все это объяснялось очень просто. И без того склонный к мнительности и болезненной подозрительности Павел Петрович, под влиянием ловко вставленных замечаний и намеков Кутайсова, стал присматриваться к отношениям своей супруги и Разумовского, и ему пришлось вскоре убедиться, что их тон чересчур интимен, чересчур дружествен. Мало того, они вечно искали случая и возможности остаться наедине, и эту возможность использовали для горячего разговора.

О чем говорили они? Что заставляло так ярко окрашиваться бледные щеки великой княгини? Что вызывало влажный блеск взгляда обычно спокойного Разумовского?

Великий князь боялся даже сам себе ответить на эти вопросы. Но его сердце болезненно сжималось. И вот, заметив, что великая княгиня и теперь не утерпела, чтобы не свидеться с Разумовским в этой галерее, великий князь пробрался туда другой дверью, осторожно подкрался к ним и из-за колонны слышал, как великая княгиня спросила: «Скажите мне теперь, Андрей Кириллович, что представлял собою покойный Петр Третий?»

Павел Петрович, почти не помнивший отца, свято чтил его память. Нелюбимый Екатериной, вечно теснимый не только матерью, но и ее друзьями сердца, он возвел обожание отца в какой-то культ, и его бесконечно мучило то обстоятельство, что, с кем ни пытался он откровенно поговорить об отце, каждый только мялся и, видимо, не находил сказать о покойном хоть что-нибудь хорошее. И потому его растрогала теперь

та теплота, с которой Разумовский говорил о его отце, то негодование, с которым он указывал на бюсты людей, погубивших его!

В этот момент дверь на галерею с шумом распахнулась и к великой княгине подбежала графиня Браницкая, статс-дама императрицы.

— Бога ради, разве это возможно, ваше императорское высочество? — воскликнула она, задыхаясь от быстрых движений. — Государыня императрица уже давно заметила ваше отсутствие и еще во время разговора с Паниным метала молнии по всем сторонам, разыскивая взглядом ваше высочество. Ее величество не переносит, чтобы на парадных приемах кто-нибудь из лиц свиты уходил, так как это лишает круг ее величества особого блеска. Теперь императрица кончила разговор с Паниным, и я заклинаю ваше высочество, не медля ни минуты, поспешить вместе с вашим супругом в зал!

Наталья Алексеевна сильно перепугалась: отношения с императрицей и без того все ухудшались. Она взглядом поблагодарила Браницкую и с робким ожиданием повернулась к великому князю.

Графиня Браницкая полюбила великую княгиню с того самого дня, когда та упала на торжественном приеме у подножия трона. Свою любовь Браницкая проявляла очень реально и всеми силами старалась сгладить все шероховатости отношений императрицы и великой княгини и по возможности облегчить жизнь последней. Браницкой до известной степени удавалось это, и не только потому, что Екатерина любила ее, а также в силу особой, свойственной только Браницкой, грациозной дерзости: графиня решалась иногда на такие выходки пред императрицей, которые не сошли бы с рук никому другому. Но она проделывала все с такой обольстительной, с такой чарующей улыбкой, с такими мягкими, кошачьими ужимками, что на нее не сердились.

Так и теперь она проявляла довольно смелую энергию, которую едва ли мог позволить себе кто-нибудь другой, кроме нее. Заметив, что великий князь, погруженный в мрачную задумчивость, продолжает не замечать своей супруги, она подо-

шла к нему, схватила за руку, вложила в его руку руку великой княгини и сказала:

— Вот так! А теперь торопитесь, ваши высочества!

Великий князь улыбнулся Браницкой и повел супругу в зал. При входе Наталья Алексеевна прямо встретилась с гневным взглядом императрицы. Сколько мрачной угрозы было в этом взоре!

Церемониал занимания мест за обеденным столом, совершавшийся по строгому, заранее обдуманному и утвержденному императрицей плану, облегчил томительное, неприятное положение обеих женщин. Вскоре в шумных восторгах и льстивых заискиваниях придворных, в ребячливых выходках Потемкина императрица на время забыла обо всем, до своей ненависти к великой княгине включительно...

XIII

Прошло много времени, а императрица все еще не приступила к выполнению задуманного ею плана грандиозного национального праздника. На совещаниях у императрицы, посвященных обсуждению этого плана, почти все министры придумывали каждый раз все новые и новые затруднения, так как их пугала колоссальная стоимость устройства празднества, особенно теперь, когда турецкая война, пугачевщина и чумное бедствие сильно опустошили казну. Но Потемкин, которому был прямой расчет поддержать императрицу в ее капризе, всецело присоединился к ее плану, и мнение этого случайно всплывшего на придворную поверхность политического пузыря взяло верх над основательными возражениями разумных, посевших в управлении страной министров.

Екатерина поручила Потемкину главное руководство устройством празднества, и Потемкин с кипучей энергией отдался этому делу: ленивый и беспечный, он понимал, что блестящее выполнение императорского каприза сделает для его карьеры больше, чем десять мудрых государственно-полезных проектов, а потому отбросил свою хохлацкую лень.

Но его энергии пришлось выдержать тяжелое испытание. Императрица, чувствовавшая нестерпимый зуд творчества, хотела сначала написать пьесу, в которой предполагалось выразить все великие планы, все надежды на окончательный разгром турок и восстановление Византии. Она посвящала этому труду все свободное время, и Потемкин должен был прослушивать отдельные сцены и подавать суждение по поводу разных, предлагаемых царственной поэтессой вариантов.

А там явилась и новая задержка.

В Москве был казнен Емельян Пугачев, собственно даже и не казнен, а растерзан, разорван на части. Правительство хотело устрашить таким наказанием народные массы, вселить в них ужас пред мыслью о бунте, но результат чрезмерной ретивости палачей оказался совсем неожиданным: народ увидал в Пугачеве мученика за народное благо и даже за веру.

Пугачев был раскольник, а раскол издавна свил себе в Москве прочное гнездо. И вот раскольники принялись мутить народные массы, восстаивать их против «еретички» и «слуги антихристовой». Императрице дали знать, что теперь ее приезд в Москву небезопасен. Приходилось откладывать и ждать.

Наконец наступило некоторое успокоение умов, и день выезда был назначен. В ясное, морозное утро пышный поезд отправился по московскому шоссе. В одной из карет ехала императрица с Потемкиным, две кареты были отведены под образа, которые предполагалось раздавать по всем встреченным на пути церквам. Самый большой образ предназначался для Москвы.

Исполнение давнишнего желания, чудное солнечное утро, присутствие Потемкина — все радовало императрицу, и она уже давно не была в таком хорошем расположении духа. Тем более ее сердило, что Потемкин был мрачен и задумчив.

— Послушай, Григорий! — не выдержала она наконец. — Что ты мне назло, что ли, портишь кислой рожей все удовольствие?

Потемкин вздрогнул, словно проснувшись от глубокого сна. Заметив, что императрица серьезно готова рассердиться, он строил самое умильное выражение на лице и вкрадчиво сказал, взяв ее за руку:

— Не сердись, Катюша, только не сердись! Ты спроси сначала, почему я задумчив!

Императрица не могла сердиться, и самое мрачное настроение сменялось у нее веселой улыбкой, когда Потемкин вкрадчивым тоном провинившегося ребенка называл ее Катюшей или Катенькой. Так и теперь она сразу расцвела и, погладив его по щеке, сказала:

— Ох, уж ты мне, баловень! Ну, выкладывай душу!

— Дорогая царица моя! Ты не думай, что если Потемкин вечно смеется да радуется, так он уж и Бога, и совесть забыл! И вот задумался я: да ладно ли, что мы едем спереди, а иконы сзади нас тащатся? Хоть ты и великая государыня, а Бог-то равно и над великими, и над малыми! Вот и запало мне в душу сомнение: как бы не прогневался Он и не навлек на наши головы беды!

Императрица с ласковой иронией посмотрела на фаворита и ответила:

— И суеверен же ты, Григорий! Даже не понимаю, как может быть человек столь и мал, и велик, как ты! Нет, Григорий, мы отдадим должное церквам и святым, но не забудем и того, что в России царь держит в своей руке и государство, и церковь. Мой старый друг Вольтер еще недавно написал мне: «По отношению к церкви государство не может быть безразличным. Если государство не возьмет церкви в свои руки, то церковь сейчас же приберет к рукам и государство, и государя». Он прав, Григорий! И великий Петр своим гениальным умом понял, какой опасностью грозит самодержавию независимость церкви. Когда я иду молиться, как женщина, я смиреннее смиренной — я иду к Богу не как государыня, а как самая простая грешница. Но в официальных случаях я — прежде всего царица! Не беспокойся, Григорий!

— Да, но кареты с иконами едут как раз перед каретой великокняжеской четы! А разве не оскорбительна для русских святынь близость к чете, в которой муж, как воспитанник атеиста Панина, не имеет никакого благоговения к предметам православного почитания, а жена как была, так и осталась лютеранкой, потому что внешний переход в православие не коснулся этого наклонного к мятежной философии ума?

Императрица нахмурилась и с мягким упреком ответила:

— Зачем ты говоришь мне все это сегодня? Я сама много думаю об опасном направлении ума великой княгини, это мое самое больное место, и я рассчитывала в самом скором времени серьезно посоветоваться с тобой на этот счет. Но не сегодня — сегодня все так светло, так ясно, так радостно...

— Говорят, будто великая княгиня с большой неохотой подчинилась приказанию вашего величества принять участие в этой поездке?

— Ну, разумеется! Как же могло быть иначе? Надо же ей хоть в чем-нибудь проявить свое упрямство! Правда, на этот раз она постаралась замаскировать свою строптивость веским доводом: опираясь на мнение врача, великая княгиня сочла небезопасным для своего состояния отправиться в эту поездку! Но мне до всего этого нет никакого дела. Так нужно, и так будет! Я желаю, чтобы на этом национальном торжестве в Москве присутствовала вся императорская фамилия. Это входило в программу, и не из-за беременности же нарушить всю программу!

— Ну что же, — воскликнул Потемкин, так и покотившись со смеха, — если великая княгиня захочет быть послушной воле вашего величества, так она поспешит разрешиться в Москве от бремени, чтобы на празднестве присутствовала уже вся семья, без исключения! Воображаю, какой истинно русский наследник будет тогда у русского трона! Ведь это не шутка — родиться в Москве: сорок сороков церквей, кислые щи и прочие отличия истинно русского духа сразу впитаются в душу царственного младенца!

Императрица строго посмотрела на Потемкина и, недовольно покачав головой, промолвила:

— Ты рано говоришь о престолонаследии, Григорий! Я отнюдь не думаю поступиться своим правом самой выбрать себе наследника. Конечно, я хотела бы передать корону родной мне крови, но интересы страны я ставлю выше родственных чувств. Во всяком случае, я еще далеко не уверена, что как мой сын Павел, так и дети от его брака с несимпатичной мне особой достойны взять на себя тяжелую ответственность по управлению такой страной, как Россия. Это ведь не Гессен-Дармштадт! Нет,

Григорий, я еще поговорю с тобой и об этом вопросе тоже — у меня другие планы, и едва ли у великого князя много шансов на русскую корону!

Она задумалась, задумался и Потемкин, который даже слегка побледнел от волнения.

Слова императрицы придали жизнь его скрытым, затаенным мечтам. Притворяясь наивным и непосредственным, ласкаясь к царственному другу, словно милый, шаловливый ребенок, Потемкин ни на минуту не забывал того, что поставил целью своей жизни, чего добивался еще его предшественник Орлов. Этой целью, этой затаенной мечтой была женитьба на Екатерине.

Что же, разве таких примеров не бывало? Ведь вышла же замуж императрица Елизавета за Разумовского, человека совсем низкого происхождения! Правда, тот брак был тайным и никаких новых выгод Разумовскому не принес. Но то был иной век, то были иные обстоятельства!

Еще четверть века тому назад самодержавная воля монарха не имела такого реального облика, как теперь. Елизавете приходилось во многом поступаться из боязни дворянского мятежа. Да и не умела покойница как следует входить в государственную заботу — ее пугала серьезность работы, да и не было достаточных знаний, чтобы лично руководить ходом государственной машины.

Не то императрица Екатерина II! Государыня сама во все входит, в ее руках сосредоточиваются все нити управления, ничто не обходится без ее собственного суждения и желания. И она сумеет твердой рукой согнуть головы всем тем, кто дерзнет восстать против ее желания; ее не запугаешь призраками осложнений! И если она захочет официально выйти замуж за кого-либо, то пред счастливым все преклонятся!

Но захочет ли она?

Потемкин впился в лицо императрицы пытливым взглядом, как бы желая прочесть там ответ на мучивший его вопрос. Она заметила этот взгляд, улыбнулась ему, обхватила рукой и прижала его голову к своему сердцу.

Словно в экстазе любви, Потемкин тихо вскрикнул и упал на пол кареты к ногам своей царственной подруги.

Среди многих таких разговоров промелькнули дни утомительного путешествия, и наконец вдали показались золотые купола, колокольни и кресты Белокаменной. Подъезжая к заставе, императрица вдруг потеряла все то оживление, которое поддерживалось у нее в пути. Она стала серьезной, тревожной, словно к чему-то готовясь, словно чего-то ожидая.

В таком состоянии подъехала она к Триумфальным воротам, выстроенным для ее въезда ценою довольно больших затрат. Около ворот столпились громадные народные массы; представители городской власти, духовенство, дворянство, купечество выстроились около блестящими корпорациями. Императрица приготовилась выслушивать ряд кудрявых приветствий и отвечать на восторженные приветствия народа. В тот момент, когда карета поравнялась с триумфальными воротами, Екатерина высунулась из окна и милостиво кивнула встречавшим. Но ответом ей было немое, мрачное молчание, словно весь народ вдруг лишился языка, словно официальные лица забыли текст приветствий. Даже колокола не звонили... Карета императрицы уже въезжала в ворота, а Москва все еще ничем не выразила своего восторга по поводу приезда монархини.

Вдруг, словно сорвавшись с цепи, затрезвонили колокола. Но их то усиливавшийся, то затихавший звон еще более подчеркивал непонятную молчаливость толпы. Императрица обернулась к Потемкину и с удивлением посмотрела на него, как бы желая спросить, что сей сон значит?

Потемкин, в первый момент закаменевший в немом изумлении, теперь вспыхнул бешеным гневом. Жилы на его лбу натянулись, глаза налились кровью, и он разразился градом таких бешеных проклятий, что Екатерина еле была в состоянии сдержать своего фаворита настолько, чтобы он не обратился с этими ругательствами прямо к толпе.

Наконец гнев Потемкина излился пламенной речью.

— Так вот как? — неистовствовал он. — Для того им понизили налоги, чтобы они с враждебными лицами смотрели, как высокая государыня снисходит до приветствий их? Нет, на бла-

годарность этого мятежного сброда рассчитывать нечего. Если облегчаешь им тяготы, так они начинают воображать, будто их боятся, заигрывают с ними. Чернь сейчас же превращается в тирана, если видит заботы о себе. Кнутами всю эту сволочь!.. Но стой, что это за шум?

Императрица прислушалась, затем, улыбаясь, сказала:

— Ну, конечно, я так и думала! Просто народ был ослеплен блеском нашего появления и от избытка восторга его уста онемели. Только теперь они опомнились и провожают нас криками восторга! Нет, Григорий, русский народ добр, благодарен и предан!

Потемкин высунулся из окна и оглянулся.

— Прости, царица,— сказал он,— но ты ошибаешься! Не к нашей карете относятся все эти восторженные клики, а к каретам, следующим за нами. Без сомнения, народ заметил во второй карете образ Богоматери, и к Ней-то относятся все эти восторги. Говорил я, что нам нужно пустить карету с иконой впереди! Тогда авось и царице перепали бы крохи того восторга, которым народ приветствует священную икону!

Императрица высунулась из окна, оглянулась, присмотрелась. Вдруг она резко отдернула голову, и ее лицо отразило гнев и высшее раздражение.

— Ты ошибаешься, Григорий,— холодно бросила она ему сквозь зубы.— Восторженные приветствия относились не к нам, но и не к иконе. Разве ты не видишь, как народ протискивается к карете великого князя?¹ Разве ты не слышишь имен великого князя и великой княгини в этом отвратительном реве? Народ молчанием встретил свою государыню и спешит приветствовать этих... интриганов... Но ты прав в другом: народ зол, подл и неблагодарен. Хорошо же, я это попомню!

— Вы правы, ваше величество,— сказал Потемкин, снова прислушиваясь.— Народ провозглашает здравицу великому князю и «матушке Наталье Алексеевне». Гм... Это многозначительно! Я достаточно долго прожил в Москве и немножко знаю местных горожан. Все это — предатели и мятежники; мо-

¹ См. об этом у Кастера, т. II, с. 145.

сковское дворянство мутит их против трона, а попы благословляют на злобуйство!

— Вот именно поэтому-то я и приехала в Москву,— промолвила императрица, справившись с вспышкой гнева и вновь отдаваясь холодному самообладанию.— Мы задумали для блага страны великие реформы, но недаром меня уверяли, что петербургское население еще не Россия, что истинное отражение русского духа и настроения можно встретить только в Москве. Поэтому на свое пребывание в Москве мы смотрим, как на средство проверить, созрела ли страна и заслуживает ли народ тех реформ, которые задуманы нами для его блага. Мы возлагаем в этом отношении большую надежду на вас, Григорий Александрович. Смотрите, наблюдайте, исследуйте почву, и потом мы с вами посоветуемся относительно дальнейшей внутренней политики. Равно желаем мы, чтобы вы по зрелом размышлении доложили нам, как, по вашему мнению, надлежит нам относиться в будущем к их высочествам и какие меры надлежит нам принять для ограждения спокойствия государства.

В великокняжеской карете въезд в Москву тоже вызвал немалое волнение. Вместе с их высочествами ехал также Андрей Разумовский, сидевший на скамеечке против них.

Это место Разумовский занял по ходатайству и просьбе великого князя. Со времени описанной в главе XII сцены, когда Павел подслушал разговор Разумовского с великой княгиней, он, казалось, вернул Андрею Кирилловичу всю прежнюю дружбу и доверие. Правда, не совсем: все-таки на дне души великого князя оставалось какое-то невольное сомнение, таились непреодолимые подозрения. Но он старался заглушить их, старался показать Разумовскому, что любит и ценит его по-прежнему. Однако время от времени у него прорывались кое-какие нотки, в которых сквозил ревнивый гнев, и это действовало удручающе на настроение всех троих.

Благодаря этому их путешествие было не из веселых. Редко-редко обменивались они отдельными словами, а по большей части дорога проходила в угрюмом, неприятном раздумье.

Только въезд в Москву рассеял это тяжелое настроение. Восторженные приветствия народа, касавшиеся только наслед-

ника и его супруги, встряхнули Павла. Его лицо просветлело, судорожно задергалось, глаза загорелись гордостью.

Наталья Алексеевна первая заметила, что карета императрицы проехала среди полного безмолвия народа и с обычной непосредственностью обратила на это обстоятельство внимание своих спутников. Павел Петрович сделал вид, будто не слышал слов супруги, и погрузился в обычную задумчивость. Но тут-то и раздались восторженные приветствия по адресу великокняжеской четы.

Павел Петрович вздрогнул, вытянулся, насторожился. Взгляд великой княгини загорелся радостью и торжеством.

— Ваше высочество! — воскликнул Разумовский, не будучи в силах долее сдерживать овладевшие им мысли. — О, ваше высочество! Если бы вы захотели... вы могли бы хоть сейчас... Народ за вас! Ваше высочество, о, если бы вы захотели!..

Он остановился, встретившись с мрачным взором внезапно побледневшего великого князя.

Помолчав, Павел глухо сказал:

— Кто хочет законности, не должен идти ради этого на беззаконие. Кто хочет править, должен уметь повиноваться. Я не трус, и на поле битвы мой меч сумел бы доказать, что носитель его не отступит и пред храбрейшими. Но в данный момент я считаю самым важным быть тем, чем я должен быть: первым и вернейшим подданным моей матери и государыне. Надо уметь ждать; все придет в свое время!

С этими словами он хмуро откинулся в угол кареты и принялся смотреть в окно, не обращая больше внимания на происходившее как вне кареты, так и внутри ее. И он ни слова не ответил, когда Наталья Алексеевна сказала:

— Простите мне, ваше высочество, но я не могу не сделать еще одного замечания. Я в высшей степени рада и довольна оказанным нам приемом, и не из пустого тщеславия, а вот почему. Мне неоднократно говорили, что в русском народе глубоко заложено сознание необходимости свободы и что это сознание только искусственно подавлено строгими карами, которые щедро сыплются на головы тех смельчаков, которые решаются открыто исповедовать свою веру. Мне говорили также, что

в московском населении особенно ярко сказываются истинно национальные русские черты, что в Москве когда-либо должно будет ко благу народа обновиться русское государство. Вот поэтому-то мне и приятно отметить, что москвичи приветствовали ваше высочество восторженными кликами, тогда как другие лица проехали среди многозначительного молчания.

Павел продолжал пребывать в своей мрачной, молчаливой задумчивости и делал вид, будто не слышал ни слова из сказанного женой. Он даже не повернулся к ней от окна. Разумовский воспользовался этим. Он ласково погладил нежную, белую руку великой княгини и дошел в своей смелости до того, что даже нагнул и поцеловал ее пальчики.

Густой румянец залил лицо Натальи Алексеевны. Смелость Разумовского произвела на нее сильнейшее впечатление: что было бы, господи, если бы Павел Петрович случайно обернулся и заметил эту ласку!

Но Павел ничего не замечал, погруженный в далекие мечты. Казалось, что он спит с открытыми глазами. И действительно, в тот момент, когда карета вдруг остановилась, он имел вид проснувшегося, — так, казалось, его поразила эта остановка.

Он испуганно выглянул в окошко и убедился, что они уже прибыли к цели путешествия: перед ними был московский дворец, где для императрицы, членов ее семьи и ближайших лиц свиты были отведены апартаменты.

Когда великий князь и его супруга вышли из кареты, им пришлось тут же встретиться с императрицей в большом приемном зале, где Екатерина опустилась в первое попавшееся кресло. Дорога очень скверно повлияла на императрицу, она страшно устала, а неожиданная встреча у Триумфальных ворот dokonчила остальное.

Когда Павел Петрович и Наталья Алексеевна вошли в зал, чтобы согласно этикету осведомиться о здоровье ее величества, они увидели, что около императрицы хлопочет придворный врач, а Потемкин, который хватался за разные снадобья, тут же кидая их обратно в дорожную аптечку, раздражался проклятиями и оживленно жестикулировал. Императрица была очень бледна, но, когда она увидела великого князя с женой, ее лицо густо покраснело и глаза злобно сверкнули. До этого момента

она была близка к обмороку, но теперь силы вновь вернулись к ней. Она встала и строго поглядела на подходившую чету.

Павел чувствовал себя глубоко смущенным. Он признавал, что государыня-мать имеет все основания гневаться, но признавал также, что сам он здесь ровно ни при чем. Подойдя ближе к ней, он смиренно потянулся к ее руке, чтобы молчаливым поцелуем испросить прощение своей безвинной вине. Но императрица только отмахнулась от него, словно от надоедливо-го насекомого, отдернула руку и впилась гневным взором в великую княгиню.

Наталя Алексеевна вспыхнула в свою очередь, и в ней проснулся вновь девичий задор.

«Чего она в самом деле? — подумала она. — Этак она и самого мирного человека может натолкнуть на мятежные мысли. Как ни подойди, как ни взгляни, она все волком смотрит. Ну да мне это надоело!.. Да, да, мне надоело, словно провинившейся девчонке, вечно опускать перед ней свой взор!»

Повинуясь вспыхнувшему желанию дать отпор императрице, Наталя Алексеевна гордо подняла голову и ответила Екатерине таким же, как и ее, твердым, пламенным взором. Но в ее взгляде ясно читались торжество, ирония над поражением императрицы.

Было более чем небезопасно стоять так и так смотреть на государыню, но Наталя Алексеевна не чувствовала страха, и это настолько импонировало, что императрица на мгновение ощутила в своем сердце нечто вроде уважения к молодой женщине.

Но это длилось только мгновение; сейчас же это бесстрашие подняло целую бурю опасений в душе императрицы, и она с новым приливом ненависти и злобы окинула великую княгиню с ног до головы презрительным взглядом.

У пополневшей талии Наталии Алексеевны взгляд императрицы остановился немного долее. Затем она презрительно покачала головой и надменно улыбнулась, и эта улыбка как бы говорила:

«Не торжествуй, милая! Здесь, в России, царит не закон, а только одна моя воля. Ты строишь свои надежды на том, что бьется около твоего сердца; ты благословляешь это новое зве-

но, которое должно привязать тебя несокрушимыми цепями к российской короне. Но ты должна знать, что я рвала и не такие цепи, и не такие звенья разлетались вдребезги в тех случаях, когда они становились мне поперек дороги! Берегись! Как бы это благословенье не обратилось в твое проклятие! Берегись! Ты рано стала торжествовать!»

Все это Наталья Алексеевна ясно читала во взоре императрицы, и снова в ее душе закопошились какие-то мрачные предчувствия, не оставлявшие ее во все время с момента приезда в Россию. Но она поборолась себя, не хотела в такую минуту проявить слабость, упадок духа, а потому еще более гордо подняла голову, еще надменнее вытянулась и еще большим торжеством засверкал ее взгляд.

Наконец Екатерина отвела от нее взгляд и обратилась к Потемкину тоном, которому она тщетно старалась придать спокойствие и равнодушие:

— Нам придется всем расстаться теперь, потому что дорога утомительна и надо хорошенько отдохнуть. Пожалуйста, Григорий Александрович, справьтесь там, почему Барятинский не идет? Где он застрял? Ведь он должен был проводить меня в опочивальню, а его все нет! Поставьте ему это на вид и поторопите его!

Сказав это, она, не оборачиваясь к Павлу и великой княгине, надменно махнула в их сторону рукой, не удостоивая их высочеств даже разговором. Им не оставалось ничего иного, как с молчаливым поклоном выйти из зала.

Потемкин сейчас же вернулся. Он застал императрицу сидящей на диване с закрытыми рукой глазами.

— Барятинский нашел, что в этих старых, уже давно нежилых покоях плохой воздух,— доложил Потемкин,— а он знает, что ваше величество не можете терпеть плохой воздух. Он распорядился открыть форточки и вновь затопить печи. Через несколько минут все будет готово, и тогда он придет сюда, чтобы отвести ваше величество.

Сказав это, Потемкин так резко опустился на диван рядом с государыней, что Екатерина под действием диванных пружин высоко подскочила. Не обращая на это внимания, Потемкин лениво потянулся и разразился протяжным, громким, вкусным

зевком, как если бы рядом с ним сидела не государыня, а самая обыкновенная дама, с которой не стоит стесняться.

— Боже,— зевая, сказал он,— как устаешь, попадая в эту сонную, кислую Москву! Какая здесь тоска, как мало здесь жизни! Я с ужасом думаю, что делать здесь? Боюсь, как бы скука не загнала меня опять в какой-нибудь монастырь!

— Поверь мне, Григорий,— с нехорошей улыбкой ответила ему государыня,— здесь будет так много работы, что ты не успеешь соскучиться... Нам обоим грозит большой, серьезный враг, и нам нужно хорошенько подумать, как парализовать тот вред, который иначе может быть нанесен нам. Ты понимаешь, про кого я говорю?

— Про великую княгиню Наталью? — спросил Потемкин небрежным тоном.— Ах, Господи, ну что великой Екатерине заботиться о какой-то глупенькой птичке, которая вздумала клевать своим клювиком ее корону?

— А, так и ты заметил это? — воскликнула Екатерина.— Значит, это видно со стороны, и ты именно об этом заговариваешь, едва я упомянула ее имя? Да, да, причиной всей моей тревоги является эта интриганка! Подумать только! Она вообразила, будто может мериться со мной силами! Только взглянуть на нее! Бессовестная, наглая улыбка, в каждом движении, в каждом взгляде — оппозиция. Куда же мы зайдем таким образом? И какое отвратительное впечатление произвела она на меня только что, когда нарочно выпрямилась, чтобы подчеркнуть свою беременность! Если бы я знала, что это состояние, которого я прежде так страстно желала для блага государства, зашло настолько далеко, то я скорее бы прогнала ее из России, чем взяла бы с собой в Москву. Русская великая княгиня не смеет иметь такой отвратительный вид. Держит себя, словно крестьянская баба, которую несколько не стесняет ее положение! Так советуй же мне что-нибудь, Григорий, помоги мне! Я не могу допустить, чтобы на русском престоле воссело когда-нибудь потомство такой ненавистной женщины. Если мне не удастся предупредить это, то я должна буду считать пропащими все свои заботы, все труды... Но мысли так путаются у меня, что я не знаю, за что ухватиться, на что решиться... Григорий, подумай со мною, как бы устранить такое бедствие!

Потемкин глубоко задумался. Вдруг его лицо просветлело, он щелкнул в воздухе пальцами, как человек, напавший на удачную мысль.

— Ладно! — воскликнул он торжествующим тоном. — Будет по-твоему! Но только, ваше величество, нам надо стать разнообразнее. Ваше величество посвящало до сих пор свой досуг писанию комедий, почему нам не поработать теперь в трагическом жанре? Здесь, в Москве, будет представлена комедия вашего величества. Отлично! Но почему бы после комедии не сыграть маленькой трагедии? Он замолчал и впился в императрицу серьезным, пытливым взглядом; императрица молчала, ее взгляд был непоколебимо холоден, и наконец она сказала:

— Я жду объяснений!

— Позвольте мне, ваше величество, рассказать вам одну историю из моего прошлого.

— Расскажи!.. Я слушаю!

— Это было давно, ваше величество, когда я еще жил в Москве. Я снимал комнату у вдовы Елизаветы Зорич, которая занималась повивальным делом. Это была очень хорошенькая, веселая, грациозная женщина. Мы сошлись с ней и жили душа в душу, что было мне тогда очень на руку: у меня доходы были плохи, а Зорич зарабатывала на диво много, так много, что даже казалось непонятным, почему ее труд так хорошо оплачивается...

Жили мы весело и беззаботно, как вдруг на наши головы обрушилась беда: пришла полиция, арестовала Елизавету и увезла ее. Я ломал себе голову, не понимая причины всего этого; вдруг мне случайно удалось узнать то, что держалось в большом секрете: Зорич обвинили в ряде убийств новорожденных и родильниц.

В минуты интимных ласк Лиза неоднократно признавалась мне, что вид проливаемой крови или извивающегося в предсмертных конвульсиях человека производит на нее совершенно своеобразное действие — она испытывает невыразимое наслаждение, более острое, более потрясающее, чем самые страстные любовные ласки. Мне сразу пришло в голову, что Зорич не могла справиться с этой болезненной страстью и поплатилась за какое-нибудь убийство.

Но дело было гораздо сложнее: Зорич убивала двух зайцев разом, удовлетворяя свою страсть и получая за это большие деньги. Мало ли какие случаи бывают, когда рождение ребенка или жизнь матери нарушают интересы ряда лиц? В таких случаях обращались прямо к Зорич, и она избавляла заинтересованных лиц от мешавшего им субъекта.

Московские власти взялись за расследование очень энергично, но с первых же шагов следствие натолкнулось на таких лиц, что разоблачение всего этого дела вызвало бы крупный скандал: почти не было такой именитой фамилии, где бы Зорич не проявляла своего дьявольского искусства. Что было делать?

Зорич грозила смертная казнь. Но вместо этого дело задушили, и преступную бабушку посадили бессрочно в тюрьму. Вплоть до сего времени Елизавета Зорич содержится в бутырской тюрьме! Вот, ваше величество, страничка из моего прошлого. Добавлю еще, что следственные власти были поражены искусством и чистотой работы Зорич: у этого дьявола в юбке был целый арсенал средств, одно ужаснее другого!

Потемкин замолчал, молчала и императрица. Она вскочила с места и в лихорадочном волнении заходила взад и вперед по комнате. Ее грудь бурно волновалась, глаза сверкали. Вдруг она остановилась пред Потемкиным и впилась в него пылающим взглядом, как бы требуя, чтобы он сказал последнее, решительное слово.

Потемкин тоже встал, подошел к государыне и шепнул ей:

— Не пригодится ли она нам?

— Что ты хочешь сказать этим, Григорий? — со страхом вскрикнула Екатерина.

Не отвечая, Потемкин низко поклонился императрице, подошел к письменному столу, развернул лист бумаги, попросил разрешения сесть и написал следующее:

«Предъявитель сего, Григорий Александрович Потемкин, уполномочен взять из тюрьмы арестантку, имя коей будет сообщено им, Потемкиным, главному смотрителю. Об освобождении указанного Потемкиным лица запрещается кому-либо сообщать, а равно под страхом Нашей немилости воспрещаем

наводить какие-либо справки о дальнейшей судьбе его. Освобожденное лицо считать никогда в тюрьме не сидевшим».

Екатерина прочла это и, с некоторой растерянностью посмотрев на Потемкина, спросила:

— На что это нужно тебе?

— Благоволите, ваше величество, пометить «секретно» и подписать! — ответил ей Потемкин.

Императрица сильно вздрогнула, но сделала, как сказал фаворит.

— На что мне это нужно? — спокойно переспросил Потемкин, флегматично рассматривая бумагу. — Ваше величество сами изволили заметить, что беременность ее высочества далеко подвинулась вперед, а следовательно, пора подумать и об акушерке...

— Молчи! Молчи! — испуганно вскричала Екатерина, с силой топнув ногой. — Я не хочу и думать о таких вещах... Как же это можно?..

— Первым делом, — спокойно продолжал Потемкин, — я прикажу Зорич переодеться в мужское платье и увезу ее в Петербург под видом своего камердинера. В Петербурге я укрою ее в надежном месте, и когда настанет...

— Григорий, — перебила его Екатерина, твердо глядя Потемкину в глаза. — Твое мягкосердечие делает тебе честь! Ты считаешь себя обязанным этой женщине за прежнюю помощь, находишь, что она достаточно наказана, и хочешь улучшить ее судьбу. Я даю тебе возможность сделать это, но и все. Больше я ничего не знаю и не желаю знать!

В этот момент в комнату вошел гофмаршал Бяратинский и доложил ее величеству, что апартаменты готовы. Екатерина холодно кивнула головой Потемкину и последовала за князем.

XV

Потемкин понимал, что императрица еще не в полной мере уяснила себе сущность его намерений. Когда она была так взволнована, так утомлена, как в этот день, ее ясный, светлый ум словно задерживался каким-то флером. Далее он знал, что

если тот же разговор завести завтра, то можно ручаться, что Екатерина с негодованием отвергнет затеянное им, а может быть, даже и отвернется от своего любимца. Поэтому он решил, что надо ковать железо, пока горячо. Сегодня же все будет сделано, а завтра императрица, возможно, даже не вспомнит о сегодняшнем разговоре.

Вследствие этого, не теряя времени, он отправился в свои комнаты, помылся, почистился и приказал подать себе карету.

Был уже поздний вечер, когда Потемкин быстро проезжал Бутырками — предместьем, где высилось громадное мрачное здание тюрьмы. Остановившись у ворот и приказав доложить о себе главному смотрителю, он был немедленно впущен с знаками раболепного почтения.

Смотритель готов был в лепешку расшибиться, чтобы угодить влиятельному генерал-адъютанту императрицы. В самом непродолжительном времени в мрачный, плохо освещенный зал, где должно было произойти свидание Потемкина с арестанткой, смотритель ввел высокую, страшно худую женщину, серый арестантский халат которой еще более подчеркивал ее худобу.

— Вот Елизавета Зорич,— сказал смотритель.

Потемкин знаком руки приказал ему удалиться. Он и арестантка остались одни.

— Неужели ты — Елизавета Зорич? — с изумлением воскликнул Потемкин, подходя ближе к арестантке, которая наглым, диким взглядом смотрела на него.

— Я самая,— ответила она.

— Лиза, Лиза! Что с тобой стало? Ведь тебя не узнать!

— Батюшки, Гришенька! — крикнула Зорич, кидаясь к своему прежнему сожителю.— Вспомнил-таки?

— Я пришел, чтобы освободить тебя, Лиза,— ответил Потемкин, пытливо всматриваясь в ее лицо, чтобы уловить хоть тень сходства с бывшей Елизаветой.

— Что я слышу? — воскликнула она.— Ты можешь и хочешь спасти меня отсюда? И ты только за этим приехал сюда? Гришенька, недаром я всегда так любила тебя, так верила... Но ты, верно, стал теперь большой шишкой? Да у тебя никак генеральские эполеты? Батюшки! Да уж не добился ли ты того,

о чем всегда мечтал со мной бывало? Как ты красив, Потемкин!.. Я не удивлюсь, если ты скажешь мне, что стал теперь самым близким человеком к ее величеству! Ты киваешь головой? Значит, это правда? И ты все-таки не забыл обо мне? О, Гришенька, я — твоя вечная должница!

Она вплотную подошла к Потемкину и нежно погладила его по щеке.

Фаворит продолжал разглядывать ее и наконец сказал:

— Ты все-таки еще очень красива, Лиза! Правда, жизнь в этом дворце не пошла тебе в пользу и ты страшно исхудала, но это дело наживное, отдохнешь и нагуляешь себе жира! Но как ты похудела, как похудела! Ты стала совсем плоской, как доска, а вспомнить только твою прежнюю приятную округлость... Но это к лучшему: на первых порах тебе придется выступить в роли моего камердинера, так что мужской костюм благодаря твоей худобе отлично сойдет.

— Твоего камердинера? — вскрикнула Зорич, захлопав в ладоши. — Это забавно! Многое мы с тобой проделывали, а этого нет!

Сказав это и не зная более, как выразить охвативший ее восторг, она вдруг закружилась по полу в фантастической, дикой пляске. Ее волосы рассыпались и развевались за нею беспорядочными прядями. Потемкин невольно вздрогнул: пред ним, казалось, было существо нездешнего мира...

— Ты все еще прежняя дикарка? — сказал Потемкин, с улыбкой смотревший на ее фантастический танец. — Да, веселое время было у нас с тобой прежде! Вот-то веселились! Помнишь наши катанья, кутежи, кабатчика Степаныча, который столько раз покрывал нас? Я узнаю, жив ли он еще. Если да, то тебе лучше всего будет укрыться у него, а в день отъезда в Петербург я возьму тебя с собой.

— Я вполне полагаюсь на тебя, — серьезно сказала Зорич, подходя к Потемкину и протягивая ему руку. — Я верю, что ты не будешь смеяться над несчастной женщиной, которая когда-то сделала для тебя много хорошего. Но все-таки я не понимаю... Ведь это невозможно! Ну как я могу стать твоим камердинером?

— Не беспокойся, Лиза, скоро ты все поймешь. Верь мне и не сомневайся! А теперь не будем терять даром время. Думается, что тебе уже порядком опостытели эти стены, и, чем скорее ты покинешь их, тем лучше. Так собирайся и едем. Можешь взять с собой все вещи, какие тебе нужны. Так едем же к новой жизни, Лиза!

Зорич скорчила гримасу и сказала:

— Нет уж, лохмотья я лучше оставляю здесь — для новой жизни они не годятся. Да и какие вещи могут быть у арестантки? Нет, пусть все, что свидетельствует о прошлой жизни, останется здесь, пусть я войду в новую жизнь. Я твердо решила, что если мне удастся высвободиться отсюда, то уже никогда я не вернусь к прошлому. Прежняя злодейка умерла — пред тобой новый человек, который хочет жить честной, трудолюбивой жизнью!

Потемкин кинул на нее недовольный взгляд, покрутил усы и сказал:

— Конечно, тебе уже не к чему пускаться на темные дела ради собственной выгоды, потому что я, как твой друг, позабочусь, чтобы у тебя все было. Но зарекаться, друг мой, не следует: как знать, может быть, твои таланты пригодятся!.. — Он заметил, какая мрачная судорога скользнула по ее лицу, замолчал на минутку и затем продолжал: — Но обо всем мы еще успеем поговорить, а теперь скорее отсюда. Мне начинает казаться, что излишне долгое пребывание в этом милом учреждении способно наложить свою печать и на меня. Судя по тебе, здешний воздух страшно разрушающе действует на настроение и физиономию. Подумать только, прежде ты была весела, никогда ни над чем не задумывалась, шутя хваталась за все, что предлагала тебе жизнь, не заботясь, из какого источника пьешь... А теперь ты стала мрачной, начинаешь даже проповедовать стремление к добру, а это крайне опасный признак, друг мой... Ну да чистый воздух сдует с тебя это наносное настроение!

В этот момент вошел смотритель, доложивший, что все меры приняты, вследствие чего генерал может сойти вместе с арестанткой во двор так, что их никто не увидит.

Через несколько минут Потемкин вместе с Зорич уже мчались по темным, пустынным улицам Москвы. Степаныч оказал-

ся благополучно здравствующим; он был очень рад вновь увидеть своих старых клиентов и обещался сделать все по желанию Потемкина. Тогда последний с легкой душой отправился домой: все было сделано, больше не о чем было беспокоиться!

XVI

Дни пребывания в Москве быстро промелькнули в суете всяческих торжеств. Уже на следующий день после въезда императрицы московские власти в паническом ужасе принялись хлопотать над тем, как бы изгладить впечатление, произведенное на ее величество холодностью приема. Пришлось сгонять толпы народа, который за умеренную плату сторожил в разных пунктах проезд государыни и приветствовал ее восторженными возгласами. Духовенство тоже получило строжайшие инструкции, и когда в Успенском соборе в присутствии императрицы происходило торжественное богослужение, во время которого была освящена и воздвигнута принесенная собору в дар императрицей икона Богоматери, то митрополит московский произнес умилительную речь, которая должна была согнать последние следы недовольных морщин с чела императрицы. Митрополит говорил о том, что однажды Христос по своем воскресении явился среди учеников и никто из них не поверил в его явление, все погрузились в испуганное молчание, которое было нарушено дерзостным желанием одного из них удостовериться в действительности явления. И Христос несколько не разгневался на это: Он понимал, что человек способен не поверить своему счастью, видя рядом с собой столь высокую особу. Нечто подобное было и при въезде, мол, ее величества: народ, который с трепетом ждал ее появления, не в силах был поверить, что его возлюбленная монархиня была с ним. Он так растерялся, так смутился от своего счастья, что застыл в трепете и страхе, и это лучше всего доказывает, насколько Москва ценит оказанную ей высочайшую милость. Митрополит призывал народ и впредь уважать в царствующей особе Бога, земным представителем которого является каждый венценосец. Сло-

вом, внешность была соблюдена, и императрица, слишком умная и проницательная, чтобы принять все это за чистую монету, делала вид, будто она вполне довольна.

Пред отъездом в Петербург императрица со всей свитой торжественно съездила в Троице-Сергиев монастырь, чтобы по традиционному обычаю поклониться славнейшей русской святыне. Богомолье сошло на славу; руководивший общим порядком Потемкин проявил чудеса распорядительности, и все сошло на диво, если не считать маленькой катастрофы с великой княгиней, чуть-чуть не стоившей жизни последней. По неосторожности ямщика сани раскатились и опрокинулись, но каким-то чудом Наталью Алексеевну выбросило в мягкий снег без малейшего вреда, так что она отделалась только испугом. Конечно, в том состоянии, в котором была великая княгиня, даже слабый испуг и легкий толчок могли быть губительны, но рука Провидения пока еще хранила молодую женщину.

Однако на обратном пути последствия всего этого стали сказываться: у великой княгини появились сильные боли, и следовавший в свите врач доложил государыне, что возможно наступление преждевременных родов. Потемкин нахмурился, потемнел; он отвел врача в сторону и заявил ему, что нужно во что бы то ни стало предупредить роды, задержать их: в пути, дескать, очень неудобно, высочайшая роженица не будет иметь возможности пользоваться надлежащим уходом и т. д., и т. д. Во всяком случае, если врачу удастся задержать наступление родов до возвращения в Петербург, то он будет щедро награжден, ну а не удастся, так пусть не прогневается!

Врач пожал плечами и обещал сделать все возможное, но добавил, что ему едва ли удастся надолго задержать роды, если предродовой процесс действительно начался, что во всяком случае надо спешить и мчаться в Петербург что есть силы.

Действительно, императорский кортеж понесся во весь дух. Сколько лошадей пало на пути! Сколько раз императрица со стоном заявляла, что она не в силах ехать далее безостановочно. Но Потемкин твердил «так нужно» и продолжал гнать ямщиков, что называется, «в хвост и гриву».

Врач ошибся. Роды были близки, но не предстояли непосредственно. В Петербург прибыли благополучно, и сейчас же по приезде великая княгиня слегла. Врачи растерянно разводили руками: с одной стороны, роды как бы начинались, а с другой, как бы и не начинались. Во всяком случае, надо было быть готовым ко всему.

В это время настроение великого князя по отношению к супруге как-то сразу изменилось к лучшему. Ее страдания глубоко трогали его, он ломал руки в страстной жажде найти средство облегчить ее муки и окружал ее самой тщательной внимательностью и заботой.

Великая княгиня неоднократно широко раскрывала глаза, встречая заботливую ласку мужа. Иногда, когда он присаживался к ней на кровать, она брала его за руку и погружалась так в забытие. И в эти минуты ее лицо, обыкновенно столь грустное, полное мрачных предчувствий, прояснялось и смягчалось.

Во всю свою жизнь в России Наталья Алексеевна не испытывала такого тихого счастья, как теперь, и в ее взгляде великий князь не раз читал немой вопрос:

«Почему ты прежде не был таким? О, как счастливы могли бы мы быть!»

Одно только терзало великую княгиню — это присутствие у ее больного ложа какой-то высокой, худой женщины с мрачным взглядом дико блещущих глаз. Эта женщина была очень молчалива, услужлива, внимательна, но великая княгиня начинала дрожать с ног до головы каждый раз, когда сиделка подходила ближе к ней.

И ничего нельзя было поделать: эта женщина была приставлена к высочайшей роженице как специалистка-акушерка, изучившая это дело за границей и славящаяся своим искусством. К великой княгине ее привел сам лейб-медик императрицы и рекомендовал ее в самых лестных выражениях.

Но с того дня, как акушерка появилась около великой княгини, состояние здоровья последней резко ухудшилось. Боли, слабые и терпимые прежде, теперь доходили до конвульсий, и несчастной Наталье Алексеевне зачастую казалось, что она не выдержит страданий и умрет от муки.

Наконец однажды вечером у великой княгини поднялись такие адские боли, что она кричала не своим голосом. Акушерка Елизавета Зорич сейчас же склонилась к ней, подала ей питье, произвела ряд каких-то таинственных манипуляций, и боли стихли, словно по волшебству.

В дальнейшем повторялось то же: боли быстро утихали под опытными руками Зорич, но каждый такой приступ заметно уносил силы молодой женщины. Она худела и бледнела не по дням, а по часам, и вскоре только глаза напоминали былую красавицу Вильгельмину.

Однажды вечером великий князь, просидевший близ больной супруги почти целые сутки безотлучно, по ее настоятельной просьбе ушел в соседнюю комнату, чтобы на несколько часов отдохнуть там. Наталья Алексеевна осталась наедине с акушеркой, которая сидела на краю ее постели, сторожа малейший приступ боли.

Наталья Алексеевна задумалась и незаметно закрыла в дремоте глаза. Когда она снова открыла их, то Зорич продолжала сидеть на прежнем месте, но великой княгине показалось, будто она стала не так высока и гораздо полнее, чем прежде. В полусумраке лица, обращенного в тень, не было видно. Но странный, упорный блеск глаз сиделки проникал в самый мозг больной, вызывая в нем какие-то странные, почти бредовые впечатления.

Великая княгиня испуганно вгляделась в эти глаза и вдруг с криком полуприподнялась на кровати: ей показалось, что это не акушерка, а сама императрица. Наталья Алексеевна протерла глаза, еще внимательнее всмотрелась в неподвижную фигуру и с слабым стоном упала на подушки: не могло быть сомнений, сама императрица во время дремоты больной поменялась с акушеркой местом.

Не будучи в силах вынести этот полный угрозы взгляд, великая княгиня закрыла глаза и замерла в слепом ужасе.

Императрица заговорила тихо, холодно, властно:

— Я пришла сюда, чтобы справиться о здоровье вашего высочества и воочию убедиться, действительно ли страдания вашего высочества так велики, как мне рассказывали. И в награ-

ду за свою материнскую заботливость я встречаю упорное нежелание замечать меня, нежелание быть хоть просто вежливой и воспитанной!

Вместо ответа великая княгиня широко открыла глаза и посмотрела на императрицу открытым, ясным, но полным грусти и сильного страдания взглядом. И этот чистый, твердый взгляд, это лицо, еще недавно цветущее, а теперь словно сорванное со старинной иконы великомученицы, смутили императрицу, заставили ее на мгновение отвернуть глаза в сторону.

Но она скоро оправилась, вновь перевела взор на больную и продолжала все тем же надменным тоном:

— Мне, кажется, не желают отвечать? Что же, это не в первый раз случается, что, когда я протягиваю руку, ее отталкивают, когда я иду навстречу с открытым сердцем, от него отворачиваются. Напрасно, ваше высочество, вы закрываете глаза: я знаю, что вы не спите. Притворство излишне! Пора скинуть маски — час расплаты близится! Даже теперь, когда вы стоите лицом к лицу с опасностью, вы не изменяете своему задорному упорству? Одумайтесь, ваше высочество!

— Ваше величество, Господи! — простонала больная. — Но ведь я больна, вы это знаете! Мне трудно говорить от слабости. Не могли же вы, ваше величество, рассчитывать, что я вскочу с постели и стану приветствовать вас по всем правилам этикета? Едва ли вы сами полагали видеть меня достаточно здоровой для этого!

— Что вы хотите этим сказать? — грозно вскрикнула императрица, и в ее взгляде мелькнул испуг. — Уж не собираетесь ли вы намекнуть, что я рада вашим страданиям? Вы не имеете права утверждать, будто к вам относились без надлежащей заботы, будто я не делала всего, что могла, желая ближе сойтись с вами. Но вы упорствовали, отталкивали мою руку... Боже, чего могли бы мы добиться с вами, если бы ваше высочество с первого момента поняли, что значит опереться на меня! Но теперь поздно!.. Ваше высочество, оглянитесь на себя, вдумайтесь в свое положение!

Наталя Алексеевна содрогнулась и кинула на императрицу молящий взгляд, как бы желая растрогать ее своей беспомощ-

ностью, внушить сострадание к ее слабости и болезненности. Но в душе Екатерины бушевала долго сдерживаемая холодная буря. Сегодня она не была расположена сострадать и жалеть!

— Да, ваше высочество,— продолжала она,— если судьба и оттягивает иногда час расплаты, это не значит, что возмездие минует нас. Вспомните, что было для вас сделано! Вас, ничтожную, нищую принцессу, возвели почти на уровень русского трона, пред вами открыли блестящие перспективы будущего, а вы...

— Я никогда не была честолюбива,— ответила Наталья Алексеевна с беспомощной, грустной улыбкой,— но еще на родине я выработала себе определенные взгляды; я стремилась к идеалам правды, добра и свободы и на свое высокое избрание смотрела как на путь к осуществлению этих идеалов. У нас много говорили о мудрости и свободолюбивом духе великой русской императрицы, с восторгом взирали на ее царственную переписку с первыми умами мира, с восхищением приветствовали разрешение допечатать в Риге энциклопедию, гонимую во Франции. Но когда я приехала сюда, то увидела, что все это только чисто внутренние стремления, что в управлении государством вы, ваше величество, не вкладываете этих воззрений. Словом, так: «Свобода, философские воззрения, мечты о лучшей жизни — все это для меня самой, натуры избранной и высшей; вы же, подданные мои, существа низшие, для которых такие блага не подходят». Меня это поразило, смутило, и вот я...

— Принялась интриговать! — громовым голосом перебила ее императрица.

— Нет, ваше величество, я слишком молода, слишком правдива, чтобы интриговать. Я просто не нашла в себе силы подойти к душе вашего величества, к душе, которую я не могла понять. Я рассчитывала на время, но оно только отдаляло меня от вас!

Екатерина встала и прошла несколько раз по комнате. Наконец она подошла опять к кровати и остановилась со скрещенными на груди руками около изголовья больной.

Прошла минута томительной паузы. Наконец, справившись с обуревавшим ее гневом, императрица заговорила:

— Вся фальшь вашего положения явилась следствием того, что с самого первого момента прибытия в Петербург вы, ваше высочество, взяли ложный курс, презрели свои прямые обязанности и устремили доверие в ту сторону, где было недалеко до государственного предательства.

— Могла ли я думать о предательстве? — грустно возразила больная. — Я всегда стремилась к добру, хотела добиться высшего блага для страны, ставшей моей родиной!

— Неправда! — громовым голосом оборвала ее Екатерина. — Неправда! Вы не могли стремиться к благу России, потому что не знали, в чем это благо! Вы не знали, что значит слово «повиновение», а в России без повиновения не может быть ничего доброго. Все держится только закономерностью и порядком, все держится только послушанием. А ваша натура чужда способности подчиняться. Вы осмеливались идти наперекор мне, вашей матери и государыне, вы, девчонка, не считались с моими мнениями и желаниями, которые одни только могли бы служить вам верной руководящей нитью. Вот где причина всех ваших неудач, ошибок и — я смело могу сказать это! — преступления! Отказываясь повиноваться своей государыне и матери, вы отказывались повиноваться также своему мужу и наследнику русской короны... О, вы далеко зашли, ваше высочество, так далеко, что я не узнаю себя, почему я до сих пор была слишком терпелива и милостива... Но всему бывает конец. Мое терпение лопнуло!.. Я не потерплю больше в такой близости от трона человека, душа которого насквозь пропитана мыслями о подлой измене, о мятеже. Довольно, ваше высочество, час расплаты настал! Ты думала, что с императрицей Екатериной можно играть? Ты думала, что можно шутя вкладывать палки в колеса государственного механизма? Нет, несчастная, эти колеса захватили тебя самое, втянули в себя и с минуты на минуту изотрут в порошок!

— Довольно! — в смертельном ужасе вскрикнула великая княгиня, забиваясь лицом в подушки, чтобы не видеть грозно сверкавших глаз императрицы. — Бога ради, довольно! Я не могу! Я умираю! Пощадите! О, ваше величество, пощадите!

Опять поднялись сильные боли, и великая княгиня забилась в конвульсиях, жалобно стеная: «Пощадите, пощадите!»

Наталья Алексеевна стонала все громче и громче. Вдруг дверь соседней комнаты распахнулась и в спальню вбежал перепуганный великий князь.

— Что случилось? — тревожно спросил он, взволнованно переводя взоры с искаженного лица супруги на застывшее в ледяной надменности лицо матери.

Екатерина презрительно пожала плечами и, отойдя от постели, села в кресло в глубине комнаты.

— Вы ужасно страдаете, — продолжал великий князь, обращаясь к жене таким сердечным, мягким голосом, какого она и не предполагала у него. — Вы так закричали о помощи, что у меня вся кровь в жилах застыла! Надеюсь, что никто не позволил себе причинить вашему высочеству какой-либо вред, потому что — клянусь спасением своей души — я поражу на месте всякого дерзнувшего оскорбить вас, кто бы это ни был!

Сказав это, он невольно обернулся к матери и окинул ее мрачным, угрожающим взором. Но императрица ответила ему таким уничтожающим взглядом, что Павел смутился, вновь обернулся к жене и взял ее пылавшие руки в свои.

Наталья Алексеевна потянула руки к лицу и неожиданно прижалась губами к руке мужа.

— Что вы делаете? — смущенно вскрикнул Павел.

Но его супруга с лихорадочной силой держала руку, продолжая покрывать ее поцелуями. Она сразу почувствовала себя спокойнее; ей казалось, что муж способен от всего защитить ее, разогнать грозные призраки, столпившиеся у ее одра.

— Вы не должны целовать мне руки, Наташа, — мягко продолжал великий князь. — И почему вы теперь вдруг стали ко мне такой ласковой и доброй? Увы! К сожалению, мы в прошлом вели себя друг с другом далеко не так...

— Правда, — слабым голосом ответила великая княгиня, — но это происходило потому, что мы не знали друг друга и ничего не делали, чтобы узнать... Может быть, тогда все, все было бы иначе...

— Но теперь мы поправим свою ошибку, Наташа! — сказал Павел.

— Поздно!

Это слово, упавшее словно крышка свинцового гроба, жутким шепотом пронеслось по комнате. Оно слышалось из того угла, где сидела императрица, но, когда муж и жена испуганно взглянули туда, лицо императрицы было по-прежнему холодно и загадочно. Да и сказала ли она это? Не слышалось ли это только?

— Поздно, — безнадежно грустно повторила великая княгиня слово, которое так совпадало с ее тайными тревогами. — Поздно, ваше высочество, все злые силы ополчились против меня. О, позвольте мне, умирающей, сказать вам, что я глубоко раскаиваюсь, почему я раньше...

— Ты не умрешь! — визгливо, испуганно вскрикнул Павел. — Я сумею защитить тебя; скажи только, что грозит тебе, откуда эти опасения...

— Ее высочеству не грозит никакой опасности, кроме той, которая истекает от нее самой и находится внутри, а не вне ее! — холодным тоном перебила императрица Павла, вставая с кресла и вновь подходя к постели больной.

Увидав императрицу, Наталья Алексеевна испуганно вскрикнула, схватила супруга за руку и приподнялась. Но этот порыв окончательно истощил ее силы, и бедная женщина без чувств рухнула на подушки.

В этот момент около постели появилась другая женская фигура и поспешила склониться к упавшей в обморок великой княгине. Это была Зорич, бесшумно подкрадываясь к великой княгине и теперь с жутким, злорадным любопытством рассматривавшая ее лицо.

Что-то ужасное было во всем виде этой женщины, настолько ужасное, что сама императрица не могла не вздрогнуть. Она опять отошла в дальний угол комнаты, тихо окликнула Зорич, подозвала ее к себе и завела с ней какой-то таинственный разговор, который великий князь не мог расслышать.

И к счастью! Вот каков был этот разговор:

— Долго еще это продлится? — мрачно спросила императрица.

— Не позже утра ее высочество разрешится от бремени мертвым ребенком. Роды будут настолько трудны и мучительны, что великая княгиня не перенесет. Самое большее, если она проживет после родов двое-трое суток. Но я скорее предполагаю, что сердце ее высочества не выдержит и великая княгиня скончается еще до рождения ребенка. Теперь весь сонм ученых всего мира не в силах спасти ее высочество!

Императрица ушла, видимо, сильно взволнованная. В спальне воцарилась тишина, прерываемая только тяжелым дыханием впавшей в беспамятство великой княгини. Вскоре к этому звуку прибавился еще и другой: великий князь плакал навзрыд, тщетно стараясь справиться с собой, чтобы не нарушить покоя больной.

Мало-помалу его рыдания стали тише и прекратились совсем. Он отнял от лица заплаканные руки и с тревогой посмотрел на супругу. Теперь ее дыхание стало ровнее и спокойнее. Великий князь упал на колена и принялся молить Бога о спасении несчастной молодой женщины.

Когда она снова очнулась, ее взгляд, увидав великого князя, выразил радость, но сейчас же страдальческая гримаса исказила ее лицо.

— Тебе лучше, Наташа, не правда ли? — с тревогой спросил Павел.

Больная только грустно покачала головой в ответ.

— Нет, мне не лучше, да лучше и не будет, — сказала она после недолгого молчания. — Сейчас я видела удивительный сон. Ты держал меня в своих объятиях, и мне стало так хорошо, так покойно. Вдруг, — она понизила голос до еле слышного шепота, — ко мне подошла вот эта страшная женщина и с злобным смехом пихнула ногой в живот. Я вскрикнула и умерла. Два белоснежных ангела осторожно взяли меня на руки и понесли высоко-высоко... И вот, когда я открыла глаза, я увидела тебя. В первый момент мне показалось, что я в раю и что ты тоже там. Но действительность скоро дала себя знать... О, эти ужасные боли... Господи, хоть бы смерть скорее! Все равно я проживу недолго, так к чему же эти мучения?

— Ты не умрешь, Наташа! Боли пройдут, тебе станет лучше!

— Да, боли пройдут, и мне станет лучше, Павел... Там, у Бога, всегда лучше, чем на этой безжалостной, холодной, жестокой земле... Не обольщайся надеждой, милый. Я знаю, чувствую, что скоро умру. Но больше всего я хотела бы вечно жить в лучшей части твоей души, в твоих добрых мыслях и намерениях!

— Ну к чему мне добрые мысли, раз со мной не будет тебя, моего светлого гения, моего тихого ангела! — вскрикнул Павел, употребляя нечеловеческие усилия, чтобы не разрыдаться.

— Поцелуй меня, милый! — с робкой улыбкой сказала великая княгиня.

Павел страстно припал к ее устам и покрыл поцелуями ее лицо, исхудавшие щеки, лихорадочно горевшие глаза. Его сердце разрывалось от скорби. Только теперь, когда он чувствовал, что она навсегда отлетает от него, Павел сознавал, кого теряет в ней...

— Нагнись ко мне, дай мне перекрестить тебя! — сказала Наталья Алексеевна.

Павел опустился на колена, и великая княгиня нежно перекрестила его.

— Не горюй, не трать сил на слезы! Мне там будет...

Вдруг ее лицо исказилось смертельной мукой, она закусила губы. Но боль была сильнее великой княгини, и она разразилась рядом отчаянных стонов.

Сейчас же около нее появилась мрачная фигура Елизаветы Зорич со стаканом в руках.

— Выпейте это, ваше высочество, — сказала акушерка, — боли сейчас же стихнут!

— Я не хочу, не хочу, — кричала сквозь стоны великая княгиня. — Это смерть!

— Наташа, — сквозь слезы сказал великий князь, — ведь тебе всегда помогает лекарство, выпей!

Наталья Алексеевна затихла, грустно-грустно посмотрела на мужа, выпила поданное питье и без сил опустилась на подушки. Ее глаза закрылись. Не помня себя от горя, великий князь убежал в глубь комнаты и бросился в кресло, закрыв лицо руками.

Наступила полная, глубокая тишина. Сначала Павел Петрович прислушивался, не раздастся ли стон, но в комнате было тихо. Сильное возбуждение великого князя сменилось страшным упадком сил, и он забылся в кресле.

Он продремал около двух часов. Вдруг словно невидимая рука мощно встряхнула его. Великий князь вскочил, дико оглянулся по сторонам: в комнате никого не было; стояла жуткая, могильная тишина.

Павел бросился к постели больной и схватил жену за руку. Последняя была холодна как лед, пальцы уже не гнулись. С диким воем Павел упал на пол, бился головой о ковер, кусал пальцы, рвал на себе платье...

Наконец острый приступ горя миновал. Павел встал и с глубокой скорбью посмотрел на бездыханное тело почившей супруги.

Она лежала как живая. Кроткая, неземная улыбка придавала ее лицу невыразимую прелесть, страдальческие морщины около рта и на лбу, скорбные складки у закрытых глаз — все разгладилось, и лицо дышало покорностью, примирением, тихой радостью. Навстречу отлетавшей душе «тихого ангела» сверкнул радостной пристанью светлый рай, и незлобивое сердце великой княгини в последнем биении раскрылось к прощению и радостной грезе. Так и лежала она, трогательная в беспомощности, худобе, прозрачной, землистой бледности, прекрасная внутренней красотой... Так и лежала она, слишком чистая, слишком живая для жизни, не жившая и уже отжившая, не видевшая радости.

Глаза Павла налились слезами. Он подошел еще ближе к покойнице, поцеловал ее в холодный лоб и перекрестил, а затем, поникнув головой, разбитый сознанием постигшей его потери, повернулся, чтобы послать кого-либо к императрице с докладом о случившемся.

Но дошел он только до двери. Там его вдруг охватил сверхчеловеческий ужас.

— Наташа! Ангел мой тихий! — вскрикнул он и вновь устремился к трупу, вновь упал на колена, вновь стал покрывать несчетными поцелуями почившую.

За дверями слышались какое-то движение, шепот нескольких голосов; крики Павла Петровича обратили на себя внимание, и ближайшие лица свиты поняли, что земная жизнь великой княгини кончилась. Но никто не решался без позволения войти в спальню, чтобы поклониться праху скончавшейся.

Павел несколько раз уходил к дверям и столько же раз кидался обратно, чтобы с рыданием припасть к телу жены. Мало-помалу слезы, градом лившиеся из его глаз, истощили страстное отчаяние. В душе становилось еще более пусто, еще более безнадежно, но сердце уже застывало в ледяном преклонении пред неизбежностью. В последний раз перекрестив дорогую покойницу, Павел, шатаясь, пошел к дверям, которые вели в коридор: другими дверями было ближе пройти к императрице, но там слышался шум голосов, а великому князю нестерпимо было теперь принимать выражения сочувствия, говорить о постигшем его несчастье.

Открыв двери, Павел чуть-чуть не столкнулся с каким-то мужчиной, который, увидев великого князя, отскочил за портьеру второй двери.

Это был бледный, расстроенный Разумовский, уже знавший о случившемся и стороживший уход великого князя, чтобы успеть до появления у одра смерти целой стаи равнодушных лиц помолиться и излить в рыданиях свое горе.

Хотя Павел чуть-чуть не наткнулся на него, Разумовского он не заметил. В глазах великого князя рябило, он шел, шатаясь и широко расставив руки, словно слепой.

Дождавшись, пока Павел Петрович скрылся, Разумовский вбежал в спальню и с рыданиями кинулся к телу дорогой покойницы.

А за дверями шумели все громче и громче: весть о кончине великой княгини с поразительной быстротой облетела дворец, а оттуда в качестве сенсационного слуха пошла по Петербургу. К утру все знали о смерти великой княгини — народная молва утверждала, что она была отравлена...

Усиливавшийся шум голосов за дверью пробудил Разумовского от его отчаяния. Боясь, как бы в спальню не вошли и не

застали его там, Разумовский встал с колен, поцеловал руку почившей и выбежал из комнаты тем же ходом, каким вошел.

Великий князь направился в кабинет императрицы, но Екатерина отказалась принять сына. Дежурный офицер передал великому князю холодный ответ, что случившегося все равно не исправишь и государственные дела не должны страдать от этого, а ее величество занята с князем (фавориту только что был пожалован титул князя римской империи) Потемкиным вопросом высшей важности.

Это было поздно вечером 26 апреля (н. ст.) 1776 года...¹



¹ См. у Кастера («Жизнь Екатерины II»), т. II, с. 161, и у герцогини д'Абрантес («Екатерина II»), с. 150. Продолжением этого романа служит роман «Любовь и политика».

Любовь и политика

*Исторический роман
из жизни супруги императора Павла I,
императрицы Марии Федоровны*





I

На другой день после смерти великой княгини Натальи Алексеевны¹ адъютант ее величества передал Павлу Петровичу приглашение императрицы пожаловать в Царское Село, куда Екатерина II уехала накануне ночью. Великий князь сейчас же приказал заложить в коляску пару самых горячих вороных и стремглав понесся по шоссе: головокружительно быстрая езда действовала на него успокоительно.

Он застал Екатерину на диване пред большим круглым столом, сплошь заваленным грудой бумаг и писем. При появлении сына императрица серьезно и ласково кивнула ему головой и безмолвным жестом указала на место возле себя. Затем она принялась приводить разбросанные бумаги в некоторый порядок. Отобрав кучку писем, она перевязала их широкой лентой и подвинула к сыну.

Павел с немым изумлением смотрел то на мать, то на подвинутые ею письма. С первого взгляда ему показалось, будто он узнает руку покойной жены, и это сразу пронизало его душу какими-то тяжелыми предчувствиями. Но он молчал, ожидая, пока императрица заговорит и разъяснит ему эту загадку.

— Сын мой, — заговорила Екатерина, — смерть великой княгини, твоя супруга, как видно, жестоко поразила тебя, потому что природа дала тебе мягкое сердце и большую впечатлительность. Но выслушай меня, Павел, и тогда ты найдешь силы справиться с тяжелым горем. Правда, в Наталье Алексеевне ты потерял жену, но в то же время мы оба лишились в ней величайшего и опаснейшего врага. Можно горевать, когда теряешь близкого человека, частицу своей души. Но когда узнаешь, что под внешней ласковой улыбкой таятся измена, ложь,

¹ См. роман «Тихий ангел».

черная неблагодарность, то горе должно смениться благодарностью Всевышнему. Мне доставили все эти бумаги, взятые у покойной. Среди них оказались ее письма к Разумовскому, ее тайному возлюбленному. Как она сама пишет в одном из писем, Разумовский из предосторожности возвращал ей ее письма, но она так любила его, что не решалась сжечь их, а хранила вместе с ответами своего возлюбленного. Таким образом, у нас в руках полная переписка почившей. Пред тобой часть ее... Взгляни сам и убедись, что черная душа может таиться под ангельской личиной!

Великий князь, задыхаясь, вскочил с места. Слова матери показались ему каким-то богохульством; он плохо понимал их смысл и сознавал только одно: у него хотят отнять последнее, что еще могло привязывать его к жизни; хотят отнять нежные слезы, светлую память о почившей; хотят разбить прекрасный, ангельский облик жены.

И, почти не сознавая, что он делает, великий князь горящим, полным пламенной ненависти взором впился в лицо матери, оперся обеими руками о стол и пригнулся, словно тигр, собирающийся сделать смертоносный прыжок.

Но императрица ласково и дружелюбно улыбнулась сыну, встала, подошла к нему, положила руку ему на плечо и сказала:

— Полно, Павел, будь мужчиной, овладей собой и не переноси дурных чувств на других, которые не могут быть ответственны за грехи покойной! Напрасно ты смотришь на меня так враждебно — теперь настал такой момент, когда нам надо скорее тесно сплотиться, чем смотреть в разные стороны. Возьми с собой эти письма, тщательно посмотри их наедине, обдумай каждое слово, вникни в каждый намек. И тогда ты увидишь, что за человек была твоя жена. Мало того, ты увидишь, что покойная исподволь подготовила государственный переворот, что заговор был уже налажен, и, не приключись с ней этой болезни, мы с тобой были бы теперь жертвами бесстыдной интриганки. Да, сын мой, и тебя, и меня хотели устранить! Меня сначала, а тебя немного спустя... Впрочем, прочти сам эти письма, и ты увидишь!

Императрица взяла связку писем, всунула ее сыну в руку и торопливо вышла из комнаты. Павел без сил опустился в кресло и машинально принялся читать верхнее письмо. Пер-

вые два прочитанные слова так поразили его, что он побледнел еще больше и судорожно схватился за голову. Затем он горько-горько улыбнулся и сунул связку в карман, решив сейчас же вернуться обратно в Петербург и уж там спокойно и последовательно ознакомиться с этими страшными документами.

Но голова кружилась, ноги отказывались повиноваться. Павел пошатываясь вышел из комнаты и попал в ту самую галерею, где около полугода тому назад он подслушал разговор своей супруги с Андреем Разумовским. Он тихо поплелся вперед, но около бюста Григория Орлова силы окончательно покинули его, и он тяжело опустился на пол и прижался пылающей головой к холодному мрамору постамента.

— Обманут! — глухо прошептал он. — Обманут, и кем! Женщиной, которой я верил, как Богу, которую любил всеми силами души... О, люди!.. Кому же верить после этого? Вот я всегда любил охоту и с особым удовольствием травил волков, как опасных, вредных зверей. Но ведь люди хуже волков, опаснее, вреднее... Старый волк не пустится убивать, потому что убийство нужно ему только как средство к существованию, но не как самодовлеющая цель. А люди делают зло ради него самого... Их надо травить, их надо истреблять... О, каким болваном был я! Я готов был верить каждому ласковому слову... Ну да этого урока я никогда не забуду. Довольно! Отныне я стану другим человеком!

В этот момент дверь полуоткрылась и оттуда показалась голова императрицы, пытливо смотревшей на великого князя.

Павел вскочил, словно под ударом кнута, и поспешил принять самую почтительную позу. Его лицо было полно решимости, только смертельная бледность указывала на пережитое волнение. Императрица внимательно посмотрела на сына, покачала головой и вновь скрылась...

II

Вернувшись на следующий день в Петербург, императрица снова вызвала к себе сына. Ее поразили холодное спокойствие и полное сдержанного самосознания достоинство его осанки, так что она даже подумала:

«Однако ведь я очень плохо знала его! Я не подозревала, сколько в нем душевной силы и внутренней энергии».

После этого Екатерина вновь задумалась над тем, что когда-то неустанно твердил ей Орлов: Павел Петрович — очень крупная нравственная единица, которая ждет только удобной сферы действия для полного самоопределения и надлежащего проявления, следовательно, это человек опасный для спокойного царствования венценосной матери.

Павел стоял перед матерью в почтительной, спокойной позе. Его некрасивое, бледное лицо выражало лишь некоторое утомление, но никакой тревоги не чувствовалось в нем.

Императрица подавила неприятное чувство, вновь вспыхнувшее в ней к сыну, и ласково сказала:

— Когда я хочу видеть ваше высочество, то мне приходится звать вас, так как вы никогда не придете по собственному почину. А между тем, Павел, мне кажется, что после того ужасного открытия, которое нам пришлось сделать вчера, у нас обоих есть что сказать друг другу. Неужели твое сердце не подсказывает тебе, что у меня ты встретишь всегда опору и нравственную поддержку?

Ироническая улыбка короткой молнией мелькнула и погасла на лице великого князя.

— Прошу извинить меня,— ответил он холодно и сухо,— но распоряжения, касающиеся церемонии похорон скончавшейся великой княгини, отняли у меня вчера и сегодня почти все свободное время. Весь церемониал похорон приходится обдумывать тем тщательнее, что надо замаскировать от нескромных взоров то мрачное открытие, которое, как вы изволили заметить, тяжело поразило нас вчера; а замаскировать его мы можем внешним блеском погребения. Я хочу окружить похороны необычайной пышностью и глубоко признателен вам за то, что вы сообразовали передать все это непосредственно в мое распоряжение.хлопот много, а это отрывает от тяжелых дум!

— Очень рада слышать это от тебя, Павел,— сказала императрица.— Ты совершенно прав; чтобы заставить замолчать всех клеветников и сплетников, лучше всего окружить эти похороны большей пышностью, чем это обыкновенно делается. Мы

воздвигнем на могиле почившей мавзолеей из мрамора и золота, чтобы притвориться, будто горько оплакиваем ее. Пусть этот мавзолеей придавит похороненное под ним оскорбление, нанесенное чести русского великого князя! И из этого же побуждения я решила не преследовать законной карой Разумовского!

— Как? — воскликнул Павел. — Вы хотите оставить преступника безнаказанным? Так вот как вы хотите блюсти мою честь? Если бы я знал это, то с Разумовским еще вчера было бы покончено. Но я не хотел быть самоуправцем, понимая, что прежде всего воля моей государыни...

— Такие взгляды делают тебе честь, Павел, — перебила его императрица, — и ты не ошибся, полагаясь на меня. Мы не можем исправить содеянное, но процесс Разумовского вызовет такой шум, даст делу такую огласку, что всем станет известно о твоём позоре. Следовательно, наказание Разумовского не восстановит твоей чести, а, наоборот, затопчет ее еще более в грязь. Но мы не собираемся прощать Разумовского, о нет! Мы не забудем того, что им сделано. Мы подождем, пока смерть великой княгини забудется, и тогда найдем предлог покарать его. Сам Разумовский будет знать, за что его поразил меч нашего правосудия. Но для всех остальных между этим наказанием и действительной виной не будет никакой связи. Поэтому я решила отправить Разумовского нашим посланником и полномочным министром в Венецию, и сегодня он уже выедет к месту своего назначения.

— Понимаю, — сказал великий князь со злобной усмешкой. — До абсолютного правосудия государственным соображениям нет никакого дела, важно только, как бы прикрыть чистым платком грязное место. Что же, пусть Разумовский вместо заслуженных морозов Сибири наслаждается благословенным климатом Венеции! Там он сможет на досуге спокойно обдумать, как похитрее сплести предательскую сеть над благополучием и безопасностью российской короны... О, я вижу, что делаю большие успехи на дипломатическом поприще: я начинаю понимать и оправдывать то, что еще две недели тому назад показалось бы мне мерзким, гнусным и непристойным!

Он расхохотался таким диким, грубым и неистовым смехом, что императрица задрожала от негодования и готова была об-

рушиться на сына потоком гневных слов. Но она сдержалась и с кроткой улыбкой заметила:

— Я рада, что ты в состоянии шутить. Но не все же шутки! Ты должен понять, насколько мне дорога твоя честь!

— А, так моя честь действительно так дорога вам? — с нескрываемой иронией крикнул Павел. — О, тогда все хорошо, тогда я заранее могу объявить себя довольным всем, что бы ни случилось! Но если ваши слова — не простая любезность, то пора выразить эту заботу о моей чести чем-нибудь реальным.

— Но ты не можешь сомневаться в моей искренности! — заметила Екатерина, начиная терять самообладание.

— В вашей искренности? Да помилуй меня Бог! Я настолько верю этой искренности, что отныне хочу принять активное участие в государственных делах — ведь настоящее положение вещей, при которых любой полковник значит больше, чем русский наследник — цесаревич, больше унижает мою честь, чем это могли бы сделать три неверных жены сразу!

— Что такое? — крикнула Екатерина, окончательно выходя из себя. — Ты осмеливаешься говорить в лицо своей матери и государыне, которой обязан вдвойне неограниченным повиновением, какое-то смешное «Я хочу»? Что значит, «хочешь» ли ты чего-нибудь или нет? Важно, хочу ли я этого, а я не допущу, чтобы такой невоспитанный, дерзкий, самонадеянный мальчишка, как ты, вмешивался в управление государственной машиной. Берегись, Павел! Машина не ведает сожалений и раздумья! Если дерзкая рука неосторожно протягивается к ее колесам, то она попросту втягивает неосторожного и обращает в бездыханный труп!

Павел страшно побледнел, но не поколебался под гневным взглядом императрицы.

— Настал момент, которого я давно боялся! — холодно, твердо, отчетливо сказал он. — Я постараюсь не забывать, что вы — мать мне, хотя... — он запнулся.

— Хотя? — крикнула государыня.

— Ну, если вы хотите, я скажу: хотя я сын не только своей матери, но и своего отца. Да, я постараюсь не забыть, что вы мне мать, но заклинаю вас не перетягивать струн и не заставлять меня забывать это! Я не мальчик, и вы напрасно так рез-

ко мальтретируете меня. У меня мутится в голове в такие минуты, и, смотрите, как бы вы сами не раскаялись в недостаточной бережности обращения со мной!

— Ты осмеливаешься грозить мне!

— О нет, я просто взываю к вашему благоразумию! Ну, да мы никогда не столкнемся с вами! Право, лучше всего было бы положиться на решение третьего лица, способного быть беспристрастным!

— Что ты хочешь сказать этим? — спросила Екатерина.

— Я слышал, будто в самом непроиздолжительном времени ожидается прибытие брата прусского короля?

— Да, принц Генрих не сегодня завтра прибудет в Петербург, но я совершенно не понимаю, какие надежды ты можешь возлагать на его проезд?

— Я привык любить и уважать принца Генриха, — ответил с непоколебимым спокойствием Павел Петрович, — и знаю, что и ваше величество относитесь к принцу с большой симпатией. Так вот, раз мы оба верим ему, не представить ли ему на суд наш спор? Если он скажет, что я не прав в своих претензиях, то я обещаюсь никогда не поднимать голоса. Но, может быть, он укажет вам, что с великим князем нельзя так обращаться? Подумайте о том, что я говорю; это верный путь примирить нас!

— Мне нечего думать о таких вещах, — презрительно ответила Екатерина. — Русская императрица не нуждается в примирении с кем бы то ни было: в стране царит ее единая воля, и тот, кто не захочет согнуться, будет сломлен. Что такое великий князь в сравнении с монархом? Ничтожная пылинка, на которую достаточно дунуть, чтобы снести ее в пропасть черного забвения! Вспомни судьбу царевича Алексея, который захотел вопреки воле великого Петра вмешиваться в ход государственных дел! Я, конечно, не могу считаться серьезно с твоим дерзким и неприличным предложением, потому что все происшедшее слишком тяжело для такого слабого ума, как твой. Горе помutilо твой рассудок! Удались к себе и постарайся на досуге вникнуть, куда тебя может завести необдуманность: ведь не всегда я буду расположена к снисходительности! Ступай!

Павел резко повернулся и пошел к выходу.

— Пстой! — повелительно остановила его императрица.— По приезде принца Генриха благоволи встретить его и быть с высоким гостем, чтобы ему не было скучно. Можешь, разумеется, говорить ему, о чем хочешь: я предоставляю тебе полную свободу слова! Жалуйся, обвиняй меня, сетуй на горькую судьбу — меня все это не касается. Но не вздумай в другой раз обращаться с этими жалобами и сетованиями ко мне.

III

Пышные и необыкновенно блестящие похороны великой княгини Натальи Алексеевны вызвали совершенно противоположный результат тому, что предполагала императрица. При дворе все знали, что императрица не любила покойной, все видели, что Екатерина не только не оплакивала ее смерти, а даже была в необычно хорошем расположении духа, и блеск похорон навел на мысль, что хотят что-то замаскировать, утаить...

Без всяких комментариев из уст в уста передавалось следующее сопоставление. Приглашенному для помощи при родах знаменитому доктору Альману императрица категорически заявила, что он отвечает головой за благополучный исход родов. Конечно, Альман поспешил скрыться за границу. Между тем уход за больной был всецело возложен на совершенно неизвестную акушерку, которой ничем не грозили и которую щедро наградили даже после несчастного исхода...

Такого рода разговоры, сопоставления, намеки перекинулись из дворца во все слои петербургского общества, и ко дню похорон о предумышленном убийстве великой княгини говорили, как о вполне установленном, непреложном факте.

Принц Генрих, прибывший в Петербург в день и час торжественных похорон, только теперь узнал о случившемся. Он был глубоко потрясен и как человек, знавший и любивший милую принцессу дармштадтскую, и как дипломат: ведь покойная была сестрой жены прусского кронпринца Фридриха Вильгельма (впоследствии короля Вильгельма III), что в значительной степени укрепляло дружественные связи обоих дворов. Теперь,

очевидно, великому князю будут искать другую жену, и если вторая супруга наследника будет не из дома царственных друзей Пруссии, то это может повредить интересам той страны, представителем которой являлся он, Генрих.

Принц был еще более потрясен, когда из слов встретившего его гофмаршала князя Барятинского вынес впечатление, что здесь не все ладно: правдивый и честный Барятинский был явно смущен, когда принц стал расспрашивать, какие светила медицины помогали великой княгине разрешиться от бремени, какие средства были приняты для предупреждения несчастья и т. п. Конечно, он был слишком искусным дипломатом для того, чтобы выдать свои скрытые думы, но все узнанное им заставило его немедленно глубоко задуматься над положением вещей в России и над лучшим использованием момента ко благу Пруссии.

Великий князь в тот же день навестил принца. Генрих сердечно пожал протянутую ему руку и стал ласково выражать свое глубокое сожаление по поводу постигшей великого князя утраты.

Но Павел так странно держал себя, что в первый момент принц подумал, уж не сошел ли великий князь с ума? Павел сначала рассмеялся в ответ на сожаление, потом нахмурился, затем принялся жать руки принца и беспорядочно, торопливо заговорил с какой-то странной усмешкой:

— Я вам страшно, страшно благодарен! Я ведь знаю, вы это искренне... о, да, да, искренне! Вы хорошо относитесь ко мне! Мы ведь всегда были с вами добрыми друзьями, принц! Так вот, я хочу дать вам добрый, дружеский совет... Не даром: я рассчитываю на благодетельное влияние вашего приезда... Так вот слушайте: вероятно, ее величество сегодня же захочет видеть вас. Помните, не очень рассыпайтесь в выражениях соболезнования по поводу постигшей ее величество утраты: скажите ровно столько, сколько необходимо из простого приличия; если вы хотите добиться у ее величества дипломатических успехов, то еле заметно дайте понять, что не считаете этой утраты такой уж тяжелой...

— Ваше высочество, что вы говорите!

— А главное: ее величество может заговорить с вами об обстоятельствах, сопровождавших смерть великой княгини, так сделайте вид, что вы верите каждому слову императрицы...

— Но как же иначе, ваше высочество?

— Ну, ну, милый принц, могло быть и иначе... Знаете, если не предупредить, так может вырваться неосторожный вопрос, на который трудно дать исчерпывающий ответ, может сорваться удивленное восклицание, дрогнуть лицо — мало ли что...

— Ваше высочество,— крикнул Генрих, хватая Павла за обе руки,— заклиная вас, скажите, что случилось?

— Э, милый принц, многое выплыло наружу в последние дни. Тут и предательства, и измены всякого рода, да и мало ли что... Покойная Наталья Алексеевна умерла не в очень-то большой святости, ну и премудрая императрица поступила с нею тоже не как святая... Трудно решить, кто прав. Моя венценосная матушка страшно дорожит престижем самодержавной власти, если на ее корону сядет бабочка, то сейчас же в душе императрицы поднимается вопрос, а не собиралась ли бабочка завладеть ее короной? Впрочем, что это я так плохо занимаю ваше высочество? Скажите, пожалуйста, милый принц, как здоровье его величества прусского короля и их высочеств? Благополучно ли доехали? Какая погода стоит у вас на родине?

Принц Генрих не успел ответить, как в комнату вошел камергер и пригласил его высочество к ее величеству, готовой принять принца в частной аудиенции. Генрих сердечно пожал руку Павла, сказал ему несколько любезных фраз и отправился в кабинет императрицы.

После обмена традиционными любезностями и приветствиями царственные собеседники перешли к обсуждению политического положения момента. Когда и этот вопрос был исчерпан, императрица сказала:

— А теперь, милый принц, скажите мне совершенно откровенно: как вы нашли великого князя? Должна признаться вам, что он меня очень озабочивает: скоропостижная, несчастная смерть жены и многое другое, открывшееся в последнее время, почти совершенно придавили его. Скажите, как, по-вашему, он очень переменился? Наверное, он вам признался, что его больше всего гнетет и огорчает! Ведь он всегда относился к

вашему высочеству с особенной симпатией и способен сказать вам многое такое, чего не скажет никому на свете!

— К сожалению,— с глубоким поклоном ответил Генрих,— великий князь на этот раз не почтил меня никакими признаниями. Я сразу заметил, что он придавлен большим горем, но великий князь не пожелал пускаться в откровенности, а, наоборот, постарался притвориться веселым. Это очень опасный симптом, ваше величество: горе, затаиваемое на дне души, жжет и обессиливает. Великого князя надо во что бы то ни стало отвлечь!

— Но как это сделать? Посоветуйте мне что-нибудь, ваше высочество!

— Мне кажется, ваше величество, что отвлечь от грустных дум лучше всего переменой места и обстановки. Путешествие принесло бы великому князю большую пользу. Отпустили бы вы, ваше величество, своего наследника со мной в Берлин, так были бы убиты два зайца разом. У нас там масса развлечений, и я закрутил бы его высочество так, что он забыл бы о своем горе. А с другой стороны — его величество, мой августейший брат и король, был бы искренне признателен вам, государыня, потому что он уже давно хочет лично познакомиться с вашим сыном.

Императрица задумалась, потом ответила:

— Мне пришла в голову другая мысль. Великий князь в первом браке доказал, что он — хороший семьянин и что семейное счастье способно в достаточной мере заполнить его жизнь. Умная, энергичная жена с твердым характером, которая сумела бы взять его в руки, развеет его горе, а заодно направит его несколько чересчур дикий нрав на правильный путь. Поэтому я думаю вторично и как можно скорее женить великого князя. Что вы скажете на это, принц? Прошу вас, говорите совершенно открыто и прямо!

— Простите, ваше величество,— взволнованно ответил Генрих,— но я никак не могу согласиться с вами. Я не знаю, был ли счастлив или нет великий князь в первом браке, но в обоих случаях быстрая вторичная женитьба способна оказать слишком разрушительное влияние на его душу. Если он был счастлив в браке, то будет смотреть на вторую жену, как на врага. Если счастлив он не был, тогда сам брак будет ему ненавис-

тен. Словом, даже если вторая жена будет совершенством, поспешный брак может надолго, если не навсегда, закрыть перед ней дверь сердца великого князя.

— Брак царственных особ — более политический акт, чем вопрос личного счастья, принц!

— Согласен, ваше величество, но если можно совместить и то и другое...

— Ну, принц, гарантию не может дать никакой брак!

— Совершенно верно, ваше величество, но почему так необходимо торопиться со столь рискованным делом, как брак? Почему бы не испытать иных средств? Ваше величество против путешествия? Хорошо. Но можно было бы поискать исцеляющих средств в других направлениях. Например, почему бы великому князю не поручить какой-нибудь области управления в государственных делах? Великий князь отличается редкой добросовестностью, ему захочется показать, что он достоин доверия, и вот, погрузившись в работу, он отвлечется от своих грустных дум! Тогда можно подумать и о браке. А так это обыкновенно только терпимое и рискованное жизненное отношение, именуемое браком, становится еще более опасным и рискованным!

— Узнаю признанного всей Европой женоненавистника! — с недобрый смехом ответила Екатерина, намекая на небезосновательную репутацию принца Генриха, служившую неистощимым источником всевозможных шуток. — Но — увы! — принц, как мать я не могу видеть для своего сына счастье в том, в чем, может быть, видите его вы, ваше высочество. Вопрос об участии великого князя в управлении страной мы вообще оставим в стороне. Это невозможно: великий князь не имеет ни одной черты, необходимой для государственного человека, и наоборот — массу таких, которые делают его для этого совершенно непригодным. Конечно, я имею в виду данный момент, ничего не говоря о будущем. Я склонна думать, что эта неспособность является простым следствием его молодости и что с годами придет и желаемая способность. Но сейчас, повторяю, об этом нечего и говорить. И на брак я смотрю совершенно иначе, чем вы, принц. Вы рассуждаете совершенно справедливо, когда говорите, что надо дать время примириться с постигшей

его потерей. Но не все люди одинаковы: Павел слаб, неустойчив, легкомыслен. Сегодня он способен проклинать супружескую жизнь и отречься от всех женщин, но завтра может с утроенной страстью привязаться к другой женщине. Это такой уж человек, с тем его и возьмите! И как мать, знающая характер своего сына, я говорю, что спасение Павла только в новом браке, который должен быть заключен как можно скорее. Мое решение твердо и неизменно, принц!

— Значит, выбор вашего величества уже сделан? — с некоторым беспокойством спросил Генрих.

— О нет, пока еще я не успела наметить подходящую невесту. Но я очень рассчитываю на вас, принц. Ваше мнение для меня тем более ценно, что вы вообще-то не любите нас, бедных женщин, и если похвалите какую-нибудь, значит, это действительно достойная особа!

— Я очень признателен вашему величеству за лестное доверие, — ответил принц Генрих, внутренне переводя дух, — но, простите, вы со слов стоустой молвы несколько преувеличиваете мою мнимую ненависть к женщинам: как же могу я ненавидеть женщин вообще, раз предо мною сейчас поразительнейший образец человеческого совершенства!

— О, вы всегда были рыцарем, принц! Но могу ли я считать эти слова за согласие помочь мне в выборе? А у вашего высочества уже имеется что-либо на примете?

— Да, ваше величество, мне только что пришла в голову одна мысль. Я очень люблю великого князя, мне дорого его счастье, и это заставляет меня быть вдвойне осторожным. Но особа, которую я имею в виду, способна была бы примирить с женщинами даже такого женоненавистника, каким ошибочно считают меня. В ней соединяется все, что только можно пожелать: красота, доброта, высшая лояльность, ум, образование, твердость характера!

— Боже мой, но назовите же мне скорее имя этого феникса, принц!

— Это моя внучатная племянница, принцесса София-Доротея Вюртембергская!

— О, об этой принцессе я и сама слышала массу лестного! Не правда ли, это дочь брата ныне правящего герцога Вюртем-

бергского, а ее мать — урожденная принцесса Фредерика-Доротея Бранденбург-Шведт, дочь сестры его величества прусского короля?

— Совершенно верно, ваше величество, — удивленно ответил принц. — Но до чего вашему величеству в точности известна вся генеалогия европейских дворов!

— Да, этим я могу похвастаться, милый принц!.. Так вот, эта невеста была бы мне тем более желательна, что я получаю ее для сына из рук моего верного и ненарушимого союзника, чем в особенности дорожу. Но мне кажется, что принцесса София-Доротея, во-первых, очень молода — ведь ей нет еще полных семнадцати лет?

— Просто поразительно! — воскликнул Генрих. — И в этой области вы, ваше величество, пребываете несравненной! Да, принцесса очень молода, ей еще нет полных семнадцати лет. Но разве счет лет может быть мерой возраста? Его высочество великий князь совершеннолетен и находится в том возрасте, когда другие монархи, например французский король Людовик Четырнадцатый, самостоятельно и с блеском выносили на своих собственных плечах управление большой страной, а между тем вы, ваше величество, не считаете великого князя способным даже для частичного вмешательства в государственные дела. Наоборот, Софии-Доротес, несмотря на ее семнадцать лет, по уму, образованию и твердости характера можно дать все тридцать, и таким образом принцесса соединяет в себе все выгоды и прелести юного и зрелого возрастов!

— Однако, принц, я вижу, что вас действительно несправедливо обвиняют в женоненавистничестве! Прекрасная принцесса находит в вас красноречивейшего адвоката. Но вы, вероятно, забываете еще одно препятствие, пожалуй, самое значительное: ведь принцесса уже помолвлена с наследным принцем Гессен-Дармштадтским, причем этот брак заключается по взаимному влечению, а не только из-за политических целей!

— А, вашему величеству известно также и это? Но неужели вы серьезно можете считать это каким-нибудь препятствием? Ну что за партия какой-нибудь гессен-дармштадтский принц? Если под рукой нет иного жениха, то можно выдать дочь замуж и за него, но раз на сцену выдвигается настоящий кандидат, то,

чем скорее принц отойдет в тень, тем лучше и для него, и для его невесты. Важно только знать, имеет ли Россия серьезные намерения на принцессу Вюртембергскую, а остальное все не существенно. Если ваше величество согласны с моим мнением, что лучшей жены великому князю не сыскать, то разрешите мне сегодня же послать курьера к его величеству с извещением о состоявшихся у нас прелиминариях.

Екатерина задумалась, затем, сделав рукой решительный жест, сказала:

— Ну что же, пусть так и будет! Уполномочиваю вас, милый принц, быть сватом моего сына! Я считаю двойной честью, что невеста и сват — ближайшие родственники дружественного нам двора. Так с богом, принц! Принимайтесь за это дело, и да благословит Господь ваши начинания!

Царственные собеседники расстались очень довольные исходом переговоров. Только выйдя из кабинета императрицы, принц Генрих на мгновение нахмурился и подумал:

«Да! О смерти несчастной Вильгельмины императрица даже и не заикнулась! Право, если бы у ее величества умерла любимая собачонка, так и то это было бы заметнее! Бедная София-Доротея! Но что такое любовь, что такое личное счастье пред лицом политики».

IV

Принц Генрих не стал терять время и сейчас же отправил курьера к своему августейшему брату с извещением о сделанных им императрице предложениях. В ожидании ответа он с пользой употреблял проводимое время, чтобы расположить в свою — а следовательно, и в прусскую — сторону влиятельнейших лиц русской короны. Принц Генрих отлично знал, какую ценность представляет для дипломата полное постижение глубоко меткой поговорки: «Взлюбит царь, да не взлюбит псарь», а потому, обеспечив расположение императрицы, занялся «псарями».

В те времена все русские сановники не стеснялись брать крупные денежные подарки от иностранных держав. При императрице Елизавете это зло доходило до такой степени, что

официально было известно, сколько получает в год такой-то за поддержку интересов Англии, сколько другой за представительство о благе Австрии и т. п. При императрице Екатерине II это делалось далеко не так явно, не с таким открытым цинизмом, да и сама Екатерина не в пример Елизавете Петровне слишком активно вмешивалась в весь ход внешней политики, чтобы можно было ограничиться одними подкупам. Поэтому в большинстве случаев представители иностранных держав затрачивали несравненно меньшие суммы теперь, чем прежде.

Только с одним Потемкиным трудно было дешево отделаться. Это был единственный человек, сумевший приобрести неограниченное влияние далеко за пределами своего интимного положения при государыне. Правда, стремясь к вершинам власти, Потемкин сумел избежать крупнейшей ошибки Орлова: мелкой ревности. Он понимал, что в этой плоскости не может удержать навсегда чувства Екатерины, а потому не только не ревновал ее к мимолетным симпатиям, но сам разыскивал и приводил к Екатерине людей, достойных по внешним качествам заинтересовать ее. Так и теперь, заметив признаки охлаждения к себе, Потемкин поспешил привести к императрице под видом кандидата на должность личного секретаря красавца Петра Зорича, племянника Елизаветы Зорич.

Принц Генрих окружил самой внимательной любезностью и Потемкина, и Панина, и Зорича, что нередко вызывало грубоватые насмешки великого князя, слишком прямого, чтобы быть таким дипломатом. Он понимал, что Генрих не может поступать иначе, видел, что с ним, Павлом, принц держится совсем иначе, что, оставаясь с ним наедине, Генрих сменял тонкую придворную любезность на сердечную ласковость и дружелюбие. И все-таки он не мог удержаться, чтобы в минуты интимных бесед с принцем не передразнить его обращения с кем-нибудь из любимцев императрицы. Но Генрих не сердился на это; он только дружелюбно улыбался, довольный, что в его присутствии симпатичный ему великий князь несколько расстается с обычной мрачностью расположения духа.

Так шло время, пока курьер не привез ответа Фридриха II. Прусский король сердечно благодарил брата за его удачную

мысль и всецело соглашался с братом, что склонность Софии-Доротеи к принцу Дармштадтскому не может считаться каким-либо препятствием в таком серьезном деле. Он уполномочивал брата окончательно выяснить этот вопрос и пригласить великого князя на смотрины невесты в Берлин.

Теперь все препятствия были устранены, и оставалось только объявить Павлу Петровичу матерински-монаршую волю. Но это-то и было для Екатерины самой трудной частью дела.

Она хотела сначала просить Генриха поговорить с Павлом и воздействовать на него, но потом поняла, что это по многим причинам неудобно. А сама говорить с сыном она не решалась: она не сомневалась, что Павел резко откажется от вторичного брака, наговорит ей дерзостей, и вместо желаемого согласия сына только возгорится новая ссора. Этого-то она, конечно, не боялась, но теперь, когда между нею и Фридрихом Прусским все было покончено, проволочка в решительном предложении могла показаться оскорбительной и повлиять на дружбу обоих государств.

Наконец, продумав весь день, Екатерина позвала к себе Панина, рассказала ему суть дела, известного пока только ей, Потемкину да принцу Генриху, и попросила его сейчас же вечером отправиться к Павлу Петровичу и во что бы то ни стало уговорить его подчиниться воле матери. В заключение она сказала, что на следующее утро будет ждать сына у себя с ответом.

На следующий день тяжелые шаги в соседней комнате известили Екатерину, что Павел Петрович явился.

— Ну, милый Павел,— с худо скрываемой тревогой спросила она, силясь выразить на лице нежнейшую улыбку,— я надеюсь, ты принес мне свое согласие?

— В чем именно, ваше величество? — спросил Павел.

— Но ведь ты, конечно, знаешь, чего я хочу от тебя! — несколько растерянно сказала императрица.— Итак, согласен ли ты на брак с принцессой Софией-Доротеей?

— Да не все ли мне равно? — небрежно ответил великий князь.— Мне лично жена совершенно не нужна, так как дам у нас, слава богу, довольно, а под благодетельным скипетром вашего величества процвела такая легкость нравов, что женить-

ся для того, для чего женятся простые смертные, нет ровно никакой нужды. Жена нужна не мне, а государству. Ну а так как меня с детства приучали к мысли, что ради интересов государства должно идти на всяческие жертвы...

— Разве это такая жертва, Павел? — спросила его императрица.

— О нет, это просто к слову пришлось! Я только хотел сказать, что мне странно, как могли вы думать, будто я стану протестовать против этого брака? Одной женой больше или меньше — не все ли равно? Можно будет с ней жить — буду жить, нельзя будет жить — не буду, а окажется она уж очень невыносимой, так я смиренно прибегну к материнскому покровительству вашего величества, и... Господи, мало ли от чего в России умирают неудобные люди?

Императрица призвала на помощь всю силу своего характера, чтобы сдержаться и не дать воли гневу на эти слова, и продолжала с прежней ласковостью:

— Я очень рада, что ты не видишь никаких препятствий исполнить мое сокровенное желание. Впрочем, ведь ты должен понять, что в корне моим самым большим желанием было и будет видеть тебя счастливым. Ну да оставим этот вопрос! Скажи, ты просмотрел список лиц, назначенных мною в твою свиту? Может быть, ты кого-нибудь не желаешь иметь при себе? Тогда скажи, я заменю другим по твоему выбору!

Павел в ответ громко расхохотался и сквозь смех воскликнул:

— Боже мой, ваше величество! Уж не сплю ли я? Непривычный блеск вдруг осиял мое чело! Со мной считаются, справляются о моих желаниях, симпатиях! Знаете, ваше величество, если дело и дальше пойдет таким образом, то из меня может выйти настоящий великий князь, а не какое-то пустое место с ярлычком «его высочество». Тысячу раз благодарю вас! О да, я вполне доволен избранными вами лицами. Я уже заранее смеюсь чудачествам старого фельдмаршала Румянцева, которого люблю от всей души. Что касается графа Николая Салтыкова, то в нем я не люблю только его фамилии, а сам он мне скорее симпатичен!

— А почему тебе ненавистна фамилия уважаемых Салтыковых? — спросила императрица, лицо которой сразу стало раздраженным и гневным: она поняла более чем ясный намек Павла¹.

— О, только потому, что я — пока еще не настоящий великий князь и никак не могу освоиться со многим, что творится на свете и признается естественным и обычным. Но это все не важно. Я поеду с кем угодно, женюсь на ком угодно... О, я докажу вашему величеству, какой я покорный, нежный сын! Только одного я попрошу у вас: нельзя ли мне уехать сегодня ночью, потому что почва в Петербурге мне кажется слишком горячей...

— Очень сожалею, — холодно сказала Екатерина, — что не могу исполнить именно эту единственную просьбу. Ты отправишься в путь завтра в час дня, ни минутой раньше, ни минутой позже. Мне нужно написать очень важное письмо королю Фридриху, и едва ли это удастся раньше поздней ночи, потому что у меня слишком много дел на сегодня. Завтра утром я приму принца Генриха в торжественной прощальной аудиенции. Ровно в час дня ваш поезд тронется!

Павел молчаливо поклонился в ответ.

V

Король Фридрих, которому после победоносной Семилетней войны присвоили эпитет «Великого», но который в устах обожавшей его партии и простонародья оставался Старым Фрицем, был что-то плохо настроен.

Теплое июньское солнце ласково заглядывало через окна в круглую библиотечную комнату, цветущие кусты, слегка колеблемые проказником зефиром, шаловливо просились к Фридриху, с нетерпением постукивая в стекла окон, но король ничего не видел и не слышал, и его лицо оставалось таким же задум-

¹ Салтыков был одним из фаворитов Екатерины II еще при жизни Петра III, когда последний был еще наследником русского трона. Мемуары и догадки некоторых лиц того времени ставят в связь это увлечение с рождением великого князя Павла Петровича.

чивым и сосредоточенным, как лицо мраморного Платона, стоявшего рядом с Вольтером на притолоке книжного шкафа.

У ног короля дремала любимая левретка Коринна, рядом на столе в открытом футляре лежала флейта, подруга юности Фридриха, издавна поверенная его забот и огорчений. Но в последние годы король все реже и реже вступал в разговор с этой немой и столь красноречивой утешительницей. Бремя трудов и лет не осталось без следа на физической природе короля, и еще в течение Семилетней войны он написал своей старой приятельнице графине Камас:

«Мое лицо стало морщинистее фалбалы на дамском платье, а рот похож на крепость, в которой враг проделал ряд брешей».

Эти «бреши», образовавшиеся от выпадения зубов, и были причиной того, что флейта по большей части оставалась в своем футляре. Только очень-очень редко из библиотечной комнаты вдруг раздавались тихие, жалобные стоны флейты, и тогда вокруг все замирало: ведь все знали, что его величество прибегает к флейте только в минуты высшей скорби, гнева или раздражения.

Но сегодня король не прибегнул к помощи подруги своих юных дней. Он просто открыл крышку футляра, достал флейту, нежно посмотрел на нее и со вздохом положил обратно.

— Отвратительная история! — буркнул он наконец. — Эта молодежь со своими фантазиями и сентиментальными причудами способна разорвать мне всю ткань политики, которую я тку так старательно, так кропотливо столько лет! Неужели допустить, чтобы здание, которое я так бережно и любовно возводил собственными руками, обрушилось в момент увенчания? Ну, нет! Я не допущу, чтобы эгоистическое упрямство влюбленных детей разрушило творение зрелых мужей... Придется разыграть из себя ментора и поучить практическому уму-разуму влюбленных. Господи боже мой, ну что за ребячливые дураки люди в большинстве случаев!

В дверь кто-то тихо, робко постучал.

— Кто там? — ворчливо крикнул король, наблюдая за Коринной, которая сейчас же вскочила с места, подошла к двери и принялась обнюхивать дверную щель острым носиком. — Это,

очевидно, кто-нибудь из своих, потому что Коринна не лает! Ну войдите же, кто там!

Дверь открылась, и на пороге показалась высокая, тощая фигура генерала Лентулуса, обер-шталмейстера его величества.

— Что за фокусы, Лентулус? — недовольно сказал Фридрих. — Разве не знаешь, что следует постучать и войти, раз приходишь по делу, а не торчать там за порогом, словно бедный проситель... Ну, как дела в Берлине?

— Ваше величество, — ответил генерал, вытягиваясь во фронт, — все обстоит великолепно!

Король указал ему рукой на стул, и генерал Лентулус, повинаясь приказанию его величества, поспешно направился туда. Но в чрезмерном усердии он не заметил, что левретка, умильно шевеля хвостом, продолжала вертеться около его ног, и тяжело наступил ей на лапу. Коринна жалобно взвизгнула и разразилась рядом пронзительных стонов, похожих на плач обиженного ребенка.

— Чтобы тебя черт побрал, Лентулус! — загремел король. — Надо под ноги смотреть: несчастное животное с тобой здороваётся, выказывает тебе свою дружбу и радость, а ты калечишь ее! Можешь отдавить ноги хоть всему человечеству, если эта забава доставляет тебе такое удовольствие, но пощади моих собак!

Говоря это, король взял Коринну на руки, положил на стоявшее рядом кресло и принялся ласкать и утешать. Коринна мало-помалу затихла.

— Ну, рассказывай, Лентулус, — мягко сказал Фридрих, стараясь ободрить бедного генерала и вознаградить его за неожиданную головомойку. — Ты, значит, был в Берлине и находишь, что там не теряют времени даром, чтобы оказать достойный прием его высочеству русскому великому князю?

— Точно так, ваше величество! Весь город в движении, и там кипят такая суетня, беготня и энергичная деятельность, что можно подумать, будто Пруссия готовится к величайшему национальному празднеству. Но кто особенно лезет из кожи вон, так это цех мясников. Согласно старинным традициям, они имеют право приветствовать великокняжеский поезд на городской черте. Теперь они шьют себе расшитые серебром и золо-

том бархатные и шелковые платья и покупают лучших лошадей для встречи великого князя верхами.

Король кивнул головой с довольным видом, потом достал понюшку испанского табака и методически втянул в обе ноздри. Затем он сказал:

— Я очень рад этому. Деньги должны находить быстрое обращение, а не лежать в сундуках. Но только они должны оставаться в самой стране, а не уходить благодаря разным лакомкам да старым кофейницам за границу. Пусть мясники наряжаются, как хотят, но обязательно при том условии, которое я им поставил: бархат и шелк должны быть прусских фабрик, а лошади королевского завода!

— Они в точности исполнили приказание вашего величества,— торжественно ответил генерал.— Шелкоткацкие фабрики работают день и ночь, чтобы удовлетворить тьму заказов, поступающих со всех сторон. Дело в том, что все цехи хотят принять участие в торжествах, а цеховая гордость не позволяет одним одеться беднее и скромнее, чем другие. Не отстают от них и купцы, которые тоже запасаются парадными одеяниями. Из этого, ваше величество, можете усмотреть, насколько берлинцы любят своего короля; ведь все это они делают только потому, что знают, насколько внимание к иностранному гостю будет приятно вашему величеству.

— Полно врать, Лентулус! — хладнокровно сказал король.— Берлинцы далеко не такие пламенные роялисты, какими ты хочешь представить их. Наоборот, это бездельники, готовые из-за каждого пустяка становиться в оппозицию. А если они теперь и наряжаются да прихорашиваются, так просто потому, что все это непутевый народ, готовый из тщеславия разориться. Да, сказал ты президенту городской полиции Филиппи, чтобы он принес мне текст надписей?

— Точно так, ваше величество! Он пришел вместе со мной и ждет в приемной милостивой аудиенции.

— Отлично! Ну,— не без замешательства спросил король,— а как обстоит дело с нашими личными приготовлениями? Приказал ты осмотреть придворные экипажи и золоченую упряжь?

— Да, ваше величество,— с глубоким вздохом ответил генерал,— только не смею скрыть от вашего величества, что все это

пришло в самое отчаянное состояние и что каретникам, обойщикам, золотильщикам, кузнецам и прочим придется работать день и ночь, чтобы успеть привести экипажи и упряжь в мало-мальски приличный вид.

— Что такое? — сердито крикнул Фридрих. — Да ведь мы совершенно не пользовались этой дребеденью, а ты, Лентулус, хочешь уверить меня, будто экипажи уже пришли в негодность! Не смей и заикаться о такой ереси! Экипажи и упряжь держатся дольше людей, а между тем найдутся люди, которые не моложе наших экипажей. Ведь они изготовлены всего только в тысяча семисотом году, к коронации моего блаженной памяти деда, Фридриха Первого, и с тех пор ими пользовались всего два раза на коронационных торжествах — отцовских и моих!

— В том-то и беда, ваше величество, что их употребляли всего только два раза. Редкое употребление портит вещи хуже, чем частое. Винты, гайки и вся железная арматура проржавели, золочение облезло, упряжь и сиденье изъедены крысами, потому что все эти кареты стоят без всякого надзора целых тридцать пять лет!

— Уж вижу, вижу, куда ты клонишь! — ворчливо сказал король. — Опять хочешь выклянчить у меня кругленькую сумму денег? Все вы хороши!.. Взять деньги готов каждый, а вот дать, это другое дело! Ну-с, так сколько же тебе надо, чтобы привести в порядок экипажи, упряжь и ливреи?

— Ваше величество, — смущенно ответил Лентулус, — у нас всего двенадцать экипажей разного рода. Их надо заново перебить, заново позолотить и лакировать; затем упряжь. Ее требуется на семьдесят лошадей. Правда, упряжь имеется, но она пришла в совершенно негодное состояние. А ливреи!..

— Уж вижу, что ты собираешься загнуть большую сумму, раз говоришь так долго. Ну, короче: сколько?

— Ваше величество, меньше, как с десятью тысячами талеров мне не обойтись...

— Десять тысяч талеров!¹ — в ужасе вскрикнул король. — Недурно! Видно, как ваше превосходительство бережете деньги

¹ Талер по тогдашнему курсу — около полутора рублей; по своей сравнительной стоимости в описываемое время он представлял значительную сумму.

своего государя! Конечно, раз деньги не свои, так что их жалеть: сыпь обеими руками направо и налево! Ну да не на таковско-го напал! Не для того я коплю деньги, экономлю их, нажимая везде, где можно, чтобы выскочил какой-нибудь Лентулус и разорил меня в один миг! Да, да! Если бы вашему превосходительству пришлось залезть для ремонта экипажей в свой собственный карман, то по странному стечению обстоятельств понадобилось бы всего тысячи четыре-пять, а из моего кармана можно выудить и все десять? Дудки, ваше превосходительство! Получайте шесть тысяч талеров и справляйтесь, как знаете. А что сверх того — можете сами доложить! Да смотрите, чтобы все было на славу; если я замечу какое-нибудь упущение, то семь шкур спущу! Ступайте! Чтобы было сделано, как я сказал! Да пришлите мне сюда Филиппи!

Генерал ушел с почтительным поклоном. Король хмуро пробормотал:

— Шесть тысяч талеров на какую-то ерунду! Как жаль такой массы денег! Ну да ничего не поделаешь: императрица любит пышность и великолепие, а ведь ее соглядатаи доложат ей обо всем подробно!

VI

Дверь осторожно открылась, и вошел президент городской полиции Филиппи. Он был в парадном должностном мундире, на шее у него висела толстая золотая цепь с золотой медалью — символ его власти. В руках у него была связка бумаг. В то время как он глубоко поклонился королю, медаль зазвенела о звенья цепи, что разбудило Коринну, так что она с пронзительным лаем вскочила с места.

Король рукой удержал ее на кресле и сказал:

— Тише, Коринна, это не враг, бряцающий оружием, а президент города Берлина, явившийся во всем своем великолепии. Ну-ка, президент, подойди поближе да покажись получше! Ты принес текст надписей и программу торжеств?

— Точно так, ваше величество. Я набросал полную программу, и теперь требуется только одобрение вашего величества, чтобы отдать отпечатать.

— Так! Ну, выкладывай, что у тебя есть. Да ты присядь, Филиппи, и брось, пожалуйста, выражать знаки верноподданничества и преданности. Всему свое время; теперь мы занимаемся делами, и нам некогда ломать язык над титулами и почтительным построением фраз. Говори коротко, ясно и просто, как с равным себе горожанином. Так вот-с! Все готово? Все надписи, приветственные стихотворения, все?

— Да, ваше величество, все готово, и я принес с собой стихотворения. Господа поэты напрягли все свое воображение, чтобы дать нечто из ряда вон выходящее.

— Надеюсь, что в этих стихотворениях говорится с восторгом и преклонением как о великом князе, так и об императрице Екатерине?

— О да! Во всех стихотворениях Павла рисуют верхом совершенства по уму, красоте и доброте и прославляют его как точный портрет в физическом и нравственном отношениях своей державной матери.

— Ну, батюшка, это ровно никуда не годится! — ответил Фридрих с саркастической улыбкой. — Одного такого стихотворения достаточно, чтобы рассориться с Россией на два царствования. Мы только обидим и мамашу, и сына. Екатерина сочтет себя обиженной за уподобление ее сыну в физическом отношении, так как великий князь действительно красотой не удался. Ну а Павел способен прийти в бешенство от приписывания ему нравственных качеств матери. Надо считаться с тем, что они не очень-то долюбливают друг друга. Хвалите сколько влезет, но каждого отдельно и за его собственный счет. Ну-с, а теперь следующее: в каком порядке проследует процессия?

— Цех мясников, в качестве городской кавалерии Берлина, отправится со знаменами цеха в Вейсензее. За ним отправятся стрелковая гильдия и юное купечество. У Малхова они расположатся по обеим сторонам дороги и встретят поезд великого князя оглушительными фанфарами. Затем депутация от всех трех отрядов обратится к великому князю с почтительной просьбой разрешить эскортировать его поезд. Получив согласие его высочества, процессия двинется под звуки оркестра к Вейсензее, где его высочеству будет предложен обед, а у выстроенных там триумфальных ворот великого князя, прин-

ца Генриха и всю свиту встретят остальная часть участников процессии и дворцовые экипажи. При въезде поезда в городскую черту будет оповещено население сто одним пушечным выстрелом. Магистрат выступит для приветствия из специально выстроенной палатки и проведет великого князя к триумфальной арке, где будут ожидать его высочество шестьдесят девиц, одетых пастушками и садовницами. Они преподнесут великому князю приветственное стихотворение.

— Триумфальные арки, надеюсь, достаточно великолепны?

— О, ваше величество, это настоящее художественное произведение, вышедшее из рук архитектора фон Штрака. Над средним порталом гении России и Пруссии сливаются в сердечнейшем объятии. У каждого из них в руках по рогу изобилия, а оружие, шлемы и разное вооружение повержены на землю к их ногам. Под фигурами надпись: «Обоюдная верность». Еще ниже: «Его высочеству русскому великому князю магистрат и население города Берлина радостно возглашают: «Добро пожаловать! 21 июля 1776 года».

— Разве надпись сделана по-немецки? — испуганно спросил король.

— Боже упаси! Надписи сочинены на прекрасной латыни ректором гимназии!

— А, понимаю! Ты знаешь, что я плохо знаком с латынью, и потому переводишь мне на немецкий язык! — улыбаясь, сказал король. — Что же, это правда, у меня было мало времени, чтобы изучить Цезаря и Тацита на их родном языке, но это потому...

— Потому что ваше величество сами были Цезарем и Тацитом! — восторженно перебил его Филиппи. — После ряда побед в качестве второго Цезаря ваше величество занимались историей, которую писали, как второй Тацит!

— Однако! — сухо сказал король. — Господин президент города Берлина считает долгом осыпать меня, старика, комплиментами и доходить в своем усердии до того, что решается прерывать на полуслове самого короля. Ну-с, а где выстроена вторая триумфальная арка?

— У Королевского моста, где великого князя встретят тридцать купеческих дочерей, наряженных садовницами. Они будут осыпать великого князя цветами, а их предводительница

преподнесет высокому гостю приветственное стихотворение. На арке виднеются русский и прусский орлы, под ними надпись: «*Ex Amicitia Felicitas*».

— Если не ошибаюсь, это значит: «Из дружбы проистекает счастье». Ну а третья триумфальная арка?

— Ее строят на Длинном мосту. Надпись гласит: «*Vota Matris Patrisque et Patriae Exaudita*».

— «Желания матери, отца и отечества услышаны», — тихо перевел король, и на мгновение по его лицу скользнула саркастическая улыбка. — Ну, что же, — продолжал он, — все это очень изящные и поэтические надписи, и я не сомневаюсь, что и стихотворения окажутся не менее поэтическими и изящными. Но я лучше прочту их наедине. Завтра я пришлю тебе с генералом Лентулусом обратно программу и поэтические приветствия. Но, пожалуйста, прими меры, чтобы все было пышно и богато. Нельзя забывать, что на карту ставится честь города Берлина! Сколько ассигновано на прием русского гостя?

— Ваше величество, магистрат и горожане единогласно постановили ассигновать из средств городской кассы десять тысяч талеров.

— Что же, в сущности это не так много, но обойтись можно, — сказал король, кивая головой. — Впрочем, магистрат должен принять в соображение, что все израсходованные деньги попадают опять-таки в карманы горожан разных цехов, так что не беда, если будет истрачена лишняя тысяча талеров. Вот если бы такие большие деньги уходили за границу, это были бы стыд и позор. Из этих-то соображений я и не могу примириться с питьем кофе. Почему это так необходимо превращать в продукт первого потребления иностранный товар? Помилуйте, в одном только прошлом году за границу из Пруссии утекло больше миллиона талеров, заплаченных населением за кофейные бобы! Да разве это мыслимо? Разве можно допустить такое мотовство? Нет, я уже повысил пошлины на ввозимый кофе и буду продолжать повышать их до того, что берлинцы бросят в конце концов этот разорительный каприз. Ну да, я думаю, они сами поняли, насколько это мероприятие клонится к их выгоде, а?

Филиппи потупился и молчал.

— Отчего ты не отвечаешь? А, они, наверное, все еще ворчат? Филиппи продолжал молчать.

— Да отвечай же ты, пожалуйста! Приказываю тебе сказать мне всю правду, не стесняясь ничем. Ну, я жду! Ворчат берлинцы?

— Конечно, ворчат, ваше величество, да еще как! — воскликнул Филиппи. — Уж такой это народ!

— Вот как? Что же они говорят?

— Они заявляют, что со стороны вашего величества вмешательство в их домашний обиход является простым тиранством!

— Тиранство? Вот обычное боевое слово демагогов и крикунов! Все, что им не по душе, они считают тиранством. Да разве не моя обязанность следить за благополучием подданных? Ведь я им все равно, что отец, поставленный Богом над неразумными детьми!

— Ваше величество уже тысячи раз доказали, что по отношению к народу неизменно являетесь истинным отцом!

— Оставь ты, пожалуйста, этот придворный язык! Кому нужна твоя лесть? Сам видишь, что народ держится другого мнения и становится мне в оппозицию. Если бы я приказал им пить кофе, то никто не притронулся бы к нему. А я ограничиваю ввоз кофейных бобов и повышаю таможенные пошлины — вот они и готовы с жадностью пить горькую, мутную, грязную водичку, делая вид, будто это истинный нектар! Ты не согласен со мной? Правду, Филиппи! Я требую правды!

— Извиняюсь, ваше величество, но решительно все, не исключая даже докторов, уверяют, будто кофе обладает укрепляющими и освежающими свойствами! — робко ответил Филиппи.

— Полно врать! В Пруссии задолго до появления этого проклятого пойла было сильное и бодрое население, которое не видело необходимости разоряться ради какого-то «укрепления». Я сам вырос на пивном супе, и моим подданным ровно ничего, кроме хорошего, не сделается, если и они тоже заменят кофе пивом. А выгода-то, выгода! Кофе привозится из-за границы, а пиво варится у нас, на родине... Ну да об этом и говорить нечего! Кто не желает платить пошлину за кофе, пусть ест пив-

ной суп¹ — мое решение неизменно! Можешь передать это своим согражданам. Ступай с Богом и позаботься, чтобы все было устроено на славу!

Филиппи ушел с низкими поклонами, пятась, согласно этикету, спиной к двери.

Фридрих остался снова один.

— Так вот как! — сказал он, и в тоне его голоса зазвучала болезненная горечь. — Они зовут меня тираном? Но разве я виноват, что все это рабские душонки, которые не понимают своего блага? Их приходится тащить на аркане к их собственному благополучию. Я из кожи лезу вон, чтобы сделать для них как можно больше добра, а в награду они же меня ругают... Что же делать, править рабскими душошками можно только тиранически... Ах, да что я обращаю внимание на пустые бредни! Эпиктет² говорит: «Если о тебе говорят дурное, и это правда, постарайся исправиться; если это ложь, смейся над этим». Мне и остается только смеяться!

В этот момент тишина нарушилась грохотом подкатившего ко дворцу экинажа.

— Это, наверное, принц Гессенский, — сказал Фридрих. — Что же, бедному философу из Сан-Суси³ придется взывать к разуму влюбленного юнца. Юность, любовь и разум!

Вошедший камердинер доложил:

— Его светлость, наследный принц Гессен-Дармштадтский!

— Проси! — ответил король и, встав с кресла, сделал несколько шагов по направлению к двери.

VII

Наследный принц Гессен-Дармштадтский Леопольд прибыл в Потсдам по приглашению короля из Берлина, где он служил полковником королевской гвардии. Когда он вошел в библиотечную комнату и остановился в дверях, вытянувшись во

¹ Подлинные слова Фридриха II.

² Философ-стоик I века.

³ Любимый замок короля, выстроенный им близ Потсдама. Там у него гостил, между прочим, и Вольтер.

фронт, король внимательно окинул его с ног до головы, последовательно переводя взгляд от красивого, умного, энергичного лица по всей стройной, мускулистой фигуре.

«Он и в самом деле редкий красавец,— подумал король,— и нечего говорить, что принц Леопольд более годится в герои девичьих грез, чем русский великий князь, который, говорят, очень неказист по внешности. Да, нелегко будет мне справиться с принцессой, если только сам Леопольд не придет мне на помощь!»

— Подойдите ближе, принц,— ласково сказал он вслух,— ведь я пригласил вас не в качестве полковника гвардии, а как наследного принца суверенного немецкого герцогства. Поэтому давайте забудем военные ранги здесь, в этой библиотеке, где на нас смотрят мраморные лица моих друзей, философов и поэтов. Тут, принц, нет полковника и главнокомандующего, здесь только два царственных собеседника!

— Ваше величество оказываете мне такую милость, которая почти пугает меня; я не понимаю, чем я мог заслужить ее! — ответил принц Леопольд.

— Ну, ну, что за счеты! Присаживайтесь сюда, принц, и поболтаем с вами немножко!

Гессен-дармштадтский принц смущенно опустил на указанное ему королем кресло.

— Ну-с, во-первых, скажите мне, милый принц, сколько вам лет?

— Двадцать четыре, ваше величество!

— Боже, как вы еще юны! — сказал Фридрих, улыбаясь.— И в таком завидном возрасте вы хотите уйти, словно инвалид, на покой? Я получил вчера ваше прошение об отставке. Вот по этому поводу я и пригласил вас к себе. Я хотел бы знать, что заставляет вас, такого ревностного солдата, любимца начальников и подчиненных, моего ученика, как я с гордостью называл вас, принц, вдруг бросать службу?

— Батюшка в последнее время все прихварывает и желает видеть меня возле себя,— смущенно ответил принц.— Да я и сам думаю, что мне пора уже вникать в государственные дела родины...

— И все это неправда, друг мой,— с мягкой улыбкой перебил его король.— Ваше лицо — слава богу! — еще не научилось лгать! Я скажу вам, почему вы хотите бросить военную службу: потому что вы сердитесь на меня, думаете, будто имеете основание серьезно претендовать на меня, считаете себя несправедливо обиженным мною — вот почему! Ну, скажите сами, как подобает мужчине и солдату, скажите честно и прямо: разве это не так?

— Ну, раз ваше величество желаете, чтобы я говорил откровенно, то прошу извинить, если я в полной мере воспользуюсь этим разрешением! — воскликнул принц.— Да, ваше величество, вы изволили сказать сущую правду. Я имею основание считать себя несправедливо обиженным вами. Я хочу уехать отсюда потому, что не могу примириться с мыслью: мой король-герой, мой обожаемый великий Фридрих способен на черствый эгоизм, на самую страшную жестокость! Разве не эгоизм, не жестокость, что вы из личной выгоды хотите сделать меня глубоко несчастным, хотите лишить меня невесты, которую я люблю, с которой я обручен по согласию и одобрению обоих семейств, которой я сам клялся в вечной любви и верности и взаимные клятвы которой выслушал и закрепил сам Бог!

— А откуда вы знаете, что Он действительно сделал это? — улыбаясь, спросил король.— Не забудьте, принц, что Господь всемогущ, и если бы ваши взаимные клятвы были приняты Им, то никакая сила в мире, даже такой черствый, старый эгоист, как я, не могли бы разлучить вас с невестой. Но вы ошибаетесь, милый друг: Господу Богу слишком некогда, чтобы выслушивать обеты влюбленных и закреплять их подобно нотариусу в небесной крепостной книге. В небесную книгу заносятся только истинно великие и благородные деяния людей, такие деяния, для совершения которых требуется величайшее самопожертвование, деяния, которые возрастают только тогда, когда их поливают кровью собственного сердца и сажают на могиле заветнейших грез. Я не думаю, чтобы Господь занес в свою книгу хоть одну-единственную из одержанных мною побед над неприятелем, но мою победу над собственным сердцем Он, наверное, записал мне на приход. Эта победа была мною одержана

на тогда, когда, уступая желаниям отца, я согласился принять из его рук избранную им для меня жену!

— Но в то время вы, ваше величество, не любили никого другого, вы пожертвовали своей свободой, но не любовью!

— А откуда вы знаете это? О, самоуверенная юность! Но не будем разрывать старые могилы, не будем воскрешать тени прошлого. О вас надо нам поговорить, милый принц. Итак, вы утверждаете, что, разлучая вас с любимой невестой, я действую жестоко, эгоистично и себялюбиво?

— Но, к несчастью, я сказал только одну истину! Вся Германия знает, что русский великий князь приезжает в Берлин ради второго брака, после того как Господь избавил мою несчастную сестру от опасного счастья быть женой Павла Петровича и невесткой Екатерины Второй! Вся Германия знает, что ваше величество лично избрали заместительницу моей бедной сестре и что этой заместительницей намечена принцесса София-Доротея, которую я люблю и которая взаимно любит меня!

— Все это фактически верно, и я не буду оспаривать то, что утверждает «вся Германия», — мягко ответил король. — Да, муж вашей покойной сестры, великий князь Павел, едет в Берлин, чтобы обручиться здесь с принцессой Вюртембергской, бывшей ранее вашей невестой.

— Она не только была моей невестой, — воскликнул принц, — она и теперь не перестала быть ею! Да, да, и тысячу раз да! София-Доротея — моя невеста, я не откажусь от нее и не допущу, чтобы ее насилием заставили согласиться на разрыв со мной! Всякие попытки разлучить нас будут напрасными, государь!

— Бедный друг мой, кому нужно разлучать вас? Разве вы уже не разлучены? Разве принцесса не прибыла три дня тому назад в Берлин с родителями? Разве удалось вам видеть ее хоть раз? Разве было хоть одно ваше письмо, которого принцесса не вернула вам обратно?

— Принцесса тут ни при чем, она не могла забыть мою любовь и свои обеты. Ее держат взаперти, моих писем до нее не допускают. Может быть, ее даже уверяют, будто я забыл о ней, будто я в объятиях другой женщины нашел забвение. А я даже не могу дать ей весточку!.. — И бедный принц, не будучи в си-

лах более справиться со своим горем, закрыл лицо руками и разразился истерическими рыданиями.

— Плачьте, принц, плачьте! — мягко сказал король. — Такие слезы не позорны даже для героя. Вы не можете не плакать, потому что впервые встретились с первым горем, с первым крушением надежд, а я сам знаю, как болят и горят эти первые раны!

— И подумать только, что вы, мой герой, мой идеал, мой бог, являетесь причиной этих страданий! — воскликнул сквозь рыдания принц.

— Да, видеть, как вдребезги разлетаются идеалы, очень тяжело, — спокойно ответил Фридрих. — Я знаю это, прошел через все это... В жизнь вступаешь с такой массой идеалов, что не знаешь, в какие углы расставить их, а к концу своих дней ищешь хоть иллюзию идеала и встречаешь повсюду только пустоту... Жизнь — тяжелая школа, принц! Вы, мой юный друг, переживаете пору первого урока, страдаете от потери первого идеала. Вы видели во мне философа, героя, сверхчеловека, а на поверку вышло, что я — не только самый заурядный человек, а даже черствый, бессердечный эгоист, играющий судьбой других людей ради личной выгоды!

— Но разве это не так? — воскликнул принц.

— Нет, мой друг, это далеко не так. Я не буду вдаваться с вами в характеристику своих личных качеств или недостатков, но скажу только, что в отношении вас я не был эгоистом и не преследовал личной выгоды. Я сам много передумал и перестрадал, пока решился покуситься на ваше счастье, но я сделал это только потому, что голос политических соображений оказался мне убедительнее, чем голос слепого сострадания!

— Ах, политика! Это плохая советчица в вопросах человеческого сердца!

— О да, она не ведает сентиментальности, она черства и узко рассудочна. Но ведь она подобна купцу, ведущему счет своих капиталов на тысячи и не обращающего внимания на единицы. Политика имеет конечной целью благо целой массы людей; что же значит в сравнении с этим счастье двух любящих сердец? Конечно, политика бывает разная. Бывает и такая политика, которая зиждется на тираническом складе характера, на

себялюбии, на жертвовании счастьем масс личной прихоти. Но скажите, положя руку на сердце, принц, разве вся моя жизнь не доказывает, что моя политика не такова? Я скоро отдам личный отчет Господу в своих земных делах, принц, и скажу вам откровенно: я предстану пред Ним без трепета. Я, конечно, ошибался, но и в ошибках бывал искренним. Это по существу, принц. Перейдем теперь к данному факту. Какую личную выгоду могу иметь я, Фридрих, от брака моей внучатной племянницы с русским великим князем? Допустим, что она когда-нибудь будет русской императрицей. Но разве сам я доживу до этого? Да и могу ли я видеть в этом какое-нибудь чрезвычайное счастье? Я не считаю, что быть русским императором почетнее, чем прусским королем, и ради желания видеть свою племянницу русской императрицей не стал бы разбивать ее счастье. Но политическое положение таково, что нам нужно привязать к себе Россию крепкими узами. Вы должны знать, принц, что Пруссия, стоящая во главе суверенных княжеств Северной Германии, ведет ожесточенную борьбу с Южной Германией, то есть с австрийской империей. Мы двигаемся вперед — Австрия падает. Если мы не воспользуемся ее падением, то либо Австрия опять окрепнет и нашему росту будет надолго положен предел, либо ее падением воспользуются прочие державы, и мы опять останемся в убытке. Подумайте теперь сами, принц: Екатерина Вторая желает иметь принцессу Вюртембергскую своей невесткой. Из-за вашей любви мы откажем ей в этом. Разве русская императрица простит нам это? Ведь она немедленно перейдет на сторону Австрии, а это нам обойдется очень дорого. Вспомните, что было при Елизавете Петровне: не скончался она и не вступи на русский престол наш поклонник Петр Третий, неизвестно, существовали ли бы мы еще. Вы скажете, что это касается благоденствия Пруссии и что именно в этом-то проявляется мой эгоизм? Нет, принц, без Пруссии все суверенные княжества, и Гессен-Дармштадт прежде всего, останутся беззащитными. Да и скажу вам по секрету, принц: я боюсь теперь всякой войны, даже с самым победоносным исходом. Самая победоносная война надолго подрывает народное хозяйство, истощает государственную кассу, задерживает ход просвещения. Опираясь на союз с Россией, мы можем добиться многого толь-

ко дипломатическими переговорами, не истратив ни одного талера, не пролив ни единой капли крови. Но стоит нам поссориться с «северным колоссом», и сейчас же волна крови затопит всю Европу. Мало того, знаете ли вы, принц, что Австрия собиралась предложить в жены Павлу Петровичу эрцгерцогиню? В состоянии ли вы отрицать, что отказ русскому жениху в руке Софии-Доротеи будет гибелью прежде всего для родного Дармштадта? Принц, от имени Германии, от имени вашей родины и народа я спрашиваю вас, хотите ли вы быть венценосцем, истинным мужчиной или только влюбленным?

— О боже мой, боже мой! — в полном отчаянии пробормотал принц. — Как я страдаю, как я невыносимо страдаю!

Фридрих II сочувственно посмотрел на молодого человека и, торжественно положив ему руку на голову, произнес:

— Принц! Этот час превращает вас из юноши в мужчину, и моя старая рука благословляет вас на это. Вы можете смело принять мое благословение — благословение старика, много пострадавшего в своей жизни, как страдаете вы, и поборовшего себя так же, как, без сомнения, поборете и вы себя!

— Ну а София? Что она? — дрожащим голосом спросил принц.

— Она рыдает и борется так же, как вы. Но и она склонится перед необходимостью, если вы подадите ей пример.

Принц снова закрыл лицо руками и долгое время молчал. Король Фридрих с невыразимым сочувствием и лаской смотрел на борьбу молодого человека с самим собой. Наконец принц отнял руки и гордо поднял голову.

— Ну что же, — сказал он, и тон его голоса звучал могильным спокойствием и холодом. — Раз высший долг требует от меня отречения, я даю его. Жертвую политике и благу немецкого народа своей первой и последней любовью. Но я должен оговорить одно условие.

— Назовите его, принц, и, если есть хоть какая-нибудь возможность исполнить его, оно будет соблюдено!

— Я не хочу, чтобы моя невеста... то есть принцесса Вюртембергская, считала меня вероломным, легко отказавшимся от нее. Я согласен отказаться от своего счастья, но должен еще раз увидеть Софию, лично вернуть ей письма и обеты, разъяс-

нить все, повлиявшее на мое решение. Но этот разговор должен происходить без свидетелей!

Король утвердительно кивнул головой.

— Я вполне понимаю ваше желание и согласен исполнить его. Я сам дам вам возможность повидаться и переговорить с принцессой. Я сегодня же съезжу в Берлин и позову герцогиню Вюртембергскую с дочерью на завтрашний день — пусть приедут попросту, без всяких церемоний. Я не скрою от племянницы, для чего приглашаю ее с дочерью, и уверен, что она согласится со мной. Итак, приезжайте завтра до обеда сюда, но инкогнито и с соблюдением всяческих предосторожностей: я не хочу, чтобы русская императрица узнала об этом свидании, а ведь у нее повсюду имеются шпионы. Итак, приезжайте завтра в штатском платье, без всякой свиты, и спросите моего личного секретаря Мюллера. Я заранее дам ему инструкции, и он незаметно проведет вас в мою комнату, где вы увидите с принцессой. А теперь, милый друг, простите ли вы старику, что политика и благо народа заставляют его быть таким черствым, бесчувственным эгоистом?

Фридрих с мягкой, сердечной улыбкой подал принцу руку. Повинуясь мгновенному невольному порыву, Леопольд прижал ее к своим губам. Но в то время, как он благоговейно целовал десницу «старого эгоиста», на загрубелую в боях и сражениях руку короля упали две горячих слезы...

VIII

На следующее утро, аккуратно в назначенный королем час, к заднему фасаду Сан-Суси подъехал экипаж герцогини Вюртембергской, из которого вышли две дамы.

Обе были встречены королем при входе в круглую переднюю с колоннами.

Улыбнувшись самым ласковым, дружелюбным образом, Фридрих подал старшей из прибывших дам руку и сказал младшей:

— Дорогая внучатная племянница, вы приехали запросто, а потому с вами и будут обходиться соответствующим образом.

Разрешите мне служить вам пажом и показать лачугу старого сан-сусисского отшельника, превратившуюся, благодаря вашему присутствию, в храм красоты!

Принцесса ответила на эту любезность только легким кивком головы и принужденной улыбкой; она молчаливо последовала за своей матерью и дедом, вступившими в узкую стеклянную галерею, увешанную картинами.

— Это место моих зимних прогулок,— сказал король, обращаясь к своей племяннице-герцогине.— Когда идет дождь или снег, я прогуливаюсь здесь со своими собаками, и в созерцании дивных художественных произведений забываю непогоду и суровую действительность. Благоволите обратить некоторое внимание на эти картины; все это творения величайших итальянских мастеров! — И король останавливался перед той или другой картиной, объясняя своим спутникам, чем она замечательна.

Принцесса София-Доротея не слышала слов короля. Она механически шла за Фридрихом и матерью, механически останавливалась, если останавливались они, и так же механически шла за ними далее. Она была похожа на лунатичку, не сознающую действительности, а взгляд ее прекрасных темно-синих глаз говорил о страшной муке заболевшего сердечка.

Она была высока, стройна, гибка, царственно пышна. Уже теперь, когда высокий девичий бюст, плавные бока и покатые плечи еще не достигли полного расцвета, она производила впечатление прирожденной монархини, повелительницы большого государства. Но это чувствовалось только в самой осанке. Наоборот, свежее девичье лицо, с мягко вырезанным овалом, пухлыми губами, аристократически изящным носом и высоким, девственно-чистым лбом было лишено какого бы то ни было задора, надменности, высокомерия. Это было лицо очень красивой, но и очень страдающей девушки.

Наконец осмотр картинной галереи был окончен, и король, проведя своих гостей в гостиную, любезно пригласил их присесть там.

До сих пор он как бы совершенно игнорировал присутствие молодой девушки и все время разговаривал только с матерью. Но теперь он прямо обратился к принцессе:

— Итак, внучка,— улыбаясь, сказал он,— ваша уважаемая матушка, к моей величайшей радости, только что сообщила мне, что вы выразили согласие подчиниться в своей дальнейшей судьбе тем планам, которыми ваша семья рассчитывает обеспечить ваше счастье.

— Я просила бы сначала разъяснить мне,— ответила принцесса с нескрываемой иронией,— о каких именно планах вы изволите говорить, ваше величество? Насколько я знаю, у моей семьи имеются два плана на мое будущее. Согласно одному меня прочили в жены моему другу детства, наследному принцу Гессен-Дармштадтскому, согласно другому — меня хотят продать русскому великому князю. Насколько мне кажется, предполагают непонятным мне образом соединить оба плана в один: четыре месяца тому назад меня обручили с принцем Леопольдом, а на днях собираются обручить с великим князем. Я слышала, что в Турции у мужей бывает по несколько жен, а в каком-то горном племени Средней Азии одна жена имеет двух и более мужей. Но так как ни принц Леопольд, ни великий князь Павел не принадлежат, кажется, к этому племени, то я и обращаюсь с просьбой объяснить мне, о каком именно плане вы изволите говорить, ваше величество?

— Я говорю о том, который сделает мою внучку великой и могущественной государыней,— спокойно ответил Фридрих.

— Позволю себе заметить,— поспешила сказать принцесса,— что я далеко не честолюбива. С меня вполне будет достаточно стать герцогиней Гессен-Дармштадтской, и двусмысленное счастье быть русской великой княгиней мне совершенно не улыбается, тем более что в России бывают странные обстоятельства; может приключиться болезнь от неизвестных причин, вот как было с моей несчастной невесткой, первой женой великого князя Павла.

— А я позволю себе заметить, что покойная великая княгиня не была вашей невесткой!

— Да как же, государь? Ведь ее брат с разрешения моих родителей объявлен моим женихом, значит, она мне невестка!

— Да, дитя мое, он был объявлен твоим женихом, но больше уже не является им,— мягко вступилась герцогиня.— Толь-

ко сегодня утром я выяснила тебе, на каком основании и в силу каких причин этот брак не может быть заключен!

— Да, но я не согласилась с убедительностью и основательностью этих причин! — воскликнула принцесса. — Я все-таки не понимаю, почему человек, еще вчера казавшийся желанным мужем для вашей дочери, сегодня оказывается уже неподходящим!

— Если вы позволите, дитя мое, то я объясню это вам, — сказал король, положив руку на плечо принцессы. — Всеми нами правит высший закон, имя которому «необходимость». Там, где затрагиваются благо и счастье народов, личное счастье отдельного человека не принимается во внимание. Еще вчера ваши родители готовы были благословить вас на брак с принцем Леопольдом, потому что видели в этом браке ваше счастье. Но сегодня выяснилось, что ваше счастье можно купить только ценою несчастья всего германского народа. Вы еще молоды и не поймете многого, если я стану подробно объяснять вам политическое положение момента. Скажу просто: в жены русскому наследнику и будущему государю предложены принцесса Вюртембергская и эрцгерцогиня Австрийская. Русская императрица склоняется в сторону первой, как принцессы союзного прусского дома. В случае отказа принцессы Софии-Доротеи женой русского великого князя станет австрийская принцесса. Значит, Россия будет иметь двойную причину порвать с Пруссией и войти в союз с Австрией. Начнется ряд кровопролитнейших войн, виновницей которых будет молоденькая девушка, не желавшая понять, что она — сначала принцесса, а уже потом страдающая и любящая женщина!

— Но я не могу принести такую жертву, не могу! — стоном вырвалось у Софии.

— Что значит «не могу»? — грозно сказал Фридрих. — «Не могу» говорят только бесчестные или слабые люди! Тот, кто смотрит на свой сан не как на игрушку счастья, а как на указующий перст Господа, говорит только: «Я должен!»

— Но почему именно я должна разбивать свое счастье? — вскрикнула София, разражаясь бурными рыданиями.

— Потому что так захотела судьба! Выхода нет, вы должны подчиниться павшему жребию!

— А я не хочу, вот и все! — крикнула принцесса, топая ногой и заливаясь потоками горючих слез.

— Принцесса,— торжественно сказал Фридрих,— я верю в торжество вашей истинной доброй природы, верю в то, что ваше настоящее не совсем-то приличное и достойное поведение объясняется просто минутным помрачением рассудка, вызванным глубоким горем, которому я от души сочувствую. Поэтому я не хочу прибегать к угрозам. Но мне достаточно было бы сказать два слова, и вы поняли бы, что вас уговаривают только из желания доказать необходимость совершаемого. Но ваше согласие или несогласие ничего изменить не могут!

— Вот как? — вскрикнула принцесса, у которой от гнева сразу высохли все слезы.— Так ваше величество предполагаете, что меня можно силой выдать за великого князя, меня можно силой принудить молчать?

— Первое — нет, но второе — да. Женой принца Гессен-Дармштадтского вы все равно не будете. Значит, достаточно объявить вас сумасшедшей и запереть в отдаленном замке под строгим присмотром.

— За что же такая жестокость, государь? — с негодованием спросила принцесса.

— Дитя мое, в политике нет ни жестокости, ни доброты, а есть только необходимость. Отказать русской императрице в ее желании иметь вас своей невесткой было невозможно; мне пришлось сразу ответить согласием за вас, хотя и не спросив вас: всякое промедление было бы почти таким же оскорблением, как и отказ. Какой скандал был бы по всей Европе, если бы оказалось, что я солгал! И я забочусь тут не о чести своего имени, а лишь о целостности нашего государства — как Пруссии, так и суверенных княжеств. Ведь таких оскорблений не прощают! Сам герцог Гессен-Дармштадтский, отец вашего бывшего жениха, не согласился бы на этот брак после отказа великому князю, потому что гнев России первым делом обрушился бы на его герцогство! Вот и пришлось бы ради сохранения приличий объявить вас больной и уединить от всего мира!

— Ну что же,— сказала София, гордо тряхнув головой,— я могу ждать! Я еще молода, Леопольд тоже не стар. Мы можем подождать, пока Господь отзовет к Себе наших палачей, и по-

том уже соединиться! А Леопольд — вы не приняли его во внимание, государь! — он никогда, никогда не откажется от меня и не уступит никому другому!

Король с искренним сочувствием посмотрел на бледную принцессу и долго молчал, качая головой. Наконец он произнес:

— Я вчера говорил с наследным принцем Гессен-Дармштадтским, подробно изложил ему политическое положение Европы, разъяснил, какие беды обрушатся на нас, если личная страсть не отодвинется пред политическим благом. Принц долго боролся, но в результате...

— Он отказался от меня? — раздирающим голосом крикнула София. — О, в таком случае я погибла... Леопольд отказался от меня! Но я не верю этому, это неправда!

— Нет, дитя мое, это правда, и принц сам скажет вам об этом. Принц Леопольд выразил желание в последний раз увидаться с вами и проститься... навсегда!

— И вы согласились, государь?

— Я дал согласие в твердой уверенности, что ваша матушка ничего не будет иметь против этого. Не правда ли, герцогиня?

— Эх, ваше величество, — ответила герцогиня, которая сама сидела ни жива ни мертва от страданий любимой дочери, — ведь вы же знаете, что я в данном вопросе не выхожу из вашей воли. Раз, по-вашему, это нужно, значит, пусть так и будет...

— То есть, иначе говоря, вы хотите сказать, что не вы разрушаете счастье дочери, а что только я один являюсь злым демоном этой любви? Ну что же, я охотно беру всю вину на себя и надеюсь оправдаться пред Богом и своей совестью. Итак, принцесса, раз ваша матушка не имеет ничего против этого свидания, то вы можете еще раз повидаться с принцем!

— Когда? — страстно крикнула София, вскакивая с места. — Когда я могу увидеть его?

— Сейчас, сию минуту! — ответил король, показывая правой рукой на дверь. — Принц в моей библиотечной комнате и ожидает вас там.

Принцесса вскрикнула и хотела броситься к дверям. Но король, удержав ее за руку, произнес:

— Дитя мое, мы с вашей матушкой согласились на это свидание, но должны поставить сначала некоторые условия!

— Так говорите, ваше величество, говорите скорее! — нетерпеливо сказала принцесса.

— Во-первых, во время разговора с принцем вы не должны забывать, что с данного момента уже считаетесь невестой русского великого князя. Затем, это свидание может состояться только в присутствии вашей матушки и вашего двоюродного дедушки. В-третьих, свидание может продолжаться не более получаса.

— Последние полчаса счастья и то при свидетелях!.. — грустно сказала София.

— Но эти свидетели не будут очень мешать вам, — добродушно сказал король. — Вы встретитесь с принцем в библиотечной комнате и ради приличия оставите дверь широко открытой. Но, если вы отойдете с принцем в противоположный угол, то вас отсюда никто не увидит. Кроме того, мы не услышим ни одного слова из вашего разговора, потому что ваша матушка уже давно выражала желание узнать на деле, может ли старый, беззубый Фриц по-прежнему извлекать мало-мальски приличные звуки из своей флейты, и я собираюсь дать ее высочеству доказательство того, что могу. Эта музыка будет служить аккомпанементом вашему дуэту. Только прошу обратить внимание на то, что я буду играть ровно полчаса. Посмотрите на часы: теперь как раз двенадцать. Я буду музицировать до половины первого, а когда замолкну я, вам обоим тоже нужно будет смолкнуть. Теперь идите, милая принцесса!

София слегка поклонилась и направилась к двери библиотечной комнаты, но не так, как хотела кинуться туда минутой тому назад, то есть с горящими глазами, а наоборот — с померкшим взором и низко опущенной головой.

Подходя к двери, она еще раз обернулась и увидела, как король с приветливой улыбкой подал ей матери руку и отвел ее к самому дальнему окну, откуда немисливо было видеть или слышать что-нибудь, что происходит в библиотечной. Затем король встал спиной к библиотечной двери, взял флейту, поднес к губам и заиграл. С первым звуком флейты принцесса вошла в комнату, где ждал ее принц Леопольд.

София-Доротея при входе в комнату сразу заметила принца в нише того самого окна, которое уже указал ей король в разговоре. Он хотел встать и броситься к ней навстречу, но она знаком предложила ему оставаться на месте и первым делом озабочилась открыть дверь как можно шире. Затем она еще раз заглянула в соседнюю комнату: ее мать сидела так далеко, что ее не было видно из дверей, а Фридрих стоял спиной и соловьем заливался на флейте. Таким образом, принцесса могла быть уверенной, что хоть в первый момент свидания за ними никто не мог следить.

Тогда она быстро подбежала к принцу и страстно упала в его объятия. Принц судорожно обвил ее лихорадочными руками и крепко-крепко прижал к себе; она положила голову к нему на грудь и замерла...

Сколько длилось это объятие? Может быть — мгновение, может быть — вечность... Счет времени был утерян, все мысли и чувства сосредоточились на невыносимо мучительном сознании: «В последний раз...»

Флейта наигрывала что-то меланхолическое, грустное, словно пела панихиду по их любви. И еще судорожнее стискивались объятия, словно влюбленные говорили ими: «Мы не выпустим друг друга, мы не отдадим друг друга никому!»

Вдруг Леопольд нежно, осторожно поднял голову принцессы, заглянул в ее залитые слезами глаза и сказал с глубокой скорбью:

— София, неужели для того свиделись мы, чтобы навсегда расстаться?

— Но ведь ты, ты первый отказался от меня! Леопольд, как мог ты отказаться от счастья, от любви?!

— Что же мне было делать, София? Я — бедный, бессильный принц, с которым никто не станет церемониться... Разве под силу мне борьба с прусским королем или русской императрицей?

София вырвалась из его объятий и, положив ему на плечи обе руки, сказала:

— Леопольд, смотри мне в глаза и отвечай, любишь ли ты меня?

— О, София, я люблю тебя больше всего на свете!

— Я тоже люблю тебя. Но достаточно ли сильна твоя любовь, чтобы ради меня пойти на любую жертву, на любой риск?

— Ради самой слабой надежды быть твоим мужем я пошел бы на все, София!

— Тогда спаси меня, спаси свою невесту от величайшего несчастья! Бежим куда-нибудь на край света, скроемся от людей, которые хотят разрушить наше счастье! Спаси меня, Леопольд!

Флейта сразу смолкла. София испуганно отскочила от принца и тревожно обернулась к двери. Но Фридрих снова заиграл что-то бравурное. Принцесса опять подошла к возлюбленному.

— Ты не отвечаешь мне, Леопольд? — с трепетом спросила она.

— Что же мне ответить? — с горечью сказал принц. — Я вижу рай и должен уйти от открытых ворот его.

— Так вы отказываетесь бежать со мной, не хотите спасти меня? — спросила она задыхаясь.

— Я не могу, — глухо ответил он.

Принцесса вскрикнула, но в этот момент флейта разразилась бурным фортиссимо и покрыла слабый стон бедной девушки.

— Значит, я погибла? — безжизненно сказала София.

— Ты не погибла, но я погиб, София, — сказал принц. — Пред тобой великая будущность, которая в состоянии примирить со многим. Ты будешь императрицей, будешь повелевать миллионами людей, будешь утирать слезы вдов и сирот. Ты не будешь иметь счастье сама, но сможешь дать его другим. А я? Что такое обещает мне жизнь? Буду я маленьким немецким князьком, который должен вечно заискивать у суверена, если не хочет, чтобы его проглотили. Поссорятся Пруссия с Австрией, до которых нам нет никакого дела, а я отправлюсь проливать кровь свою и своих подданных за чужое дело. А вот если меня кто-нибудь оскорбит, если меня захотят лишить счастья и радости, это другое дело: за меня ни-

кто не вступится. Я — маленький человек и должен плясать под чужую дудку...

— Но если будущее все равно так безрадостно, то как же ты мог согласиться без борьбы отречься от меня?

— Если бы я вздумал оказать сопротивление, то все равно обошлись бы и без моего, и без твоего согласия. А согласившись, я хоть выговорил себе право на это свидание!

— Хорошо же,— твердо сказала София,— они заставили тебя отказаться от меня, но я не давала слова и не дам его. Я не откажусь от тебя! Буду бороться до конца!

— Это напрасно, София, ты только истощишь силы, но будешь побеждена. Ты вот сейчас предлагала мне бежать. Неужели же ты думаешь, что король, отличающийся редкой проницательностью, не окружит тебя и меня незаметным надзором?

Принцесса слабо улыбнулась:

— Я теперь думаю не о бегстве, глупенький, потому что ты отказался бежать со мной и пришлось бы похищать уже не тебе меня, а мне тебя!

— Но на что же ты рассчитываешь?

— Я поговорю откровенно с великим князем, укажу ему, что нельзя делать своей женой девушку, от всей души, безумно, пламенно любящую другого. Тогда он, наверное, откажется от меня. Ты ведь будешь в Берлине?

— О нет, София, я сейчас же уеду. Разве я могу найти в себе силы смотреть на все приготовления к чествованию того, кто отнимает у меня все счастье моей жизни?

— Но я очень прошу тебя остаться; мне будет легче, я буду считать себя сильнее и тверже, раз буду знать, что ты совсем близко от меня...

— Нет, София, это выше моих сил. Этого я не могу!

София долго молча смотрела на принца, скрестив руки на груди. Флейта заливалась тихой, постепенно замиравшей и замиравшей трелью...

— Так вот как,— сказала наконец принцесса,— ради политики можно отказаться даже от любви и счастья, но ради любимой нельзя принести самую маленькую жертву?

Леопольд вспыхнул.

— Для меня, София,— сказал он,— эта жертва не так мала, но ради тебя я принесу ее.

— Спасибо тебе, мой родной, любимый! — страстно зашептала София, пламенно обвивая шею принца обеими руками и покрывая его лицо горячими поцелуями.— Спасибо тебе! Поклянись мне, что все время, пока я буду в немецких пределах, ты постарайся оставаться поближе ко мне!

— Клянусь тебе, София!

Флейта сразу смолкла. Часы пробили половину.

— Нам надо расстаться, срок кончен! — сказала София.— Прощай, Леопольд, я тебя никогда не забуду!

Она в последний раз приникла в страстном лобзании к устам возлюбленного и сейчас же скрылась в дверях. Леопольд смотрел ей вслед, чувствуя, что у него вот-вот разорвется сердце от невыносимой муки.

Х

21 июля 1776 года в Берлине царило сильное волнение. Повсюду виднелись рабочие, торопливо доканчивавшие уборку фасадов домов гирляндами зелени, коврами и флагами; каждую минуту можно было встретить или тщательно выряженных горожан, или одетых в цеховые парадные мундиры ремесленников, стекавшихся к сборным пунктам, или молодых девушек, наряженных садовницами и пастушками и торопливо бежавших к различным триумфальным аркам, или важных чиновников магистрата, пробиравшихся к специально выстроенной палатке, не говоря уже о прочих государственных чиновниках, военных всех родов оружия и мундиров и массе праздничных зевак.

Было воскресенье, но никому и в голову не шла мысль заглянуть в церковь — до того ли было! Да и сами священники всевозможных исповеданий поспешили отслужить раннюю обедню и направились к Королевским воротам, где в специально выстроенной палатке на короткое время осуществилась лю-

бимая идея короля Фридриха II: там мирно беседовали духовные лица всех религий. В палатке был католический епископ с патерами и хором мальчиков, протестантский епископ с суперинтендантами, пасторами и кистерами, православный священник с дьяконом и дьячком и наконец еврейский раввин с кантором и синагогальными служками.

Наибольшее оживление улицам придавал «мальчишек радостный народ». Они собирались большими бандами и приветствовали проходившие корпорации самым неистовым ревом, который должен был изображать восхищение и одобрение.

Вскоре прибыли войска и встали шпалерами по улицам. Мальчишкам это не понравилось, и они быстро придумали нечто иное: вскоре на всех улицах, по которым должен был проехать ожидаемый народом поезд, все фонари, деревья, перила мостов, крыши, карнизы — все, что можно, было густо облеплено мальчишками.

Какой же праздник устраивал Берлин? Этим праздником был ожидаемый въезд русского великого князя, который должен был прибыть в этот день вместе с принцем Генрихом и свитой из Петербурга.

Народа становилось все больше и больше. Вдруг загремели пушечные выстрелы — это значило, что великокняжеский поезд вступил за черту города Берлина!

Пушки гремели, колокола звонили, трубные фанфары надрывались, приветствуя въезд «покорителя всех сердец», как называли Павла бесчисленные надписи. Но сам «покоритель», казалось, мало радовался этой пышной встрече. Его лицо было бледно и утомлено, он с усталым видом откинулся на золотистый шелк придворной коляски, где сидел рядом с принцем Генрихом. Последний все время с чарующей улыбкой раскланивался направо и налево, отвечая на приветственные клики толпы, но Павел Петрович лишь изредка и вяло чуть-чуть кивал головой, причем его иссера-желтое лицо становилось мрачным и словно угрожающим.

Когда президент города Берлина обратился к высокому гостю с торжественной приветственной речью, «покоритель всех сердец» с самым скучающим видом отвернулся от него и при-

нялся считать придворные экипажи. В тот момент, когда Филиппи кончил, Павел обратился к принцу Генриху и сказал:

— Двенадцать экипажей! Боже мой, и все это для перевоза моего тощего тела, для которого достаточно и жеребенка!

— Ваше императорское высочество, наверное, соблаговолите ответить что-нибудь городскому президенту на его приветственную речь? — в замешательстве шепнул ему принц.

— Ах, правда! — громко сказал Павел. — Я вечно забываю эту формальность! Очень хорошо! Великолепно! — сказал он, обращаясь к Филиппи с самым скучающим видом. — Превосходная речь! Очень благодарен за ваше доброе мнение и в особенности за все то хорошее, что вы сказали относительно моей августейшей матушки! Благодарю, благодарю! — и, сказав это, Павел снова со скучающим видом откинулся на спинку.

Экипажи двинулись дальше.

Вдруг Павел Петрович выпрямился и на его лице последовательно отразились энергия, ум и раздражение.

— Милый принц, — сказал он, доверчиво взяв руку Генриха, — я всегда считал вас своим искренним другом, а во время этого совместного путешествия научился еще более ценить и любить вас. Вот поэтому-то я и хочу сказать вам все откровенно. Вы заставили меня ответить президенту на его лестную речь, потому что вам больно было, что меня могут счесть невоспитанным, надменным, ограниченным. Но вы оказываете мне этим самую плачевную услугу. Вы напрасно думаете, что моей доброй матушке так уж приятно будет узнать, что ее сын вел себя истинно по-великокняжески, с бездной такта и находчивости. Наоборот, это может только испугать ее: ведь стоит при ней похвалить меня, как ее величеству немедленно чудится намек на то, что, дескать, трон-то, собственно, принадлежит мне, а не ей и что ей уже пора вернуть мне мою собственность. Каждая похвала по моему адресу чрезмерно увеличивает ее ненависть. Ну а мне и без того так плохо живется, что я вовсе не желаю окончательно портить отношения с матерью. Не удивляйтесь же, если я буду грубоватым, скупым на слова, не всегда вежливым. Это сыновний дар на алтарь любви к матери! Кроме того, признаюсь вам, мне до смерти надоело выслушивать в каждой деревушке, в каждом городе и посаде все одни и

те же хвалебные речи по поводу моей матушки и поздравления с счастьем быть сыном такой великой женщины. Попробовал бы кто-нибудь из этих болтунов счастья быть сыном императрицы Екатерины — не то запел бы!

Генрих был глубоко смущен этой резкой, но искренней исповедью.

— Мне кажется,— с наружным спокойствием ответил он,— что ваше высочество ошибаетесь в этом отношении. Ее величество говорили со мною о вас с величайшей любовью, заботливостью и участием. Она прямо заявила мне, что будет счастлива, если вам, ее возлюбленному сыну, удастся стяжать в это путешествие хоть немного симпатии, любви...

— Ну да, хоть немного; но чересчур...

— Ваше высочество!

— Да, да, простите, милый принц, вы совершенно правы. Я — неисправимый скептик и глубоко ошибаюсь: императрица сильно, глубоко, нежно любит меня, любит как... ну, хотя бы как и я ее! Однако нам некогда рассуждать на эту тему, потому что мы опять подъехали к триумфальным воротам!

Действительно, они проехали мимо третьих ворот, где опять великий князь стал объектом кудрявых и витиеватых приветствий. За воротами показался фасад королевского дворца.

Принц Генрих с улыбкой наклонился к великому князю:

— Посмотрите-ка, ваше высочество, на угловые окна первого этажа. Там живет с родителями принцесса София-Доротея Вюртембергская, и могу поклясться, что она притаилась за гардинами, чтобы хоть мельком полюбоваться на своего будущего мужа.

При этих словах лицо великого князя густо покраснело и затем снова побледнело еще более, чем прежде.

— Если принцесса, к своему несчастью, так дальнозорка,— сухо отрезал он,— то в этот момент она должна будет признать, что в будущем ее ждет мало радости.

Поезд подъезжал к замку.

Вдруг Павел снова выпрямился и лихорадочно шепнул своему спутнику:

— Как вы думаете, принц, сочтет ли нужным король, великий Фридрих, лично встретить меня?

— Мой августейший брат сочтет удовольствием и честью встретить на пороге своего дворца русского великого князя, сына его царственной союзницы, императрицы Екатерины.

По лицу Павла Петровича скользнула болезненная гримаса.

— Я хотел бы,— сказал он надтреснутым голосом,— чтобы король встретил меня не только ради того, что я — сын своей матери, а также и ради меня самого, потому что сам я очень люблю и уважаю его величество.

Экипаж с грохотом подкатил к portalу дворца, где на первой ступеньке стояла маленькая, сутулая фигурка, одетая в простой солдатский мундир, с простой треуголкой на резко очерченной голове. Павел сразу узнал короля — узнал и глазами, и сердцем. Вопреки всякому этикету, он одним прыжком выскочил из коляски и с сверкающим взором подбежал к королю. Тот нежно обнял его и подал руку, чтобы помочь великому князю подняться по лестнице в личные апартаменты короля. За ними последовало золотое море мундиров принцев, генералов, камергеров, адъютантов и высших должностных лиц.

Наконец дошли до приемного зала, и великий князь, который до сего времени не сказал ни одного слова королю, теперь резко обернулся к Фридриху со словами:

— Ваше величество! С далекого севера меня привело в эту благословенную страну прежде всего желание увидеть вас, потребность уверить вас в дружбе, всегда связывающей Россию с Пруссией, и, наконец, страстное желание увидеть принцессу, предназначенную впоследствии воссесть на русский трон. То обстоятельство, что я приму эту принцессу из ваших рук, делает ее мне и всей нации, над которой ей предстоит повелевать, еще более желанной. Итак, наконец-то я достиг венца своих желаний: я вижу величайшего героя, предмет восхищения современников и удивления потомства!¹

Король ласково улыбнулся и слегка покачал головой.

— Я не заслуживаю такого восхваления, принц,— мягко сказал он.— Пред вами теперь старый, седовласый калека. Но верьте, что я считаю счастьем возможность принять в этих сте-

¹ Все это — дословный перевод слов великого князя. Вообще вся дальнейшая сцена приема изображена дословно исторически.

нах наследника могущественного государства, единственного сына моего лучшего друга, великой императрицы Екатерины.— Сказав это, Фридрих с ласковым кивком головы обратился к фельдмаршалу Румянцеву, стоявшему непосредственно за Павлом.— Добро пожаловать, победитель турок! — сказал он.— Приветствую вас от всей души, тем более что вы напоминаете мне лучшего друга моей счастливой юности. Вы поразительно похожи на генерала Винтерфельда!

— О, ваше величество! — воскликнул Румянцев с глубоким поклоном.— Я буду считать себя страшно польщенным, если хоть отчасти окажусь похожим на генерала, имевшего счастье так достославно отличиться на службе вашего величества!

Король с ласковой улыбкой подал ему руку и сказал:

— Ну, полно, скромность вам не к лицу. Вы можете гордиться победами, которые прославят ваше имя и в отдаленном потомстве. Однако пойдемте, ваше императорское высочество! Я жажду отдаться дружественному интимному разговору с вами. Будьте любезны проследовать со мною в мой кабинет! — и с этими словами король взял Павла Петровича под руку и повел его, поддерживая любезный разговор.

XI

Итак, свершилось: великий князь прибыл, и для Софии-Доротеи не было спасения. Она должна была подчиниться суровому гнету долга и допустить, чтобы ее сердцем пожертвовали для политических целей.

В первое утро после прибытия великого князя была произведена церемония торжественной просьбы руки принцессы Софии-Доротеи. Принц Генрих в качестве уполномоченного и заместителя императрицы Екатерины передал герцогу Евгению Вюртембергскому собственноручное письмо императрицы и официально просил у герцога и герцогини руки принцессы для великого князя Павла.

Когда предложение было принято, великий князь в сопровождении блестящей свиты отправился к королю, чтобы испро-

сдать его разрешения на брак с внучатной племянницей его величества. Король в самых лестных выражениях дал просимое согласие, и тогда обручение стало считаться совершившимся фактом; вечером предполагалось отпраздновать его блестящим спектаклем в театре.

Но оставался еще один важный этап в сватовстве великого князя. Августейший жених получил согласие родителей и деда невесты, но пока еще не имел его от самой принцессы. Согласно церемониалу, он должен был один и запросто отправиться к принцессе и наедине, как подобает любящим, переговорить с нею обо всем, касающемся этого важного шага.

Разумеется, это было пустой проформой, которой вынужденный акт желали представить под видом вполне добровольного. Но принцесса София собиралась придать этой проформе несравненно более важное значение и возлагала на минуты свидания без свидетелей большие надежды.

До сих пор ей приходилось видеть великого князя только при массе зрителей на официальных торжествах, а теперь ей представлялся случай поговорить с ним по душе; она решила открыть ему свое сердце, и как знать?..

Но, несмотря на то что ей казалось, будто Павел Петрович не может не принять во внимание всего того, что она решила сказать ему, принцесса очень волновалась. Ведь именно теперь решался вопрос о всей дальнейшей жизни!

Вот уже пробило пять часов и наступило время, назначенное для посещения жениха... В соседней комнате слышались голоса...

«Боже мой! Он идет!» — тревожно подумала София.

Дверь в комнату открылась, и на пороге показался великий князь в сопровождении герцога и герцогини Вюртембергских. Принцесса хотела пойти к нему навстречу, но волнение так подкосило ей ноги, что, дойдя до середины комнаты, она была принуждена остановиться и ухватиться дрожащей рукой за мраморный стол.

— Дочь моя! — торжественно обратился к ней герцог. — Его императорское высочество великий князь Павел Петрович с милостивого согласия своей августейшей матушки обратился

вчера к нам по следующему поводу. Великий князь выразил желание иметь тебя своей женой, и это желание, должен сказать, всецело совпадает и с нашими желаниями. Поэтому мы с радостью приветствовали его императорское высочество в качестве желанного зятя. Но его высочество непременно пожелать изволил выслушать также и от тебя лично, что ты принимаешь его предложение и делаешь это свободно, по собственному желанию и склонности. Мы не нашли причин отказать его императорскому высочеству в столь понятной и законной просьбе, а потому и привели его сюда.

Принцесса молча поклонилась. Ее губы так дрожали, что она была не в силах сказать хоть одно слово.

Видя это, герцогиня поспешила подойти к дочери, чтобы обнять ее и шепнуть ей на ухо слова ободрения и утешения. Но и на это принцесса ничего не ответила: она чувствовала, что стоит ей разжать губы, и вместо слов у нее вырвется только жалобный стон.

Герцогская пара удалилась, в душе оплакивая любимую дочь. Стук затворяемой двери сказал принцессе, что она теперь наедине с будущим супругом. Она подняла на него свой взгляд, и последний выразил такую смертельную муку, такой глубокий ужас, что великий князь сначала побледнел от гнева, а потом разразился скрипучим, ироническим смехом, причем его лицо задергалось в нервном тике.

София так испугалась этого смеха и этих гримас, что невольно отскочила на несколько шагов назад.

— Оставайтесь на месте, принцесса! — сказал Павел резким, повелительным голосом. — Прежде всего потрудитесь сказать, почему вы не надели сегодня ордена Святой Екатерины, который я вручил вам по приказанию моей матери?

Принцесса сознавала, что этот вопрос прямо подводит ее к желаемому объяснению. Поэтому она сначала немного помолчала, чтобы собрать всю свою энергию, а затем ответила:

— Простите, ваше императорское высочество, но ее величество ваша августейшая матушка прислала этот орден не мне лично, а только невесте своего сына.

— Вот как? — резко ответил Павел. — Вы считаете, что не являетесь моей невестой до тех пор, пока не будет сделана вся

эта церемониальная ерунда и пока я лично не выслушаю вашего согласия? Так ведь я затем и пришел сюда, чтобы вы увенчали мои желания и разрешили считать вас своей невестой. Я, разумеется, люблю вас и прошу полюбить меня взаимно.

— На это я могу ответить вашему высочеству только одно, — спокойно ответила София. — Вы меня не любите и на мою любовь вам тоже совершенно нечего рассчитывать!

Эти слова поразили Павла словно ударом грома. Он даже отодвинулся назад и вытаращил изумленные глаза.

— Что за чушь? — резко крикнул он. — Как это я вас не люблю?

— Нет, вы меня не любите, — все так же непоколебимо спокойно ответила принцесса, — и именно потому, что я это знаю, я и не надела ордена: я не хочу брака по принуждению. Ведь это несчастье и для вас, да и для меня самой. Нет, принц, нам не к чему обречь себя на все муки несчастливой супружества, в котором не будет, да и не может быть, ни любви, ни симпатии, ни уважения. Наш брак — дело политики, дело соглашения наших родителей. Я знаю, мне он сулит одни выгоды: разве не лестно превратиться из принцессы маленького княжества в русскую великую княгиню и впоследствии — императрицу? Но я не честолюбива, да и не хочу участвовать в заговоре, который не могу уважать. Откажитесь от меня! Давайте заключим с вами союз и постараемся отстоять свое право быть тоже людьми. Умоляю вас, откажитесь от меня! Признайтесь открыто и прямо, что вы не любите и никогда не полюбите меня, потому что я совершенно не нравлюсь вам. Поверьте, я сама кинусь в ноги королю Фридриху, буду молить его вернуть вам ваше слово. Я все сделаю, только не делайте несчастным и себя, и меня!

Все время, пока она говорила, великий князь не прерывал ее ни звуком, ни жестом, а только смотрел возбужденным, пытливым взором на ее бледное, взволнованное лицо. Когда она кончила говорить, он помолчал немного и ответил своим скрипучим голосом:

— Великолепно придумано, ей-богу, великолепно! Я должен стать козлом отпущения и моей семьи, и вашей. И все это из простой любезности? Да, да, согласитесь, принцесса, вы забо-

титесь вовсе не о моем счастье, а о своем собственном. Ну, говорите честно и прямо: разве это не правда?

— Ну да, конечно, правда! — воскликнула принцесса. — Мое сердце содрогается при мысли о браке без любви. Конечно, я имею в виду свое несчастье, но, исходя из того, что такой брак не принесет счастья и вам самим, я надеялась, что нас свяжет общность интересов. Я не хотела делать вас козлом отпущения; если бы я была мужчиной, я не подумала бы навязывать свою любовь девушке, которая этого не хочет, а по собственному почину пошла бы напролом, только чтобы не увеличивать числа несчастных людей еще двумя. Но я — женщина, с которой не считаются, с которой даже не спорят; меня способны со связанными руками и ногами повести под венец. А вы... вы — мужчина, вы можете сделать то, что для женщины невозможно. Так поступите же как настоящий мужчина и рыцарь! Откажитесь от меня, верните мне свободу, и я буду вашей вечной должницей!

Лицо Павла Петровича омрачилось еще более.

— Прежде чем я отвечу что-нибудь на ваши мольбы, — сказал он, — попрошу вас ответить мне на один вопрос. Что вы меня не любите, да и не можете любить — это так ясно, что и не требует ответа. Но не потому ли вы требуете от меня отказа, что любите кого-нибудь другого?

Принцесса с ужасом заметила, какой скрытой угрозой блеснули глаза Павла при последних словах. Она уже слышала много мрачных рассказов о мстительности великого князя, о неистовстве в гневе Екатерины II да, кроме того, вспомнила слова Фридриха: «Гнев России в случае вашего отказа первым делом обрушится на Гессен-Дармштадт». И она поняла, что ее признание легко может не спасти ее от ненавистного брака, но печально отразиться на любимом ею принце Леопольде.

— Нет, нет! — поспешила она ответить. — Нет, я никого не люблю и не знаю никого, кого могла бы предпочесть вам. Но и вас я тоже не люблю, а потому и хотела бы не связывать себя в данную минуту... Заклинаю ваше высочество...

Великий князь перебил ее громким, резким смехом.

— Милая принцесса, — сказал он, — вы очень чувствительны и мечтательны. Вы хотите выйти замуж по обоюдной люб-

ви. Но в таком случае вам не следовало родиться под сенью трона. Это плохо гарантирует возможность личного счастья и отбрасывает мрачную тень на всю жизнь. Но ничего не поделаешь, милая принцесса, приходится мириться с жизнью, какова она есть, и вам не удастся составить счастливое исключение из этого общего для нас правила. Все равно, если даже я устрою к величайшему для себя вреду тот скандал, которого вы от меня требуете, вам от этого будет мало пользы: красивая, умная, воспитанная принцесса все-таки останется предметом домогательств других принцев, и в этих домогательствах будет так же мало любви, как и в моем предложении. Нет, об этом нечего и думать! Вы любезно заявили мне, что не любите, да и никогда не полюбите меня. Что же, откровенно говоря, и я тоже не люблю вас, а сделанное вами признание не даст возможности полюбить вас в будущем. И все-таки я женюсь на вас. Да и почему бы мне отказываться? Я должен жениться по государственным соображениям, так не все ли мне равно, на вас ли мне жениться или на какой-нибудь другой принцессе? Все равно любить меня никто не любит, потому что я далеко не Адонис, способный кружить головы хорошеньким девушкам. Значит, я все равно обречен на брак без любви. Но заметьте себе, принцесса: раз вы выйдете за меня замуж, то я потребую от вас безусловной верности, и самый злейший враг не решится посоветовать моей супруге попытаться повторить мне, что она меня не любит. Такое признание я приму не только как личное оскорбление, но и как...

Он остановился, услышав, что к двери кто-то подходит. Действительно, в комнату вошла герцогиня.

— Дочь моя,— сказала она,— его величество король только что прибыл и желает лично сопровождать жениха и невесту в театр, чтобы представить обрученных публике.

— И мы оба совершенно готовы к этому,— поспешил ответить великий князь.— Милая невеста, позвольте мне свою руку и осчастливьте разрешением повести вас навстречу его величеству. Только сначала я попросил бы вас надеть орден, присланный моей матушкой своей будущей невестке, моей прекрасной и любимой принцессе!

Посмотреть на маневры прусской армии в Потсдаме было давнишней мечтой Павла Петровича, и она еще более обострилась под влиянием обещания короля устроить их для него лично. Ожидание предстоявшего зрелища несравненно более манило великого князя, чем любезное обращение немецкой принцессы-невесты, которая в последние дни сумела справиться с остротой своего горя и примириться с необходимостью. А для такой умницы, какой была София-Доротея, признать необходимость чего-либо было равносильно желанию извлечь из положения как можно больше лучшего.

В Потсдам отправились в один из прекрасных жарких летних дней вереницей блестящих экипажей. Великий князь Павел и принц Генрих сидели в роскошной коляске, запряженной восьмеркой дивных лошадей, и сегодня русский гость казался веселее и разговорчивее, чем в последнее время. Он был рад, что сидел в экипаже наедине с принцем Генрихом, который один только умел найти дорогу к сердцу Павла и вызвать его на разговор «по душе». Павел с ужасом думал, что его посадят в коляску с семьей герцога Вюртембергского и ему придется всю дорогу изображать нежного жениха, вести скучные, никому не нужные разговоры. Но к его величайшему удовольствию невеста с отцом и матерью заняла место во второй коляске, а свита великого князя, которой он недолюбливал, подозревая в шпионстве, — в одной из дальних. Таким образом, ему предоставлялась возможность говорить с принцем, не стесняясь, обмениваясь шутками и остротами по поводу всего видимого.

Особенно богатую пищу для насмешек великого князя дала неожиданная остановка у Берлинских ворот в Потсдаме, где кортеж был встречен стрелковой гильдией и цехом мясников, преподнесшими русскому гостю приветственное стихотворение и окружившими поезд в качестве почетной стражи.

Павел принял с не совсем-то удобным смехом стихотворение, преподнесенное ему на красной бархатной подушке, обшитой золотыми шнурами.

— Боже мой! — сказал он принцу Генриху. — Да ведь стишки напечатаны голубыми буквами по белому атласу и завернуты в синий шелковый футляр. Неужели у вас, немцев, считается позволительным пускаться на подобное гаерство при выражении почтения принцу крови? Да у нас, в России, только ярмарочные фигляры позволяют себе такую пестроту красок! Нет, на вашем месте я строжайше запретил бы проделывать такие глупости, потому что не может быть и речи о настоящем повиновении там, где каждый чудит на свой манер. Да вы только посмотрите, принц, на всех этих разноцветных идиотов! Они вырядились, как попугаи! Что это за чучела? На них коричневые кафтаны с серебряными пуговицами, шляпы перевиты золотыми шнурами и красными лентами, через плечо перекинута красивая орденская лента, а в руках у них обнаженные гусарские сабли. Принц, умоляю вас, простите мне мое невежество, но скажите, что это за дикие народы?

— Да это вовсе не дикие народы, — улыбаясь, ответил принц, — это берлинские мясники!

— Мясники? — воскликнул Павел, покатываясь со смеху. — Так вот почему у них красные орденские ленты и красные знамена? Цвет крови убиваемых ими животных! А сабли у них — для заклания свиней и быков? Но ведь тут лопнуть можно от смеха! Нет, принц, на вашем месте я мигом отучил бы это дурачье от подобного бесчинства. Как они смеют являться на глаза своего монарха в таком шутовском наряде? Подданные, позволяющие себе подобный маскарад, — опасные люди, принц! У народа должен быть только один цвет и покрой платья — этого достаточно!.. — и великий князь впал в мрачное, задумчивое молчание.

Тем временем кортеж быстро подвигался к Сан-Суси, куда король Фридрих заблаговременно выехал, чтобы встретить гостя. Прибытие великого князя ко дворцу сопровождалось тоже разными пышными церемониями, что производило на великого князя крайне неприятное впечатление. В тот момент, когда поезд подъехал почти к portalу, из-за декорационных кустов выскочили наряженные в разноцветные платья танцовщики и танцовщицы и принялись прыгать, сопровождая восторженными возгласами великого князя вплоть до самого портала.

— Ну уж это, наверное, дикие народы! — иронически заметил Павел.

— Нет, ваше высочество, это местные крестьяне, которые переоделись танцовщиками и приветствуют, как могут, высокого гостя! — ответил Генрих.

— А, так это ваши так называемые «свободные крестьяне»? — сказал Павел. — По крайней мере, вы не так откровенны и честны, как мы, и не называете их крепостными. Но должен заметить вам, что эти люди кажутся мне далеко не столь упитанными и веселыми, как наши русские крепостные. Кроме того, должен к своему огорчению признаться вам, что вся эта затея кажется мне плоской и безвкусной. Они так худы, так неуклюжи, что их пляска кажется отвратительной, а их лица настолько несчастны, что совершенно не вяжутся с тщетно изображаемым весельем. Дайте-ка им русского барина, который будет кормить их на славу, драть, как сидоровых коз, в случае лености или провинностей, и вы увидите, что они сразу повеселеют и затапчут так, словно обучались у лучшего французского танцмейстера. А с такой полусвободой, в которой они здесь обретаются, их благополучие далеко не пойдет. Да и в чем, собственно, выражается их «свобода»? В том, что им предоставляется голодать сколько угодно? Плохая это свобода, принц!

Генрих, как и всегда, только тонко улыбнулся в ответ, неопределенно покачал головой и указал великому князю на главный портал Сап-Суси. У полуоткрытого окна нижнего этажа стоял король Фридрих.

Павел с такой любовью посмотрел на старого короля, что Фридрих в ответ полураскрыл руки, как бы обещая заключить великого князя в свои объятия. Человек порыва, минуты, настроения, Павел мгновенно пришел в состояние высшего восторга. Не дожидаясь, пока коляска совершенно остановится, не обождав, пока подъедет следующий экипаж, чтобы подать невесте руку, великий князь выпрыгнул из коляски и с обычным презрением к этикету бегом бросился во дворец. София-Доротея, видевшая все это, должна была войти во дворец одна, без жениха. Но она сделала это без всякого раздражения или недовольства, а с искренней улыбкой. Она уже начинала понимать характер великого князя, видела, что он глубоко не-

счастен, но зато очень искренен и неспособен на ложь и обман, и то материнское чувство, которого всегда много в сердце каждой хорошей женщины, взяло верх над отвращением к не презентабельной наружности царственного жениха. И эта юношеская горячность, эта способность к непосредственным восторгам Павла вызывала в ней надежды на то, что ее жизнь в России будет не слишком ужасной. Конечно, личного счастья она не получит, но разве мало счастья в том, чтобы давать его другому?

Тем временем Павел раздраженно шагал по галерее дворца. Он уже раскаивался в своей горячности, и собственная экспансивность казалась ему самому смешной и постыдной.

— Что за мальчишество! — шептал он. — Черт знает что такое: поманили ласковой улыбкой, и я уже кидаюсь, словно пудель на кусок сахара... Безобразие! Мерзость!

В комнату короля он вошел в самом отвратительном настроении, и это сейчас же передалось Фридриху, который и без того был чем-то расстроен в этот день. Павел уже не подбежал к королю, не протянул ему обеих рук, как думал сделать это ранее, а сразу застыл в сухой и холодной официальности. Слова приветствия срывались с его губ отрывисто и резко, а нервный тик, искажавший лицо гримасами, придавал им совсем обратный, почти насмешливый смысл.

Король тоже не был расположен выходить за пределы официального обращения. Он не заключил Павла Петровича в объятия, а довольно холодно пожал его руку и ответил несколькими сухими словами.

Положение становилось тягостным и неприятным: ни великий князь, ни король не знали, что говорить далее, и неловкость все возрастала. Наконец к обоюдному облегчению в комнату вошла принцесса София-Доротея под руку с принцем Генрихом и в сопровождении остальных высоких лиц.

Лицо короля просветлело — принцесса всегда была его любимицей, а в последнее время он стал еще более любить и уважать ее. Фридрих обратился к внучке с шутливым упреком, что она не сумела до сих пор привязать к себе жениха достаточно крепкими узами, чтобы он не убегал от нее вперед и не бросал

ее на услуги лиц, имеющих на то несравненно меньшее право, чем августейший жених.

Принцесса невольно с ласковым упреком взглянула на великого князя, а тот поспешил замаскировать свое замешательство резким, неприятным смехом.

XIII

На следующее утро должны были состояться маневры, устраиваемые королем в честь высокого гостя, хотя тайной целью их было показать русским, на какой неизмеримой высоте стоит прусская армия. В этом отношении прусский король рассчитывал не столько на великого князя, который едва ли понимал достаточно в военном деле, а на фельдмаршала Румянцева, стратегические таланты которого король ставил очень высоко.

Фридриху было важно вызвать старого фельдмаршала на искреннее восхищение, и особенно потому, что Румянцев, бывший не только боевым генералом, но и опытным придворным, до сих пор отделялся увертливыми фразами каждый раз, когда Фридрих заводил с ним разговор о своей армии. Он не отрицал ее достоинств, но и как бы не замечал ничего особенного. И это до такой степени раздражало «старого Фрица», что он способен был как угодно льстить, как угодно задарить старика-фельдмаршала, лишь бы заставить его открыто прийти в восторг.

Ввиду того что маневры должны были начаться довольно рано, вечером во дворце засиделись не очень поздно и сравнительно рано разошлись по своим комнатам. Павел ушел к себе в самом отвратительном настроении, и оно не рассеялось и утром. Только тогда, когда, выйдя в портал, он увидал подведенную ему дивную лошадь, подарок Фридриха Второго, его лицо просветлело. Павел был великолепным наездником, и ничем нельзя было его так подкупить, как хорошей лошадью.

Вскочив на коня, он сразу дал поводья, и нервный, горячий жеребец быстро понес его по улицам Потсдама. Блестя-

щая великокняжеская свита с фельдмаршалом во главе следовала за ним.

Улицы уже кишели массой народа, и пришлось замедлить шаг. Это дало возможность великому князю услышать многое, что говорилось под шумок восторженных приветствий.

— Глядите-ка,— сказал чей-то грубый голос,— вот это и есть великий князь. Ну, нечего сказать, убила бобра принцесса! Да разве можно иметь такой вид, раз являешься русским великим князем?

Павел Петрович нетерпеливо дал шпоры лошади, и она врезалась в самую толпу. Последняя поспешно расступилась, но Павел успел услышать ответ соседа-горожанина, негодовавшего на внешность августейшего жениха. Этот сосед сказал:

— Полно, брат, русские все таковы. Ведь это дикий народ: помесь татар и китайцев!

Подобные замечания Павлу приходилось слушать все время.

— А это едет фельдмаршал Румянцев,— сказал кто-то,— за ними: граф Салтыков, брат того знаменитого Салтыкова, который был интимным дружкой русской императрицы. Вы посмотрите только, как великий князь похож на Салтыкова: одно лицо. Ну да разве это не понятно?¹

Великий князь, отлично знавший, какого рода сплетни ходят относительно его мнимого родства с Салтыковым, был до крайности взбешен этим замечанием. Да, Николай Салтыков был действительно некрасив, и это, может быть, делало его по-

¹ В свое время в Европе была распространена грязная клевета, будто Павел был сыном не Петра III, а Салтыкова. Находятся и теперь историки, которые держатся этого мнения. Эта явно неправдоподобная легенда обосновывается так: императрица Елизавета, убедившись будто бы в том, что Петр III не способен к супружеской жизни, приставила к его супруге Салтыкова с приказанием во что бы то ни стало дать наследника русскому престолу. Когда Салтыков исполнил приказание, он был удален от двора. Конечно, такая история была вполне в духе русских нравов XVIII столетия. Но она в данном случае не выдерживает критики. Екатерина в начале своего замужества изо всех сил старалась завоевать расположение супруга и отвернулась от него только тогда, когда он стал открыто изменять ей, следовательно, должна отпасть «неспособность к брачному сожитию», как мотив для подобного шага со стороны Елизаветы. Что же касается самой Екатерины, то она неоднократно, в особенности в минуты гнева (т. е. когда теряла всякую сдержанность), говорила, что ненавидит в сыне портрет его отца — Петра III.

хожим на великого князя, но ведь его брат, граф Сергей, был красавцем!

Павел нахмурился, обернулся к Салтыкову и приказал ему ехать рядом с собой. Салтыков удивленно повиновался: великий князь ничем не мотивировал этого приказания, да и не обратился к подъехавшему графу ни с одним вопросом или замечанием, а только мрачно принялся разглядывать его.

Вдруг лицо Павла разгладилось и изобразило нечто вроде улыбки: его рассмешила мысль, что на свете существует столь же некрасивый человек, как и он сам! Он расхохотался и сказал, обращаясь к Румянцеву и Салтыкову:

— Господа, вы, вероятно, обратили внимание, какие дерзкие замечания делает эта подлая немецкая чернь? Надо заткнуть им рты. Ее величество сообщила мне пред моим отъездом, что мне дан целый сундук с подарками и деньгами для раздачи народу. Это самый лучший способ превратить хулу в восторг, народ везде один и тот же. Но где у вас этот сундук? Уж не потеряли ли вы ключа? Почему подарки до сих пор не взяты оттуда?

Румянцев испуганно взглянул на Салтыкова, лицо которого тоже чуть-чуть побледнело.

— В самом деле, ваше императорское высочество, отданный нам на сохранение сундук до сих пор не открыт. Но мы еще не знали, когда и при каких обстоятельствах вашему высочеству будет благоугодно начать раздачу...

— Мне кажется,— сказал, в свою очередь, Салтыков,— что лучше всего распределить подарки между стрелковой гильдией и мясницкой кавалерией, которые служат нам все время почетным конвоем. Что же касается дерзких замечаний, то в такой большой толпе всегда найдутся крикуны и хулители, но в общей массе ваше высочество приветствуют с большим подъемом и воодушевлением...

В этот момент кавалькада подъехала к парку, где ее встретил во главе блестящей плеяды свитских генералов король Фридрих, приветствовавший к назначенному сроку великого князя довольно холодно и натянуто. Но тут же, обратив внимание на молодцеватую посадку Павла, Фридрих не мог удержаться, чтобы не сделать по этому поводу лестного замечания.

В то время как король разговаривал с великим князем, Салтыков наклонился к фельдмаршалу и шепнул ему:

— Черт знает что такое! Эта история с сундуком еще надевает нам неприятностей. Если бы я знал заранее, что его высочеству известно об этом сундуке, то я никогда не согласился бы на ваше предложение поделить эти пустяки между нами обоими¹. Да и велика ли нам от этого корысть? Мы с вами достаточно богаты и без этого!

— Милый граф,— с немалым смущением ответил ему Румянцев,— ведь мы поступили так вовсе не из корысти. Вы отлично знаете, что этим присвоением мы просто доказали свою преданность ее величеству. Разве мыслимо допустить, чтобы великий князь приобрел сочувствие народных масс за границей? От этого один шаг до образования партии, а партии, действующие из-за границы, особенно опасны для государственного спокойствия: доказательством этому служит чуть ли не вся русская история. Да и как бы там ни было, а все эти подарки были слишком ценны, чтобы кидать их какому-то сброду. Я из собственных средств накуплю разной дешевой дряни и раздам кому следует.

— Разумеется, я плачу половину,— заметил Салтыков.

Разговор русских вельмож был прерван начавшимся смотром. По приглашению короля великий князь выехал с ним на середину плаца, чтобы пропустить мимо себя собранные тут различные войска.

В то время как Павел с обнаженной шпагой осматривал проходивших мимо него церемониальным маршем солдат, он заметил кое-что, отвлекшее почти все его внимание. Вдали виднелся большой павильон, на террасе которого сидело большое, нарядно разодетое общество, наблюдавшее за маневрами. Среди разряженных принцесс Павел, отличавшийся как настоящий охотник выдающейся остротой зрения, заметил и Софию-Доротею.

Но к самому присутствию невесты он остался бы совершенно равнодушен, если бы сзади не виднелась изящная фигура

¹ См. об этом у Тьеболя, ч. III, с. 23.

молодого князя Куракина, занимавшего Софию-Доротею, видимо, очень интересным разговором.

Князь Куракин был одним из искуснейших кавалеров русского двора. Воспитанный в Париже, он в совершенстве изучил тайны салонного разговора и рыцарского ухаживания за дамами. В Петербурге его считали неотразимым: несмотря на свою молодость, он совратил с праведного пути немалое количество добродетельных женщин, остававшихся до того времени совершенно неприступными.

Накануне князь Куракин оступился, сходя с лошади, и не мог сопровождать великого князя верхом. Это-то и послужило причиной оказанной ему милости, в силу которой ему позволили быть с высокими гостями в павильоне.

Теперь Павлу начинало казаться, что Куракин нарочно сделал так, чтобы оступить, рассчитывая попасть вместе с Софией-Доротеей в павильон и испытать над нею силу своих чар.

«Да, да, знаю я по прошлому опыту, что значит, когда молодой вельможа из чинов двора начинает ухаживать за невестой или молодой супругой некрасивого великого князя!» — подумал Павел Петрович.

Он начинал волноваться все больше и больше и все меньше обращал внимания на проходившие пред ним войска, так что даже сделал несколько мелких оплошностей, несвоевременно ответив на салют. Вдруг громкое «ура» проходивших последними гвардейцев заставило его прийти в себя и вернуться к сознанию, что король может принять эту рассеянность за личное оскорбление и презрение к его войскам. Павел прикусил губу и стал внимательно следить за происходившим.

Теперь блестящее зрелище стало преображаться, и смотр плавно и постепенно переходил в маневры, центром которых был назначен мост, перекинутый через голубые воды Гавеля.

Войска разделились на отдельные отряды, и вскоре стало ясно, что солдаты, расположившиеся по обоим берегам речки, представляют собою две неприятельские армии. Одна хотела перейти через мост, другая должна была помешать ей в этом.

Между обеими армиями разгорелся ожесточенный бой, причем каждая из них выказала чудеса ловкости и стратегии. Когда одной из армий все-таки удалось перебраться через Гавель,

что было совершено с поразительной ловкостью и отчетливостью, король обернулся к фельдмаршалу Румянцеву с торжествующей улыбкой.

Румянцев уже давно приготовился к тому, что ему придется выразить свое восхищение маневрами, потому что теперь было бы уже совершенно неудобно долее отвиливать от прямого ответа. По торжествующей улыбке Фридриха II он думал угадать, что план и диспозиции примерного сражения выработаны самим королем, а так как Румянцев был искренне восхищен виденным, то ему не стоило никакого труда тут же обратиться к Фридриху с почтительным заявлением:

— Эти маневры просто поразительны, ваше величество. Сколько вдохновения в задуманном плане, какая отчетливость в его выполнении! В особенности хорош сам план боя. Наверное, ваше величество, вы показали нам подражание какому-нибудь известному маневру древних, только вот не помню, какому именно. Будьте милостивы, государь, и скажите, кто автор этого плана: Александр Македонский, Ганнибал или Цезарь?

Румянцев не сомневался, что Фридрих расцветет улыбкой, признается, что автором был он сам, но какое же было его удивление, когда в ответ король вспыхнул, закусил губу и резко отвернулся от русского генерала.

В тот же момент к фельдмаршалу подошел генерал Лентулус и с ужасом шепнул ему:

— Но боже мой, ваше превосходительство! Да неужели вы не заметили, что этот маневр представляет собою уменьшенную копию знаменитого перехода вашего высокопревосходительства через Дунай, завершившегося разгромом турок? Его величество хотел выразить вам этим все свое восхищение стратегическими способностями знаменитого русского фельдмаршала!

Большой князь, стоявший рядом с Румянцевым и расслышавший слова Лентулуса, громко расхохотался. Вид Румянцева, увидавшего из слов Лентулуса, какую страшную ошибку он сделал, был глубоко комичен, да и, кроме того, Павел был рад промаху нелюбимого им старика.

Но торжество Павла было недолгим. Король сейчас же понял, что Румянцев неумышленно похвалил самого себя, что он хотел сделать комплимент ему же, Фридриху. Поэтому король

поспешил подъехать к Румянцеву и рядом милостивых фраз постарался изгладить неприятное впечатление от той резкости, с которой он пред этим повернулся к старику спиной.

Маневры кончились. После обоюдных церемонных приветствий все стали разъезжаться. Но Павел еще раз заглянул на террасу. Там уже никого не было, но через открытую дверь его острый взор уловил фигуру Куракина и неясный силуэт какой-то дамы. Сразу можно было определить, что они ведут самый оживленный, интересный разговор.

Великий князь побледнел от бешенства и подозревал молодого Нарышкина, бывшего тоже в его свите.

— Нарышкин, — сказал великий князь, — отправляйся сейчас же к князю Куракину. Он но несчастью повредил себе ногу и лишает меня удовольствия видеть его в числе лиц свиты. Так как больным он мне все равно не нужен, а для лечения необходимо спокойствие, то передай ему мое приказание немедленно и ни с кем не прощаясь уложить свои вещи и отправиться в обратный путь. Но я требую, чтобы он уехал немедленно, чтобы этот отъезд не оттягивался ни на полчаса, ни на минуту, ни на секунду. Сейчас же по выслушании приказа он должен заняться сборами. Через час его не должно быть более здесь. Передайте ему от меня следующие слова: «Он слишком много ковыляет вокруг дам, а это опасно для ноги!» Ступай, Нарышкин, и помни, что я делаю тебя ответственным за точное исполнение этого приказания!

XIV

Наконец-то кончились все празднества, представления, чествования в Берлине, Потсдаме, потом в Ораниенбурге и Рейнсберге.

Рейнсберг был последним этапом официальных торжеств, и в этом когда-то знаменитом увеселительном замке, принадлежавшем принцу Генриху, обрученным предстояло перенести последние чествования и празднества.

Восьмого августа великий князь решил наконец приступить к обратному путешествию в Петербург. Через три дня и прин-

цесса София тоже должна была отправиться в Петербург, причем ее родители предполагали проводить ее до Мемеля, последнего прусского города у русской границы.

Пробило как раз восемь часов — момент, назначенный для отъезда великого князя. С последним ударом часов Павел вошел в комнату, где его ждала принцесса.

— Я пришел проститься с вами и просить вашу матушку разрешить мне это свидание наедине. Ведь любящие люди неохотно прощаются в присутствии свидетелей, а раз мы считаемся влюбленными, то и должны действовать сообразно этому!

Принцесса ответила на эту насмешливую тираду только поклоном да слабой улыбкой, в которой отразилось все переживаемое ею страдание.

— Вы сегодня что-то уж очень бледны,— продолжал Павел, насмешливо поблескивая узенькими щелочками глаз.— Уж не мой ли отъезд так огорчает вас?

Принцесса вспыхнула.

— Не думаю,— холодно ответила она,— ведь я скоро увижусь с вашим высочеством, потому что отправляюсь через три дня в Петербург.

— Где вам предстоит сделаться моей супругой,— подхватил Павел.— Я убежден, что вы очень радуетесь этой блаженной минуте! Но вот что, прекрасная принцесса: я должен сообщить вам кое-что пред своим отъездом. Вы сказали мне, что не любите меня, и просили дать вам свободу. Я не мог исполнить вашу просьбу хотя бы потому, что сам прежде всего не свободен и что моей судьбой распоряжаются не менее своевластно, чем вашей. Но теперь я даже доволен, что не мог освободить вас от своей особы, потому что, признаюсь, вы мне очень нравитесь, принцесса. Вы красивы, умны и, по всей видимости, добры. Разумеется, мое признание может только испугать вас, принцесса, потому что я очень ревнив по натуре. Будьте добры ни на минуту не забывать этого! Я не могу требовать от вас, чтобы вы полюбили меня, но требовать полной и безусловной верности я могу! И раз навсегда говорю вам: чем больше вы будете нравиться мне, тем менее я буду в состоянии допускать, чтобы вы нравились другим, чтобы вы хотели нравиться другим. Когда мы будем в России, то я старательно позабочусь, чтобы моя

жена не поощряла в других мужчинах обожания к себе, и если случится так, что я окажусь тем камнем преткновения, о который пустые фатишки вывихивают себе ногу с целью быть утешенными моей женой, то ни им, ни вам несдобровать!

София-Доротея не обратила ни малейшего внимания на этот камень в огород князя Куракина и не сочла нужным отвечать на такие необоснованные подозрения и угрозы.

— Через три дня,— просто и сердечно сказала она,— я отправляюсь в Петербург, где стану вашей женой. Раз я согласилась подчиниться желанию родителей, то во всяком случае сделаю все возможное, чтобы по мере сил честно и добросовестно исполнить принятые на себя обязанности. Я буду верной и преданной женой вам, постараюсь любить вас, насколько это в моих силах, и во всяком случае вы можете всецело рассчитывать, что найдете во мне верного друга, готового честно, достойно и преданно делить с вами выпавший на нашу общую судьбу жребий!

— Это хорошие слова, принцесса! — воскликнул Павел, протягивая ей руку.— Я не забуду их, о нет! До свидания, дорогая невеста! В Риге мы снова увидимся, чтобы более уже не разлучаться. Мы оба — жертвы бездушной политики, принцесса, но стоит нам приложить хоть крупицу доброй воли — и как знать, не сможем ли мы вопреки моей матушке вырвать у судьбы хоть немного счастья!

Он ласково кивнул Софии и выбежал из комнаты. Принцесса грустно и задумчиво посмотрела ему вслед.

— Он очень несчастен,— шепнула она,— несчастен, потому что не верит никому, не исключая даже и матери. Что же, сама судьба указывает мне мое назначение. Я не могу быть счастливой сама, но постараюсь дать счастье, сколько в моих силах, другим. Чаша налита — я честно выпью ее до конца!

Через три дня, 11 августа, принцесса София-Доротея выехала из Рейнсберга. Во всех городах, лежавших на ее пути, принцессу встречали бурными проявлениями восторга. В Мемеле принцесса простилась с родителями и отправилась далее в сопровождении блестящей свиты, назначенной императрицей Екатериной для встречи августейшей невесты.

В России Софию-Доротею тоже повсеместно встречали восторженными приветствиями. 11 сентября принцесса прибыла в Царское Село, где императрица очень ласково приняла свою будущую невестку.

Через несколько времени София-Доротея была принята в святое лоно православной церкви, а 13 октября 1776 года принцесса, получившая имя великой княжны Марии Федоровны, стала супругой великого князя Павла Петровича.

Так кончился этот девичий роман юной принцессы, одной из самых обаятельных женщин своего времени, ставшей жертвой ненасытного Минотавра — политики!



При малом дворе

*Исторический роман
из жизни великого князя Павла Петровича,
впоследствии императора Павла I,
и его супруги Марии Федоровны*





I

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ И МАРИЯ ФЕДОРОВНА

Со времени женитьбы на красивой и умной Марии Федоровне Павел Петрович стал завзятым любителем деревенской жизни. Каждый год он старался возможно долее оставаться в Царском Селе или Павловске, с неудовольствием подчиняясь необходимости, время от времени призывавшей его ко двору матери. Удавались такие счастливые годы, когда великий князь мог без перерыва проводить на лоне природы чуть не полгода — с начала ранней осени вплоть до весны, и его супруга пользовалась этим, чтобы проявить во всем блеске свою поразительную способность подмечать малейшую тучку на его челе и рассеивать его заботы и недовольство.

Со времени описанных в последней книге¹ событий прошло восемь лет, и с каждым годом Мария Федоровна становилась все более нежной и заботливой женой, причем никому и в голову не пришло бы подозревать, что эта нежность и заботливость являются просто следствием хорошо сыгранной комедии долга. Нет, к величайшему счастью молодой великой княгини, она могла быть вполне искренней в отношениях к мужу.

Конечно, о пламенной, романической любви, такой любви, какую Мария Федоровна питала на заре своего девчества к принцу Леопольду, не могло быть и речи. Но великая княгиня научилась понимать душу супруга, сумела разглядеть все то хорошее, чего так много таилось под наносной корой, вызванной оскорблениями, заброшенностью, ненормальностью отношений к матери. Она увидела, что он только вспыльчив, но не зол, что, наоборот, он способен на бездну женственной нежно-

¹ См. роман «Любовь и политика».

сти. Его только трудно было вызвать на эту нежность, потому что с самого раннего детства обстоятельства приучили Павла Петровича замыкаться в себе, не давать воли искренним порывам, и он словно мимоза закрывался при малейшем неосторожном прикосновении.

Она также видела, что ее супруг от природы очень неглуп, но что его исковеркало уродливое воспитание. Зато его редкую лояльность, честность, порядочность не могли исковеркать даже те уродливые обстоятельства, в которых протекала до сих пор его жизнь. И, осознав, что по отношению к этому хорошему человеку была совершена и совершалась масса несправедливостей, поняв, насколько он исстрадался, измучился, Мария Федоровна искренне отдалась желанию сделать его возможно счастливее. И кончилось тем, что, полюбив свою задачу составить счастье супругу, она тем самым полюбила и его самого. Она старалась оставлять его одного как можно реже и в последнее время стала сопровождать также и на охоту, которой великий князь отдавался с бешеной страстью, не обращая внимания на погоду. Мария Федоровна великоленно ездил верхом и могла проводить в седле целые часы. Но даже утомленная бешеной гонкой, даже промокшая до мозга костей под дождем, продрогшая под снегом, она неизменно находила у себя приветливую улыбку для супруга — улыбку, в которой проглядывала твердая решимость постоянно оставаться возле него, какие бы беды и горести ни обрушились на его голову.

Если же она замечала, что раздражение Павла Петровича не успокаивается от ее ласки, а, наоборот, только увеличивается, она умела незаметно скрыться и замкнуться у себя в комнатах, где могла отдаться другим потребностям своей жизни.

Великая княгиня много вышивала с поразительным искусством и терпеливостью, ее рисунки карандашом и красками свидетельствовали о незаурядном таланте; но наибольшую отраду ее жизни составляли дети, которых она обожала до глубины своей души.

Придворные даже недоумевали, видя, какой заботливостью окружает воспитание детей великая княгиня.

Повсеместно при крупных дворах Европы воспитание молодых принцев сваливалось на руки посторонних лиц, и августейшие родители сплошь да рядом совершенно забывали о сущест-

вовании детей, крутась в вихре наслаждений и всяческих удовольствий. Одна из нежнейших августейших матерей и самых скромных, рассудительных, нравственных и умных венценосных женщин того времени — императрица Мария-Терезия (к описываемому периоду времени уже скончавшаяся) — до такой степени запустила воспитание сына — императора Иосифа II, — что даже не заметила, как из принца с отличными задатками вышел грубоватый мещанствующий солдат. Что же было говорить о России, где постоянная насильственная смена царствующих особ вызывала традиционную враждебность родителей к детям и вытекающую из оной небрежность воспитания?

Однако великая княгиня Мария Федоровна до такой степени входила в каждую мелочь повседневной жизни детей, как это не могла бы сделать самая лучшая буржуазная мать.

Любовь к детям настолько полновластно царила в сердце Марии Федоровны, что горький осадок в ее душе, оставшийся после какой-нибудь резкости Павла Петровича, сейчас же рассеивался у нее, когда она входила к детям, и они с восторгом наперебой тянулись к ней своими пухленькими розовенькими ручонками. И когда она снова появлялась пред мужем, то вся она казалась как бы пронизанной кротким, ласковым сиянием, и великий князь в большинстве случаев спешил к ней навстречу и в почтительном поцелуе руки молчаливо испрашивал прощение. Хотя она никогда ни словом, ни намеком не напоминала ему о прошлом, искреннее сознание своей неправоты заставляло Павла Петровича стараться овладеть собой и по возможности воздерживаться от бурных выходок. Его характер становился ровнее, и этим он всецело был обязан высшей милости Неба, пославшего ему такую жену.

II

НА ТЕРРАСЕ В ПАВЛОВСКЕ

Павловск представляет собою очень живописное местечко, отличающееся красотой своих окрестностей. Теперь он весь застроен дачами, но в те времена это было довольно-таки пустынь-

ное место, в колорите которого, несмотря на все щедроты природы, лежало что-то меланхолическое и унылое. Впрочем, для дворца, в котором жили великокняжеская семья и немногочисленный состав ее двора, был выбран самый веселенький уголок, и Павел Петрович особенно любил это подаренное ему императрицей Екатериной Великой имение.

У самого двора шла большая крытая терраса, с которой открывался широкий вид на окрестности. Это было любимым местом великого князя, который зачастую проводил на террасе целые часы, любуясь природой или наблюдая за исправным несением службы часовыми, расставленными цепью по опушке леса, вокруг дворца. Иногда великий князь брал с собой подзорную трубу, благодаря которой мог в совершенстве наблюдать за каждым движением сторожевых постов.

В один дивный, теплый осенний день, так и манивший в лес, великий князь с признаками величайшего нетерпения расхаживал взад и вперед по террасе. Сам он отличался редкой пунктуальностью, а потому не мог понять, как это лица, приглашенные им сопровождать его на ежедневной прогулке, смеют опаздывать.

Уже четверть часа тому назад они должны были появиться на обычном сборном пункте — террасе, а между тем ни великой княгини с детьми, ни князей Куракина и Несвитского, стоявших во главе «малого» двора, все еще не было.

Молодой князь Куракин, сильно рассердивший великого князя в Потсдаме, вскоре опять вошел в милость Павла Петровича, хотя сам ничего не делал для этого. Но, хотя князь Алексей и задел князя по его самому больному месту, выказав чересчур большую и сердечную любезность по отношению к августейшей невесте, Павел Петрович по возвращении в Петербург вскоре почувствовал, как ему не хватает веселого и ловкого Куракина. А так как вдобавок за последним никакой реальной вины не было, то великий князь поспешил вновь вернуть его к себе.

Действительно, молодой князь был истинным украшением петербургского двора. Он был не только красив, любезен, ловок, но вдобавок еще очень хорошо воспитан и широко образован, и каждый из тех немногих, кто интересовался кое-чем кро-

ме собак, лошадей и любовниц, видел в нем интересного и занимательного собеседника. В то же время Куракин как-то умел не подчеркивать своего умственного превосходства, а веселился и развлекался наравне со всеми прочими придворными, не отказываясь ни от опасной охоты, ни от головоломной скачки. Вместе с тем две-три дуэли доказали, что князь Куракин, любезный и уступчивый в мелочах, тверд, как камень, в вопросах чести и может в любое время постоять за себя.

Великий князь очень любил Куракина, как приятного собеседника и отличного товарища по охоте, которого не смудишь и не испугаешь никакими трудностями или опасностями, а на становищах, отдыхая после трудового охотничьего дня, навел его на всевозможные темы и узнавал от него многое такое, чего, быть может, никогда и не узнал бы без него.

В сущности, великий князь по натуре страстно рвался к знаниям, и нужно было все уродство его воспитания и образования в детские годы, чтобы до крайней степени заглушить его добрые порывы. Но, кто умел без менторства и дидактического тона, просто к слову рассказать ему что-нибудь о внутренней жизни цветов и растений, о событиях далекого русского или иностранного прошлого, о новых открытиях в области физики, химии или астрономии, тот мог рассчитывать на него, как на самого внимательного и любознательного слушателя.

Поэтому не было ничего удивительного, что Павел Петрович вскоре почувствовал, как ему не хватает Куракина, и вернул его к своему двору.

Правда, в первое время он никак не мог отделаться от мысли, что Куракин отличается самой пленительной внешностью, которая только еще более подчеркивала его личную незадачливую наружность. Но великая княгиня держала себя настолько безупречно, что для ревности совершенно не было каких-либо оснований.

Совсем другим человеком был старый князь Несвитский, принадлежавший тоже к ближайшим приближенным великого князя. Он был очень стар, но так глуп, взбалмошен и вздорен, что его словечки и выходки служили неистощимым источником забавных придворных анекдотов. Павел Петрович был очень привязан к нему, но совсем по другим основаниям,

чем к Куракину. Князь Алексей развлекал его умом, Несвитский — глупостью.

Павел Петрович любил посмеяться над кем-нибудь, а Несвитский представлял собою для этой цели совершенно исключительный по своей неистощимости материал.

Шуты, как необходимый элемент русских «больших» и «малых» дворов, никогда не переводились: они только скинули пестрые колпачки да отказались от великой прерогативы глупости говорить сильным мира правду в глаза. Вот таким-то беззубым и безвредным шутлом и был при этом дворе Несвитский.

А великой княгини все не было да не было!

Час, назначенный для прогулки, уже давно прошел, и Павел Петрович начал приходить в неистовое бешенство. Он еще сдерживался, но именно это-то и не предвещало ничего хорошего: ведь было известно, что, чем дальше он, бывало, сдерживался, тем бурнее изливался его гнев, когда наконец прорывался наружу.

Великий князь неоднократно подходил к окну комнаты супруги, рассчитывая, что она заметит его и поспешит выйти. Наконец он принялся громко насвистывать, надеясь хоть этим обратить ее внимание, но все было напрасно!

Свист Павла Петровича был услышан совсем другим существом, которое уже давно вертелось на площадке у террасы и всеми силами старалось привлечь на себя взгляды великого князя.

Это была любимая лошадь великого князя, темно-гнедой жеребец дивной красоты и законченности форм.

Марс, как звали жеребца, только что перенес тяжелую болезнь, и сегодня его в первый раз снова вывели к великому князю. Марс был из числа тех двенадцати верховых лошадей, которых подарил Павлу Петровичу прусский король к обручению в Потсдаме. Все лошади были на диво хороши, но Марс выделялся даже из отборного ряда благороднейших животных. Великий князь очень любил его, и Марс платил ему тем же: привязанность лошади к августейшему хозяину доходила до границы почти невероятного.

Когда Марс услышал свист хозяина, он сразу замер на месте, насторожился, поднял уши торчком и принялся обмахиваться

хвостом. Великий князь сразу забыл все свое раздражение и с восторгом стал любоваться красавцем-конем. Тогда конюх заставил Марса проделать пред великим князем всевозможные эволюции, чтобы доказать, что болезнь нисколько не отразилась на искусстве отлично выезженной лошади.

Павел Петрович окончательно пришел в восторг и принялся громко хлопать в ладоши, осыпая коня самыми нежными словами.

— А Марс все еще не избавился окончательно от прусского колера!¹ — произнес сзади великого князя чей-то насмешливый голос.

Павел Петрович обернулся и увидел своего любимого камердинера, Ивана Павловича Кутайсова, который незаметно подобрался к нему.

Пожалуй, Кутайсов был для великого князя необходимее всех остальных. Он отличался какой-то поразительной, почти чудесной осведомленностью, и иногда казалось совершенно непонятным, откуда Кутайсов мог знать, что происходило и говорилось на тайном совещании в кабинете императрицы. И теперь, по тону голоса любимца, Павел Петрович понял, что Кутайсов имеет в виду свести разговор на что-нибудь важное и интересное.

— Ах ты, турецкая всезнайка! — сказал он, уцепившись по обыкновению Кутайсова за ухо. — Но почему ты вообразил, что некоторая нервность и судорожность движений Марса является следствием колера, да еще прусского?

— Помилуйте, ваше высочество, — ответил Иван Павлович, — да разве мы не из Потсдама привели сюда его превосходительство господина Марса? Чего же естественнее, если не только он, но и мы все набрались там опасной заразы! Только нам-то надо поскорее вылечиться, потому что прусский колер страшно не в моде теперь при петербургском дворе. Оно и понятно: колер мог довести нас в конце концов до того, что мы стали бы покорнейшими вассалами турок, а хотя турки когда-то и были моими земляками, но это удовольствие я не хотел бы доставить им! Пруссак хотели взнуздать русского орла

¹ Конская болезнь, род бешенства.

и всунуть ему в победоносный клюв удила мира, и бедняга Панин, вечно прихрамывающий в прусскую сторону, был избран ими агентом для этой миленькой цели. Но все мы повинuemся императрице, она повинуется Потемкину, а у князя Потемкина здоровые легкие, да и мастер он дуть и... надувать! Вот он и надул государыне войну, и потому-то ее величество выехала в Могилев на свидание с императором Иосифом. Ведь прусский колер сменился у нас теперь австрийским оглулом¹. Поэтому, с позволения сказать, его превосходительство господин Марс очень старомоден, если решается предстать пред очи вашего высочества с остатками прусского колера!

— Когда-нибудь я сделаю тебя членом Государственного совета, Иван,— сказал великий князь с добродушной усмешкой.— Если бы у меня не было камердинера, то я зачастую не знал бы, что творится нового в сферах высшей политики. Но неужели ты серьезно веришь, что в Могилеве могут быть приняты серьезные решения? Нет, брат, это ты уж хватил через край! Не станут для этого ездить в какой-то ничтожный приднепровский городок!

— Из слов вашего высочества видно, что вы чувствуете себя таким же чужим в политике императрицы, как и в ее дворце, или — вернее сказать — как и в Петербурге вообще,— ответил Кутайсов с шутовскими ужимками.— Неужели справедливо, что вы должны довольствоваться прогулками по Павловску или даже отказываться от них, когда ее высочество по важным причинам забывает назначенный для прогулки час? Неужели справедливо, говорю я, что вы живете здесь в качестве какого-то небогатого помещика, даже и тогда, когда ее величество покидает столицу государства? Ведь если рассудить здраво, то кому же, как не вашему высочеству, должно было бы быть доверено управление в отсутствие императрицы? А между тем не только все управление, а даже самой маленькой отрасли его не доверяют великому князю! Стоит после этого родиться природным генералиссимусом русской армии, природным генерал-адмиралом балтийского флота.

¹ Род колера, при котором лошадь не приходит в неистовое бешенство, а впадает в тихое отупение.

— Ты бередишь мои самые больные раны, Иван! — с горечью ответил Павел Петрович. — Да, великий князь — прирожденный генералиссимус русской армии, а между тем ему еще ни разу не пришлось вести в бой ни единого полка. Да, он — прирожденный генерал-адмирал балтийского флота, а между тем ему еще ни разу не было позволено посетить Кронштадт для инспектирования судов. Все это правда, но... Но, должно быть, так и нужно, а потому не будем осуждать распоряжений ее величества. Что же, старик Панин так часто держал в своих руках бразды правления, что понятно, если и на этот раз императрица доверила их его опыту и честности.

— Господи! — вскрикнул Кутайсов. — Так, значит, вы, ваше высочество, и на самом деле ровно ничего не знаете? Но ведь Панин так тяжело потрясен крахом прусского влияния, что совсем расхворался! Несколько дней тому назад он передал власть фельдмаршалу Голицыну, которого ее величество назначила заместителем графа на случай его болезни. Да, ваше императорское высочество, вот как обстоят в данный момент дела в Петербурге! Потемкин окончательно одолел Панина — в этих словах сводка всей истории. Теперь путешествие ее величества в Могилев будет окончательным торжеством политики князя Потемкина. Ее величество сговорится в Могилеве с императором Иосифом, двинет армию на турок, разобьет их, а добычу, которая достанется после этого, поделят между собой Россия и Австрия!

— В самом деле мой камердинер лучше осведомлен в политике России, чем я сам! — произнес великий князь. — Но ведь я знаю, что ты принадлежишь к партии людей, мечтающих о какой-то свободе! Пусть мечтают, пусть зачисляются в свои ряды порченных турок вроде тебя, друг мой, но на меня эти господа пусть не рассчитывают, потому что до конца своих дней я останусь полнейшим подданным ее величества. Иначе и быть не может! Этот подлый мир превратился бы в клоаку, если бы не существовало трех условий: послушания, затем послушания и наконец послушания! Ну да я все-таки очень люблю тебя, Иван. Я знаю, что ты привязан ко мне и болеешь душой за все мои огорчения. Но очень прошу тебя: никогда не говори мне ничего против ее величества, потому что я не переношу это-

го, да и неудобно мне ругать свою мать и императрицу вместе с камердинером!

Кутайсов низко-низко опустил голову. Великий князь отвернулся от него и глубоко задумался. Вдруг из большой беседки, находившейся в конце террасы, слышались веселые детские голоса.

— Что это? — сказал великий князь, всматриваясь и прищуриваясь (он был близорук). — Ведь это, кажется, Александр и Константин?

Действительно, это были сыновья великого князя, только что спустившиеся из дворца на террасу в сопровождении гувернера и остановившиеся около цветущих растений.

Александр с мечтательным видом наклонился к какому-то цветку, рассматривая его. Маленький Константин, только недавно научившийся ходить, отличался страшной дикостью и бурностью нрава. Так и теперь он сурово потребовал от брата, чтобы тот посторонился и показал ему, на что это он смотрит. Александр не сразу исполнил просьбу меньшого брата: он сначала даже и не расслышал ее. Тогда Константин без дальнейших слов вцепился в его волосенки и принялся теребить его, топая ножонками и голая так, словно за волосы драли его.

Александр, с детства отличавшийся рыцарственностью, не хотел пользоваться перевесом силы и пытался успокоить брата. Но это было не так легко, и вместо беззаботного веселья до великого князя теперь стали доноситься довольно резкие, неприятные звуки ссоры.

«И чего гувернер смотрит?» — досадливо подумал Павел Петрович, с досадою поворачиваясь в противоположную сторону.

Он спешил уйти от детей, чтобы они не обратились к нему с жалобами: он сознавал, что слишком несдержан и вместо примирителя мог бы стать грозным судьей, карающим и правого, и виновного.

Вид детей снова напомнил великому князю об опоздании супруги к прогулке.

— Иван, — сказал он, — ты всегда говоришь мне правду. Скажи, почему ее высочество до сих пор еще не спустилась сюда? Ведь этот час раз навсегда был назначен мною для нашей совместной прогулки!

— Ее высочество занята интересным разговором с князем Алексеем Куракиным,— ответил Кутайсов,— ну а когда ее высочество разговаривает с князем Алексеем, то обыкновенно настолько увлекается, что может забыть решительно обо всем на свете.

— Вот как?

Лицо великого князя исказилось при этих словах до ужаса; оно побагровело, жилы на лбу вздулись. Его охватила мелкая дрожь, являвшаяся у него обычным предвестником взрыва крайне бурного гнева.

— О чем они говорили? — резко спросил он.— Ну! Живо! Я знаю, что ты все подслушиваешь! Сейчас же выкладывай мне все: я хочу знать и хорошее, и дурное!

— Но, ваше высочество, дурного тут ничего не было! Ее высочество сидела на софе с видом повелительницы, оказывающей величайшую милость. Князь Куракин сидел очень далеко, да и лицо у него было такое, словно он видел перед собой образ Божьей Матери!

— К чему ты рассказываешь мне все это? — рявкнул великий князь, топая ногой.— Я хочу знать, что осмелился говорить Куракин моей жене?

— Да Куракин не осмелился ничего говорить, он только слушал. Ее высочество рассказывала ему какую-то историю, должно быть, очень трогательную, потому что у нее часто выступали слезы на глазах, но тут же высыхали, сменяясь радостной улыбкой. Я заметил, что эта улыбка показывалась каждый раз, когда ее высочество произносила слово «Монбельяр». При этом слове Куракин тоже кланялся с таким видом, словно перед ним в этот момент произносили какое-то особенно священное слово!

— Монбельяр? — вскрикнул великий князь.— Но ведь это название гнусного французского замка, где великая княгиня жила в детстве. Это замок ее предков!

— Да, тогда все понятно! — сказал Кутайсов.— Значит, ее высочество сравнивала радостное детство с печальной действительностью! Что же, в воспоминаниях заложена большая прелесть...

— Чтобы их черт побрал! — крикнул великий князь.— Что за ерунда? Да чего ей еще не хватает? Мечтать? Вспоминать?

Слезами заливаться? Совсем по-немецки! Как ни воспитывай принцессу, а если она — немка по рождению, то сентиментальности в ней на трех горничных хватит! Но только дудки! Русская великая княгиня должна отучиться от немецких замашек; у будущей русской императрицы должны быть только русские!

— Но это не так легко...

— Чушь! Моя мать — тоже немецкая принцесса, однако она сумела стать истинной русской! А почему? Потому что отнеслась сознательно к своему назначению, потому что хотела этого... Ну, а ты сам?

— О, что касается меня, то я, ваше высочество, сам перестаю верить, что мог быть когда-нибудь турком! Я чувствую себя настолько русским, насколько это только возможно для человека, в жилах которого нет ни капли нерусской крови. Турция — не настоящая моя родина. Истинная родина здесь!

— Ну, вот, видишь!

— Да, ваше высочество! Но, может быть, это у меня только оттого, что я с рабской преданностью люблю своего господина! Если любишь кого-нибудь, так забываешь и себя, и родителей, и родину...

— А, так ты думаешь...

Великий князь тяжело перевел дух. Спазмы сдавили ему горло, он не мог говорить. Вся кровь прихлынула к голове, пред глазами стояли красные круги, он был страшен. Настала одна из тех минут, когда в бешенстве он бывал способен на все...

III

МАРИЯ ФЕДОРОВНА

Дверь среднего портала дворца распахнулась, и оттуда показалась великая княгиня Мария Федоровна в сопровождении князя Алексея Куракина, с которым она не прекращала оживленного разговора.

Сзади них ковылял престарелый князь Несвитский, выступавший с таким важным видом, будто он и был той самой важной особой, которую давно ждали.

Великая княгиня не сразу заметила присутствие супруга на террасе. Увлечшись разговором с Куракиным, она, не оборачиваясь по сторонам, направилась в совершенно противоположную сторону террасы.

Шла она очень грациозной, быстрой походкой.

Вдруг Несвитский залился громким, глупым смехом.

Великая княгиня остановилась, обернулась к нему и грозным взглядом потребовала немедленного объяснения этой неуместной веселости.

Не будучи в силах выговорить ни слова от душившего его смеха, Несвитский указал рукой назад, в совершенно обратную сторону, где со скрещенными на груди руками стоял в грозном величии великий князь.

Мария Федоровна взглянула по указанному направлению, и ее лицо сразу расцвело очаровательной, кроткой улыбкой. Она издали закивала своему супругу головой и радушно простерла ему в виде приветствия обе руки.

Но великий князь продолжал стоять не шелохнувшись. Его лицо по-прежнему выражало дикий, безграничный гнев.

Тогда, забывая требования этикета, великая княгиня грациозным жестом подобрала платье и бросилась бежать к мужу. При этом она нечаянно толкнула князя Несвитского, так что старик не удержался на ногах и, тяжело рухнув на скамейку, долго не мог подняться.

Однако Мария Федоровна даже не заметила этого. Она видела, что ее супруг взволнован, рассержен, угрюм, и спешила, как истинный ангел-хранитель, поскорее приласкать его, разведелить, отогнать дразнивших его бесов злобы. Она была дивно хороша, когда, задыхаясь от быстрого бега, остановилась перед Павлом Петровичем. Во всей ее фигуре, в выражении лица, в глазах было удивительно много чистоты, преданности, ласки. Но великий князь продолжал упорно смотреть куда-то в сторону, и, внимательно присмотревшись к нему, Мария Федоровна с ужасом заметила, что он не только рассержен, а уже стоит на грани пароксизма безудержного бешенства.

— Вам заблагорассудилось все-таки явиться, ваше высочество? — сказал Павел Петрович охрипшим, визгливым голосом. — Однако вы окончательно перестаете считаться с кем бы то ни

было! Вы позволяете себе заставлять меня ждать вас столько времени, и пустая болтовня с князем Куракиным кажется вам гораздо важнее исполнения ваших прямых обязанностей жены и русской великой княгини! Мало того, уже выйдя из комнаты, вы продолжаете свою неприличную болтовню и увлекаетесь разговором с Куракиным до такой степени, что князь Несвитский принужден указать вам, что вы сбились с пути и что ваша дорога должна идти рядом с супругом, а не со светским хлыщом Куракиным. А потом, заметив свою ошибку, вы бросаетесь бежать, словно испуганная собачонка...

Мария Федоровна посмотрела на мужа с ласковой укоризной и произнесла:

— Да, я бросилась бежать как собачонка, которая заметила наконец любимого хозяина и спешит кинуться к его ногам. Но я сделала это вовсе не со страха, а только из-за нетерпения поскорее увидеть ваше высочество!

— А, не со страха? — сдавленным голосом повторил великий князь, окончательно теряя всякую власть над собою и отдаваясь взрыву бешенства. — Ну так ступайте!.. За пренебрежение своими прямыми обязанностями и за дерзкий ответ мне я присуждаю вас к домашнему аресту на сутки!

В первый момент Марии Федоровне неудержимо хотелось рассмеяться, но выражение лица ее супруга было таково, что способно было придушить любую веселость. Она сейчас же поняла, какую громадную ошибку сделала, сказав, что не чувствовала страха за свое опоздание. Это и без того было больным местом великого князя: он-де лишен власти и влияния, им пренебрегают, а потому никто не боится его. Таким образом, ответ Марии Федоровны, способный смягчить всякого другого мужа, только подлил масла в раздражение Павла Петровича.

Великая княгиня попыталась хоть шуткой смягчить последствия своей неловкости, а потому сказала:

— Боже мой, я и не знала, что в России существует обычай сажать под арест великих княгинь!

Павел Петрович ничего не ответил ей. Он подозвал к себе князя Несвитского и что-то тихо сказал ему на ухо; князь в ответ низко поклонился, после чего торжественно произнес:

— Слушаюсь, ваше императорское высочество! Ручаюсь своей головой за великую княгиню. Комнату, которую ваше высочество мне указали, я хорошо знаю, и, по-моему, она вполне отвечает этому назначению. Прикажете сейчас же отвести туда ее высочество?

Павел Петрович молча кивнул головой, и Несвитский с важным видом подошел к Марии Федоровне, вытянулся перед ней и не кланяясь указал рукой на дворец, приказывая следовать за собой.

Великая княгиня повернулась к нему спиной и поманила Куракина. Но наблюдавший за этой сценой великий князь крикнул:

— Приказываю князю Куракину оставаться здесь! Отныне и навсегда неизменным спутником великой княгини будет князь Несвитский. Он должен сопровождать ее высочество повсюду, куда бы она ни пошла. Он должен служить ей, охранять ее, развлекать, сопровождать ее на прогулках пешком, верхом и в экипаже, делать ей комплименты, мечтать с ней и выслушивать ее сожаления о прошлом. Словом, я назначаю князя Несвитского бессменно состоять при особе ее высочества и требую, чтобы в нем уважали лицо, пользующееся моим полным доверием!

Не оборачиваясь к супругу и не дожидаясь конца его насмешливой речи, великая княгиня направилась к portalу дворца. В гордом сознании своих новых полномочий, князь Несвитский с достоинством выступал сзади нее, то прибавляя шага, если она начинала спешить, то выступая медленным, церемониальным маршем.

Так они проследовали через портал.

Князь Куракин остался стоять около великого князя и, как только Мария Федоровна скрылась во дворце, обратился к нему со следующими словами:

— Имею честь почтительнейше просить ваше высочество уволить меня от службы при дворе вашего высочества. Мое здоровье в последнее время стало совсем плохо, и врачи рекомендуют мне пользование немецкими минеральными водами, так что в случае разрешения вашего высочества я немедленно отправлюсь за границу.

Павел Петрович окинул его с ног до головы мрачным, ироническим взглядом и наконец сказал:

— Понимаю!.. Великая княгиня наговорила вам так много прекрасного о своей родине, что вас мощно потянуло в Германию? Поезжайте, князь, поезжайте! Я с удовольствием освобождаю вас от тех двусмысленных и сомнительных услуг, которые вы мне до сих пор оказывали, и от души рад развязаться с вами. Должен сказать вам по чистой совести — вы все время казались мне чересчур элегантным и фатоватым; вы гораздо больше напоминали французскую модную картинку, чем русского князя. Ну, а я этого не люблю! Я слишком русский в душе, чтобы дорожить модными хлыщами, усваивающими вместе с иностранной развязностью развращенность и подлое предательство. До свидания, милейший, или — вернее — прощайте навсегда! Поняли?

При этих словах Куракин побледнел и его рука нервно вздрогнула, как бы хватаясь за оружие. Но великий князь попросту повернулся к нему спиной. Тогда Куракин резко повернулся и ушел во дворец.

Когда минут через пять Павел Петрович приказал позвать его, ему доложили, что князь велел подать себе лошадь, на которой и ускакал в Петербург.

IV

НЕЛИДОВА

Сообщение об отъезде Куракина Павел Петрович выслушал, сидя на скамейке около дворца, где любил подолгу просиживать.

Кутайсов, ходивший за Куракиным, стоял около него, ожидая приказаний.

— Так! — сказал великий князь. — Дурная трава из поля вон! Ну-с, с этим покончено. Ну, а мы сами? Уж не отказаться ли и нам от заведенной раз навсегда прогулки? Но нет! Давай отправимся на прогулку вдвоем. Мы с тобой — мужчины и умные люди, а только женщины и дураки каждую минуту меня-

ют решения. Так пойдём, Иван. И без того мы пропустили назначенный для этого час!

Сказав это, великий князь вскочил с места и направился по террасе к беседке, где ещё недавно поссорились маленькие великие князья Александр и Константин. Теперь их совсем не было слышно.

Дойдя до беседки, Павел Петрович увидал, что сыновья сидят в весьма подавленном настроении духа. У Александра в голубых глазах стояли слезы, Константин же сидел, мрачно нахмурившись и сердито стиснув кулачки. Против обыкновения он не бросился к отцу, чтобы осыпать его бурными ласками. Дети из своего уголка видели и слышали всю сцену между отцом и матерью, которую они обожали, и это-то и привело их в бурное настроение.

— Ну, ребята,— сказал им Павел Петрович,— живо поднимайтесь! Вы пойдёте гулять со мной! Кто первый догонит меня, тот будет молодцом! — и он стал спускаться по лестнице с террасы. Но, к его удивлению, дети оставались на местах.— Да где же вы, дурачки? — крикнул он, оборачиваясь и подзывая их рукой.— Ну, скорее! Идете вы или нет?

Александр залился горьким плачем. Константин нахмурился ещё более и пролепетал своим детским упрямым голосом:

— Мамочке се высочеству ты не позволяешь гулять, так и мы не пойдём. Вот что!

Великий князь невольно расхохотался, и его гнев почти бесследно прошёл. Он добродушно махнул рукой и пошёл дальше.

— Уверяют, что иметь детей — большое счастье,— сказал он Кутайсову, спускаясь по лестнице, чтобы направиться близлежащей тропинкой к лесу.— Ах, какая глупая иллюзия! Ведь в действительной жизни этого вовсе не бывает!

— Другие государи очень счастливы, если престолонаследие вполне гарантировано согласно с интересами короны,— заметил Кутайсов.

Они вошли в лес, сразу охвативший их своей чарующей сенью. Лиственные деревья тянулись к ним осыпанными зеленью ветвями, хвойные, нагретые на жарком августовском солнце, источали целительный смолистый аромат, от которого легче дышалось.

Великий князь на минутку остановился, радостным взором обвел любимый им лес и сказал:

— Другие государи нам не указ, Иван. Во всех странах порядок престолонаследия нарушается только тогда, когда налицо нет законного наследника, а у нас, как ты знаешь, с законными наследниками не очень-то считаются... Мало радости моим детям будет, если их постигнет судьба Иоанна Антоновича или моего державного отца! Но бросим этот печальный разговор! Жизнь отвратительна, зато природа дивно хороша. Посмотри, как здесь красиво, нарядно, таинственно, как здесь легко дышится, как отдыхают и глаз, и ухо, и душа!

Он бодрой походкой взобрался на небольшой холмик, заросший высокими и густыми кустами. У подножия этого холмика протекал ручей, которых в этом лесу было очень много, и к его обычному журчанию прибавлялись какие-то всплески, точно кто-то барахтался в воде.

— Там кто-то есть! — шепнул Павел Петрович. — Осторожнее, Иван! Прoberемся сквозь кусты и посмотрим, что за нимфа поселилась в наших лесах!

Они прокрались почти к самому краю кустов и принялись смотреть оттуда.

Действительно, в ручье, расширявшемся в этом месте, плескалась какая-то женщина. Ее белое тело удивительно гармонировало с водой, в которой отражались небо и деревья, и с зеленым фоном леса. Лица женщины не было видно, пока она не вылезла из воды, не уселась на бережке, спустив ноги в ручей, и не принялась с веселым смехом скручивать волосы, выжимая из них воду.

Великий князь напряг все усилия, чтобы не спугнуть купальщицы смехом, так и просившимся у него.

— Батюшки,— сказал Кутайсов, который тоже не мог подавить улыбку,— да ведь это Нелидова, наша новая придворная дама! Эта особа, так доверчиво доверившая водам лесного ручья свое гибкое тело, очень веселая и даже немножко сумасшедшая девица, и, не будь она так некрасива, она могла бы пленить весь двор. Но до чего она некрасива! У нее какое-то обезьянье лицо! Впрочем, что и говорить! Вы, ваше высочест-

во, отдали должное ее наружности, расхохотавшись, как только девица Нелидова повернулась к нам лицом.

— Нет, Иван,— ответил великий князь, не отрываясь от созерцания купальщицы, начавшей теперь одеваться,— нет, я смеялся вовсе не над ее уродством; да и вообще я не могу понять, как это можно смеяться над человеком только потому, что он некрасив. Просто мне показалось очень чудно — ведь я видал эту Нелидову постоянно закутанной с ног до головы, а теперь она сидит пред нами в чем мать родила и нисколько не стесняется показывать все свои прелести... Кроме того, я с тобой вообще не согласен. По-моему, Нелидова вовсе не так уродлива, как ты говоришь, а скорее даже привлекательна. И знаешь почему? Она дивно сложена, а костюм ей не идет. Наши дамы обыкновенно прикрывают недостатки своего сложения ловко придуманным покроем платья, а у Нелидовой дело обстоит совсем наоборот: платье скрывает ее прелести. Посмотри только, как она гибка, какой грацией полны ее движения! Нет, она мне очень нравится, и я благословляю случай, давший мне возможность подглядеть скрытые прелести этой пугливой нимфы.

— Ну, Нелидова вовсе не так пуглива,— улыбаясь, ответил Кутайсов.— Если бы ваше высочество даже и не встретили ее в этом виде в лесу, но захотели проверить, идет или не идет к ней платье, она с полным удовольствием пошла бы навстречу вашему желанию. Ведь она очень откровенна и доверчива...

— Ты, кажется, имеешь что-то против этой милой девушки, Иван? — заметил великий князь.— Наверное, она как-нибудь щелкнула тебя по носу, вот ты и чернишь ее. Я, наоборот, слышал, что Нелидова — очень скромная и добродетельная девушка. Вот что: давай спустимся с холма и подкрадемся к Нелидовой сзади. Мне хочется выразить ей свое восхищение. Конечно, это немножко испугает ее, потому что она не спешит с туалетом и, слегка прикрыв наготу, забралась в высокую траву, где мурлычет какие-то песенки. Как она мила! Вот маленькая колдунья!

— О да, она, наверное, колдунья,— иронически согласился Иван, спускаясь с холма за великим князем.

Они свернули вбок и увидели лошадь, привязанную к дереву.

— Что за сумасшедшая девчонка! — сказал Кутайсов. — Это ее верховая лошадь, на которой она целыми днями носится по окрестностям. Вы знаете, ваше высочество, что она зачастую проделывает? Каждый раз, когда, сопровождая великую княгиню на охоте, Нелидова видит ручеек, она сейчас же раздевается и кидается в воду, плескаясь в двух шагах от перекликающихся охотников. Но через каких-нибудь пять-десять минут она уже снова одета с ног до головы и как ни в чем не бывало сидит в седле. Обыкновенно великая княгиня делает вид, будто в охотничьей суматохе даже не заметила отсутствия своей дикой придворной дамы; ведь ее высочество очень расположена к своей фрейлине и, как уверяют, прощает ей все ее дикие выходки и безумства.

Они добрались до берега ручья. Нелидова, заметив великого князя, пронзительно вскрикнула и в первый момент не знала, куда деваться.

Она была обнажена от головы до пояса и хотела поскорее накинуть хоть рубашку. Но последняя, будучи вскинута испуганной рукой слишком высоко, зацепилась за сучок и никак не поддавалась усилиям девушки стянуть ее оттуда. Тогда Нелидова бросилась к старому каменному столбу, с незапамятных времен стоявшему у ручья, и хотела спрятаться за него.

Но великий князь бесцеремонно подскочил к ней и вытащил ее из ее убежища.

— Смелее, барышня, смелее! — шутливо крикнул он. — Вы хотели найти спасение у каменного столба, но не можете же вы требовать, чтобы живой человек оставался холодным, как каменный столб, когда ему предоставляется возможность видеть такую прелесть! Вы сегодня необыкновенно нравитесь мне!

Нелидова кое-как закрыла грудь руками и низко опустила покрасневшее от смущения лицо. Обыкновенно ее очень портила нечистая, желтая кожа, но румянец стыда смягчил теперь эту желтизну, пронизал ее теплым, розовым тоном, и Нелидова казалась совсем хорошенькой.

Великий князь горящим взором бесцеремонно рассматривал ее по «всем статьям», как осматривал обыкновенно лошадей.

Затем он перевел взоры на Кутайсова и мигнул ему, как бы говоря: «Ну что, разве не прелесть?», на что Кутайсов только развел руками, словно отвечая: «Чудеса, да и только!»

Взгляд великого князя придал ему смелости, и Кутайсов, обращаясь к Нелидовой, заговорил самым почтительным тоном:

— Да, сударыня, вы, вероятно, не знали, что этому ручью приписывают волшебные свойства! Всякая девушка, окунувшаяся в его воды, сразу хорошеет. Самая уродливая становится красивой, словно Венера, самая горбатая делается стройной, как богиня Диана. Это сказалось и на вас! Впрочем, должен признаться, что вам совсем ни к чему было пользоваться этим ручьем, так как и без того вы были прекраснейшей среди прекрасных!

Великий князь рассердился и поднял руку, собираясь дать Кутайсову тумака. Но Нелидова, бросив на зазнавшегося камердинера уничтожающий взгляд, с очаровательной улыбкой посмотрела на Павла Петровича, как бы умоляя его не сердиться на дерзкого Кутайсова, и промолвила:

— Я уже привыкла, что камердинер вашего высочества на каждом шагу преследует меня насмешками и издевательствами по поводу моей наружности. Но я не обращаю внимания на это, потому что знаю сама, что не могу быть ни уродом, ни красавицей. Любовь, преданность и обожание, которые я питаю к моим высоким повелителям, настолько красят меня, что мне не нужно никакого волшебного ручья — я уже не могу быть чересчур уродливой. Но даже если бы я была дивно красива, я все-таки не была бы достаточно хороша, чтобы оправдать честь служить их высочествам. Ну, а раз я не так уродлива, как дурак может быть пошл и злобен, и не настолько красива, насколько дурак может быть бесстыден и завистлив, то пусть дурак останется безнаказанным!

Кутайсов, видимо, смутился: на этот раз с ним приключился тот редкий случай, когда он попал впросак. Он надеялся, что великий князь, очень чувствительный к насмешкам и склонный смотреть глазами своего приближенного камердинера, после иронического приветствия Кутайсова обернет все это приключение в смешную сторону.

Но оказалось, что Павел Петрович начал серьезно увлекаться Нелидовой, а эта хитрая девчонка сумела дать на насмешку камердинера такой отпор, что высмеянным оказался только он же сам. На уколы самолюбия Кутайсов смотрел не слиш-

ком серьезно, но в данном случае ему было очень неприятно, так как этот промах мог стоить ему его влияния.

Теперь он поспешил как можно скорее вывернуться из неловкого и опасного положения, а потому воскликнул тоном самого искреннего отчаяния:

— Господи Боже ты мой! Ну можно ли настолько не понять человека! Разве я хотел сказать что-нибудь злое или обидное? Я просто пошутил. Но мог ли я думать, что вы, барышня, сама подающая всем пример шуткой и безобидным юмором, примете мою невинную шутку так сурово? Нет, это даже не великодушно! Конечно, в присутствии фрейлины ее высочества опасно острить, потому что, отличаясь большой остротой ума, она способна ярко оттенить все свое превосходство над нами. Но все в один голос твердят, что вы, мадемуазель, не только умны и остры, но и добродетельны, мягки, добры и великодушны. Вот я и рассчитывал, что вы по великодушию не поспешите указать мне на убожество моих остроумий. Я ошибся! Но смягчитесь, божественная! Кто же может сравниться с вами! Ведь и Бог только потому так милосерд к людским слабостям, что всегда ясно видит, насколько они ниже Его!

Сказав это, Кутайсов застыл в такой комически-испуганной позе, что Нелидова не выдержала и громко расхохоталась.

Великий князь тоже присоединился к ней и, оборачиваясь к Кутайсову, промолвил:

— Что, брат Иван? Нарвался? Попал впросак? Вот ты на будущее и помни: «Легче на поворотах, а то из саней вывалиться можно!»

Нелидова воспользовалась тем, что великий князь обернулся к Кутайсову, и, поспешив сорвать с дерева застрявшую рубашку, мигом одела ее, в один прыжок подскочила к берегу, где было разложено ее платье, и не прошло двух-трех минут, как она уже стояла пред великим князем совершенно одетая.

— А теперь, ваше высочество,— сказала она с церемонным книксеном,— вы, надеюсь, разрешите мне уйти, потому что служба призывает меня во дворец!

Павел Петрович под впечатлением этого мгновенного превращения не сразу ответил.

Не дожидаясь его разрешения, Нелидова быстро подскочила к привязанной в кустах лошади, отвязала ее, мигом вскочила на седло, дала поводья и подъехала к великому князю, по военному прикладывая руку к соломенной шляпе, как бы отдавая честь.

Но Павел Петрович быстро подошел к ней и, схватив лошадь за поводья, сказал:

— Подождите! Вы не двинетесь отсюда с места до тех пор, пока не дадите слова, подкрепленного честным рукобитием, стать отныне моим добрым другом, готовым по первому зову явиться для наглядного доказательства своей преданности. Вы поняли меня? Можете ли вы дать мне такой обет, спрашиваю я вас?

Нелидова с силой ударила по протянутой ей руке великого князя и страстно воскликнула:

— Я уже давно дала этот обет, ваше высочество! Неужели вы до сих пор не разглядели этого? Господи, но ведь у меня такое глупое, слабое сердце, ведь я совершенно не умею скрывать свои чувства, а под влиянием их я готова безрассудно...

Она не кончила фразы и вдруг с силой хлестнула лошадь, так что последняя сразу взяла с места карьером и быстро умчала Нелидову «за пределы досягаемости»: Однако, пред тем как окончательно скрыться за опушкой леса, Нелидова еще раз обернулась и посмотрела на великого князя таким необузданно-страстным, таким манящим и многообещающим взглядом, что это в соединении с ее последними словами произвело на него сильное впечатление.

— Так ты и в самом деле считаешь Нелидову очень уродливой? — спросил он Кутайсова после долгого задумчивого молчания.

— Нелидову считает уродливой весь двор, ваше высочество, и я повторял это мнение просто с чужих слов. До сих пор мне не приходилось внимательнее приглядываться к ней. Конечно, и теперь я не могу назвать ее красивой, но разве красота — непременное достоинство человека? Статуи бывают очень красивыми, но они внушают какое-то холодное, боязливое восхищение, тогда как человеку свойственно стремиться к горячей, кипящей огненным ключом жизни. Ведь женское лицо — это,

ваше высочество, нечто вроде вывески на лавочке. Конечно, покупателя заманивает нарядная, многообещающая вывеска, а скромная, серенькая надпись может заставить пройти мимо. Но вывеска — это еще не все; самое важное — качество товара. И как часто бывает, что нарядная вывеска таит за собой гнилой, испорченный товар, а простенькая — первоклассные продукты! Сегодня, ваше высочество, случай позволил нам войти в ту лавочку, которой мы прежде из-за ее скромной вывески не замечали. Мы видели разложенный там товар: он самого первого качества! В таком случае, да здравствует уродство!

— Ты прав, Иван,— тепло сказал Павел Петрович,— и недаром я отношусь к тебе с полной симпатией. Да, скромная, серенькая вывеска, именуемая человеческим лицом, ровно ничего не доказывает. Разве меня не называют самым некрасивым принцем на свете? Так что же, неужели это делает меня плохим как человека, мужчину или принца, будущего государя? Да здравствует уродство!.. Это ты хорошо сказал. Мы уже видели, какие беды творит проклятая красота! За примером недалеко ходить: достаточно вспомнить о покойной княгине Наталье Алексеевне! Теперешняя великая княгиня тоже очень красива и к тому же очень умна, любезна, обходительна. Но чрезмерное богатство добродетелей на меня лично действует очень неприятно. Что за черт! Один свет без теней не может создать рисунок. Кроме того, ровная, вечно улыбающаяся, правильная красота производит на меня такое же действие, как вот на тебя статуи: я могу от всей души восхищаться ею, но для любви жажду живую, пылкую женщину.

— Боже мой,— с нескрываемой иронией ответил Кутайсов,— но разве можно сравнивать ее высочество с Нелидовой? Хотя я и не имею основания заступаться за ее высочество, но, с одной стороны, для такого ничтожного создания, как я, уже и то большая честь, если такая высокая особа на каждом шагу выказывает ему свою симпатию, а с другой — справедливость прежде всего! И я должен почтительнейше заметить вашему высочеству, что у ее высочества вашей супруги имеются необычайные преимущества пред Нелидовой. Взять хотя бы плодовитость ее высочества! В такой короткий срок подарить государству и династии столько здоровых, прекрасных детей!

Когда Кутайсов защищал своих недругов, то им это всегда дорого обходилось. Так и теперь он умышленно ударил Павла Петровича по его больному месту: великого князя крайне возмущала плодовитость супруги, он находил, что это даже неприлично для принца, и напоминание о его многочисленности способно было наивернейшим образом усилить в нем глухо таившееся недоброе чувство к супруге. Кутайсов достиг своей цели и сразу вывел великого князя из благодушного настроения.

— Ну к чему ты портишь мне настроение? — с досадой воскликнул он. — Плодовитость? Ну да пусть сапожники да портные радуются плодовитости жен, но в глазах государя это вовсе не особенная добродетель. Я очень аккуратен, но излишняя регулярность и правильность жизни угнетает меня, а регулярность в плодовитости особенно... Нет, чтобы черт побрал плодовитую красоту! Я в тысячу раз предпочитаю бесплодное уродство!

Павел Петрович опять задумался и медленно пошел из леса.

Кутайсов двинулся за ним следом и при этом сказал:

— Да, Нелидова в высшей степени подходит для того, чтобы развлечь ваше высочество в этой скучной жизни. Она умна, но не холодным, строгим, добродетельным умом, а умом острым, блестящим, словно фейерверк. Правда, она некрасива, но у некрасивых имется то преимущество пред красавицами, что первые хорошеют с годами, а последние — дурнеют. Так что же, смею я передать Нелидовой, что ваше высочество не остались слепыми к ее прелестям? — спросил Кутайсов.

Великий князь подумал, а затем ответил:

— Хорошо, Иван, поручаю тебе ведение переговоров. Мне хотелось бы, чтобы все это произошло поскорее.

— О, Нелидова не из таких, которые начнут ломаться и ставить свои условия. Мне кажется, она искренне любит ваше высочество, и теперь, когда мне многое стало ясно, я припоминаю, что она с первого момента своего появления при дворе выказывала живейшую симпатию и влечение к вашему высочеству.

Павел Петрович при этих словах поднял голову и оживленно спросил:

— Когда же ты думаешь переговорить с нею?

— Да сейчас же, как мы вернемся!

— Так что...

— Так что уже сегодня вечером, надеюсь, Нелидова будет иметь счастье лично признаться вашему высочеству в своей преданности.

— Но как ты думаешь, не придется ли ей при таком обороте дела оставить службу при великой княгине? Все-таки неудобно, она — ее фрейлина...

Кутайсов, подумав, ответил:

— Нелидова во всяком случае должна остаться фрейлиной ее высочества! Великая княгиня очень любит ее и предпочитает пользоваться ее услугами. Что же касается щекотливости положения обеих дам, то вы, ваше высочество, не можете не признать, что ее высочество отличается редким умом. Великая княгиня постарается не заметить того, что не следует замечать. Мало того, она сделает все, чтобы замаскировать в глазах света всю эту историю.

— Ну что же! Ты, пожалуй, прав! Ведь, в сущности говоря, я ровно ни на что не могу пожаловаться: великая княгиня всегда относится ко мне с неизменной дружелюбностью и предупредительностью. Если бы только у нее в наружности и характере не было этой отвратительной ровности и регулярности, я мог бы обожать ее. Но у меня уж такой характер! Еще в детстве, когда я видел чересчур спокойную гладь воды, я хватал камень и бросал его, чтобы смутить это бесстрастное спокойствие... Я не люблю тишины. Да здравствуют буря и уродство!

V

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ И НЕЛИДОВА

В этот момент пред великим князем и Кутайсовым появился запыхавшийся дежурный офицер, который уже давно разыскивал по лесу его высочество, чтобы сообщить о прибытии курьера из Петербурга. Курьер привез известие о возвращении в столицу ее величества и о желании императрицы видеть на следующее же утро его и ее высочество.

День уже склонялся к вечеру, необходимо было сейчас же отдать все распоряжения об отъезде.

Великий князь стремительно бросился к дворцу, раздражаясь градом проклятий, что под рукой нет лошади, на которой он мог бы скорее вернуться домой.

— Да к чему, собственно, торопиться-то? — улыбаясь, спросил Кутайсов.

— Как «к чему торопиться»? — воскликнул Павел Петрович. — Завтра надо выехать ни свет ни заря, чтобы вовремя попасть к ее величеству. Высочайшие приказы надлежит всегда исполнять с солдатской точностью!

— Но ведь в данном случае это все равно невозможно! — с невинным видом возразил Кутайсов.

— Почему? — удивился великий князь.

— Да ведь вы приглашены вместе с ее высочеством, а великая княгиня посажена на сутки под арест, и, разумеется, нечего и думать о сокращении срока наказания! — ответил Кутайсов и весело расхохотался.

Павел Петрович вспыхнул и гневно закусил губы. Он успел совершенно забыть об этом эпизоде и теперь сам видел, насколько смешон и неуместен был этот арест великой княгини.

Он с бешенством поглядел на иронически улыбавшегося Кутайсова и кинул негодующим тоном:

— Ты что-то начал слишком забываться, турецкий идиот! Смотри, берегись, каналья! Доведешь ты меня когда-нибудь до того, что я обрежу тебе уши!

— Одну минуточку погодите с этим, ваше высочество, — не смущаясь, ответил камердинер. — Позвольте прислушаться... Да, да! Слева слышен стук мельницы, значит, нам надо свернуть вот сюда: идя через кусты, мы вдвое сократим путь и скорее выйдем ко дворцу. Нет, ваше высочество, мои уши положительно нужны еще для вашей августейшей пользы!

Действительно, не прошло и двух минут, как они вышли на опушку леса и пред ними показался дворец.

Великий князь прибавил шага и прямо направился к боковой мраморной лестнице, перескакивая сразу через две ступеньки.

Кутайсов понял, к кому спешит великий князь, и не ошибся.

Действительно, Павел Петрович спешил исправить свой гневный промах, пока еще через посредство болтливой челяди и прибывшего курьера об этом не стало известно императрице.

Комната, в которой великая княгиня «отбывала наказание», находилась в стороне от жилых покоев дворца и помещалась в антресолях, в конце довольно длинного коридора.

Тут было пустынно, тихо и могильно-жутко.

Быстрые шаги великого князя отдавались мрачным эхом под сводами.

Еще издали, не доходя до дверей комнаты великой княгини, Кутайсов, который имел привилегию выкидывать всевозможные безумства, начал громко смеяться. Павел Петрович понял причину этого смеха, как только заметил старого князя Несвитского, которому была поручена охрана августейшей узницы. Для верности Несвитский уселся прямо на полу и закрыл проход в комнату арестованной своей широкой, жирной спиной.

— Что вы делаете здесь, князь? — спросил Павел Петрович вне себя от изумления.

— Имею честь в точности исполнять приказание вашего императорского высочества! — отрапортовал старик, с большим трудом поднимаясь на ноги, чтобы сделать великому князю уставный поклон.

— Как я вижу, вы очень хорошо сторожили великую княгиню, — сказал Павел Петрович, которого рассмешила смесь горделивости и робости в почтительно склонившейся позе Несвитского. — Разумеется, раз вы собственным телом загородили вход в комнату, то ни туда, ни оттуда никто не мог проникнуть. Вы были в юности очень хорошим артиллеристом, князь, и в будущем, когда я получу возможность самостоятельно распоряжаться в стране, я обязательно назначу вас главным инспектором и начальником всех русских крепостей.

— В надежде, что князь будет лучше сторожить крепости, чем эту дверь! — заметил Кутайсов. — Я совершенно ясно слышу, что в комнате у ее высочества кто-то есть, а, судя по голосу, это Нелидова. Да, так оно и есть! Наверное, князь вздремнул на минуточку, а Нелидова, которая скачет, словно горная

серна, воспользовалась этим, чтобы перескочить через массивное сиятельное тело!

Несвитский разозлился.

— Молчи, не забывайся, мальчишка! — окрысился он на Кутайсова. — Как ты смеешь издеваться над почтенным, заслуженным стариком! Да и хорош бы я был, если бы дал перехитрить себя каждой придурковатой девчонке!

— Вот как? — с глубокой иронией ответил Кутайсов. — Вы именуете Нелидову придурковатой девчонкой, князь? Ну, в таком случае я могу совершенно свободно проглотить «мальчишку», потому что если вы решаетесь награждать своим эпитетом столь достойную особу, как девица Нелидова, то мне уж ровно ни на что претендовать и рассчитывать не приходится!

И Кутайсов грациозно раскланялся.

— Князь Несвитский, — с выражением высшего недовольства сказал Павел Петрович, — вы сделали бы лучше, если бы не спали на своем посту и не оскорбляли в моем присутствии достойной дамы двора ее высочества и дворянина, состоящего при моей особе!

Князь даже рот раскрыл от неожиданности этого замечания, поразившего его словно ударом грома.

Павел Петрович отстранил его в сторону и толкнул дверь ногой.

В ответ на этот шум в комнате слышались слабый, испуганный крик и громкий, задорный смех. Смеялась Нелидова, которая подскочила к дверям, чтобы узнать, кто это ломится к ним.

Столкнувшись нос с носом с великим князем, она не на шутку перепугалась и остановилась посреди комнаты в величайшей растерянности.

Великая княгиня, сидевшая на подоконнике, встала и ласково поклонилась супругу.

Павел Петрович ответил ей тем же и продолжал насмешливо смотреть на перепуганную Нелидову.

— Ваше высочество пришли сюда, чтобы отворить двери нашей темницы? — чуть слышно пролепетала в конце концов смущенная фрейлина.

— Скажите-ка лучше сначала, как это вы попали в темницу, сударыня? — сухо ответил вопросом на ее вопрос Павел Петрович.

Нелидова еще гуще заалелась и ответила с комическим смущением:

— Очень извиняюсь, ваше высочество, но я знаю, что ее высочество нуждается в моих услугах: ведь я осчастливлена в этом отношении предпочтением ее высочества, и никто другой в некоторых вещах никак не может заменить меня...

— Этому я охотно верю, — заметил Павел Петрович. — Ну-с, дальше?

— Вот я и стала разузнавать, где находится ее высочество. Но когда я наконец добралась до этой комнаты, то натолкнулась на препятствие, показавшееся мне с первого раза совершенно непреодолимым. Князь Несвитский лежал у порога и спал. При этом его сиятельство так отчаянно храпел и выделял носом такие рулады, что мне не на шутку стало странно. Вот мне и пришло в голову перескочить через это препятствие. Князь свистел и храпел самым отчаянным образом именно в тот момент, когда я перескакивала через него, но, по счастью, его сиятельство все-таки не проснулся. А как я боялась! Я казалась себе птичкой, перелетающей через кита...

Она с умиленным видом посмотрела на великого князя и склонилась в глубоком реверансе.

Павел Петрович молча любовался ею.

Минутой молчания воспользовался Кутайсов, чтобы свести счеты с оскорбившим его Несвитским.

— Эге, ваше сиятельство, — сказал он, — а ведь «придурковатая девчонка» догадалась перескочить через главного начальника всех русских крепостей! Хорошенькая птичка одним духом перемахнула через кита и прокралась в крепость, и господин комендант по всем признакам страшно удивлен, что его храпенье да сопенье не могли отпугнуть врага. Да, уж придется вашему сиятельству принять добрый совет от мальчишки! Рекомендую вашему сиятельству не полагаться в будущем на свое храпенье, потому что настоящая птичка никогда не испугается храпа, а госпожа Нелидова в настоящее время — самая настоящая птица!

Великий князь громко расхохотался при этих словах своего любимца.

Мария Федоровна подошла к супругу и сказала с ласковой улыбкой:

— Очень прошу ваше высочество не сердиться на добрейшего князя Несвитского и милую Нелидову. Ни тот ни другая не хотели нарушать долг повиновения. Князь не нашел нужным стеречь меня со всей строгостью, так как знал, что я сама устерегу себя. Ну, а Нелидова очень мила и преданна, и я могу от души рекомендовать ее милости вашего высочества! Я ею и нахвалиться не могу! Она стала для меня скорее милой, дорогой подругой, чем слугой, и мне обыкновенно очень не хватает моей милой Нелидовой, когда ее нет возле меня!

Великий князь нахмурился и пытливо уставился на супругу. Ему показалось подозрительным, что Мария Федоровна рекомендует его вниманию Нелидову как раз в то самое время, когда он уже успел выказать ей свое внимание.

«Уж не рассказала ли Нелидова великой княгине о происшествии в лесу?» — тревожно подумал он.

Но лицо Марии Федоровны оставалось ласковым и спокойным.

Не могло быть ни малейшего сомнения в том, что она сказала все это без всякого скрытого умысла.

— Я должен просить ваше высочество, — сказал Павел Петрович, — немедленно приняться за сборы. Ее величество императрица желает завтра с утра видеть меня с вами, и рано утром мы выезжаем.

Великая княгиня шаловливо улыбнулась.

— Но ведь срок моего ареста истекает только завтра днем! — сказала она. — Как же быть тут? Или, может быть, мне будет разрешено досидеть недостающие часы по возвращении из Петербурга?

Павел Петрович вспыхнул и с большой резкостью ответил на этот вопрос:

— Прошу ваше высочество не тратить времени на пустую болтовню и приняться за сборы. Времени осталось не так много, а надо всем распорядиться. И вообще, замечу вашему высочеству, что легкое и шутливое отношение к налагаемой мною

справедливой карательной мере кажется мне дерзким и неуместным. Рекомендую вашему высочеству не избирать меня мишенью своего немецкого остроумия. Потрудитесь немедленно же отправиться в свои покои!

Последние слова великого князя были произнесены незаслуженно обидным и резким тоном, но Мария Федоровна несколько не смутилась и не лишилась своего добродушно-спокойного настроения. Все с той же милой улыбкой и выражением покорности она ответила великому князю.

— Глубоко извиняюсь, что неумышленно рассердила ваше высочество. Пойдем, милая Нелидова, займемся нашими сборами. Ведь мне действительно предстоит много работы! Я целый день не видала детишек, и надо еще распорядиться насчет их — наверное, мы пробудем в Петербурге не один день! Так пойдем, пойдем! Час свободы пробил — и великая княгиня может снова расправить свои крылья. Но только, ваше высочество, умоляю вас — избавьте меня от непременно присутствия князя Несвитского! Нельзя же так отчаянно храпеть, когда стережешь ни много ни мало, как самое русскую великую княгиню! Да и милая Нелидова легко может сломать себе в будущем ногу, если ей опять придется перелетать через сиятельного кита!

— О, горе! — воскликнул Кутайсов, покатываясь со смеха. — Что за злосчастная судьба преследует будущего главного начальника всех русских крепостей! Его собственная цитадель возмутилась против него и указывает ему на дверь. Бедному официальному чичисбею придется еще, пожалуй, опереться на мальчишку, чтобы удержаться на ногах. Вашу руку, князь! Смелее, не беда!

Несвитский резко оттолкнул Кутайсова, с комической гримасой протянувшего ему руку.

Кутайсов еле удержался на ногах сам и чуть не сбил с ног Нелидовой, проходившей в этот момент мимо них и кинувшей на Павла Петровича многозначительный, пылкий взор.

— А ведь она и в самом деле очень хороша! — шепнул Кутайсов великому князю.

— Кто? — удивленно спросил последний.

— Да, конечно, Нелидова! Ей-богу, всякий, кто хоть что-нибудь понимает в этом деле, должен согласиться, что она удивительно привлекательна. А что она очень любит ваше высочество, в этом тоже никаких сомнений быть не может! — шепотом ответил Кутайсов.

— Ты должен сегодня же устроить мне все! — тихо сказал Павел Петрович и продолжал вслух: — Завтра ты едешь со мной в Петербург, Иван, и вы тоже, князь, последуйте за мной в Петербург! — обратился он к Несвитскому. — Вы отправитесь в моем экипаже вместе со мной. Не думайте, что вы впали в немилость у меня, вы — верный друг нашего дома. Кроме того, я не отменяю распоряжений, которые однажды дал. Вы остаетесь единственным спутником великой княгини Марии Федоровны и ответственны предо мной во всех ее поступках.

Сказав это, великий князь поспешно удалился, сопровождаемый вновь надувшимся, как индюк, Несвитским. Кутайсов с комическими ужимками последовал за великим князем.

Поздним вечером того же дня, когда во дворце уже все спало, по коридору осторожно, словно кошка, кралась какая-то тень. По временам она останавливалась, прислушивалась и затем снова продолжала подвигаться вперед по направлению к покоям великого князя. Наконец она остановилась около одной из дверей и застыла в волнении, подкашивавшем ее ноги.

Кое-как собравшись с силами, она осторожно постучала два раза тихо и три раза быстро.

В ответ на этот условленный стук дверь распахнулась, и в полосе света показалось лицо великого князя.

— Наконец-то! — торжествующим шепотом сказал он. — Иди сюда, дорогая!

Он протянул руку и привлек к себе подкравшуюся женщину.

Когда она попала в полосу света, то на мгновение мелькнуло ее бледное, взволнованное лицо с горящими страстью глазами.

Это была Нелидова... Дверь снова захлопнулась...

Снова угас свет, и коридор опять погрузился в темное мрачное молчание.

ГАТЧИНА

По случаю возвращения императрицы в Петербурге давались празднества за празднеством. Вскоре прибыл австрийский император Иосиф II, с которым императрица Екатерина вела дипломатические переговоры в Могилеве и который после пребывания в России инкогнито теперь явился официально ко двору. Когда же Иосиф уехал, то Пруссия поспешила прислать к русскому двору кронпринца, которому надлежало парализовать попытки австрийцев в ущерб прусским интересам заключить союз с Россией. Конечно, прибытие Фридриха Вильгельма тоже было отмечено рядом пиров и празднеств.

Вся эта показная официально-пышная жизнь была очень не по душе великому князю, любившему простоту и безыскусственность. Он всеми силами души стремился подальше от «большого двора», и вскоре ему представился удобный случай для этого.

В последнее время между державной матерью и сыном установились довольно хорошие отношения, что надо было приписать главным образом той, хотя и случайной, но в высшей степени соответствовавшей намерениям императрицы позиции, которую занял Павел Петрович по отношению к кронпринцу.

Срок русско-прусского договора истекал, и каждый раз, когда кронпринц поднимал вопрос о продлении его, ему давали самый неопределенный и ничего не говоривший ответ; происходило это оттого, что Россия явно склонялась к союзу с Австрией, но не хотела преждевременно порывать и с Пруссией. Великий князь, сторонившийся Фридриха Вильгельма только как родственника великой княгини Марии Федоровны, тщательно избегал каких-либо интимных разговоров с кронпринцем, чтобы не выдать тайны своей молодой любви к Нелидовой, и отделялся при обязательных встречах с ним лишь пустой, ничего не значащей, формальной любезностью.

Императрица была так довольна сыном, что подарила ему новое имение — Гатчину, и великий князь поспешил при пер-

вой же возможности уехать туда, чтобы деятельно заняться стройкой на новом месте.

Гатчина — ныне городок Царскосельского уезда, С.-Петербургской губернии — была когда-то мызой, подаренной Петром Великим царевне Наталье Алексеевне, и после смерти последней стала дворцовым имением. При вступлении на престол Екатерина II подарила Гатчину и Ропшу князю Орлову, который выстроил здесь по рисункам знаменитого Ринальди дивный замок (нынешний Императорский дворец). Впоследствии императрица выкупила Гатчину у наследников Орлова и подарила ее своему сыну, великому князю Павлу Петровичу.

К тому времени в Гатчинском имении числились 41 деревня с 5949 жителями и 34 470 десятинами земли.

Павел Петрович уже давно носился с идеей выстроить городок, который должен был бы служить образцом всем прочим.

Уже из романа «Любовь и политика» читатели знают, что Павел не выносил пестроты и художественного беспорядка. Он не раз твердил сопровождавшему его во время свадебного путешествия принцу Генриху, что пестрая, расшитая галунами и отделанная цветными лентами одежда членов депутаций, приветствовавших его, высокого путешественника, кажется ему неприличной, уродливой и даже непочтительной по отношению к монарху.

«У подданных должен быть только один цвет — этого вполне довольно!» — говорил он.

С такой же строгостью Павел Петрович относился к внешней физиономии городов. Будучи врагом роскоши, он искренне возмущался, что русские вельможи лезут друг пред другом из кожи вон, чтобы выстроить заливчатский палаццо с всевозможными «завитушками да финтифлюшками». Улицы, по мнению великого князя, должны были быть очень прямыми, очень ровными и очень однообразными. В благоустроенном городе дома должны быть одинаковыми по архитектуре и цвету, а то от излишней самостоятельности в архитектурных вкусах может породиться опасная самостоятельность суждений о делах государственных, а там и до открытого возмущения недалеко. Что же касалось красоты, то, по мнению великого князя, глав-

ная красота замечалась в порядке, а в остальном мог царить его принцип «да здравствует уродство!».

Этот идеал городского благоустройства Павел Петрович задумал осуществить в Гатчине, показавшейся ему очень подходящей для подобного опыта.

Он с увлечением занялся разбивкой общего плана стройки, и вскоре тихие окрестности огласились веселым стуком топоров и песнями рабочих.

Великий князь пользовался каждой возможностью, чтобы уехать от шума придворной петербургской жизни на стройку.

Это были самые приятные минуты его жизни, и они омрачались только тем, что великая княгиня неизменно устраивала так, чтобы сопровождать мужа. Он никогда не звал ее с собой, даже не сообщал о своем намерении съездить в Гатчину, но в самый последний момент обязательно оказывалось так, что великой княгине тоже подавали отдельный экипаж, и она неизменно следовала за супругом.

На стройке Мария Федоровна входила в каждую мелочь, и Павел Петрович не мог не сознавать, что ее практический хозяйственный ум подсказывает ей такие замечания и советы, пренебрегать которыми ни в коем случае не приходилось.

Но все-таки дорого дал бы он за то, чтобы избавиться от этой непрошеной опеки, от этой невозможности быть одному!

Но он был бессилен. Не мог же он запретить супруге ездить в их имение? Он пытался отвадить ее от этого тем, что бывал с ней груб и резок до неприличия, но тогда вмешивалась Нелидова, неизменно сопровождавшая всюду великую княгиню.

При первом же свидании наедине Нелидова категорически заявила великому князю, что порвет с ним всякие сношения и уйдет в монастырь, если он будет при ней оскорблять без вины и повода жену. При этом она добавила, что это ставит ее, Нелидову, в невыносимо тягостное положение: она и без того чувствует себя виноватой пред «своим дорогим ангелом и доброй благодетельницей».

Пришлось смириться и изобретать способы и средства уехать в Гатчину тайком.

Но в подавляющем большинстве случаев Мария Федоровна появлялась на стройке вслед за супругом.

Однажды, когда во дворце был назначен парадный обед, на котором обязательно должна была присутствовать великокняжеская чета, Павел Петрович, воспользовавшись хорошим расположением духа императрицы-матери, испросил у нее разрешение уехать. Так как этот разговор происходил без свидетелей и очень незадолго до обеда, то великий князь был уверен, что на этот раз Марии Федоровне не отвертеться от присутствия на обеде и наконец-то он будет иметь возможность побывать на стройке без нее.

А это ему было в высшей степени необходимо. Его очень тяготило, что Нелидова продолжает оставаться на службе при великой княгине. И вот он придумал выстроить около дворца маленький уютный домик, соединить его потайным подземным ходом со своими личными апартаментами и поселить в этом укромном, тщательно замаскированном извне домике Нелидову.

Но для того чтобы распорядиться всеми этими работами и соблюсти возможно большую тайну, было необходимо избавиться от сопутствия жены, которая неизбежно начнет предлагать лишние вопросы.

Направляясь в экипаже по дороге в Гатчину, великий князь с удивлением заметил, что шоссе на этот раз как-то особенно оживлено. Никогда еще до этого времени ему не приходилось видеть такую массу разного сброда и отребья. Нищие, отставные солдаты, монахи, инородцы, до ужаса оборванные мужики с разбойничьими, мрачными физиономиями — все это шло группами, обмениваясь оживленным разговором.

«Что бы это могло значить?» — с некоторым испугом подумал Павел Петрович.

Он не знал, что стараниями его любимца Кутайсова весть об основании нового города получила широкую огласку и была приправлена самыми фантастическими вымыслами. Уверяли, будто великий князь болеет сердцем за нужду и настроение народное, что новое селение явится чем-то вроде Эльдорадо¹ рус-

¹ После открытия Америки в новые земли нахлынули банды авантюристов, жаждавших обогащения и огнем и мечом проходивших по стране в поисках золота. Жадные, порочные, лживые и глубоко невежественные, они по своем возвращении в Европу придумывали самые невероятные сказки про неведомые страны. Так, Ореллана — лейтенант испанского авантюриста Пизарро — уве-

ской голытьбы, где всем будет хорошо, где будут легкий труд и счастливая, спокойная жизнь.

В те времена положение низших слоев населения было особенно тяжело. Крепостное состояние было раем в сравнении с существованием отставного инвалида-солдата или вольного бродяги. У плохого хозяина мужику жилось плоховато, у хорошего — его берегли как рабочий скот, который должен приносить определенную пользу. Но и у того, и у другого хозяина он имел хоть кров и пищу. Вольные не только не имели этого, но не могли зачастую найти даже и труда, и это толкало их на нищенство, воровство, разбой.

Это и немудрено. В XVIII веке стремились закрепить не только крестьянский труд, но и всякий вообще. Так, с развитием горнозаводского дела в России было создано новое крепостное сословие «горнозаводских мастеровых», и добыча и обработка металлов производились руками этих прикрепленных к данному заводу рабов. С зарождением в России промышленности и возникновением ряда фабрик — суконных, стеклянных и т. п. — купцам тоже дали право, прежде составляющее прерогативу дворянства, — иметь крепостных рабочих. С этой целью к фабрике приписывалось потребное количество «душ», составляющих собственность фабриканта. Таким образом, вольному человеку сунуться было решительно некуда.

Оставалось одно — или голодать, или идти закабалиться в «крепость».

Но в царствование Екатерины естественный рост промышленности был искусственно задержан тем, что правительство неодобрительно относилось к обладанию дворянства промышленными предприятиями, считая это дело недостойным и низким. Поэтому вольному человеку, не знакомому с крестьянским трудом, а потому не могущему пойти в кабалу к по-

рял, будто ему удалось напасть на расположенную между реками Амазонкой и Ориноко страну, буквально затопленную золотом. Этой мифической стране Ореллана дал название Эльдорадо, т. е. «Золотая». На поиски этой страны отправились потом массы искателей приключений, но открыть Эльдорадо так и не удалось. С тех пор этим именем стали называть призрачную страну, к которой в грезах стремимся все мы, жаждущие более счастливых, чем способна дать действительность, условий жизни.

мещику, трудно было попасть в кабалу и к промышленнику, имевшему полный комплект рабочих сил.

Хорошо же было государственное устройство страны, где даже рабство казалось заманчивым и желанным!

Нечего и говорить, что подобное положение вещей не могло долго продержаться. Это сознавал уже император Александр Первый, и если дело освобождения крестьян, давшее право на свободный труд всему населению, затянулось на целых полвека, то только благодаря войне 1812 года, разрядившей внутри-политическое напряжение во внешнюю борьбу с врагом.

В эпоху, к которой относится наше повествование (1780—1790 гг.), сознание полнейшей невозможности жить далее в подобных ужасающих обстоятельствах особенно глубоко коренилось в душах «подлой черни», а потому немудрено, что самая фантастическая сказка могла рассчитывать на быстрый и необычайный успех.

Таким образом, как только весть о мнимом намерении Павла Петровича собрать около себя и дать легкий труд и спокойную жизнь всем обделенным судьбой коснулась народного слуха, сейчас же к Гатчине направились целые армии нищих.

Великий князь не имел ни малейшего представления о тех надеждах, которые связывались у народа с ним и с гатчинской стройкой, а потому его удивляло и пугало это необычайное оживление на шоссе. Он с тревогой всматривался в оборванные группы, обгоняемые им по пути, словно желая прочитывать на их лицах разгадку этого непонятного обстоятельства. Но путники, не знавшие великого князя в лицо и принимавшие его за одного из своих врагов,— царицыных прихлебателей,— угрюмо косились на него, и выражение их лиц дышало скрытой угрозой.

Вдруг в одной из групп, где виднелось несколько отставных солдат, произошло движение и послышались голоса, взволнованно шептавшие:

— Вот он, он сам! Милостивец!

Вслед за этим путником упали на колена и, простирая к Павлу Петровичу руки, восторженно закричали:

— Батюшка! Благодетель наш! Храни тебя Господь! Дай тебе Боже благополучного царствования! Вспомнил о нас, сирых, пожалел, храни тебя Бог!

Павел Петрович побледнел, растерянно ответил на приветствия народа и приказал кучеру ехать поскорее и свернуть на первую проселочную дорожку.

Когда экипаж съехал с шоссе и покатился по мягкому, уходящему в лес проселку, великий князь еще раз обернулся назад и... заметил сзади себя экипаж, в котором ехала Мария Федоровна с Нелидовой. Это окончательно лишило его последних остатков хорошего расположения духа и душевного равновесия.

«Увязалась-таки!» — с бешенством подумал он, чуть не закрипев зубами от злости.

Вскоре показалась и Гатчина; но уже издали великий князь с тревогой почувствовал, что там далеко не все ладно.

Со стройки неся гул многих голосов, видимо, чем-то взволнованных.

Великий князь схватил маленькое охотничье ружье, с которым обыкновенно не расставался в своих поездках, закинул его за плечо, выскочил из экипажа и быстро направился к площади, непосредственно примыкавшей к самому озеру.

Там, на этой площади, и был центр волнения, по неведомой причине охватившего рабочих.

Совершенно не постигая, что тут может быть, великий князь, за которым еле-еле поспевала подъехавшая Мария Федоровна с Нелидовой, ринулся прямо к собравшимся там народным массам.

Кто-то, время от времени прерываемый одобрительным гулом толпы, держал речь, слова которой Павел Петрович не мог разобрать. Но вот оратор кончил и провозгласил здравицу, и она сейчас же была восторженно подхвачена всей толпой:

— Да здравствует наш батюшка Павел Петрович! Жив буди, отец и благодетель народа!

Великий князь был до такой степени поражен этим, что остановился в полнейшем остолебении — он не знал, что ему делать, что предпринять...

Снова воцарилась тишина и послышался голос, страшно знакомый великому князю.

Новый оратор заговорил с такой страстью, с таким воодушевлением, что сразу покорила слушателей. Он говорил очень просто, понятно, без всяких вычур и прекрас, но каждое его

слово дышало глубокой, всепокоряющей искренностью, каждая фраза была пропитана и согрета неподдельным чувством.

«Боже мой! Да ведь это Кутайсов? Но что он говорит, что он говорит!» — с ужасом, отчаянием и гневом думал Павел.

Это был действительно Кутайсов.

Он говорил народу о том, что теперь всем плохо живется и нет надежды на улучшение этого положения, пока знатные господа заслоняют царские уши от народных воплей. Великий князь знает это, болеет за горькую судьбу народа и решил прийти ему на помощь. Он строит город, где всем будет житься по-иному, уничтожит средостение из важных бар и сам будет непосредственно общаться со своими подданными.

— Для всех нас, — говорил Кутайсов, — нет спасения, нет надежды вне нашего милостивца, великого князя Павла Петровича. Старое должно умереть и отвалиться, как умирает и отваливается гнилой сучок. Да здравствует великий князь, надежда России! — Тут Кутайсов заметил Павла Петровича, расталкивавшего народ, чтобы добраться до смелого камердинера и приказывать ему немедленно прекратить эту опасную комедию. Тогда он патетически воскликнул: — А вот и его высочество лично замешался в толпу своих верноподданных рабов, чтобы поддерживать их и ободрить. Братцы, вот наш отец и благодетель!

Ответом на последнее восклицание был единодушный восторженный крик толпы. Все снепно протискивались к великому князю, падали ему в ноги, хватали и целовали край его платья, сапоги.

Павел Петрович сделал гневное движение и хотел пинками ног ответить на это опасное выражение народной любви, как вдруг сзади кто-то легко дотронулся до его плеча.

Великий князь испуганно обернулся и увидал, что за его спиной по левую и правую стороны стоят Мария Федоровна и Нелидова, следовавшие за ним.

— Ваше высочество, — шепнула великая княгиня, — вы, конечно, дадите отпор этому опасному и неуместному выражению любви и восторга? Я с ужасом думаю, что будет, когда ее величество императрица узнает обо всем этом! Боже мой! С таким трудом вашему высочеству удалось исправить отношения с ее величеством и сделать свое существование сносным, а тут на-

глая ретивость пронырливого интригана грозит все испортить! Да и разве терпимы в благоустроенном государстве подобные демонстрации против законного правительства?

— Я счастлива,— зашептала ему с другой стороны Нелидова,— что сердца всего народа раскрываются к нашему возлюбленному великому князю! О, ваше высочество, ведь вы не оттолкнете...

— Потрудитесь сейчас же уйти отсюда прочь, это не подходящее место для женщин! — приказал Павел Петрович супруге, а затем, оттолкнув близстоящих, пробрался к середине площади, где стояла бочка, служившая кафедрой ораторам, и громовым голосом крикнул толпе: — На колена! на колена!

Сразу воцарилась испуганная тишина; народ повалился в ноги, недоумевая, почему их обожаемый «милостивец» так разгневан.

Павел Петрович сорвал с себя ружье, с силой хлопнул прикладом о землю и громким, взбешенным голосом закричал:

— Если вы, тупоголовое дурачье, сейчас же не разойдетесь и не заткнете своих глоток, то пусть черт, а не я строит вам город. Мне вы не нужны, и я лучше настрою здесь домов для свиней, чем для такого сброда изменников. Кто вас звал сюда? Кто позволил вам явиться ко мне? В Гатчине нет места для такого дурачья, и я на пушечный выстрел не подпущу к себе негодяев, не имеющих права зваться людьми. Знаете, что делает человека человеком? Послушание, повиновение, преданность законному монарху! А вы начинаете с того, что хулите императрицу, одно имя которой не смеете произносить без тремета! И вы думали, что это сойдет вам с рук? Ах вы, разбойники, негодяи, бездельники! Расстрелять вас всех, повешать! Кладбище вам нужно, а не город!

Павел Петрович задыхался от бешенства. Он должен был замолчать, потому что вместо слов у него начал вырываться какой-то хрип.

Он перевел дух, а затем, не обращая внимания на пока еще тихое, но все возрастающее ворчание, раздававшееся из отдельных групп, он продолжал:

— Да, я собирался строить здесь новое поселение. Но это будет не так еще скоро. Я не могу иметь дело с таким сбродом,

который не умеет и не хочет работать, а вместо этого позволяет себе высказывать какие-то пожелания! Я вскоре уезжаю за границу и привезу оттуда опытных рабочих, которые и выстроят новый город. Но не думайте, что я так и пущу всякий сброд к себе! Нет, здесь место только тем, кто докажет, что они верны государыне, кто не осмеливается роптать на преданных слуг, поставленных править над ними ее священной волей. А теперь вон отсюда все, да поскорее! Я не желаю, чтобы вы портили мне здесь чистый воздух! От вас несет смрадом измены и предательства... Вон отсюда! Мне вы не нужны! Я привезу, сказал вам, настоящих работников из-за границы! Ну, разойтись, или я перестреляю вас!

— Братцы! — с отчаянием и рыданием в голосе вскрикнул какой-то дюжий оборванец, вскакивая на ноги. — Да неужто нигде правды нет? Нас побоку, мы голодай, а проклятые басурманы у нас, православных, последний хлеб отбивать будут?

Народ ответил нестройным ворчанием, в котором слышались страдание, злоба, бешенство, гибель радужных надежд.

Павел Петрович побледнел еще больше, закусил губу, твердым шагом подошел к вопившему оборванцу, вскинул ружье и уложил крикуна на месте.

Оборванец с громким воплем упал на землю и смолк.

Воцарилась гнетущая, страшная, жуткая тишина.

Великий князь продолжал стоять на месте. Его глаза чуть не выскакивали из орбит, из груди вырывался бешеный хрип. Он ничего не мог сказать и только топал ногами.

— Батюшки, да что же это? — вскрикнул вдруг совсем молоденький паренек, с ужасом показывая рукой на еще содрогавшегося в конвульсиях оборванца.

Павел Петрович схватил ружье за дуло, подскочил к парню и с нечеловеческой силой ударил его прикладом по голове. Паренек рухнул на землю с разбитой головой, обливаясь кровью.

Тут бешенство великого князя достигло апогея. Ничего не видя от кровавой пелены, заслонившей его глаза, изрыгая бешеные проклятия, он принялся молотить ружьем по близстоящим, так что те кинулись бежать в паническом ужасе.

В несколько секунд площадь опустела.

Павел Петрович оглянулся по сторонам и увидал вдали супругу с Нелидовой.

В противоположном конце площади стоял бледный, трепещущий Кутайсов.

Он уже озирался по сторонам, со страхом отыскивая место, где можно было бы спрятаться от гнева великого князя, но Павел Петрович заметил это, в несколько прыжков подскочил к перепуганному камердинеру, схватил его за ухо и с такой силой дернул, что несчастный упал на землю.

— Ах ты, дьявол этакий! — кричал великий князь, топча его ногами. — Что ты задумал? Ты осмелился избрать меня, великого князя, первого дворянина русской империи, атаманом шайки разбойников, готовых пойти мятежом против законной государыни? Ты хотел натравить сына на мать и первого и вернейшего подданного на его государыню?! А знаешь, что за это следовало сделать с тобой? Расстрелять тебя, каналью, надо!

— Ваше высочество, помилуйте, пощадите! Не по злой воле, а по неразумению!

— Я когда-то любил тебя, но теперь ненавижу! Прочь с глаз моих! Целых десять лет не смей показываться предо мною, а если ты хоть единым словом напомнишь мне о себе, тогда и я вспомню, что еще не рассчитался с тобой так, как ты того заслуживаешь! Прочь!

Кутайсов вскочил, рухнул без сил на землю, ползком пробрался несколько шагов, затем снова встал и, пошатываясь, скрылся из вида.

В это время к великому князю подошла Мария Федоровна с Нелидовой.

Павел Петрович угрюмо отвернулся от них: он знал, что Нелидова покровительствует Кутайсову, а великая княгиня, хотя и не любит его, но по врожденной доброте способна просить даже за врага. А именно теперь всякие просьбы такого рода могли еще больше вывести его из себя.

Но он ошибся.

— Я очень сожалею, что этим несчастным пришлось пострадать, — сказала Мария Федоровна. — Но что же делать? Нельзя же было допустить, чтобы под покровительством великого князя принялись первые ростки бунта и мятежа против ее

величества государыни императрицы? Иначе ваше высочество не могли поступить. Но пойдете поскорее отсюда, а то вы слишком взволновались. После таких потрясений необходим полный покой.

Павел Петрович с благодарностью взглянул на супругу. Лицо великого князя смягчилось, он взял ее руку и нежно поцеловал.

Вдруг его взор упал на Нелидову, лицо которой выражало в этот момент укор, негодование, отвращение, а по щекам текли крупные слезы.

Снова неукротимое бешенство овладело великим князем при виде этого. Он и вообще-то совершенно не переносил слез, которые неизменно приводили его в ярость, а при этих обстоятельствах и подавно не мог примириться с ними.

— Потрудитесь объяснить, что значат ваши слезы? — крикнул он ей.

— Простите, ваше высочество, — ответила Нелидова, торопливо вытирая слезы, — но я совершенно не в состоянии видеть, когда с людьми обращаются так незаслуженно жестоко, так несправедливо... Ваше высочество! За что заплатились жизнью эти несколько несчастных, за что лишился вашей милости верный и преданный Кутайсов? За то, что они осмелились видеть в своем будущем государе облегчение непосильных тягот, за то, что верили в добрые качества его души!

— Вы позволяете себе входить в оценку моих действий? — громовым голосом крикнул Павел Петрович. — Мало того, вы становитесь на сторону людей, которых я справедливо покарал за мятеж? Вы решаетесь оправдывать государственное преступление? Я не желаю больше видеть вас, а потому вы не будете сопровождать нас в нашем заграничном путешествии. Вы останетесь здесь и можете на досуге заняться разжиганием на мятеж разных негодяев, к которым вас влечет всей душой.

Нелидова без стона и крика рухнула на землю в глубоком обмороке.

Не обращая на нее ни малейшего внимания, великий князь с любезным поклоном предложил супруге руку и повел ее к экипажу.

Через минуту тот быстро помчал их обратно в Петербург.

— Ваше высочество,— сказала Мария Федоровна, когда они отъехали довольно далеко от Гатчины и великий князь, видимо, немного успокоился,— вы упомянули два раза, что отправляетесь со мною за границу. Но разве это уже решено? Ведь до сих пор об этом говорилось только предположительно?

— Да, теперь это уже решено! — твердо ответил Павел Петрович.

— Боже мой, вот прелесть! — воскликнула великая княгиня, весело захлопав в ладоши.— Как я рада! Но когда же это случилось?

— Сегодня утром. Я был у ее величества, и разговор коснулся нашей поездки за границу. Императрица говорила об этой поездке в самых общих и неопределенных чертах, но «не было бы счастья, да несчастье помогло»! Ее величество подняла теоретический разговор о лицах свиты, которые должны были бы сопровождать нас, и во главе этой свиты наметила графа Николая Салтыкова. Вы знаете, я от души ненавижу его, как шпиона, специально приставляемого ко мне для этой цели. Меня так рассердило это намерение императрицы, что я с неудовольствием воскликнул: «Я отказываюсь от этой поездки, раз мне опять навязывают такую неприятную личность!» Ну, а вы знаете сами, что бывает каждый раз, когда я говорю «я хочу», «я согласен», «я не согласен». Императрица вспыхнула и заявила, что желание или нежелание тут ни при чем, что пока еще в России царит ее единая воля, а потому я, разумеется, поеду в путешествие, и не далее, как на этих же днях, то есть завтра-послезавтра.

— Боже, как я рада! Ведь я так давно мечтала об этом путешествии!

— И промечтали бы еще долго-долго, если бы я случайно не выказал сегодня попытки к неповиновению! Впрочем, вы еще рано радуетесь: наверное, императрица сейчас же узнает о гатчинском событии и мой образ действий настолько порадует ее, что она милостиво разрешит мне не ехать!

— Но ты не воспользуешься этим разрешением, Павел? — с испугом спросила великая княгиня.

— Успокойся, я не стану портить тебе удовольствие! Я даже примирюсь с Салтыковым. В конце концов, чем нам может помешать за границей русский шпион?

— А куда именно мы поедем?

— Предполагается — во Францию и в Италию. В Париже мы проживем некоторое время...

— Если бы ты знал, до чего я счастлива! И знаешь, когда чувствуешь себя такой счастливой, то удивительно хочется всегда, чтобы и другие тоже были счастливы. У меня есть к тебе большая-большая просьба... Но только... ты не рассердишься, милый Павел?

При этих словах Мария Федоровна с такой умильной, с такой заискивающей улыбкой заглянула в лицо супруга, что великий князь расхохотался и, ласково пожав ее руку, ответил:

— Не рассержусь... Говори!

— Прости Нелидову, Павел! В конце концов, разве она так уж виновата? Конечно, она позволила себе лишнее, но у нее чрезвычайно тонкая и впечатлительная организация, а картина, которую ей пришлось видеть, могла хоть кого вывести из душевного равновесия. Она была взволнована в тот момент и, очевидно, сама не сознавала, что говорила!

— Но подумай сама, Маша, ведь, в сущности говоря, я и не наказывал ее,— возразил Павел Петрович.— Только с нами в Париж я не возьму ее, но по возвращении ты снова возьмешь ее к себе!

— Да, Павел, но она так любит нас обоих, так предана нам, что для нее будет страшным наказанием и лишением не быть с нами!

Павел Петрович вздрогнул и подозрительно посмотрел на жену. Ему не верилось, что Мария Федоровна все еще не подозревает истины отношений с Нелидовой.

Однако взгляд великой княгини по-прежнему оставался ясным, ласковым и безмятежным.

Теперь Павлом Петровичем овладело неудержимое желание смеяться. Его супруга сама делала все, чтобы связь с Нелидовой не ослабевала, а, наоборот, крепла. Ну что же, он возьмет Нелидову с собой. Раз великая княгиня — такая заботливая жена, что хлопочет о полных удобствах мужа во время путешествия, то...

Он не выдержал и расхохотался вслух.

— Ты смеешься? — удивленно спросила его великая княгиня.— Но... чему же?

— Так, я вспомнил кое-что смешное...

— Но ты, Павел, все еще не ответил мне ничего на мою просьбу!

— Какую просьбу?

— Ах, какой ты! Ведь я просила тебя простить Нелидову и разрешить ей сопровождать нас в путешествии!

— Господи, но твое желание уже само по себе является прощением Нелидовой! Раз ты этого хочешь...

Он снова сделал колоссальное усилие, чтобы опять не расхохотаться.

Вдали показались очертания Петербурга.

Вот и застава... Слава богу! Скоро они будут дома, и он получит возможность на досуге посмеяться. Кстати, что с Нелидовой? Привели ли ее в чувство? Э, что там! Женщины — все равно что кошки. С крыши упадут, и то целы останутся! Живучи!..

— Но как хорошо будет прокатиться за границу! — снова воскликнула Мария Федоровна.

— Да... хорошо...— рассеянно ответил Павел Петрович, думая о Нелидовой и ее необузданно-бурных ласках.

VII

ГАТЧИНА ЗАСТРАИВАЕТСЯ

Прошло несколько лет. Великокняжеская чета благополучно вернулась из заграничного путешествия и поселилась в Гатчине, благоустройству которой Павел Петрович посвящал много времени. Теперь это был по виду целый городок, хотя официально Гатчина была признана городом только после воцарения Павла Петровича.

Против первоначального плана теперь были допущены значительные изменения. Новый план великий князь вывез из Парижа, где над ним работал молодой французский архитектор

Колле, с которым великий князь очень подружился и у которого даже жил.

Произошло это так.

Жизнь в Париже великого князя раздвоилась. Официально он проживал в громадном, специально для него нанятом дворце, но, кроме того, нанял небольшое меблированное помещение у молодого архитектора, жившего с матерью и сестрами на одной из узких, мрачных улиц предместья Монмартра. Здесь, в этом тихом уголке, великий князь отдыхал от шумной парижской жизни в разговорах с словоохотливым архитектором Колле, который много рассказывал ему о Париже и парижанах.

Случайно разговор зашел о городах вообще, и великий князь посвятил Колле в свою идею основать новый город по совершенно новому плану, причем высказал, что города возникают случайно и развиваются рядом наслоений, но совсем другое получится, если в идею возведения города положить единую зрелую мысль.

Увлекающийся француз пришел в восхищение от этой идеи и предложил свои услуги.

Павел Петрович дал ему план Гатчины и топографические данные местности. Когда он в следующий раз пришел к архитектору, то застал его в напряженной работе пред рисовальной доской. Великий князь взглянул на работу Колле и вскрикнул от восхищения: план застройки Гатчины был почти уже разработан!

Но, присмотревшись повнимательнее, великий князь со многим не согласился.

Колле задумал выстроить уютный и наивный провинциальный городок, где в каждом домике сказывается хоть и миниатюрная, но разнообразная индивидуальность, а Павел Петрович, наоборот, хотел однообразной массивности и величественности, подобающей резиденции наследника императорского престола.

Выслушав замечания великого князя, Колле засел за переработку плана. Ему приходилось работать дни и ночи, потому что Павел Петрович собирался вскоре уезжать и непременно хотел взять с собой совершенно законченный план. Поэтому,

когда Колле за несколько часов до отъезда великого князя вручил ему готовую работу, то тут же упал без сознания: он доработался до нервной горячки.

Великий князь не только щедро заплатил архитектору за работу, но и назначил ему ежегодную пенсию в триста рублей, и последняя аккуратно выплачивалась Колле.

Затем Павел Петрович уехал, торопясь осуществить на деле свою мечту.

В России ему удалось заинтересовать своими планами императрицу, так что она не только постоянно осведомлялась о ходе работ, но и поддерживала старания великого князя щедрыми ассигновками.

Так возник город Гатчина, имевший вначале и необычную для русских селений, и даже, пожалуй, смешную внешность.

По первоначальному плану Колле дома должны были идти правильной вереницей, разделяясь садами. Но великий князь пожелал, чтобы строения были разбросаны по холмам, по берегам речки и вокруг озера. Это придавало городу вид каких-то прилепившихся к склонам скал птичьих гнезд и лишало его уюта, ласковой привлекательности.

Сами по себе дома тоже казались хмурыми и неудобными. Личные удобства квартирантов совершенно не принимались в соображение: это были какие-то тюрьмы, ряд мрачных, неудобных арестантских камер...

Поэтому немудрено, что заселение нового городка шло очень медленно и неохотно.

После смерти Екатерины Павел Петрович упразднил город Рождествено и силой перевел оттуда мещан и купцов в Гатчину. Но при ее жизни он не мог сделать это, а добровольных любителей поселиться в новом городке находилось мало.

Тогда Павлу Петровичу пришла в голову мысль сделать из Гатчины зерно новых военных преобразований, затеянных им для поднятия армии на требуемую высоту.

С этой целью был возведен ряд казарм, которые постепенно заполнялись переводимыми в Гатчину полками.

Сначала в казармах поселили артиллерийскую бригаду, и великий князь принялся заниматься с нею. Для помощи ему

в этом деле из Петербурга частенько наезжал генерал Мелиссино, единственная значительная величина артиллерийского дела в русской армии.

Приезды Мелиссино доставляли особенное удовольствие маленькому двору, потому что генерал по вечерам устраивал блестящие фейерверки, в которых проявлял поразительную изобретательность и фангазию.

Это было единственным развлечением Марии Федоровны, ее детей и придворных дам, которые страшно скучали в мрачной, пустынной Гатчине.

Из подчиненных Мелиссино офицеров выделялись двое: Аракчесв и Ратиков. В особенной милости Павла Петровича был первый. Да это и немудрено: Аракчеев понимал дисциплину совершенно так же, как и великий князь; он день и ночь мучил солдат учениями, не щадя сильных мер воздействия, и можно было сказать, что отчетливость эволюции Аракчесв «вколачивал» новобранцам. Павел Петрович непременно хотел, чтобы русская армия в выучке и отчетливости движений не уступала армии Фридриха Великого, а Аракчеев находил, что это вовсе не трудно: мешает только леность, которая не преминет уступить палке. И последняя была главным профессором в этой потешной военной академии.

Каждый день барабан призывал войска на обычные учения, продолжавшиеся часами. Мало того, с целью окончательно превратить солдат в мертвую машину, действующую единой волей вождя, барабан и сигнальные трубы отрывали солдат от еды, от сна, призывали к учению в самый сильный холод или проливной дождь. Вообще, чем менее подходило время или погода для пребывания на улице, тем более шансов было у солдат, что их вытребуют на плац. Наоборот, в душные летние вечера, когда дышать можно было только на воле, на берегу реки или озера, солдат запирали в жарких, душных казармах, где со многими от жары и духоты делались обмороки.

Очень часто Мария Федоровна присоединялась к супругу, стараясь веселой шуткой или ласковым словом смягчать его бешенство, охватывавшее великого князя каждый раз, когда обучаемые войска делали хоть малейшую ошибку или неточность.

Так и в описываемый здесь сумрачный, бурный и дождливый день великая княгиня стояла рядом с супругом в фонарном выступе дворца, откуда Павел Петрович зачастую наблюдал за учением. Но сегодня он не замечал ее. По его мнению, все шло далеко не так, как нужно, и стратегический маневр, заданный им на сегодня, исполнялся войсками вяло и расплывчато.

— Эти ослы не умеют ни нападать, ни защищаться! — с бешенством крикнул Павел Петрович, топая ногой. — Точно мокрые курицы, а не солдаты! Ну, погодите вы, я вас научу! Вы у меня заплаете!

Он резко повернулся и заметил супругу, которая с очаровательной улыбкой поклонилась ему.

В этой улыбке были все та же преданность, та же любовь и забота, но великий князь истолковал ее по-своему. Он сам знал, как бывал некрасив в те минуты, когда предавался гневу наедине, не следя за собой. Великая княгиня все время наблюдала за ним, значит, теперь она, безусловно, смеялась над его гримасами и бешеными подергиваниями!

— Какая отвратительная погода! — участливо сказала Мария Федоровна.

Павел Петрович схватил ее за руку и потащил к двери, крикнув резким, скрипучим голосом:

— И вы тут? Отлично! Пойдемте, ваше высочество, вниз, на плац! У меня имеется к вам просьба, которую вы, как преданная жена, не откажетесь исполнить!

— Но, помилуйте, ваше высочество, — с удивлением ответила великая княгиня, — ведь на улице страшный дождь! Вы посмотрите только, как льет!

— Пустяки! — ответил великий князь, не переставая тащить супругу к выходу. — Погода великолепнейшая, по крайней мере для моих целей. Самые важные маневры, зачастую решающие судьбу кампании, производятся в скверную погоду, так что солдаты должны привыкать к отчетливости движения именно под дождем, во мраке, в грозу и бурю. Пойдемте, пойдемте! Вы увидите, что мне от вас нужно!

— Но я не одета...

— Э, вы не только великая княгиня, вы прежде всего солдатская жена, которая должна привыкать ко всему! Ничего, не сахарная, не растаешь!

VIII

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ В КАЧЕСТВЕ ОБЪЕКТА НАПАДЕНИЯ

На плаце у озера стоял майор Линднер, пруссак, недавно выписанный Павлом Петровичем в качестве инструктора своей маленькой армии по особой рекомендации короля Фридриха. Великий князь был очень доволен прусским майором и находил, что теперь обучение солдат под его руководством пошло вперед гораздо быстрее прежнего.

Великая княгиня успела справиться со своим удивлением и с самой непринужденной улыбкой следовала за супругом под потоками проливного дождя. Правда, последний сразу промочил ее до мозга костей, но молодая женщина мужественно боролась с охватывавшей ее дрожью и старалась ничем не выказывать неприятных ощущений.

— Слушай-ка, Линднер,— сказал великий князь, обращаясь к майору,— сегодня мы выполним маленький стратегический маневр. Видишь ты там развалины старого деревянного замка, виднеющиеся из-за леса за озером? Эта старая руина еле держится, и ты должен сегодня овладеть ею посредством строгого стратегического движения. Защищать развалины будем мы с великой княгиней. Там наверху еще уцелела старая башенка. Великая княгиня заберется туда и будет служить вам жалоном. Защищать местечко буду я сам, и имей в виду, что я собираюсь пустить в ход для защиты все свои знания и энергию. Я дам тебе лучшую половину войск, находящихся здесь на плацу, и ты должен обязательно выполнить эту почетную задачу: ведь жалоном будет сама великая княгиня! Если же тебе не удастся в течение часа овладеть башней, то ты — просто осел, не заслуживающий чести обучать русскую армию. Кроме того, ты выкажешь себя большим нахалом и страшным невежей. Ведь ве-

ликой княгине придется стоять под дождем и ветром в открытой со всех сторон башне, и, чем дольше ты будешь копать, тем дольше продержишь ее в этом неприятном положении. Но, имея в руках качественный перевес, надо быть очень маленьким полководцем и очень большим ослом, чтобы сразу не овладеть башней!

Майор Линднер — высокий, сильный, статный мужчина — почтительно выслушал приказание великого князя, и на его лице выразилась полная готовность с удовольствием проделать предписанный маневр.

Зато на лице великой княгини был определенно написан явный ужас. Она и без того промокла и продрогла, а теперь ей предстояло пробыть на ветру и дожде, по крайней мере, целый час.

Однако она не решилась протестовать и покорно последовала за супругом.

Но, ступив ногой на первую ступеньку полуразрушенной, еле державшейся лестницы, которая жалобно и грозно заскрипела, словно негодуя и предупреждая, Мария Федоровна так испугалась, что остановилась и обернулась к следовавшему за ней супругу, готовая категорически отказаться идти далее.

Однако он по-своему истолковал ее взгляд.

— Идите, идите, ваше высочество, — спокойно сказал он, — флаг я передам вам наверху!

Великая княгиня вздрогнула и покорно пошла далее, ежеминутно рискуя сорваться на этих сгнивших, скользких от плесени и дождя ступенях.

Когда они взобрались на верхнюю площадку, Павел Петрович передал супруге флаг и приказал ей подойти с ним к самому краю и все время держать этот жалон на виду. После этого он сам подошел к краю площадки и широко взметнул слева направо флагом, так что центр защиты и объект неприятельского нападения был далеко виден со всех сторон.

Солдаты защитного отряда, собранные во дворе руины, ответили на движение флага громкими, торжествующими возгласами.

— Вы будете стоять все время здесь и все время махать флагом так же, как это сделал я, — обратился великий князь к суп-

руге.— Конечно, вам придется немного потерпеть: надо сознаться, что дождь хлещет здесь еще сильнее, а резкий ветер делает положение еще неудобнее. Но что же поделаешь! Настал момент доказать всем и каждому, на что способен великий князь, которого до сих пор стараются держать в стороне от присущих его званию занятий. Настал момент доказать, что он способен в самое короткое время поставить армию на недостижимую высоту и сделать из людского стада машину, слепо и отчетливо повинующуюся малейшему изгибу воли вождя.

Кто же, как не великая княгиня, должен разделить торжество супруга?

Мария Федоровна ответила ласковым кивком головы на эти слова, в которых усмотрела желание сказать ей нечто приятное, сделать ее участницей своих планов и торжества. Затем, призвав на помощь всю силу своей воли, она взяла в руки флаг и стала у края платформы.

Павел Петрович поспешил вниз к солдатам. В сопровождении Аракчеева, еле поспевавшего за ним, он расставил солдат по всем пунктам, откуда могло последовать нападение. Аракчееву было поручено выдвинуть аванпосты, и, когда великий князь вскочил в седло первой попавшейся лошади и поехал, чтобы проверить, что сделал Аракчеев в передовой цепи, он застал там все в отличнейшем порядке и вполне согласно со своими желаниями.

В этих хлопотах прошло около получаса.

Великий князь несколько раз посматривал наверх и все время видел флаг, плавно покачивавшийся из стороны в сторону. Теперь, возвращаясь с проверки аванпостов, он снова взглянул наверх и к своему негодованию флага больше не увидел.

Тогда он сейчас же устремился наверх, чтобы накинуться на супругу с бешеными упреками. Он перескакивал через три ступеньки и уже мысленно повторял все те горькие, ядовитые слова, которыми намеревался осыпать Марию Федоровну, но картина, которую он увидал наверху, сразу повернула его мысли в другую сторону.

Сначала Мария Федоровна мужественно держалась, но непрерывные потоки дождя и холодные порывы резкого ветра мало-помалу усыпляли ее волю. Она уже не в силах была более

стоять там и полубессознательно принялась искать какого-нибудь убежища. В противоположном конце площадки уцелело что-то вроде навеса. Великая княгиня пробралась туда и вернулась в мокрый флаг. Это хоть немного согрело ее.

Когда Павел Петрович увидал супругу, она была до того бледна, что он испугался.

— Маша! — вне себя крикнул он, подскакивая к ней. — Что с тобой? Ты не в силах вынести это! Боже, я не сообразил, что ты далеко не так здорова...

В голосе великого князя зазвучали неподдельно тревожные нотки.

— Нет, Павел, ничего, — сквозь силу пробормотала великая княгиня, сясь улыбнуться. — Но ты знаешь, я совершенно не переношу дождя. Даже когда я сижу безвыходно дома, то после суток ливня меня начинают охватывать слабость и страшная, гнетущая тоска... Но я только хотела отдохнуть минутку, а там я опять встану на свой пост...

Великая княгиня умоляюще взглянула на супруга.

— Хорошо, отдохни! — великодушно согласился Павел Петрович. — Давай сюда флаг, я пока помашу им за тебя!

Он взял флаг с плеч супруги и, подойдя к краю платформы, принялся размахивать им там.

Прошло несколько минут.

Вдруг ступени лестницы закрипели и на площадку кряхтя ввалился князь Несвитский.

— Имею честь доложить вашему императорскому высочеству, что врага нигде не видно! — отрапортовал он, вытягиваясь в струнку. — Генерал Мелиссино и лейтенанты Аракчеев и Ратиков только что с бешенством напали на меня и требуют, чтобы я достал им врага. Они хлопотали изо всех сил, чтобы исполнить все по желанию и приказанию вашего высочества, но лишены возможности сделать это из-за непонятного отсутствия неприятеля. Правда, высоким доверием вашего высочества я назначен комендантом здешней крепости, но доставать врага не входит в круг моих обязанностей!

— Вы приказали осмотреть окрестности, князь? — спросил Павел Петрович.

— Патрули объездили местность на десять верст в окружности, но нигде нет ни малейшего следа неприятеля, ваше высочество!

— В таком случае тут что-то странное, князь, — сказал Павел Петрович, на лице которого отразились волнение и беспокойство. — Но что могло случиться? Прикажите приготовить мне хорошую лошадь, я сейчас же лично отправлюсь на разведки! Благодарю вас, князь. Не горюйте! Вы, конечно, не можете достать врага, и в этом виноват проклятый пруссак Линднер. Ну, да погоди он у меня! — серьезно воскликнул великий князь.

Несвитский откозырял и повернулся, чтобы исполнить приказание великого князя.

Последний обратился к супруге:

— Теперь вы отдохнули? Хорошо! Возьмите флаг и стойте на вверенном вам посту. Смотрите, дождь перестает и на небе показывается просвет. Через несколько минут проглянет солнце и быстро обсушит и обогреет вас.

Передав супруге флаг, Павел Петрович стремглав бросился вниз и, вскочив в седло подведенной ему лошади, сломя голову понесся на розыски врага.

Действительно, не прошло и двух минут, как из-за разорвавшихся туч выглянуло жаркое солнце и быстро согрело великую княгиню. Теперь ей было уже не так трудно стоять на своем посту, и она принялась весело размахивать флагом: движение согревало ее еще более и ускоряло просыхание мокрого платья.

Через некоторое время она увидела великого князя, который несся обратно на вспененном коне. Лицо Павла Петровича выражало сильнейший гнев.

Заметив супругу, он повелительным знаком руки приказал ей спуститься вниз.

— Извиняюсь, что напрасно побеспокоил вас! — крикнул он Марии Федоровне, когда та сошла во двор. — Никакого нападения не будет. Майор Линднер — просто болван и гнусное животное. Я гоняю по всей окрестности, чтобы разыскать его колонну, и случайно заехал в имение Салтыкова. И что же я вижу? Солдаты Линднера лежат вповалку прямо на улице, их платье все в грязи и разорвано, у многих на лице виднеется кровь. Ищу повсюду самого Линднера — его нигде нет! Эта ско-

тина бросил своих людей на произвол судьбы! И как вы думаете, что мне рассказывают? Линднер заблудился и завел своих солдат в имение Салтыкова, где они попали в огород, обнесенный колючей изгородью, о которую все изорвались и даже изранили себя. А когда ему дали знать, что я показался в виду, то он от стыда убежал домой, сославшись на внезапное нездоровье! Пойдемте домой, жалкая комедия кончилась!

В этот момент к великому князю, задыхаясь, подбежал Несвитский.

Он был страшно бледен, все его тело тряслось, из горла вырывались вместо слов какие-то хриплые звуки. Видимо, он был сильно взволнован.

— Ну, что еще случилось? — бешено крикнул на него Павел Петрович.

— Ваше высочество,— заикаясь, ответил Несвитский.— Только что прибыл курьер с печальной и важной вестью. Ее величество опасно заболела, врачи ни за что не отвечают. Присутствие ваших высочеств очень необходимо, и министры умоляют ваши высочества немедленно, не теряя ни единой минуты, прибыть в Петербург!

Великий князь побледнел и покачнулся. Известие поразило его своей неожиданностью, с которой вдруг отдернулась завеса давножданного грядущего.

Он посмотрел на великую княгиню, как бы спрашивая ее мнения и совета.

— Спешите во дворец, князь,— твердым голосом приказала она Несвитскому,— и прикажите сейчас же заложить дорожную карету его высочества. Мы следуем за вами и поедем сейчас же, как только все будет готово. Медлить нечего,— сказала великая княгиня, обращаясь к супругу,— момент настал!

— Ты права,— просто ответил великий князь, взяв супругу за руку и целуя ее.

Несвитский сейчас же ускакал.

Павел Петрович и Мария Федоровна сели на подведенных им лошадей и последовали за ним.

Через полчаса великокняжеская чета уже катила по дороге в Петербург.

СМЕРТЬ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

Во всю дорогу до Петербурга великий князь не сказал жене ни слова. Видно было, что он сильно волнуется, и Мария Федоровна, которая и сама чувствовала себя взволнованной близкой переменой в их существовании, не нарушала его задумчивого молчания.

Подъезжая к Петербургу, они вдруг прислушались и удивленно переглянулись: из города все сильнее и сильнее доносился радостный перезвон колоколов. Это так не вязалось с полученными известиями об ухудшении здоровья императрицы, что Павел Петрович и Мария Федоровна не знали, что подумать. Еще более удивило их, когда при въезде в заставу они убедились, что улицы Петербурга переполнены народом, причем в движении масс не чувствовалось ни малейшего горя или ужаса, неизбежно овладевающего народом при получении печального известия о близости кончины царствующей особы.

Нет, наоборот: народ, видимо, радовался чему-то, и, когда слышалось гроыхание пушек, салютовавших какому-то неведомому великокняжеской чете торжеству, многие сорвали с голов шапки и стали подбрасывать их на воздух с громкими криками «ура!».

В одном месте скопление народа было настолько велико, что карета великого князя, и без того ехавшая шагом, была принуждена окончательно остановиться. Великий князь открыл окно и высунулся из кареты, чтобы увидеть причину их задержки.

Осматривая толпу, он внезапно увидал человека, умышленно выдвинувшегося из рядов народа и с умоляющим видом простиравшего руки к нему.

— Батюшки! — вскрикнул Павел Петрович, обращаясь к супруге. — Посмотри-ка, да ведь там стоит наш старый приятель, Иван Павлович Кутайсов! Сколько лет я уже не видал его! С тех пор как я прогнал его пинками долой со своих глаз, он ни разу нигде не попадался мне. Ах, только теперь я вижу,

насколько мне не хватает его! Вот что: ты ничего не будешь иметь против, если я усажу его к нам в карету?

— О, пожалуйста! Я сама буду рада повидать его,— ведь он так любил тебя!

Павел Петрович еще раз высунулся в окно и сделал Кутайсову еле заметный знак рукой.

Стараясь не привлекать на себя внимания толпы, бывший камердинер осторожно подобрался к великокняжеской карете и в тот самый момент, когда Павел Петрович крикнул ему: «Влезай и садись!» — быстрее молнии приотворил дверцу, вскочил в карету и торопливо вновь захлопнул дверцу за собой.

Все это произошло с такой быстротой, что никто ничего не заметил.

В этот момент толпа несколько расступилась, и карета двинулась дальше.

— Но ты совсем не переменился, Иван! — произнес Павел Петрович, толкая Кутайсова на переднее сиденье.— Правда, ты возмужал, располнел; но ведь и то сказать, сколько времени мы уже не видались! Ну, рассказывай поскорее, что ты делал все это время?

— С тех пор как ваше высочество прогнали меня от себя,— ответил Кутайсов, глядя на великого князя с видом верной собаки,— я нигде не мог найти себе покоя. Я исколесил чуть не всю границу, опять вернулся в Петербург и уже собирался направиться в Азию, когда узнал, что ее величество при смерти и на государственном горизонте России готовится взойти звезда великого князя Павла Петровича. Сегодня какое-то тайное предчувствие толкнуло меня в народную гущу, и вот я снова вижу своего обожаемого великого князя!

Павел Петрович ласково протянул руку, и тот пламенно поцеловал ее.

— А теперь скажи мне вот еще что. Ты ведь всегда все знаешь! — произнес великий князь.— Почему сегодня звонят во все колокола и стреляют из пушек, раз ее величество опасно больна?

— Но ведь сегодня празднуют взятие Дербента! Разве ваше высочество не осведомлены об этом? — изумленно спросил Кутайсов.

— Я слышал, что императрица ведет войну на Кавказе, и только. Ведь в Гатчине я сижу словно медведь в зимней спячке — сижу в берлоге и сосу лапу... До меня не долетало известий ни о победах, ни о поражениях, но я был уверен, что бедной России придется поплатиться за отвратительную систему хозяйничанья, когда главнокомандующим армией назначают человека, единственная заслуга которого — родство с фаворитом!

— Я сам так думал, ваше высочество, но граф Валерьян Зубов, по-видимому, оказался хорошим солдатом, потому что ему удалось взять Дербент, неприступную крепость и ключ к обширной местности. Ее величество приказала, чтобы эту победу праздновали сегодня во всем государстве. Несколько часов тому назад императрице стало так плохо, что врачи потребовали прекращения звона и пальбы. Но в минуту просветления императрица вдруг приподняла голову и твердым голосом спросила, почему ее приказание не исполнено. Ей ответили, что врачи боятся, как бы этот шум не повредил ее здоровью. «Пустяки! — ответила ее величество, — шум победы ничего кроме добра не может принести русскому государю!» Тогда уже никто не осмелился пойти наперекор ясно выраженной монаршей воле, и колокола вновь зазвонили, а пушки опять принялись потрясать воздух выстрелами. Но только, должно быть, ее величеству так плохо, что даже «шум победы» не в силах спасти ее. Я забежал во дворец, и мне сказали, что ее величество представится в самом непродолжительном времени, и, может быть, теперь мне уже приличнее называть своего обожаемого господина не «ваше высочество», а «ваше величество»!

— Тише! — перебил его великий князь. — Не надо преждевременно говорить об ужасном событии, которое заранее отбрасывает на меня свою тень. Мне страшно, Иван! Мне порою начинает казаться, что с минуты на минуту небеса низвергнутся на Россию.

— А я, ваше высочество, как и многие другие, твердо верю, что над Россией воздвигнутся новые прекраснейшие небеса! — возразил Кутайсов.

— Ты поедешь со мной во дворец, Иван, — сказал Павел Петрович. — Да и вообще отныне ты снова будешь состоять при мне!

Кутайсов изогнулся в три погибели, чтобы преклонить колени пред великим князем и почтительно поцеловать ему руку.

Но Павел Петрович ласково приподнял его и посадил обратно на место.

Опять наступило молчание. Кутайсов не решался заговорить первый, великого князя терзали самые разнообразные ощущения, а Мария Федоровна была искренне раздосадована и огорчена тем, что столь нелюбимый ею пронырливый камердинер опять ухитрился пробраться в милость к великому князю.

В молчании доехали они до дворца.

Павел Петрович подал супруге руку, и они поднялись в приемный зал.

Там было много всякого народа, и посетители все прибывали и прибывали. Царило такое волнение, что даже прибытие великокняжеской четы осталось совершенно незамеченным. Престарелый князь Барятинский, к которому Павел Петрович обратился с вопросом, можно ли пройти к ее величеству, только посмотрел на него бессмысленными глазами и повернулся, ничего не ответив.

Павел Петрович прошел во вторую приемную, где собрались важнейшие лица, ожидавшие известий о состоянии императрицы.

Когда туда вошли великий князь и великая княгиня, все разговоры сразу оборвались, и немедленно же наступило гнетущее, мертвое, подавляющее молчание.

Кутайсов, проследовавший за великим князем во вторую приемную, теперь снова вышел, испросив у него разрешения позондировать почву и по возможности разузнать что-нибудь определенное.

Великий князь остался стоять посреди комнаты. Он был взволнован и возмущен, что его не допускают к смертному одру матери. Он несколько раз порывался самовольно пройти в опочивальню матери, и только тихие мольбы Марии Федоровны удерживали его от этого.

Приемная все наполнялась и наполнялась новыми встревоженными посетителями.

Прибыли молодые великие князья и княжны и сейчас же обступили отца с матерью.

Молодой великий князь Александр прибыл с юной супругой, красавицей Елизаветой Баден-Дурлах, с которой несколько лет тому назад сочетался браком. Мария Федоровна очень любила свою невестку и нежно обняла ее теперь. Но Павел Петрович, чувствовавший к молодой великой княгине непреодолимую антипатию, резко отвернулся от нее и заговорил со своими любимцами, великими князьями Константином и Николаем.

Вслед за ними прибыли великие княжны Елена и Мария, которые привели крошечную Анну. Бабушка очень баловала своих милых, грациозных внучек, и смерть ее, которую теперь все ждали, знаменовала собой для них поворот к худшему. Немудрено, если они изо всех сил сдерживались, чтобы не зарыдать навзрыд.

Разговаривая с сыновьями, великий князь вдруг остановился на полуслове, потом подскочил к супруге, бесцеремонно отвел ее от великой княгини Елизаветы и взволнованно сказал:

— Посмотри туда, в ту нишу! Видишь, там сидит какая-то дама, закутанная с ног до головы во все черное? Присмотрись к ней, не напоминает ли она тебе кого-нибудь?

— Да ведь это Нелидова! — чуть не вскрикнула Мария Федоровна. — Боже мой, откуда она? Ведь с того момента, когда она упала в обморок, ее нигде нельзя было найти!

— Ваше высочество, важные известия! — шепнул сзади великого князя вернувшийся Кутайсов.

Павел Петрович лихорадочно схватил его за руку и оттащил в сторону, после чего нетерпеливо спросил:

— Ну, что ты узнал, говори!

— Ужасные вещи! — ответил Кутайсов. — Ее величество час тому назад встала с кровати, когда ей неосторожно подали депешу из действующей армии. По прочтении этой депеши ее величество схватилась за голову и рухнула на пол: с ней сделался очень сильный удар. Врачи не питают более ни малейшей надежды. Только Ламбро-Качьони уверяет, что все будет хорошо, если обеспечить ее величеству полный покой. Поэтому пришлось отказаться от намерения пригласить ваше высочест-

во к ее величеству: в опочивальню никто не смеет войти, Ламбро-Качьони выгнал даже всех остальных врачей. Государыня забылась сном... Кто же решится в такой момент хоть чем-либо потревожить ее величество!

— Говори тише, чтобы тебя не подслушали! — шепнул ему Павел Петрович. — Не удалось ли тебе узнать, какие известия получены императрицей?

— Не радостны эти известия, ваше высочество! Персы жестоко отомстили за взятие Дербента. Отборный кавалерийский корпус горцев заманил Зубова в западню, и вся армия уничтожена. Зубов оказался тем, чем и должен был быть: бездарным идиотом, которому нет дела до русской чести и крови... Колокола все еще вызванивают, пушки все еще грохочут, празднуя взятие Дербента, а от взявших его теперь, пожалуй, и косточек не найдешь.

— Как? — скорбным, надтреснутым шепотом спросил великий князь. — Наша армия уничтожена? Но ведь туда послали лучшие части, отборных людей? Ведь это было образцовым войском, с которым можно завоевать весь свет! Какая подлость! — это лакейское хозяйничанье... Иван, я только что готов был плакать при мысли о том, что совершается за этой стеной... Теперь эти слезы высохли у меня и из груди просятся другие...

— Ваше высочество, теперь не время плакать о чем бы то ни было! И для вас, и для всей России загорается новая эра!

— Э, полно, Иван! Нет неблагодарнее работы, как работа наследника! Он не может вести дела по-старому, раз видел, что это старое никуда не годится. А стоит ему повернуть курс в другую сторону, как все начинают упираться... Чтобы гнуть — на это надо много времени, а ломать — все ли можно ломать без ущерба для дела!..

— Конечно, вашему высочеству при самом восшествии на трон придется натолкнуться на многие трудности!

— Но я возлагаю большие надежды на тебя, Иван. Ты был когда-то моим камердинером. Теперь мы оба выросли. Я стану государем, а ты — моим первым советником!

— О, я буду счастлив положить к ногам своего повелителя все силы! Работы так много! Персидская война не даст монарху

ни на минуту сомкнуть глаза. Мало того, в Петербурге держат пленника, который может принести стране только одно несчастье. Я говорю о Тадеуше Косцюшко, которого после последнего разгрома Польши привезли сюда в качестве трофея. Плохой это трофей! Кровавый пот, падающий с чела великого узника, может пристать к царской короне и надолго затемнить ее блеск. Великой стране не подобает чваниться разгромом порабожденных народов!..

Павел Петрович ответил на эту тираду раздраженным голосом, пожалуй, слишком громким, принимая во внимание массу дипломатов и высших чинов государства, которые издали прислушивались к разговору Кутайсова с великим князем, надеясь хоть что-нибудь уловить.

— Война с Персией будет немедленно ликвидирована. Что же касается великого польского генерала, то я при первой возможности верну ему свободу и шпагу, — продолжал Павел Петрович. — Я считаю это делом своей совести... Вообще я ненавижу политический маскарад и быстро выведу его в России из моды! Однако тише, к нам идет великая княгиня!

— Ваше высочество, — сказала Мария Федоровна, подводя к супругу даму, закутанную в черную густую вуаль, — я взяла на себя смелость подвести к вам свою давнишнюю подругу и помощницу Нелидову, которая так давно скрылась с наших глаз. Нелидова жила все это время в монастыре и собиралась уже принять постриг, но весть об опасности, явившейся для жизни ее величества, призвала ее сюда, чему я и обязана удовольствием видеть ее. Если вы, ваше высочество, разрешите, то я опять возьму Нелидову в число своих фрейлин; ведь мне именно ее так не хватало все это время!

Великий князь пытливо посмотрел на Нелидову, и она ответила ему таким пламенным, таким восторженным, таким любовным взглядом, что он даже вздрогнул: прежнее с новой силой проснулось в нем...

Но ответить он ничего не успел: его внимание отвлек шум, с которым распахнулась дверь из покоев императрицы.

Это выбежал Ламбро-Качьони, итальянец, игравший в последнее время какую-то странную роль при особе ее величества. Он официально числился ее врачом, хотя оставалось со-

вершенно неизвестным, где именно изучал он врачебное искусство.

Уверяли, будто в юности Качьони был пиратом. Во всяком случае, сразу было видно, что он много путешествовал и много чего повидал на своем веку. Императрица ценила его за весьма разнородные таланты. Так, например, он с успехом играл роль первого комика на домашней дворцовой сцене.

Как врачу, Екатерина верила ему с тех пор, когда он какими-то таинственными каплями сразу избавил ее от внутренних болей, с которыми не могли справиться патентованные светила медицины. Вообще его врачебный метод отличался оригинальностью. Он ни разу не прибегал к общеизвестным средствам, очень суживал роль лекарств и возлагал все надежды на природу и целительные свойства естественных причин.

Веря в свою счастливую звезду, Ламбро-Качьони и теперь авторитетно выгнал из опочивальни всех врачей, уверяя, что «сном все пройдет».

Прошло три четверти часа. Ламбро-Качьони продолжал сидеть в кресле около августейшей больной, боясь хоть одним движением спугнуть спасительный сон. Он задумался над вопросом, что именно предпринять, если по пробуждении ее величеству не станет лучше? Вдруг он заметил, что императрица лежит уже очень неподвижно. Он вскочил, тронул ее за руку, замер на мгновение в ужасе и затем с диким воплем выбежал в приемную, где и упал у ног великого князя...

Ее величества Екатерины Великой не стало!..

Павел Петрович сильно побледнел, но остался спокойным. Медленным, торжественным шагом он прошел в открытую дверь, за ним пошла великая княгиня. Вслед за ними в опочивальню двинулись все остальные, желавшие и имевшие право отдать последние почести почившей.

Тело императрицы положили на высокий постамент, и августейшая семья окружила его в сумрачном молчании.

Павел Петрович подошел к трупку матери и застыл в скорбном, грустном раздумье.

Что-то зашевелилось около него.

Павел Петрович взглянул и с отвращением увидел массивного Платона Зубова, последнего фаворита покойной госуда-

рыни. Этот рослый, сильный мужчина, наслаждавшийся великолепным здоровьем и в последние годы разыгрывавший из себя настоящего царя, теперь казался какой-то руиной, калеккой. Он почти не мог держаться на ногах и теперь, подойдя к великому князю, рухнул около трупa императрицы, обнимая в то же время ноги Павла Петровича.

Великому князю в свое время приходилось много терпеть от заносчивого, вульгарного Зубова, но теперь он не чувствовал в душе ни малейшей злобы или ненависти к нему — смерть сглаживает все...

Повинуясь благородному движению души, он поднял с земли Зубова и сказал ему:

— Вы можете быть совершенно спокойны. Я понимаю, что вы не можете не оплакивать этой потери, которую вместе с вами оплачет и вся Россия. Но вы можете почерпнуть утешение в сознании, что верно и честно служили покойной государыне императрице. Служите и мне так же, как служили моей матушке. Разумеется, вы останетесь во всех прежних чинах, званиях и должностях.

Зубов замер в восторге, но Павел Петрович отвернулся и вышел из опочивальни.

В приемной к нему навстречу бросился какой-то молодой человек и упал пред ним на колена. Это был князь Алексей Куракин.

После происшествия, описанного в третьей главе этого романа, Куракин долго путешествовал за границей, а потом, вернувшись в Россию, жил там уединенной и тихой жизнью вдали от шума двора. Теперь, узнав о болезни императрицы, он поспешил во дворец, где и встретился со своим бывшим другом.

— Я очень рад видеть тебя, Алексей,— сказал ему Павел Петрович.— Ознаменовываю эту радость тем, что назначаю тебя моим первым государственным канцлером!

Куракин рассыпался в выражениях благодарности, но Павел Петрович уже отошел от него, заметив двух вновь прибывших.

Это были два офицера, одетые в мундиры странного покроя и грубого сукна. Одним из них был генерал Мелиссино, другим — Ратиков. Узнав о смерти императрицы, они оделись в

мундиры, принятые Павлом Петровичем для своей гатчинской армии, но не бывшие до сего времени официально признанными, и поспешили приветствовать своего царственного вождя.

Павел Петрович был очень тронут этим вниманием, поспешил обнять престарелого генерала и юного поручика и осыпал и их тоже царской милостью.

Но в этот момент к нему подошла Мария Федоровна, и они под руку принялись обходить собравшихся.

Постамент с телом усопшей императрицы, окруженный до того густой толпой придворных, вскоре остался одиноко стоять в опочивальне, явно свидетельствуя о преходимости всего земного и тщетности всяческой суеты. Императрица умерла, все взысканные ее милостью, все обласканные августейшими щедротами стремились показаться на глаза нового монарха, ожидая теперь от него новых милостей. И лица опытных придворных старались разрешить нелегкую задачу: как найти ту тонкую грань, чтобы не возмутить нового монарха неблагодарностью, но и не рассердить его недостатком радости по поводу его воцарения¹.



¹ С дальнейшими событиями из жизни императора Павла I читатели познакомятся в романе «Неразгаданный монарх».

Неразгаданный монарх

*Исторический роман
из жизни императора Павла I*





I

Свершилось!

Великая и в добре и в зле, и в гневе и в милости, «Семирамида севера», как называли иностранцы императрицу Екатерину II, окончила свой земной путь. Ее царственные останки еще не были преданы земле, повсюду, казалось, еще витал великий дух покойной, а из дворца уже неслись веяния больших перемен. Все, что еще недавно гордо выступало, купаясь в лучах царственного благоволения покойной, теперь спешило отойти в тень, пригнуться, съежиться. А другие, наоборот, торопились выползти из тени, в которую они были отодвинуты прошлым царствованием, и уновали на милости нового императора. Ведь всякая смена правителя всегда сопровождается крушением одних надежд и пышным расцветом других. Что же было и говорить-то о данном случае, когда всем была известна глухая вражда покойной матери к воцарившемуся сыну, когда всем было известно, насколько ярым противником внутренней и внешней политики императрицы был Павел Петрович?

А тот, на ком сосредоточивались надежды и опасения царедворцев, менее всего думал о каких-либо счетах с прошлым. Да, ликвидировать это прошлое необходимо, в нем было слишком много темных страниц и кровавых пятен. Но это потом, через некоторое время. А сначала надо было отдохнуть от всех тревожений, обид, оскорбительных утеснений, перенесенных при жизни матери; надо было спокойно обсудить все, что предстояло сделать в ближайшем будущем. И, приказав поскорее переустроить императорские апартаменты Зимнего дворца сообразно изящной простоте, присущей его вкусам, Павел Петрович с наслаждением проводил первые дни в кругу своей семьи, оставляя это мирное житие только для необходимых приемов и некоторых дел, за которые надо было приниматься теперь же.

Одним из таких дел был указ о престолонаследии. Император лично ездил в сенат, чтобы поторопить и ускорить издание этого указа, объявлявшего наследником цесаревича Александра. Ведь сам Павел Петрович достаточно натерпелся при жизни матери от неопределенности положения, потому что Екатерина II вечно высказывала намерение обойти сына и передать корону своему внуку. Павел Петрович знал, что, помимо незаслуженных обид, такое положение вещей создает вечную угрозу порядку внутри страны, и хотел начать свое царствование с закономерной ясности во всем. Вообще ему хотелось согреть и осветить все вокруг себя, и это желание так ярко сверкало во взорах молодого царя, что совершенно преображало его внешность.

Да, теперь и следа не осталось от сутулого, некрасивого, желтолицего, сумрачного великого князя. Павел Петрович словно вырос; его движения вместо судорожной порывистости приобрели величественную сдержанность, взгляд чаровал умом, проницательностью, благородством мысли. Впервые во всю жизнь ему по вступлении на трон пришлось говорить открыто и прямо с людьми самых различных званий и положений, и его обращение положительно очаровало всех. Здесь были простота без фамильярности, величие без надменности. И все уходило обласканными, умиленными, полными надежд на новую, блестящую эру для страны.

С непривычки все эти приемы сильно утомили государя, и он, как мы уже упоминали, с радостью отдался отдыху среди своих близких. Но этот отдых был недолгим. Дела не ждали; многое, по мнению государя, нуждалось в реорганизации, переустройстве; несчастная война, результат зубовской авантюры¹, еще не была ликвидирована; во Франции свирепствовала революционная резня, и кровь Людовика XVI и Марии-Антуанетты еще не была отмщена. А кроме всего этого надлежало еще исполнить давнишнюю просьбу Марии Федоровны и озаботиться судьбой пленного польского генерала Косцюшко², с ко-

¹ Автор говорит о персидской кампании Валериана Зубова.

² Косцюшко был вождем польского восстания 1794 г. и в сражении при Мацевичах был ранен и взят в плен Ферзенем.

торым, по мнению государыни и государя, при покойной императрице обращались незаслуженно сурово.

Ведь Косцюшко был только патриотом, разве же это преступление? Разумеется, политическая необходимость требовала подавления независимости Польши, и волей-неволей приходилось принимать все меры для умиротворения присоединенной страны. Но это не давало основания трактовать героя, храбреца, самоотверженного сына своей родины как преступника!

Павел Петрович и сам хорошо сознавал это, а потому охотно пошел навстречу новой просьбе супруги поспешить с улучшением участи пленного. Доклад о прибытии во дворец генерала, вызванного по приказанию императора, застал Павла Петровича как раз над разработкой сложного проекта финансирования войны с французской революцией. Если бы прервать теперь работу, то потом пришлось бы начинать ее сначала. Но, как ни мало времени было у государя, он даже и не подумал заставить Косцюшко подождать хоть полчаса. Если бы Косцюшко был послом, иностранным принцем, вообще важной персоной — тогда другое дело, но польский генерал был несчастен, унижен, и рыцарская душа Павла Петровича не могла допустить и мысли о малейшем промедлении.

Приказав ввести генерала в свой кабинет, государь вышел из рабочей комнаты и направился к императрице.

— Ну, Маша, — ласково сказал он ей, — пойдем теперь к твоему Косцюшко. Ты достаточно похлопотала за него, и тебе надлежит теперь быть свидетельницей, обойдусь ли я с ним согласно твоим желаниям.

Мария Федоровна с улыбкой взяла супруга под руку, и они весело пошли по направлению к кабинету.

II

Генерала Косцюшко ввели в кабинет в тот же самый момент, когда туда с другой стороны входил государь с государыней. Царственная чета с выражением глубочайшего интереса окинула взором польского генерала, который, несмотря на свой вид, красноречиво говоривший о крайне бедственном по-

ложении пленника, держался совершенно бесстрашно, гордо и с полным достоинством. Он был мал ростом и худ до ужаса. Головы и лица почти не было видно из-за перевязок, которыми были прикрыты его раны. Только глаза горели неугасимой энергией и юношеским блеском.

Государь быстрыми шагами подошел к нему и с ласковой сердечностью протянул пленнику руку. Косцюшко, видимо, не ожидавший такого приема, пробормотал поздравление с вступлением на престол, высказав надежду, что новое царствование ознаменует собой новую эру для всех стран, «из которых,— уже совсем твердо добавил он,— я не исключаю и своей несчастной родины!».

Государь выслушал это приветствие с величайшим участием и ответил:

— Дорогой генерал, я непременно хотел повидать вас, так как нам придется расстаться. Ваше пребывание в Петербурге протекало при таких обстоятельствах, которые я считаю равно оскорбительными и для вас, да и для меня самого. Я никоим образом не могу разделять те соображения, которые понуждали в прошлом к подобному обращению с вами. Но эти соображения разделяла покойная императрица, тогда как я во всех отношениях порываю с прошлой политикой, а потому не могу согласиться и с упомянутыми мотивами. Поэтому я и говорю вам то, что приказывает мне мой царственный долг: Косцюшко освобожден!

Польский генерал вздрогнул, и вся его тощая фигурка отразила величайший испуг. Он хотел что-то сказать, но не мог от волнения выговорить ни слова. Только его большие, блестящие глаза стали еще больше и еще ярче засверкали.

Государыня, до сего времени не проронившая ни слова, теперь в свою очередь подошла к Косцюшко и с очаровательной улыбкой сказала:

— Ваше превосходительство, я никогда не могла постигнуть, почему вас до сих пор держали в качестве государственного преступника, и потому крайне рада решению его величества. Разве можно считать преступником того, кто до последней капли сил боролся за свободу своего отечества? Нет, только ве-

ликие души способны на подвиг, и наш государь признал это, воскликнув: «Отныне Косцюшко — свободный человек!» Примите мое сердечное поздравление, генерал!

— Я — свободный человек? — воскликнул Косцюшко с потрясающей скорбью. — О, это слово кажется неподходящим для того, кто, как я, полон решимости служить моей несчастной родине до последней капли крови. Могу ли я быть свободным, раз не свободна моя родина, раз не свободны ее лучшие сыны? Ведь моя участь была еще сносной в сравнении с участью других... Болезнь и тяжелые раны спасли меня от заключения в крепости, где томится мой благородный друг, Игнатий Потоцкий.

— Граф Потоцкий уже освобожден в данный момент, — перебил его государь, который отступил назад, видимо, отыскивая что-то в шкафу кабинета.

Предмет, который он искал, лежал на самом видном месте, и потому-то государь не сразу нашел его. Это была шпага Косцюшко, отобранная у него при пленении и тщательно хранившаяся в качестве трофея покойной императрицей. Павел Петрович, отдавая распоряжение о вызове Косцюшко, в то же время приказал отыскать эту шпагу и положить ее в кабинете. Найдя ее наконец, он взял шпагу с выражением величайшего уважения и, снова подойдя к польскому генералу, улыбаясь, спросил:

— Не желаете ли получить обратно из моих рук свою шпагу, дорогой генерал? Покойная императрица спрятала ее в надежное место, потому что не хотела, чтобы столь губительное в ваших руках оружие вновь обратилось против России. Но я не считаю себя вправе лишать доблестного воина его оружия. Возьмите свою шпагу, генерал, и, если хотите, возвращайтесь на родину. Я не ставлю вам никаких условий и высказываю только пожелание, чтобы эта шпага никогда не обращалась против нас!

Косцюшко отступил назад на шаг и протянул вперед руку, как бы умоляя и защищаясь.

— Ваше величество, — сказал он, — вы хотите окончательно подавить меня великодушием и милостью. О, я чувствую себя

очень польщенным и превознесенным выше меры... Но к чему мне? Ведь моя личность не может быть возвышена или унижена сама по себе, для этого она слишком тесно связана с Польшей. Но Польши нет более — к чему же мне шпага? Нет, ваше величество, оставьте эту шпагу у себя. Зато разрешением уехать из Петербурга я воспользуюсь с восторгом. Я могу уехать куда угодно, потому что Польши фактически не существует...

Император Павел с уважением смотрел на доблестного патриота, а затем сказал:

— Ее величеству и мне очень хотелось бы вознаградить вас за перенесенное по вине русского правительства. Поэтому я хочу сделать вам два предложения. Вот в этом пакете, — государь достал из ящичка письменного стола какой-то конверт, — дарственная на полторы тысячи русских крестьян. Я был бы очень рад, если бы вы приняли от меня этот подарок, так как в этом случае генерал Косцюшко остался бы у меня в России. Раз Польша погребена в недрах России, хотя я и должен признаться, что сам я никогда не желал этого, ну, так вот, раз это случилось, то генерал Косцюшко отлично может остаться в России в качестве доказательства того, что Россия не питает ни малейших дурных намерений против подвластных ей поляков. И если вы примете мое предложение, то обещаю вам, что вскоре генерал Косцюшко станет одним из богатейших помещиков России.

Косцюшко побледнел, заволновался и с большим трудом ответил:

— Польша несчастна, и я не хочу быть никем иным, как только несчастным поляком, в качестве какового я и отправлюсь в Америку через Париж и Лондон. Единственно, что в настоящем положении я могу принять от вашего величества, о чем буду смиренно умолять, — это чтобы меня снабдили небольшой суммой, необходимой для поездки. Разумеется, я прошу эти деньги только займы и буду счастлив, если мне будет разрешено перевести их из Лондона, где хранится все мое состояние.

— Прежде чем обращаться с этой просьбой, вам следовало бы подождать, пока я договорю до конца, генерал! — ответил государь, тон которого стал внезапно холодным и суровым. —

Ведь я начал с того, что собираюсь сделать вам два предложения. Я заранее считался с тем, что вы можете не пожелать жить в России в качестве лояльного и верного подданного; поэтому, чтобы хоть отчасти вознаградить вас за перенесенное и дать возможность устроить жизнь получше, я собирался предложить вам сумму денег, равноценную полуторам тысячам крестьян. Это не подарок, не подачка, а долг. Разумеется, деньги не могут возместить перенесенные страдания, но это единственная возможность для меня хоть как-нибудь загладить оказанную вам несправедливость. И только в качестве возвращаемого долга я прошу вас принять вот это!

С этими словами государь достал из ящика запечатанный сверток, в котором находилось несколько тысяч червонцев. При этом его лицо опять несколько просветлело: первая минута раздражения на упрямство генерала сменилась сознанием, что иначе не мог поступить такой рыцарь и герой.

А на лице Косцюшко боролись разнородные ощущения. Он, с одной стороны, чувствовал себя тронутым великодушием и благородством государя, который так открыто, так смело признавался в ошибке правительства, не считая нужным прикрываться фразами. Но, с другой стороны, этот самый великодушный государь в данный момент олицетворял собою угнетательницу Россию, тогда как сам он, Косцюшко, оставался представителем плененной, но не смиренной, не задаренной милостями Польши. И таким должен был он оставаться и впредь!

— Я с сердечной благодарностью приму эти деньги,— не без волнения сказал он,— но не могу отступить от уже высказанной ранее просьбы: разрешите мне, ваше величество, вернуть эти деньги обратно из Лондона!

— Можете делать с этими деньгами, что хотите,— холодно ответил государь.— Но не скрою от вас, что отправка такой значительной суммы денег из Лондона может причинить мне большую досаду. Дело в том, что, вступив на престол, я первым делом прекратил получение субсидий от Англии... Пожалуй, будут говорить, что эта субсидия стала только тайной, а это было бы мне очень неприятно. Я считаю унижительным для достоинства России быть на содержании у чужеземного правительст-

ва и преследовать не свои цели, а цели и интересы какого-нибудь Питта. Вообще я — большой враг всяких денежных дел между нациями, как и между людьми чести, между которыми не должно быть денежных счетов по пустякам.

— Я понимаю и смиренно принимаю в свой огород камень, брошенный мне вашим величеством последней фразой, — с горечью сказал Косцюшко. — Конечно, лучше всего было бы мне не брать этих денег, но без них я не могу обойтись, как не могу и удержать их у себя. Если вашему величеству неудобно, чтобы эта сумма была переведена из Лондона, тогда я устрою это из Парижа. Но иначе я не могу поступить! Только в одном случае я мог бы принять столь милостиво пожалованные мне деньги, а именно в том, если бы они представляли собою свободу и независимость Польши. О, в таком случае я не только не вернул бы царского подарка, но так глубоко спрятал бы его у сердца, что подарок нельзя было бы вырвать у меня, не вырвав и сердца. Но это пустая утопия... Независимость Польши! Да существует ли такая монета, которой точно и бесспорно могла бы быть выплачена свобода моей родины?

— Не будем портить последние минуты своего свидания, милый генерал, — возразил Павел Петрович. — Свобода Польши в данный момент представляет собою пустой риторический оборот, лишенный конкретного содержания. Пусть в прошлом была допущена ошибка, но для настоящего эта ошибка стала уже исторической необходимостью, даже правом. Такой монеты, про которую говорите вы, генерал, не существует и не может существовать. Россия должна с холодным, незыблемым спокойствием настаивать на своем праве. Ну, а противопоставлять право национальной свободе — это печальная почва для возможности компенсаций. Мне было бесконечно жаль, что такой храбрый, благородный человек, как вы, должен был принять участие в войне между национальной честью и исторической необходимостью. Результатом этого было тюремное заключение героя Косцюшко... Какая печальная картина! Но что делать, что делать... Только, милый генерал, не обижайте меня и не возвращайте мне этих денег! Помимо того что мне лично был бы неприятен самый факт, пересылка из Парижа крупной

суммы денег может повредить мне политически. Вам известно, что по решению покойной императрицы Россия должна была совместно с Австрией выступить против негодяев санкюлотов, осмелившихся поднять руку на своего короля. Я всецело разделяю взгляд матери, но нахожу выполнение плана преждевременным, так как Россия еще не готова для серьезной войны. Поэтому я отложил пока это дело. Так вот, клеветники России начнут связывать получение этой суммы денег с медлительностью России; будут уверять, что русский государь подкуплен санкюлотами! Нет, милый генерал, я надеюсь, что такой неприятности вы мне не доставите! Сказав это, император милостиво кивнул генералу и, взяв супругу под руку, быстро вышел из кабинета.

III

— Ну вот,— сказал однажды утром император Павел своей царственной супруге,— иностранные памфлетисты могут считать себя удовлетворенными: есть на чем проявить свое остроумие! Будут говорить, что новый государь занимается игрой в солдатики, и, не будучи в состоянии произвести серьезную реформу, забавляется переменой цвета кокард!

— А между тем,— сказала Мария Федоровна,— в войсках эта реформа была встречена с шумным восторгом. Значит, это не забава, а насущная потребность, хотя, сознаться, я и не постигаю, какое значение может иметь цвет кокарды!

— Но ведь это так просто! — воскликнул Павел Петрович.— Подумай сама: прежние кокарды, будучи белого цвета, являлись отличным прицелом для неприятельских стрелков, тогда как нынешние, черные с желтым, сливаются с фуражкой. Русские солдаты годятся на что-нибудь лучшее, чем служить мишенью врагам, и это я скоро докажу. Пусть себе иностранные собаки лают, сколько им заблагорассудится — меня это не остановит в стремлении к намеченным реформам. Между прочим, в данный момент мне предстоит одно дело, которому я придаю большое нравственное значение. Я хочу доказать всему народу, что у нынешнего государя все-таки был отец, о чем в прошлое

царствование усиленно замалчивалось. Пусть в прошлом творились ужасные вещи, пусть прошлое полно крови и преступлений — я живу для будущего! Пусть, как говорят, мой отец при своей несчастной жизни отказывался от меня¹, теперь сын признает отца! Пусть моя мать ненавидела своего супруга — сын похоронит их в одной могиле, дабы они примирились хотя бы после смерти. И в этой общей могиле пусть останется похороненной навсегда история мрачного прошлого нашей семьи!

Павел Петрович замолчал и взволнованно забежал по комнате, сильно жестикулируя. Судя по страстной мимике его лица, он внутренне продолжал вспоминать, страдать и негодовать.

Мария Федоровна с тревогой смотрела на супруга. Ей казалось непривычным и жутким, что так открыто и просто говорят о Петре III — ведь еще несколько месяцев тому назад подобный разговор был бы принят почти за государственное преступление.

«Новое время — новые песни!» — подумала она.

Несколько успокоившись, император продолжал:

— Я собирался теперь же побывать в Александро-Невской лавре, но мне было бы гораздо приятнее, если бы туда явилась рука об руку со мной моя жена и императрица. Ведь в лавре лежит прах моего несчастного отца, императора Петра Третьего. Еще вчера вечером я приказал служить заупокойные обедни за Петра и Екатерину вместе. Всякий, кто прочел мой указ, получит такое впечатление, будто оба царственных супруга испустили свой дух одновременно, в один и тот же момент. Да и я сам не могу чувствовать иначе. Раз я вступил на трон только теперь, то мой отец, последний из царствовавших до меня государей, мог скончаться тоже только теперь. Царствование моей матушки было узурпацией, и я, как почтительный сын, хочу изгладить всякие следы ее преступления против наследственных прав. В глазах всей России царствования Екатерины II как бы совсем не было, и мы похороним ее в качестве нежно любящей супруги русского царя, забывая жестокую государыню и

¹ Петр III зачастую спрашивал Екатерину Алексеевну: «Как здоровье вашего сына?» Он никогда не говорил «нашего». См. также примечания к роману «Любовь и политика».

несправедливую мать! Ну, что же скажете вы на это, ваше величество? Согласны ли вы отправиться со мной в лавру?

— Я очень рада,— ответила Мария Федоровна,— что вы желаете исполнить этот свой долг совместно со мной. Ведь и во всем, мне кажется, мы должны действовать совместно: пусть императорские супруги покажут пример всем своим подданным, как должны жить муж и жена!

— Ты права, Маша! — воскликнул государь, обнимая и сердечно целуя императрицу.

В этот момент явился Кутайсов и доложил государю, что все приказания его величества исполнены. Павел Петрович подал руку супруге и повел ее вниз, приказав Кутайсову сопровождать их в поездке: с момента вступления на престол император ни минуты не мог обойтись без преданного ему Ивана Павловича.

Лошади быстро домчали царственную чету до лавры, где государя уже ожидал митрополит Гавриил во главе духовенства. Митрополит обратился к императору с приветственной речью. Павел Петрович выслушал ее рассеянно, хмуро и нетерпеливо, а затем, не отвечая ничего митрополиту, обратился к старому лаврскому архимандриту и потребовал, чтобы его провели к гробнице императора Петра III.

— Я знаю,— сказал он,— что останки моего отца, не почтенные до сих пор царскими похоронами, все еще пребывают в забвении где-то около ризницы. Это величайшая святыня и сокровище вашего монастыря, но мне придется лишить вас ее. Останки императора принадлежат государству, и государство в моем лице явилось требовать принадлежащего ему.

Митрополит не пожелал уступить архимандриту честь быть проводником государя и сам повел его к старой гробнице, не украшенной ни гербом, ни скульптурой. Там лежали останки несчастного Петра III.

Павел Петрович остановился около гробницы и стал тихо шептать слова молитвы. Духовенство замерло в молчаливом, удивленном ожидании. Наконец государь что-то тихо приказал митрополиту, тот передал приказ нескольким монахам, и вскоре гробницу вскрыли, чтобы достать оттуда и поставить пред государем простой деревянный гроб.

По приказанию Павла Петровича гроб вскрыли; там оказались потемневший от времени скелет и небольшая кучка истлевшего тряпья. Среди последнего государь заметил уцелевшую каким-то чудом перчатку. Он нагнулся, схватил эту перчатку, прижал ее к своим губам, и из его глаз брызнул поток горячих слез.

Успокоившись, государь заговорил:

— Ваше преосвященство! Распорядитесь, чтобы гроб с останками моего родителя перенесли в лаврский собор и там поставили на возвышении. Я решил снова предать земле эти останки и отдать им те почести, которых они были лишены до сих пор. Прах моего отца будет похоронен вместе с телом покойной императрицы, в соборе Святых Петра и Павла, рядом с останками прочих славных предков нашего дома. Я уже выработал и утвердил церемониал перенесения останков в собор. Вашему преосвященству остается только распорядиться относительно клира и... А! — перебил он сам себя, прислушиваясь и оглядываясь. — Я слышу шаги... Ну да, конечно, это мой милый барон Унгерн-Штернберг.

Барон Унгерн-Штернберг был человеком очень преклонных лет. От всей его фигуры веяло глубоким достоинством, изяществом и тонким, еще юношески-свежим умом. Подойдя к государю, барон с благоговением поклонился ему и сказал:

— Позвольте мне, ваше величество, выразить...

— Нет, нет, милый генерал! — с обворожительной улыбкой перебил его Павел Петрович. — Не благодарите меня! Назначая вас генерал-аншефом, я исполнил только то, что должен был сделать, и поверьте, что, не будь у меня до сих пор связаны руки, вам уже давно была бы оказана эта справедливость. В последние годы вы жили в Петербурге в качестве отказавшегося от света философа, просвещающего своею мудростью только тесный кружок близких и друзей. Но вы принадлежали к лучшим офицерам моего отца и даже больше: вы были возле него в момент постигшей его катастрофы. О, вы не могли прийти ему на помощь, но разве вся ваша жизнь не говорит за то, что вы с радостью положили бы жизнь, если бы могли спасти его? Как же мне было по вступлении на трон не показать вам и всем, что я — сын своего отца? Но это еще не все. Я попросил

вас явиться сюда, в монастырь, и вы, вероятно, уже слышали, что я решил сделать для почтения памяти отца?

— О да, ваше величество,— ответил старик,— я узнал об этом с величайшим изумлением!

— Как с величайшим изумлением? — воскликнул император.— Да разве это не было моей прямой обязанностью?

Вместо ответа старик только улыбнулся красивой, мягкой и грустной улыбкой, и на его умном лице сам собой отразился ответ на слова государя.

— Ну да, я знаю,— ласково сказал последний,— вы считаете, что мир слишком испорчен... Ну, а все-таки сыну должно принести счастье, если он начинает царствование с отдания отцу заслуженных почестей!

Широким жестом Павел Петрович указал на гроб Петра III, поднимаемый несколькими монахами для перенесения в лаврский собор. Унгерн-Штернберг вздрогнул, побледнел, сделал два шага вперед, и вдруг из его глаз хлынули слезы.

Государь подошел к старику и, достав из кармана заранее приготовленный орден Святого Александра Невского, произнес:

— Вот сим я посвящаю тебя той службе, которой тебе придется отдать сегодняшние день и ночь. Я назначаю тебя стоять на почетном карауле при гробе, пока мы не придем за ним, чтобы похоронить его в усыпальнице царей. И мундир, в котором ты явился, как нельзя более подходит для этого! Ты счастливее меня: у меня-то нет ничего, напоминающего мне отца! Вот что, голубчик: если у тебя имеются знакомые офицеры, служившие при моем отце и сохранившие мундиры, тогда возьми и их в почетный караул...

Государь сразу остановился, его лицо судорожно задергалось, и Мария Федоровна с ужасом почувствовала, что его охватывает один из приступов бешеного, безудержного гнева.

— Что случилось? — шепнула она Кутайсову, стоявшему рядом с ней.

— Государь видит, как близится нечто страшное! — взволнованно ответил шепотом же Иван Павлович.— Боюсь, что его величество переоценил свои силы и что ему невмочь будет перенести то, что он сам взвалил себе на плечи.

— Но что же это такое? — спросила государыня, на которую произвел сильное впечатление полный затаенного ужаса тон ответа Кутайсова.

— Вот он, вот он! — с дрожью в голосе ответил тот. — Смотрите, ваше величество, там, под руку с князем Куракиным, идет граф Алексей Орлов! Как я просил государя пощадить себя и не делать этого!.. Знаете, ваше величество, Орлов еще полчаса тому назад был уже при входе в лавру. Вот сколько времени ему понадобилось, чтобы дойти сюда, так дрожат у него ноги. Я удивляюсь, что чесменский герой не предпочел заколоть себя кинжалом. Да, немалое геройство нужно, чтобы решиться явиться на глаза его величеству пред гробом Петра Третьего.

— Так это граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский? — с величайшим изумлением сказала Мария Федоровна, всматриваясь в гиганта, медленно шедшего под руку с князем Куракиным.

Государь еще издали заметил графа и ожидал его приближения в величайшем возбуждении. Казалось, что у него не хватит сил выдержать присутствие здесь этого истинного убийцы Петра III. Но, по мере того как Орлов подходил все ближе, Павел Петрович становился все спокойнее: государь слишком много ждал этого момента, чтобы испортить его вспышкой гнева или волнением.

В нескольких шагах от императора Орлов вдруг выпрямился, высвободил свою руку и без помощи князя Куракина твердым шагом подошел к государю. Склонив в глубоком поклоне свою мощную фигуру, он почтительно, но твердо приветствовал монарха и поздравил его с вступлением на престол.

Вместо ответа Павел Петрович знаком руки приказал всем остальным лицам отступить назад и затем указал Орлову на дальний угол, где высилась какая-то мраморная гробница. Орлов понял приказание и отошел вместе с императором туда.

— Обращаюсь к вам, граф, с просьбой, — спокойно и холодно начал государь. — Ввиду того что эта просьба касается отдания почестей останкам блаженной памяти императора Петра Третьего, то вы не откажете исполнить ее. Ведь человек так

уж создан, что охотно готов почтить того, кому нанес смертельную рану!

Орлов ответил тихим, надтреснутым голосом:

— Надо пользоваться всяким удобным случаем исполнить свой долг, ваше величество, и я почтительнейше благодарю вас за то, что вы даете мне его. Тот, кто приказывает мне сделать что-либо для увековечения памяти и отдания почестей императору Петру Третьему, оказывает мне благодеяние. Покойный император был очень несчастен, он вооружил против себя нечистых духов политических страстей и погиб жертвой. Но, как ни несчастен был он, все же те, кто погубил его, много несчастнее. Нельзя безнаказанно убивать кого бы то ни было, а поднимать руку на своего государя и подавно. Кто дерзнул на это — тому нет покоя в жизни. О, ваше величество, что я могу сделать, чтобы способствовать увековечению памяти и отданию почестей императору Петру Третьему?

— Завтра, — ответил государь, и его голос звучал радостью, — я торжественно предам земле прах моего несчастного, убиенного отца; пусть это послужит добрым началом моего царствования. Вам же, граф Орлов, я повелеваю явиться сюда, в лавру, в час дня и в глубочайшем трауре сопровождать гроб. Подробности траурного одеяния будут сообщены вам. Вы будете идти за гробом размеренным шагом, неустанно памятуя, чьи останки находятся там. Ведь это останки царя, которому пришлось перенести величайшее глумление людей, бывших его подданными и называвшихся его друзьями. Среди них был один, который подал своему государю кубок с отравленным питьем и силой заставил выпить... А когда яд подействовал не так быстро, этот негодяй бросил своего государя на пол, раздавил ему ногой грудь, разmozжил голову, а потом еще схватил за горло и душил. Были там еще два предателя и негодяя, которые поспешили принять участие в гнусном цареубийстве. Это были князь Барятинский и лейтенант Теплов. Они обернули шею императора салфеткой и, стянув ее, задушили государя окончательно. Так довершили негодяи истязание мученика, сидевшего на русском престоле. Первый из них, отравивший и растоптавший императора, сейчас же вскочил на лошадь и пом-

чался к императрице Екатерине, чтобы сообщить ей радостную весть. Неужели вы могли думать, что нам останется неизвестным имя этого злодея?

Говоря это, государь сверкающим взглядом впился в лицо Орлова, остававшееся скорбным, но спокойным.

— Ваше величество! — после недолгого молчания ответил Орлов. — Бывают моменты, когда преступник сам не верит в свое преступление, когда последнее кажется ему окутанным блестящим флером, видоизменяющим картину преступления. Страстность, недоразумение и уверенность, будто для благоденствия и славы возлюбленного отечества необходима перемена той или иной особы, могут подвигнуть отчаянного человека на очень рискованный шаг. В тот момент поступок представляется геройством. Но идет время, и все наносные приукрашивания срываются с преступления. И тогда оно представляется в своем истинном свете. И едва ли цареубийца мог быть счастливым после такого сознания, хотя бы его окружали слава, почести, богатство. То, что императрица Екатерина Великая не предала цареубийцы суду, вполне понятно. Но для ее величества было бы гораздо лучше, если бы она сделала это... Что же, время еще не упущено, и раз вашему величеству известно столько ужасных, злых дел, то следствие и суд, вероятно, не замедлят последовать!

— Об этом я даже и не думаю, — мрачно возразил Павел Петрович. — Право, суд, закон — все это хорошо далеко не во всех случаях. Закон и суд должны исходить из бесспорных доказательств, ну, а в некоторых делах трудно получить эти бесспорные доказательства. Да и что такое царский гнев и земной суд для цареубийцы? Если вся жизнь не научила его каяться и сожалеть о случившемся, тогда никакое наказание не поможет. Да, я знаю много дурного о графе Алексее Орлове, как знаю и его геройские дела... Ну да будет об этом! Итак, до завтра, граф!

Государь резко отвернулся от Орлова и пошел туда, где стояли остальные.

— Где же князь Барятинский? — громовым голосом крикнул он.

Жилы на его лбу надулись, видно было, что долго подавляемое бешенство теперь неминуемо вырвется наружу. Заметив это, Мария Федоровна поспешила подойти к нему поближе, чтобы быть наготове успокоить и смягчить его.

— Простите, ваше величество, но я не мог выполнить ваше приказание относительно князя Барятинского,— сказал Куракин.— Князя нет в Петербурге; он вчера вечером скрылся и, как говорят, намерен поселиться в отдаленных местностях Азии.

— Тем лучше! — отрезал государь.— У меня к этому господину непреодолимое отвращение, и, если он сам догадался избавить нас от своей особы, тем лучше. Кроме того, этим поспешным бегством он доказал нам, насколько нечиста у него совесть. Разумеется, в злодейской трагедии, стоившей жизни моему бедному отцу, он играл вторую роль. Он был самым обыкновенным палачом-наемником. Не правда ли, граф,— обратился он к Орлову,— я в этом прав?

Когда государь заговорил о князе Барятинском, Мария Федоровна, тронутая видом Орлова, обратилась к нему с участливым вопросом о здоровье его семьи. Таким образом, отвечая государыне на ее вопрос, Орлов был избавлен от необходимости ответить что-либо на гневную фразу государя.

Но, не будучи в силах справиться с прорвавшимся бешенством, Павел Петрович подскочил к старику, схватил его за грудь и принялся бешено трясти, приговаривая:

— Разве не так? Ведь князь Барятинский играл вторую роль в гнусном злодеянии, которым были прерваны дни жизни моего отца? Разве я не прав? Разве я не прав?

Орлов поник головой и молчал, чувствуя себя раздавленным, сломленным всей этой тяжелой сценой. Неизвестно, чем бы еще могла она закончиться, потому что Павел Петрович не знал границ в подобные моменты. Но взгляд его побелевших от бешенства глаз внезапно встретился с испуганным, просительным, умоляющим взглядом голубых, добрых глаз Марии Федоровны, он вздрогнул, отпустил Орлова, провел рукой по своему лицу и смущенно кинул:

— Попрошу завтра не опаздывать!

Затем он резко повернулся и быстро вышел из церкви.

На другой день с самого раннего утра к Александро-Невской лавре начали стекаться громадные толпы народа. Стар и млад спешили туда, чтобы занять место получше, откуда можно будет видеть вынос гроба и всю похоронную процессию, о которой циркулировали всевозможные странные слухи. Похороны, совершаемые через тридцать пять лет после смерти, казались чем-то страшным, таинственным, почти святотатством, и все с нетерпением ждали, когда же наконец начнется печальное торжество.

Приезд государя с семьей вызвал довольный ропот толпы. Но на этот раз народ радовался не тому, что так близко видит всю императорскую семью, а тому, что этот приезд знаменовал собой близость ожидаемого. И действительно, вскоре ворота монастыря широко распахнулись и слышались звуки погребального пения, возвестившего, что похоронный кортеж двинулся из монастыря.

Появление гроба с останками императора Петра III вызвало у зрителей возгласы удивления и даже какого-то смущения. Старый, почти истлевший, разваливающийся гроб был обвешан венками, составленными из самых ярких цветов. И это невольно заставляло думать о связи, существовавшей ныне между давно прошедшей стариной и молодым царствованием, явно желавшим вычеркнуть все разделявшее их расстояние.

Гроб с останками несчастного императора уже был на некотором расстоянии от монастырских ворот, как вдруг оттуда показалась гигантская фигура преклонного старца, шедшего в одиночестве и, видимо, избранного специально для следования за гробом. Но весь вид этого старика отнюдь не свидетельствовал о том, что подобная честь преисполняет его гордостью. Наоборот, лицо старца выражало такое страдание, весь вид, вся фигура говорили о таком смятении чувств, что зрителей охватывало при взгляде на него непонятное, глубокое волнение.

Этот старик был одет во все черное и нес в руках покров, придававший ему вид должностного лица. Но на платье не было никаких знаков отличия, ничто не говорило о его при-

надлежности к числу высших должностных лиц. Почему же именно ему выпало на долю такое отличие — идти первым за гробом и нести покров, казавшийся для старца непосильной тяжестью, почти пригибавшей его к земле?

Да потому, что этим старцем был граф Алексей Орлов. Государь лично вручил ему в церкви покров и сказал мрачным тоном, показывая рукой на церковную дверь:

— Иди вперед! Шествуй первым за гробом, куда ты загнал своими злодейскими руками царственную жертву! Муки, которые ты испытаешь, идя за гробом убиенного тобой царя, будут самой большой почестью пострадавшему! Поэтому иди вперед! Ну! Живо! Вперед!

Графа Орлова в народе знали очень хорошо: об удачных похождениях красавцев братьев Орловых рассказывались целые легенды. Да и в лицо его знали многие. И если в первый момент народ терялся в догадках, кто именно этот старик, то в самом непродолжительном времени нашлись люди, узнавшие Орлова, и его имя облетело всех.

Гроб двигался все дальше; кроме Орлова, за ним никто не шел. Значит, справедливы были слухи, будто граф виноват в смерти покойного царя? Ведь он был похож теперь скорее на кающегося грешника, чем на отдающего последний долг аристократа. Его платье было почти бедно, его фигура сгорбилась, глаза опущены долу...

Имя графа Орлова раздавалось все громче и наконец коснулось слуха старика. Тогда он на мгновение выпрямился, его взгляд с бешеной яростью скользнул по толпе; но вдруг уголки его побелевших губ скорбно задержались, и он снова согнулся, съежился, придавленный непосильной тяжестью.

Шло время, а за гробом, хотя и в отдалении, по-прежнему следовал один Орлов. Но вот ворота монастыря снова распахнулись, и оттуда показался кортеж провожающих. Впереди шел государь с государыней и детьми, за ними высшие придворные и государственные чины. Все были одеты так, как по церемониалу полагалось при похоронах члена императорской фамилии. И появление этого кортежа еще более подчеркивало странную роль, которую приходилось играть графу Орлову. Он шел один, не смея приблизиться к гробу, а в то же вре-

мя не смея слиться с остальными провожающими. Да, страшное наказание придумал ему государь, и до конца дней своих Орлов не был в состоянии забыть эти минуты, когда он шел за гробом убиенного им царя!

Когда из монастыря вышли все провожающие, народ сомкнулся сзади и тоже пошел вслед за процессией. Получился грандиозный кортеж, густой толпой заливший Невский проспект, по которому процессия направлялась к Зимнему дворцу. Там еще покоились останки императрицы Екатерины. Гроб Петра III должен был быть поставлен рядом с гробом Екатерины, чтобы потом совместно с последним найти окончательный покой в общей могиле.

Согласно распоряжению императора, за гробом не шло ни певчих, ни военной музыки. Это придавало процессии особенно мрачный колорит. Вскоре и безоблачное до того небо затянулось тяжелыми тучами и необузданными потоками полил дождь. А процессия все так же молчаливо, так же мрачно сосредоточенно шествовала далее. Так провожали небо и земля останки несчастного царя...

У Зимнего дворца процессия остановилась. Граф Орлов отошел в сторону, к гробу подошла царская фамилия, и в сопровождении ее останки Петра III были внесены в большой зал и поставлены на помост под балдахином рядом с гробом императрицы Екатерины.

Тут было приступлено к последнему целованию. Гроб Петра был заколочен, но тело императрицы Екатерины было открыто, и на подушке лежала ее рука, которую и целовали провожающие. Только лучше было бы заколотить и этот гроб! Хотя тело императрицы и было набальзамировано, но это было сделано так плохо и неудачно, что на трупке сказывались явные признаки разложения. Глаза впали, рот опух, подбородок потерял свою форму и обвис. И на всем этом были зловещие гнилостные пятна...

Но, несмотря на это, все самоотверженно поднимались по лестнице на помост и благоговейно целовали пожелтевшую руку покойной. Государь спокойно смотрел на вереницу лиц, поочередно входивших на помост. Только тогда, когда на помосте показались его дочери, великие княжны Елена, Мария и

Анна, на лице государя что-то скорбно и болезненно дрогнуло. Великие княжны искренне плакали, отдавая последний долг своей венценосной бабке, и Павел Петрович подумал, что дочери всегда были несравненно ближе к ней, чем к отцу, потому что Екатерина II бесконечно баловала их...

Обряд целования кончился. Государь дал рукой знак, специально назначенные для того особы подняли на руках гробы императора и императрицы и в установленном порядке двинулись из дворца. И опять граф Орлов должен был следовать в почтительном расстоянии и в полном одиночестве за гробом Петра III.

Когда процессия дошла до Петропавловского собора и гробы были внесены на специально устроенный помост, Павел Петрович знаком руки подозвал к себе Орлова.

— Мы сделали все, что должны были сделать, — сказал он. — Мы вернули императору Петру Третьему все, чего он был лишен. Правда, это удалось сделать только после его смерти, но... Словом, император вновь с нами, и теперь ему нет никакого дела до тебя. Следовательно, тебе не к чему больше отравлять петербургский воздух своим присутствием. Изволь сейчас же уехать в свои имения, и чтобы мы больше не видали тебя!

— Государь, — сказал Орлов дрожащим голосом, — умоляю оказать мне милость и разрешить оставить пределы России!

— Пожалуйста, уезжай, куда хочешь, только чтобы о тебе не было больше ни слуха ни духа! Предупреждаю, Орлов: если ты когда-нибудь попадешься мне на глаза еще раз, тебе будет плохо. А теперь ступай!

Не дожидаясь конца церемонии, Орлов неторопливо вышел из собора, поскольку это позволяли ему слабость и старость, и в тот же день поспешно выехал за границу.

V

В первые дни царствования, когда государь с лихорадочной страстью погрузился в поток государственных дел и забот, мирные, любовные отношения между венценосными супругами по неизвестной причине потерпели нежелательные изменения к

худшему, и было не редкость, что на Марию Федоровну неожиданно обрушивалась гроза неудовольствия.

Отчасти это приписывали тому, что нервы государя теперь были вечно перенапряжены. Он хотел сразу охватить всю Россию, властно ухватиться за нее обеими руками и соразмерить биение ее общественного пульса с собственным. Но в этом стремлении ему приходилось наталкиваться на преграды; они были маленькие, почти незначительные, но тем не менее оказывались гораздо серьезнее и прочнее, чем это могло казаться с первого взгляда. Иногда эти препятствия вырастали из недр собственного семейства, и тогда бурям не было конца.

Мария Федоровна старалась лаской и кротостью подействовать на супруга. Она видела, насколько принципиально неправильно и фактически опасно подобное стремление подчинить всякое (без исключения) проявление воли или личности подданных усмотрению единого человека, и старалась доказать ему ошибочность того или другого нового мероприятия. И как больно было ей, когда в ответ на это она наталкивалась только на новые оскорбления.

Императрица отлично понимала, что государь действует так не из самодурства, не из каприза, не из желания дорвавшегося до короны венценосца поиграть в неограниченную власть. Она лучше кого-нибудь другого знала чудную душу Павла Петровича и понимала, что им руководит желание добра, неправильно понимаемое сознание своего долга. Но она понимала также, что подданные никогда не разглядят, не разгадают этого, что они — и не без основания — усмотрят в государственных актах царя только бессмысленную тиранию. И когда она узнавала, как издеваются в интимных кружках над Павлом Петровичем, как растет среди военных и высшей аристократии разочарование новым монархом, она скорбно шептала:

— Бедный мой! Они не понимают, не могут разгадать тебя! Неразгаданный монарх! Сколько трагедии в этих двух словах!..

Но она была слишком умна и справедлива, чтобы не признать, насколько трудно было разгадать государя. Его всегда возмущала двойственная игра Екатерины II. Забавляясь ли-

берализмом, заигрывая со свободомыслящими философами Франции, она в то же время преследовала у себя Радищева и Новикова, усиливала крепостное право, осыпала за счет бедного народа милостями и вольностями аристократию. Это порождало двойную опасность: идеи свободы получали распространение, а гонения укрепляли их, подготавливая почву для революционных неистовств. Павел Петрович находил, что в этом отношении надо быть честнее. Двойственности Екатерины II он противопоставлял несокрушимую прямолинейность. Вот почему он гнал все, что хоть косвенно имело отношение к французской революции: круглые шляпы, фраки, слово «свобода». Но подданные, с изумлением прочитывая указ о запрещении носить круглые шляпы, никак не могли усмотреть ту политическую нить, которая руководила мышлением государя; они не могли видеть в подобном указе что-нибудь иное, кроме пустого каприза, азиатской деспотии, которая заходит чересчур далеко.

— Скоро государь заставит нас и с женами-то целоваться по барабанному бою! — говорили недовольные.

Но Павел Петрович не обращал внимания ни на ропот, ни на насмешки, ни на представления государственных деятелей. Он слепо гнул Россию в дугу, говоря при этом: «Пусть ломается то, что не хочет согнуться». Он не признавал ни обходов, ни отступлений и с безумством маньяка ломился вперед и вперед, заставляя таким образом Россию отступать все назад и назад...

Недоразумения с супругой возросли до такой степени, что в голове Павла Петровича зашевелился совершенно безумный проект сослать Марию Федоровну в Архангельскую губернию. Но неожиданно обрушившееся на императрицу личное горе на время опять сблизило супругов.

Этим горем была смерть отца императрицы, герцога Вюртембергского. Павел Петрович знал, насколько его супруга любила отца; его природная доброта сейчас же взяла верх над всеми другими чувствами и соображениями, и он делал все, чтобы смягчить горе Марии Федоровны. Между прочим, он приказал отслужить в лютеранской церкви торжественное заупокойное служение по скончавшемуся.

Но в силу той же прямолинейности сам он не счел возможным прибыть в церковь. Он находил, что во время царствования Екатерины II в народе и без того поколеблена православная вера и что появление императора на богослужении в еретической церкви в данный момент неуместно. Поэтому, проводив супругу до дверей церкви, он приказал подать себе ожидавшую его там лошадь, собираясь занять время до окончания богослужения смотром гренадерам.

Заведующий конюшнями государя молодой нюрнбержец Пфанненшмидт, уже ожидал его с лошастью, на которой царь любил больше всего ездить. Но вследствие небывалой жары, стоявшей тогда в Петербурге, эта лошадь, обычно очень спокойная, отказывалась стоять на месте и нервно подергивалась. Увидав, что ни ласки, ни уговоры не действуют на любимца, государь дал поводья и бешеным галопом помчался вдоль фронта. В душе он был даже рад этому. Будучи великолепным наездником, он был не прочь покрасоваться своим бесстрашием и умением пред солдатами и народом, густой толпой окружившим плац. И действительно, как солдаты, так и народ разразились громовыми криками «ура», приветствуя быстро мчавшегося государя. Но этот крик дошел до стога восхищения, когда он, на всем скаку натянув поводья, заставил лошадь сразу остановиться и покорно опуститься на колена.

Бесконечной радостью и торжеством отозвались в сердце государя приветствия народа; его взор сверкал гордостью и отвагой, сердце радостно трепетало. Павлу Петровичу казалось, что укрощенная им лошадь — это сама страна, осмеливающаяся выражать свою волю, будирующая, но принужденная подчиниться державному руководительству и падающая на колена в сознании своего бессилья и покорности.

«Непреклонность, твердость и прямота!» — думал император, сверкающим взором осматриваясь по сторонам.

Вдруг его лицо выразило изумление, и радость, сверкавшая во взоре, сменилась недовольством и раздражением.

Государь увидел, что на мосту, перекинутом через протекавший вблизи от церкви канал, собралась довольно большая кучка людей, стоявших в мрачной, тупой неподвижности. В то

время как весь окружающий плац народ наперебой старался приветствовать государя, люди на мосту хранили какое-то враждебное молчание.

— Что это там за молчаливые болваны? — резко спросил император генерала Аракчеева, подъехавшего к нему. Аракчеев в первый момент засмеялся, но затем, придав лицу комическое выражение, шутливо ответил:

— Да, ваше величество, этот мост переполнен если не врагами, то круглыми дураками. Впрочем, они, конечно, враги, но враги приветствий, так как, в то время как остальной народ из сил выбивается, чтобы наперебой приветствовать своего царя, это дубье даже не потрудится снять шапки... Но только мне кажется, что лучше всего сделать вид, будто мы ничего не замечаем. Если войско в походе на врага попадает в вонючее болото, то некогда раздумывать да разнюхивать, чем именно здесь пахнет, а надо прежде всего сообразить, как бы с честью выбраться...

— Нет! — с бешенством крикнул Павел Петрович. — Эта злая чернь должна поплатиться за свою наглость... Как они осмеливаются не отдавать мне того почета, которым обязаны мне? Но, значит, они смеются над всей Россией, потому что Россия — это я! Волей Бога я поставлен над этой страной, волей Бога я несу всю ответственность за ее благо и счастье. Если я допущу глумление над собой, как над Божьим помазанником, значит, я допущу глумление над помазавшим меня! Сейчас же выбери роту надежных grenадер, окружи этих негодяев, арестуй их и отправь в тюрьму. В течение двух недель каждому из них всыпать ежедневно по пятидесяти плетей. Так приказал царь, так хочет Бог! Ступай!

Аракчеев подобострастно отдал честь государю, но на его лице, которое он поспешил отвернуть от взглядов государя, явно отразилось, насколько он был смущен и недоволен порученной ему миссией. Однако рассуждать было невозможно, да и не в обычае Аракчеева было рассуждать над приказом государя. Поэтому он стрелой помчался к grenадерам, и через несколько минут выбранная им рота двинулась под командой юного поручика по направлению к мосту.

Павел Петрович со страстным нетерпением ждал, что будет дальше. Вдруг его лицо снова выразило величайшее изумление — из толпы, стоявшей на мосту, понеслись радостные возгласы, на которые такими же радостными возгласами ответили и посланные гренадеры. Солдаты и народ не только не проявляли ни малейших враждебных чувств или действий, а попросту братались.

Радостные крики все росли, и до слуха государя донеслись возгласы:

— Да здравствует старая петербургская гвардия!

— Что это значит? — громовым голосом спросил император Аракчеева, подозванного им грозным мановением руки.

— Как видно, — дрожащим голосом ответил тот, — наша новая военная организация еще не оформилась окончательно. Увы! я допустил страшную ошибку, в которой каюсь вашему величеству. Я только сейчас заметил, что, торопясь поскорее исполнить приказание вашего величества, я отправил роту прежних гвардейцев, не раз принимавших участие в противоправительственных экспедициях. Впрочем, это хорошо: теперь мы сразу видим, насколько можем доверять этим частям. В них коренится дух беспокойства, неповиновения, распушенности, распространяющейся теперь из Франции по всему миру. И было страшной ошибкой разместить прежних гвардейцев ротами по другим полкам, потому что...

— Довольно! — перебил Аракчеева император. — Ты доказал полную неспособность выполнить поручение своего государя. Как, тебе поручают укротить мятежную чернь, а ты выбираешь для этого мятежных солдат? Ну да теперь некогда сводить счеты! Отправляйся сейчас же вот к тому молодому капитану Константиновичу, который уже неоднократно доказывал, что на него можно положиться. Прикажи ему выбрать столько и таких людей, каких он сочтет нужным. Он должен арестовать эту чернь, а кроме того, проучить негодяев гренадер, осмеливающихся на глазах государя оказывать неповиновение. Пусть колет и режет без стеснения! Если несколько дюжин негодяев станут короче на голову — лучше и им, и нам. Ступай!

Выслушав от Аракчеева приказание государя, Константинович заволновался, засуетился, но в несколько минут справился

с первой частью поручения, и вскоре сотня отобранных им гренадер направилась к мосту. Государь, внимательно следивший за всем происходящим, с удивлением заметил, что в числе рядовых гренадер отправился также и генерал Аракчеев.

Гренадеры, предводительствуемые Константиновичем, бросились с саблями наголо на стоявших на мосту. Место, еще недавно поразившее государя своей молчаливостью, теперь огласилось стонами, криками, проклятиями, лязгом оружия. Все это длилось недолго. Отобранные Константиновичем гренадеры были головорезами наподбор, и вскоре часть стоявшего на мосту народа, а также его друзей-гвардейцев была арестована. Немало осталось на мосту мертвых, изуродованных тел.

Окружив арестованных, гренадеры тихо ехали обратно к плацу. Народ, окружавший плац, теперь стоял в испуганном молчании. Все происшедшее казалось крайне странным, безосновательным, кошмарным... Ни предупреждений, ни уговоров, ничего не было; одно мановение руки — и полилась кровь... Чего же ждать в будущем? Как мириться с настоящим?

А сам Павел Петрович уже с полным равнодушием относился теперь к происшедшему. Его воля была исполнена, «мятежники» наказаны — чего же больше? И он обращал теперь все свое внимание только на дверь лютеранской церкви, дожидаясь конца богослужения и выхода Марии Федоровны.

Вдруг он что-то вспомнил и обернулся. Генерал Аракчеев, который ему был нужен, уже стоял около него; его голова была глубоко поранена и наскоро перевязана.

— Что это значит, Аракчеев? — грозно спросил Павел Петрович. — Не спрашивая даже моего разрешения, ты кидаешься, словно простой солдат, в бой с уличной толпой?

— Государь, — ответил генерал, — вы приказали Константиновичу выбрать надежных людей и, когда я предложил ему себя, он не мог отказать мне. Ведь в преданности своему государю я вполне надежен, даже если оказался ненадежным в выборе людей.

— Но ты ранен. Как это случилось?

— Когда я въезжал на мост, один из бывших гвардейцев бросился на меня с саблей. Не успел я отразить удар, как негодяй уже рассек мне голову. Разумеется, я тут же положил его на-

смерть. Но в душе я был благодарен мятежному солдату: поранив меня, он давал мне возможность понести вину за мою нераспорядительность в исполнении велений государя.

Глубокая нежность отразилась на лице императора. Вместо ответа он протянул руки и ласково обнял Аракчеева.

В этот момент двери церкви раскрылись, и на паперти показалась обворожительная фигура Марии Федоровны. Увидав ее, Павел Петрович быстро соскочил с лошади, кинул поводья Пфанненшмидту и торопливо пошел навстречу императрице, которая ласково улыбнулась, увидев супруга. Проводив Марию Федоровну и посадив ее в экипаж, государь сказал:

— Нам придется увидаться с вами сегодня только поздно вечером, потому что мне хочется проехаться верхом и уладить кое-какие дела. Ведь у нас сегодня первый куртаг, на который соберется много важных, разодетых людей, так что для меня будет очень хорошо освежить сначала голову верховой ездой — авось тогда и я умудрюсь сказать какое-нибудь умное слово! Но, по правде, мне было бы несравненно приятнее собрать у себя портовых рабочих Петербурга, чтобы переговорить об их делах, потому что эти люди обладают по крайней мере здравым смыслом и гораздо приятнее для меня, чем наши надутые и чванные бояре. Но что поделаешь!..

Сказав это, государь приветливо кивнул Марии Федоровне, а она ответила ему ласковым кивком головы. Когда экипаж государыни тронулся, Павел Петрович подозвал юного Пфанненшмидта и приказал сопровождать его в поездке к Павловску.

В Павловске помещались конюшни государя, и немудрено было, если он хотел, чтобы его сопровождал туда смотритель конюшен. Кроме того, Пфанненшмидт немало гордился тем, что государь с удовольствием берет его с собой на прогулки и охотно беседует с ним по разным вопросам. Но сегодня во взгляде императора было что-то особенное, от чего Пфанненшмидт съежился и побледнел. Заметив это, Павел Петрович усмехнулся и хотел что-то сказать, но в этот момент к нему подошли Аракчеев и Кутайсов.

Тогда он обратился к ним:

— Вот что, господа; я скоро вернусь и думаю еще устроить вахтпарад на дворе Зимнего дворца. Сегодня утром не удалось

сделать ничего путного. Уж очень вы изнежены, господа! То вам холодно, то вам жарко... Ну да новый, учрежденный мною порядок вахтпарадов быстро сделает из вас настоящих людей! Так вот, потрудитесь подготовить все к вечеру. Не забудьте также вытребовать к вахтпараду старого маршала Суворова. Он с неодобрением относится к нашим новшествам, и нужно прочить старого дурака! Так помните — чтобы все было готово к вечеру!

Сказав это, Павел Петрович вскочил в седло и погнал лошадь полным карьером. Следом за ним скакал и Пфанненшмидт.

Они скакали таким образом больше часа. Наконец, достигнув начала великолепной аллеи, ведущей к Павловску, государь сдержал бег лошади и знаком приказал Пфанненшмидту поравняться и ехать рядом с ним.

— Мы едем в Павловск, Пфанненшмидт, — начал он строгим, укоризненным тоном. — Прежде ты искал возможности как можно чаще побывать там, но в последнее время, наоборот, избегаешь этого. А между тем там находятся мои конюшни, за которыми ты должен следить! Уж не потому ли и была так неспокойна лошадь сегодня на плацу, что мой смотритель конюшен манкирует в последнее время своими обязанностями? Пренебрежение обязанностями к царю уже само по себе большое преступление, но мне почему-то думается, не виноват ли ты в чем-нибудь большем, чем простая манкировка служебными обязанностями? Ведь бывают и большие провинности, Пфанненшмидт! Не знаешь ли ты таковых?

На лице смотрителя отразился сильный испуг. Но с присущей ему изворотливостью Пфанненшмидт решил отделаться от неловкого положения рядом софизмов.

— Ваше величество совершенно правы, — с хитрым видом сказал он, — бывают провинности сердца, при которых можно нагрешить несравненно больше, чем при провинностях службы. Но только к человеку, искренне преданному вашему величеству, подобные рассуждения не могут быть применены, потому что служба и сердце для него — одно и то же, и, упуская что-нибудь по службе, такой человек совершает в то же время провинность сердца!

И прежде не раз бывало, что Пфанненшмидт ловко завлек императора на диалектическую почву; государь очень любил пофилософствовать и, забывая свое первоначальное намерение намылить голову любимцу, пускался в область отвлеченных рассуждений.

Только на этот раз это не увенчалось успехом!

Павел Петрович окинул зрителя укоризненным, строгим взором и ответил:

— Кто, как ты, много возится с женщинами, тот обыкновенно сам в конце концов забывает, кому он обязан службой, кому — сердцем. И очень легко может случиться, что царь понесет серьезные упущения по службе, как девица — в области сердца. Вот это-то именно и случилось в Павловске, куда мы едем теперь с тобой. Так чем же поможет нам философия, Пфанненшмидт, раз дело идет о порядочности и честности?

— Но, ваше величество,— заикаясь и бледнея, сказал Пфанненшмидт,— я теряюсь... я право не знаю, чем...

С одной стороны, он был прав и предполагал истинную причину недовольства государя, но, с другой стороны, у пригожего зрителя была такая масса любовных историй, что он совершенно не мог наверное сказать, о какой именно «провинности сердца» говорил император.

— Через четверть часа мы будем в Павловске,— задумчиво сказал последний.— Это очень большой срок! В четверть часа выигрывают серьезное сражение, решают важный вопрос для блага государства, да и мало ли что? Вот, например, мог ли ты предположить, что в течение этой четверти часа ты успеешь жениться? А ведь это немаловажный шаг! Благодаря женитьбе ты станешь в Павловске опять честным человеком и порядочным служащим. И тогда сердце и служба действительно сольются для тебя воедино. Когда ты станешь женатым, тогда порядочные женщины опять получают возможность бесстрашно гулять по Павловску, а мои лошади получают надлежащий уход и перестанут беситься на смотру! Что ты на это скажешь?

— Что же мне сказать? — с беззаботной улыбкой ответил Пфанненшмидт.— Если русский царь чего-нибудь захочет, то, по всей видимости, так оно и должно быть! Но только если эта

мысль пришла в голову вашему величеству лишь сейчас, то боюсь, что четверти часа окажется недостаточно. Церковь закрыта, а священник, пользуясь будничным днем, наслаждается где-нибудь чарой доброго вина. Таким образом...

— Таким образом,— улыбаясь, передразнил его Павел Петрович,— ты жестоко ошибаешься, милый мой! Церковь давно отперта, священник в полном облачении ждет в алтаре нашего приезда, а невеста с нетерпением ждет тебя через четверть часа в церкви. А что ты в качестве счастливого жениха будешь аккуратен и появишься вовремя, в этом я даю тебе свое царское слово, Пфанненшмидт!

— Невеста? — бледнея, спросил тот.

— Ну да, невеста,— ответил император.— Это прелестное создание! У нее очаровательные, честные голубые глаза, высокий рост, гибкая фигура. Впрочем, что это я вздумал описывать ее тебе! Ведь ты знаешь ее гораздо лучше, чем я, потому что познакомился с нею и видался при таких обстоятельствах, при которых мне сделать это не пришлось. Зовут ее Мария Мещанская; она — единственная дочь моего придворного садовника. Просто удивляюсь даже, как это тебе удалось одержать победу над такой очаровательной девушкой! Весь ее вид говорит о том, что она должна быть очень скромной, рассудительной, строгой, гордой, а тут такое дело!

— Так ваше величество знаете ее? — еле-еле мог выговорить Пфанненшмидт.

— Несчастливая девушка нашла возможность лично обратиться ко мне с жалобой на тебя,— ответил император.— Ты очень подло поступил с ней, предательски обесчестил ее, а потом перестал даже показываться в Павловске. Мало того — в объятиях другой женщины ты смеялся над несчастьем обманутой! Это уж совсем мерзко, Пфанненшмидт! Таких негодяев я не потерплю на своей службе, да им и в России-то вообще не должно быть места. Вместе с моим воцарением Россия должна превратиться в новое государство, где не будет места прежним насилиям и надругательствам, где люди не должны жить подобно грубым скотам, отправляющим все свои потребности по-звериному. Всё и все должны быть проникнуты чувством закон-

ности и порядочности, иначе в государстве не может быть хорошего царя. Русская пословица говорит: «Каков поп, таков и приход». А я скажу наоборот: «По приходу и поп». Если люди в России заживут по твоему образцу, тогда России нужен не государь, а тиран, Иоанн Грозный!

— О, если придерживаться самой пословицы, а не той переделки ее, которую угодно дать вашему величеству,— ответил Пфанненшмидт,— тогда надо признать, что в России больше не может быть злых мужчин, потому что «каков поп, таков и приход». Но дурных женщин все-таки будет достаточно, потому что под владычеством наилучшего государя были, есть и будут скверные женщины. Так как же тут разобраться? Почему же хороший мужчина непременно должен быть негодяем, если он дурно обращается со скверной женщиной?

Павел Петрович кинул на Пфанненшмидта удивленный взгляд. Это была одна из тех зацепок отвлеченных рассуждений, противостоять которым государь не мог. И, забывая свое раздражение, он сейчас же подхватил брошенную ему мысль.

— Отчасти ты прав, Пфанненшмидт,— сказал он.— Женщины — странные и опасные существа. Чем больше прав даешь им, тем легче попадаешь в опасность потерять какие-либо собственные права вообще. Для человека было бы лучше, если бы женщины были просто полудикими скотами, существующими для размножения и домоводства. А то, обладая изворотливым умом и чарующими ухватками, они стараются поработить мужчину, отвлечь его от прямых обязанностей... Сколько сил, Боже мой, сколько сил тратится на эту ненужную, лишнюю борьбу!.. Там, где у мужчины идея, воля, благо, у женщины — простой женский каприз. И подумать только, что мужчина должен быть вечно настороже, вечно опасаться, как бы женщина из пустого каприза не разрушила великого детища идеи, воли и блага!

— Отсюда вытекает, ваше величество,— подхватил Пфанненшмидт,— что, чем ниже поставлена женщина, чем она более убога в нравственном отношении, тем она полезнее мужчине, а следовательно — семье, государству, всему миру! Самая лучшая женщина — это та, которую можно в любой момент прогнать от себя. Вы, ваше величество, только что с восхищением говорили о том, в чем видели качества данной женщины: о

ее строгости, грации, гордости, рассудительности. Но ведь из всего того, что вы сейчас говорили, ваше величество, вытекает, что подобная женщина является наиболее опасной, наиболее нежелательной. Ведь именно такая женщина владеет опасными чарами, способными подчинить мужскую волю женскому капризу. Так разве не является обязанностью истинного мужчины растоптать гордость такой женщины, обезличить ее, лишить ее обаяния неприступности... Так где же преступление? Где же бесчестность?

— Если рассматривать этот вопрос с чисто философской стороны,— задумчиво ответил государь,— то ты во многом прав. Если ты хочешь быть всегда на высоте, то подними женщину на ту же высоту, но не держи ее там, а выбрось из окна. То, что шлепнулось с высоты на землю, не может больше привлекать нас...

Павел Петрович вдруг замолчал, и на его лице отразилась разнородная игра чувств и дум. Он даже невольно сдержал бег лошади.

Пфанненшмидт исподтишка наблюдал за государем. Хитрому немцу казалось, что император поколеблен этими доводами, что он уже раздумывает, правильно ли сделал, навязывая в жены своему любимцу обманутую им девушку.

Но на самом деле Павел Петрович даже и не думал о Пфанненшмидте. Все, что было высказано ими обоими теперь, государь всецело относил к самому себе, к тому глухому противодействию, которое ему приходилось встречать в своих начинаниях со стороны Марии Федоровны и Нелидовой — двух женщин, игравших большую роль в его жизни. И теперь Павел Петрович опять задумался, не лучше ли будет теперь же сделать то, что казалось ему необходимым: сослать Марию Федоровну в Холмогоры, выслать Нелидову за границу и остаться одному. Одному! Это так тяжело! Но на той высоте, куда его звал неправильно понимаемый долг, не было места для двоих; только будучи одиноким и можно было удержаться там...

Заметив, что в задумчивости он стал сдерживать бег лошади и что на лице Пфанненшмидта явно отражается хитрая радость, государь сразу понял, куда гнул хитрый смотритель подобными рассуждениями.

— Да,— сказал он, погоняя лошадь,— если рассматривать этот вопрос с чисто философской стороны, то ты совершенно и всецело прав. Но так как мы с тобой не философы, а самые простые люди, исполняющие свой долг, то надо поспешить, тем более что я дал тебе царское слово обвенчать тебя в течение четверти часа. А царское слово важнее всяких отвлеченных умствований. Так-то, Пфанненшмидт,— откровенно смеясь, добавил государь в ответ на невольную гримасу, отразившуюся на лице разочарованного зрителя,— подтянись, братец, и прими вид более подобающий счастливому жениху. А то скажут, что я привез вместо мужчины какую-то мокрую курицу!

Пфанненшмидт с решимостью тряхнул головой и ответил:

— Нет, ваше величество, хоть я и обыкновенный человек, а все-таки должен быть философом, ну, хотя бы для того, чтобы не быть... мокрой курицей! И, рассматривая предстоящую мне беду с чисто философской стороны, я говорю: «неизбежное неизбежно», а следовательно...

В этот момент вдали показались очертания павловской церкви.

— А следовательно,— смеясь добавил государь,— уж быть бычку на веревочке!

VI

Обвенчав молодых и щедро наградив их, Павел Петрович вновь вскочил на лошадь и помчался обратно в Петербург. Солнце уже заходило, когда он подъезжал к заставе, и с обычной для петербургской осени резкостью дневная жара сразу сменилась пронизывающим, сырым холодом. Государь даже чувствовал озноб; парад, скачка в Павловск и обратно порядком утомили его, но он даже и не думал об отдыхе. Ему предстояло еще много дел, и хотелось непременно покончить с ними сегодня же.

В Зимнем дворце уже зажигались огни, когда государь подъехал к боковому portalу. Из внутреннего двора струилось целое море света: подготавливая все для вечернего вахтпарада,

Аракчеев и Кутайсов позаботились об устройстве достаточно-го освещения, чтобы государь мог видеть все происходящее как днем. Довольный тем, что его распоряжения, по-видимому, исполнены, Павел Петрович стал торопливо подниматься по лестнице, чтобы переодеться в специальный мундир, установленный им для вахтпарадов.

Но подняться по лестнице так быстро, как того хотелось государю, было довольно трудно благодаря самой разношерстной толпе, заполнявшей лестницу. Вся эта толпа стремилась к почтовому ящику, установленному на одной из лестничных площадок; туда беспрепятственно допускался всякий и притом без каких-либо опросов: такова была строгая воля императора. Павел Петрович хотел без бюрократического посредства знать все народные нужды, чтобы каждый мог лично обратиться к нему со своим горем или жалобой. Его даже не пугало сознание громадности работы, которая неизбежно должна была явиться уже при простом чтении всей этой корреспонденции. Еще в царствование императрицы Екатерины II его возмущал закон, в силу которого всякий, дерзнувший обратиться с прошением прямо к императрице помимо предержащих властей, подвергался тюремному заключению. Государь еще давно думал, что надо будет по воцарении отменить этот жестокий и бессмысленный закон.

— Как это можно лишить подданного права обращаться к своему государю? — негодовал он.

Но, вступив на трон, он подумал, что не хватит времени принять, переговорить и выслушать каждого жалобщика. С этой целью и был устроен почтовый ящик: письменную просьбу всегда легче успеть просмотреть.

И теперь, поднимаясь по лестнице, Павел Петрович понял, насколько он был прав. Только накануне в «Ведомостях» появилось извещение о воле государя, а сегодня уже лестница ломилась от просителей. Так сколько же горя, несправедливостей, желаний осталось бы у народа неудовлетворенными?

Еще раз поздравив себя с счастливой идеей, Павел Петрович поспешил пройти в свои апартаменты, чтобы переодеться там для вахтпарада.

Было несколько странно, что в число атрибутов одеяния для вахтпарада входила также трость. Государь неизменно одевался со всей строгостью военных предписаний, и только неизменная трость нарушала общую гармонию. Но в этой привычке была своя символика: этой тростью государь как бы подчеркивал, что он является не только высшим военачальником, но и высшим штатским чиновником, высшим руководителем, учителем и наставником своего народа. Это была дирижерская палочка, которой государь хотел руководить сложным оркестром государственного устройства!

Не успел государь закончить переодевание, как дверь раскрылась и в комнату вошли великие князья Александр, Константин и Николай вместе с генерал-адъютантом императора. Они пришли за государем, чтобы идти вместе на вахтпарад. Это тоже входило в предписанную программу, а Павла Петровича неизменно радовало, когда и этот пункт соблюдался с полной точностью.

Сыновья и адъютант императора были одеты в совершенно такие же мундиры, как и он сам. Государь с особенной любовью посмотрел на старшего сына Александра, которого всегда любил больше остальных и которому, по его мнению, новый мундир был особенно к лицу. Правда, при жизни матери Павел Петрович относился к старшему сыну сдержанно и почти враждебно, но это было всецело следствием того образа действий, которого держалась покойная императрица, не задумываясь делавшая сына соперником отцу. Теперь же, когда всякие заботы о короне отошли от Павла Петровича, он относился к Александру с неизменной любовью. Да и трудно бышо не любить этого красавца юноши.

Скользнув затем взором по фигурам остальных двух сыновей, Павел Петрович воскликнул:

— Отлично, господа, меня очень радует ваша аккуратность! Действительно, теперь самое время! Так к вахтпараду, господа, к вахтпараду!

Обширные внутренние дворы Зимнего дворца были залиты светом. Масса людей стояла группами в различных местах, ожидая появления императора: в стороне виднелось несколько

полков, упражнявшихся в новых экзерсисах, придуманных Павлом Петровичем для вахтпарада. На заднем плане виднелась тщательно изукрашенная ложа, предназначенная для императрицы Марии Федоровны, которая старалась ежедневно присутствовать при вахтпарадах. И сегодня государыня тоже была в ложе, окруженная дочерьми и некоторыми дамами свиты.

Мы уже говорили, что к вечеру стало сильно холодать. Теперь холод, благодаря поднявшемуся пронзительному ветру, еще усилился и казался совершенно нестерпимым вследствие контраста со стоявшей днем сильной жарой.

Несмотря на это, появившись во дворе, государь первым делом снял шляпу и направился к войскам с непокрытой головой. Так было установлено с первого дня введения вахтпарадов, и генералы, присутствовавшие тут, без различия возрастов и состояния здоровья, должны были последовать примеру государя. И без того-то было холодно в одних мундирах! Немудрено, если все эти старые служаки внутренне ворчали, вспоминая «матушку Екатерину». Покойная императрица была гораздо человечнее; она снисходила к человеческой немощи, разрешала старикам и больным надевать шубы и теплые шинели, нередко сама закутывала своих героев. Но что было делать теперь, когда государь неоднократно повторял сомнительный по философской ценности афоризм, будто холода боятся только трусы и бесчестные люди и что истинный солдат вообще не должен страдать ни от каких температур!

Не обращая внимания на резкий холод, государь спокойным, размеренным шагом подошел к войскам, которых надлежало обучить новым воинским упражнениям. При этом он стал заниматься не только с целыми частями, но и с отдельными, плохо усвоившими себе инструкцию солдатами. К этому занятию он привлек также и сыновей, так что дело пошло довольно быстро и успешно.

По окончании упражнений началась вторая, самая важная часть вахтпарада — представление офицеров. Все офицеры не могли сразу завести себе новые мундиры, так как петербургские портные были завалены работой и не могли одеть сразу всю армию. Между тем Павел Петрович категорически не же-

лал видеть офицеров в старой обмундировке. Так, когда генерал Мейендорф, вытребованный государем по спешному делу, совершил это тяжкое преступление, Павел Петрович в бешенстве обругал заслуженного воина «потемкинским хамом», лишил чинов и орденов и выслал из Петербурга.

Поэтому, по мере того как офицеры успевали обзаводиться мундирами нового покроя, они постепенно являлись на вахтпарады, где и представлялись государю.

Так было и сегодня. Только помимо офицеров действующей армии на вахтпарад явилось несколько лиц, присутствие которых возмутило государя. Среди этих лиц был и князь Платон Зубов, последний фаворит Екатерины II, человек, из мелочного лакейства сделавший много зла и неприятностей Павлу Петровичу в бытность его еще великим князем. Как, может быть, помнит читатель¹, Павел Петрович не хотел сводить с Зубовым личные счеты, увидав его валявшимся в бессилии около гроба императрицы, поднял его, обласкал и успокоил.

Но Зубов был слишком лакеем, чтобы оценить рыцарственность императора. Не желая понимать, насколько государю неприятна близость такого человека, он продолжал преспокойно жить в тех же апартаментах Зимнего дворца, которые были отведены ему Екатериной II. Павлу Петровичу пришлось подарить и без того богатому Зубову дом, чтобы этим тонким намеком заставить выехать из дворца. Мало того, Зубов позволял себе довольно открыто прохаживаться насчет государя, а, являясь во дворец, чуть не расшибался в лепешку. Да и от всей его фигуры так и дышало интригами, подлостью, предательством.

Теперь, на вахтпараде, чаша терпения государя была окончательно переполнена. Резко обернувшись, он заметил на лице Зубова надменную, презрительную улыбку; правда, тот поспешил изменить ее на самую угодливую, заискивающую, но государь подумал: «Нет, довольно сентиментальничать!» — и, окончив муштровку солдат, прямо подошел к Зубову.

— Князь Платон,— громко сказал государь,— я все надеялся, что в вас найдется хоть крупица такта и деликатности. Я ждал, что вы поймете, насколько нагло и бесстыдно с вашей стороны

¹ См. роман «При малом дворе».

вечно тереться на моих глазах, не давая хоть немного забыть-ся прошлому. Я вижу, что с такими господами, как вы, церемониться нечего. И если у вас нет совести, которой вы послушались бы, так вам придется послушаться моего приказа. Приказываю вам исчезнуть из Петербурга, да и из России также. Уйдите отсюда, и чтобы я вас больше не видал!

Не устаивая растерявшегося Зубова больше ни единым взглядом, государь обратился теперь ко второй личности, стоявшей рядом с Зубовым. Это был сенатор Трескин, человек, надславший в течение своей службы много всяких гадостей и подлостей, но оказавший лично Екатерине II много услуг.

— Вы явились как раз вовремя,— иронически сказал Трескину государь,— ведь вы принадлежите к числу тех людей, о которых заботилась в последние минуты жизни моя августейшая мать. Вот,— тут он бросил в шапку Трескина какой-то пакет,— здесь орден и дарственная на несколько имений. Не думайте, что я даю вам это потому, что считаю вас порядочным и честным человеком. О, далеко нет! Но сын должен исполнить волю матери, хотя бы я и видел в вас перворазрядного мошенника, которого не следует держать у себя на службе. В качестве сенатора вы торговали справедливостью, за ломаный грош были готовы совершить любое злодеяние. Всех ваших гадостей не перечить. Поэтому приказываю вам в течение пяти дней оставить русские пределы и никогда больше не показываться здесь!

Сенатор выслушал отповедь императора совершенно спокойно, и его лицо даже не дрогнуло при этих жестоких укорах. Когда же государь кончил, Трескин проделал в установленном порядке установленное количество поклонов и удалился медленным, размеренным шагом.

Почти такая же судьба постигла на вахтпараде и генерал-прокурора Самойлова. Он только что получил, согласно посмертной воле Екатерины II, в подарок четыре тысячи крестьян, что по тем временам было равносильно годовой ренте не менее как в 20 000 рублей, а по теперешнему курсу — более 120 000 рублей. Но до государя дошли слухи о бесконечных беспутствах, хищениях и злоупотреблениях Самойлова, и он приказал отдать его под суд. Тут же на вахтпараде Самойлова арестовали и увели.

Государь уже хотел уйти из этого места, где сегодня ему пришлось пережить столько неприятного, как вдруг его взгляд случайно упал на Александра Васильевича Суворова, стоявшего между Кутайсовым и Аракчеевым.

Читатели уже, вероятно, достаточно слышали и читали о чудачествах этого героя, вознесшего славу русского оружия на небывалую высоту. Поэтому их не удивит, если мы скажем, что и тут, стоя пред грозным и без того рассерженным царем, Суворов, увидав, что государь смотрит на него, поднял одну ногу, сложил руки в виде крыльев, замахал ими и тоненьким голоском прокричал три раза «кукареку!».

Павел Петрович знал, что чудачества Суворова принадлежали к числу мощнейших орудий его воздействия на войско. Помимо великого военного таланта, Суворов был велик еще и своим умением обращаться с людьми — простота, гримасы, словечки Суворова сближали его с простым солдатом. Поэтому его гримасничанье нисколько не рассердило императора; последний даже начал улыбаться. Но вдруг улыбка застыла на его лице и сменилась выражением холодного бешенства.

Государь быстро подошел к старику, остановился перед ним и, скрестив руки на груди, некоторое время молчал, с гневом глядя на смельчака, решившегося явиться в мундире старого покроя.

— Как кажется,— звенящим голосом крикнул он,— новая, установленная мною форма еще не снискала вашего одобрения?

— О нет,— ответил Суворов, откровенно смеясь во все горло и с удовольствием поглаживая себя по бокам и груди,— я надел этот мундир просто потому, что он был пожалован мне прямо из рук матушкой-царицей. Это было после взятия Варшавы, где мне пришлось-таки поработать. Вот матушка и вызвала меня в Петербург отдохнуть да здесь и пожаловала фельдмаршальский мундир. То, что дается нам государем или государыней, становится святыней, с которой добровольно не расстанешься, а для того чтобы надеть какой-то дурацкий кафтан — и подавно! Нет, я стар, чтобы вырядиться в шута!

— Перестаньте молоть вздор! — крикнул Павел Петрович. — Для честного солдата святыней может быть только приказание царствующего государя. Если же кому-нибудь угодно оставить-

ся верным мертвецам, а не живым, пусть тот убирается к мертвецам, а живым он не нужен!

— Ну, существуют минуты и дела, которые вечно живы,— насмешливо возразил старый герой,— равно как бывают государи, которые хотя и живы, да все равно что умерли, а бывают и такие, что хоть и умерли, да вечно живут! В этом самом мундире, государь, я стоял в качестве екатеринославского губернатора у ворот Херсона, где ее величеством, бессмертной,— Суворов подчеркнул это слово,— императрицей Екатериной благоугодно было начертать: «Дорога в Царьград!» В этом же мундире я принимал ключи в Праге. В этом же...

— Довольно хвастовства! — крикнул император, все более теряя власть над собой.— Все это было, да прошло! И мой мундир облечет собою героев, которые, надеюсь, будут скромнее разных Суворовых и не станут так дорожить финтифлюшками да золотым шитьем, как выжившие из ума герои прошлого царствования. Но нам не о чем больше говорить! Я вижу, что вы слишком живете прошлым, чтобы быть полезным в настоящем. Мне вы не нужны, фельдмаршал!

— Ну, это как посмотреть,— бесстрашно возразил Суворов.— И я могу еще пригодиться. Да и верно ли то, что я так дорожу финтифлюшками? Помилуй бог, да весь мир знает, что Суворов всегда жил скромнее простого рядового...

— Да,— перебил его Павел Петрович,— это правда, и меня всегда восхищала простота Суворова. Поэтому я и думал, что встречу в заслуженном фельдмаршале своего помощника, а вы... Да вот, например, вы даже до сих пор не представили мне рапорта, который я требовал от вас по поводу мероприятий...

— Это с введением новой обмундировки-то? — подхватил Суворов.— Помилуй бог, ваше величество! Да у меня рука не поднимается приняться за это дело. Много я почудил на своем веку, ну а уж таких фокусов не доводилось ни делать, ни видеть! Наш бравый солдат и без того ворчит, а тут ему еще загнали косичку в затылок. Русский солдат — это мой брат, ваше величество; как же я могу надругаться над своим братом? Да и к чему эти косички? Может быть, солдата ими же драть будут; так сказать, готовое орудие наказания при каждом... Помилуй бог! Да ведь солдата на улице собаками травить будут! Пойдет

христолюбивое воинство по улицам, а мальчишки вслед кричать будут: «У-лю-лю! У-лю-лю!» Что же мне, старику, может быть, приплясывать, да распевать «Ай люди! Ай люли!»?..

— Довольно шутовства! — крикнул Павел Петрович, затопав ногами. — Только во внимание к вашим прошлым заслугам я щажу вас. Но ни мне, ни России не нужен такой шут, который умеет только паясничать и не хочет повиноваться законному государю! Отныне все кончено между нами! И чтобы я больше не видал вас в Петербурге!

Государь резко повернулся и пошел к дворцу. Суворов грустно посмотрел ему вслед; крупные слезы показались на глазах старого, бесстрашного героя.

— Эх, матушка, матушка! — громко сказал он, покачивая головой. — Рано ты скончалась, рано! Осиротела Россия!

Павел Петрович сделал вид, будто он не слышит последних слов старика. Но и без того государя душило его бессильное бешенство. Что еще можно было сделать с ворчливым стариком? Подвергнуть его какому-нибудь наказанию? Но что скажут Россия, Европа, весь мир? Что скажет его собственная царская совесть? Разве Суворов заранее не искупил всех возможных будущих вин своих?

Да и как знать? А вдруг старик все-таки еще понадобится?

VII

Отойдя несколько шагов, Павел Петрович вспомнил, что благодаря волнению забыл сделать то, что неизменно делал всегда, а именно: Мария Федоровна никогда не покидала ложи до того, пока император лично не заходил за ней, чтобы под руку отвести ее в апартаменты. Вспомнив об этом, Павел Петрович повернул назад и направился к супруге.

При его появлении все дамы, находившиеся на трибунах, поднялись и приветствовали его почтительным поклоном, а великие княжны, еще не выдавшие отца со вчерашнего дня, весело подбежали к нему, ласкаясь. Но Павел Петрович рассеянно и холодно принимал их ласки. Его мысли витали далеко, гнев, испытанный от разговора с Суворовым, еще не улегся, а по-

следние слова старика, кинутые в спину государю: «Осиротела Россия, осиротела!», болезненно кололи самолюбие. И ему хотелось поскорее уйти отсюда, постараться отвлечь мысли чем-нибудь, забыться...

— Но где же государыня?

Павел Петрович с удивлением окинул взглядом ложу — Марии Федоровны нигде не было. Наконец на последней скамейке, в самом дальнем углу, он заметил ее погруженной в разговор с каким-то мужчиной, которого отсюда было трудно разглядеть!

Что же это такое? Мужчина допущен в царскую ложу, где, по категорическому приказанию государя, не мог быть никто, кроме дам? И с этим-то мужчиной государыня забивается в угол, шепчется, забывая обо всем, на глазах у придворных?

Гнев государя, неутоленный маршалом Суворовым, только искал подходящей сферы проявления. Теперь эта сфера была найдена, и император почувствовал даже облегчение!

Остальные дамы, равно как великие княжны, заметили, куда был обращен его взгляд, и всех охватило беспокойство. Вид государя не обещал ничего доброго, а Марию Федоровну все очень любили и жалели, находя, что ей и без того приходится слишком много страдать от дурного характера мужа. О, если бы можно было предупредить ее! Но, впрочем, теперь это было бесполезно; этим можно было только навлечь на себя гнев государя, а Марии Федоровне все равно не помочь. И дамы, затаив дыхание, стали ждать, чем кончится все это.

Тем временем Павел Петрович стал медленно подбираться к тому углу, где сидела его супруга, и с удивлением разглядел ее собеседника: это был граф Безбородко, старый фаворит и министр императрицы Екатерины II.

Павел Петрович захотел во что бы то ни стало узнать, о чем могла говорить его супруга с Безбородко. Осторожно подкравшись к ним, он встал за спиной разговаривавших и незаметно прислушивался некоторое время к гнусавому, картавому голосу Безбородко.

— Да, всемилостивейшая государыня, — гнусавил тот, — Россию действительно постигли крупные, я сказал бы — ужасные перемены. Состав судов, канцелярий и всевозможных учрежде-

ний сразу изменен его величеством; более двадцати тысяч дворян потеряло теперь свои должности, а это...

В этот момент Мария Федоровна увидела своего супруга и даже вскрикнула от неожиданности и испуга. Тогда граф Безбородко тоже обернулся и в отчаянии отскочил назад, увидав разгневанное лицо государя. Его вид был настолько комичен, что внутренне император не мог не рассмеяться. Кроме того, Безбородко, всегда державшийся при дворе шутом и слишком осторожный, чтобы пользоваться своим влиянием против великого князя Павла Петровича, не был неприятен последнему. Но внутренний смех касался только Безбородко; по отношению к Марии Федоровне раздражение государя отнюдь не прошло, и, ведя свою супругу к дворцу, он сказал ей:

— Ваше величество! Вы изволили только что совершить очень большой проступок против моих распоряжений. Вы позволили себе допустить мужчину в ложу, куда вход разрешенной только дамам, да и то не всем. Кроме того, вопреки приличиям и этикету, вы позволили себе забраться с этим мужчиной в уголок и говорить с ним шепотом, да еще и о политических делах. За это я подвергаю вас недельному домашнему аресту, так что благоволите в течение этого срока пребывать в своих апартаментах, никого не принимая и отнюдь не выходя лично. Таким образом, нам не придется увидаться вплоть до того дня, когда ваше величество отправитесь со мной в Москву для коронавания.

Мария Федоровна густо покраснела, но ничего не ответила на это распоряжение, только в ее глазах промелькнула смесь укора и сожаления...

VIII

Со времени возвращения императорской четы из Москвы, где с особой помпой и блеском была совершена церемония священного коронавания их величеств, Зимний дворец зажил чрезвычайно шумной и суетливой жизнью, так как каждый день находился какой-нибудь предлог для новых празднеств и пышных куртагов.

И сегодня тоже, по приказанию императора, должен был произойти большой вечер во дворце, где Павел Петрович хотел появиться исключительно среди своей семьи и самых высших государственных чинов. Видно было, что император соби-
рался придать вечеру какое-то политическое значение.

Безбородко, пожалованный после коронования саном великого канцлера и титулом князя, уже целый час расхаживал с озабоченным и деловым видом по парадным залам дворца, проверяя, все ли сделано так, как он приказывал, основываясь на угадываемых желаниях императора. Пред одним из углов желтой гостиной, где был устроен целый сад из тропических растений, он простоял особенно долго, так как никак не мог решить, не покажется ли государю убранство гостиной чересчур замысловатым. Ведь Павел Петрович требовал во всем прежде всего простоты! Но сегодняшний приказ гласил: «Чтобы все было как можно роскошнее!» Как же найти, определить середину, граничащую между обоими требованиями?

Вероятно, Безбородко еще долго простоял бы в положении буриданова осла, обладающего свободной волей, а потому не имеющего возможности выбрать какую-нибудь из двух равных охапок сена, находящихся от него в равном расстоянии, если бы легкий шорох, раздавшийся позади него, не вывел канцлера из задумчивости.

Услыхав этот шорох, Безбородко поспешно обернулся и увидел молодую даму, положительно слепившую своей поразительной красотой. Это была Лопухина, новая звезда, взошедшая на горизонте петербургского двора взамен искусственно сметенной с придворного небосклона старой звезды — Нелидовой.

— Ба! Кого я вижу! — воскликнул Безбородко. — Богиня красоты и всех фаций приблизилась ко мне, жалкому и убогому смертному! Но не изменяет ли мне зрение окончательно? Мне кажется, будто моя небожительница грустна, озабочена и — о, верх насмешки над моим бессилием! — хочет просить меня о чем-то? Но что же может сделать Безбородко, жалкий в сравнении с властью и мощью ослепительной Лопухиной!

— Да бросьте вы, милый князь, эти цветистые комплименты! — с грустной досадой ответила Лопухина. — До того ли мне,

чтобы выслушивать целые оды, когда время не терпит и мне грозят неприятности? Помните, что в Петербург я попала по вашей милости; значит, вы и должны позаботиться о том, чтобы угрожающая мне опасность миновала!

— Ей-богу, ничего не понимаю! — с неподдельным испугом произнес Безбородко. — Как? Вам, пред которой склонилась вся Россия, у ног которой находится сам государь, может что-нибудь грозить?

Он остановился и с искренним недоумением посмотрел на красавицу, дожидаясь, пока она откроет наконец, в чем дело.

Лопухина была еще очень юна, но преждевременное физическое развитие и рано пробудившаяся чувственность делали ее еще в отроческие годы похожей на зрелую девушку. И это придавало ей особенно манящий, раздражающий вид. Девственная упругость форм сочеталась с пышностью их расцвета: черные, пламенные глаза блестели веселостью и беззаботностью юности, но по временам их пронизывали жгучие молнии страсти и желаний. При всем этом она обладала еще дивной головкой классической красоты, отягощенной густыми, тяжелыми косами.

Павел Петрович в первый раз встретил ее в Москве, когда Безбородко был почтен великой честью и милостью принимать у себя государя и государыню. На этот вечер Безбородко пригласил Лопухину быть хозяйкой, причем хитрый царедворец таил заднюю мысль: он был уверен, что Лопухина понравится государю, и таким образом представится возможность действовать на него через девушку. Это было тем более необходимо, что Нелидова приобретала все больше и больше влияния, действуя заодно с императрицей, что казалось опасным для политики, курс которой с каждым днем становился все страннее и нелепее. При помощи красавицы Лопухиной Безбородко и его друзья рассчитывали дать этому курсу совершенно новое направление. А так как генерал Лопухин, отец красавицы, принадлежал к числу этих друзей, то немудрено, если он стал первым и вернейшим союзником Безбородко.

Заметив, что Лопухина произвела на государя сильнейшее впечатление, генерал Лопухин, по настоянию Безбородко, от-

кровенно поговорил с дочерью. Он выяснил ей, какое большое значение будет иметь для всей России, если удастся осуществить задуманное. Лопухина была слишком честолюбива и достаточно умна, чтобы не становиться на ходули добродетели, и при следующем же случае ей удалось окончательно очаровать Павла Петровича, притом настолько, что пред возвращением в Петербург государь приказал предложить Нелидовой покинуть не только Петербург, но и Россию.

Таким образом, главный враг партии Безбородко был удален. Оставалось удалить еще другого — князя Куракина, и тогда можно было бы трубить победу. Но Куракин держался слишком ловко, и его никак не удавалось подцепить. И теперь, когда Лопухина стала жаловаться Безбородко на какие-то неприятности, князь первым делом подумал, что эти неприятности должны исходить от Куракина.

— Но говорите же скорее, в чем дело! — повторил он.

— Милейший князь, — с некоторым замешательством начала Лопухина, — мне удалось только что узнать от вполне осведомленного лица, что ее величество собирается разыграть сегодня вечером новую сцену, рассчитывая произвести ею большое впечатление на государя. Сегодня, при появлении императора в большом зале, государыня со всеми детьми рухнет на колена пред ним, приветствуя его как неограниченного самодержца, при посредстве священного коронования, только что утвержденного в этом сане Самим Богом. Государыня хочет представить эту комедию так, как будто бы от ближайших к царю лиц и должна исходить инициатива высшего почитания, а на самом деле это просто самая низкая, самая недостойная интрига, направленная против нас. Вы только подумайте, какой вид будет это иметь? Ее величество и их высочества будут стоять на коленях, а мы нет! Значит, нет для государя более верных, более преданных, более восторженных подданных, чем члены его семьи. Нас хотят отодвинуть в тень, князь!

— Э, полно, прелестная, — небрежно ответил Безбородко, передернув плечами. — Я думал и невесть что, а это сущие пустяки! Ее величество любит разные апофеозы; она понимает, что над ее головой все время роятся опасные тучи, а потому и умасливает государя. Конечно, его величество будет тронут...

Но если вы боитесь, что эта демонстрация может отодвинуть вас в тень, то кто же помешает и вам тоже пасть на колена при выходе государя?

— Но вы сами не понимаете, что вы говорите, князь! — вскрикнула Лопухина. — Сегодня государя приветствуют коленопреклоненно только члены его семьи. Если же и я примкну к демонстрации, значит, я причислю и себя тоже к императорской семье! Вы только подумайте, какое толкование дадут наши недруги всему этому! Скажут, что я хотела подчеркнуть пред всеми придворными свои отношения к его величеству... Нет, нет, князь, это никуда не годится, и вы должны во что бы то ни стало изыскать средство и способ помешать этой нелепой сцене!

— Но, помилуйте, божественная, — улыбаясь, взмолился Безбородко, — что же я могу поделать, раз ее величеству пришла в голову подобная идея? Конечно, я сейчас же приму меры, чтобы парализовать действие этой сцены на его величество, но помешать ей разыграться — это не в моей власти!

— А я говорю вам, что вы должны помешать! — крикнула Лопухина, топая ногой. — Берегитесь, князь, я не намерена оставаться простым орудием в ваших руках, если вы будете обращаться со мной так же небрежно! Я требую, чтобы моя воля была исполнена; если же гнусная сцена все-таки разыграется, тогда я порву наш договор и перейду на сторону ваших врагов. Уж они-то сумеют заставить события идти правильным ходом! Видно было, что эта угроза немало смутила Безбородко, отлично знавшего дикий, неукротимый характер Лопухиной.

— Но разве я противлюсь вам хотя в чем-либо? — жалобно возразил он. — Я только не вижу средств предупредить затеянное теперь, когда осталось так мало времени! Быть может, у вас есть какая-нибудь идея? Так скажите мне ее, я сейчас же приведу ее в исполнение, хотя бы это грозило моим личным благополучию и безопасности!

— Еще того не доставало! — угрюмо кинула Лопухина. — Хорош же канцлер, если за советом по поводу важных государственных дел ему надо обращаться к первой встречной девчонке!

— О, разве вы первая встречная?.. — начал было Безбородко.

Но Лопухина тут же перебила его:

— Я еще раз говорю вам, князь: бросьте комплименты. Надо дело делать, а не упражняться в красноречии. Вы не можете ничего придумать? Ну так я дам вам намек на идею, а вы уж обдумайте ее и воплотите в более осязательный облик. Надо устроить так, чтобы его величество рассердился за что-нибудь на государыню и обидел бы ее пред вечером.

— А в крайнем случае,— сказал Безбородко,— если это не удастся, тогда я сделаю так, чтобы и вы могли коленопреклоненно встретить государя. Я рассчитываю, что мне сегодня же удастся добиться подписания указа о возведении семьи Лопухиных в княжеское достоинство. Тогда будет вполне естественно, если новопожалованная княгиня падет к ногам государя! Это будет даже лучше: все заметят, с какой кислой миной государь встретит выходку своей августейшей супруги и с каким благоволением он поднимет вас с колен. Это будет такой афронт, что государыня первая пожалеет, зачем ей пришла в голову идея коленопреклоненной встречи!

Лопухина просияла и хотела что-то ответить, но в соседней комнате слышались шаги.

— Я не хочу, чтобы меня видели здесь с вами! — быстро сказала она и скрылась в противоположном направлении.

В гостиную вошел Кутайсов.

— Приветствую ангела-хранителя моего счастья! — воскликнул Безбородко, простирая руки и крепко обнимая молодого сановника.

— Ну, для ангела я стал чересчур мало воздушен! — ответил со своим обычным мягким юмором Кутайсов, комически показывая на располневшую талию.— В последнее время я стал...

— Толстеть до неприличия! — подхватил Безбородко.— Да, милейший мой, это правда. И — странное дело! — это началось с момента коронования их величеств и увеличивается с колоссальной быстротой! Неужели на вас так подействовало заключение нами дружественного союза для противодействия разным нежелательным политическим влияниям?

— Уж не знаю, что именно подействовало,— ответил Кутайсов,— а только я, наверное, скоро похудею! Когда человек име-

ет постоянные поводы для раздражения и огорчений, тогда он начинает быстро сдавать в теле. А наш возлюбленный монарх — наилучший доктор для таких случаев! Ведь у него мысль работает как-то не по-людски, зигзагами. Не успел он замыслить одно, как уже перескакивает на другое... Думаешь, как парализовать одну нелепость, а на очередь становятся три новых. И главное — никогда не знаешь, что еще может последовать, и приходится вечно держаться начеку. Сегодняшний вечер особенно тревожит меня. Мне кажется, в воздухе не все спокойно и затевается что-то новенькое...

— О да, вы правы, нечто затевается,— ответил Безбородко,— и это нечто такого сорта, что при всей своей внешней безобидности может вызвать для нас неприятные осложнения. Я только что получил сведения о фарсе, который предполагают разыграть сегодня наши противники. Я уже ломал себе голову, как бы предупредить его. Мысль у меня есть, но привести ее в исполнение я могу только при вашем посредстве. Так пойдемте куда-нибудь в безопасное местечко, где нас не подслушают, и я расскажу вам все.

Князь обвил рукой полный стан своего юного друга и повлек его вон из парадных комнат дворца.

IX

Наступил уже поздний вечер, а государь все еще не выходил из своего рабочего кабинета, где он сидел наедине с Кутайсовым. Не раз уже государыня, следуя переданному ей желанию царя повидаться с нею до выхода к приглашенным, приказывала доложить о себе, но каждый раз Павел Петрович отвечал ей просьбой подождать.

Мы застаем теперь государя и его советника во время заключительного периода их долгого разговора.

— Я очень благодарен тебе, Иван, что ты сказал мне об этом,— сказал император,— только напрасно ты стараешься придать этой возмутительной дерзости характер простого женского кокетства. Ее величество должна сознавать себя прежде всего государыней и первой подданной царя, а уже потом

женщиной. Попытки пойти наперекор прямому смыслу указа непростительны. Но я знаю, как наказать ее за это! Женщины больше всего чувствуют мелочи — мы и накажем ее досадной мелочью... Да, кстати, — сам себя перебил государь, — Суворова доставили из имения в Петербург?

— Точно так, ваше величество, фельдмаршал прибыл несколько часов тому назад.

— Так отправляйся сейчас же к нему и привези его во дворец. Нам пора перейти к делу от благих намерений, а без Суворова нам едва ли удастся осуществить их. Да, французов пора смирить... Кстати, скажи-ка, как обстоит дело с французскими эмигрантами, проживающими в Петербурге? Что они собственно делают здесь, как относятся к ним народ? И как ты думаешь, поддержат ли они нас, если мы двинемся войной на революционную Францию?

— Ряд вопросов, предложенных мне вашим величеством, ставит меня просто в тупик! — ответил Кутайсов. — Господи боже! Представители других наций имеют несравненно более определенный облик, чем господа французы. Про немца всякий знает, что он — или ученый, или ремесленник. В особенности много сапожников и портных уже дала нам немецкая колония. Англичанин — почти наверное купец; итальянец — архитектор, скульптор, художник, певец или антикварий. Ну а что такое живущий в Петербурге француз — это почти невозможно определить сразу. Француз может стать всем, чем захочет, и это крайне неудобное для нас свойство этой нации. Француз хватается за все, за все берется и с легкостью бросается из одной профессии в другую. Вчера еще он был сапожником, а сегодня он уже является гувернером в доме знатного русского. Вчера он был актером — сегодня открывает портняжную мастерскую. Словом, француз — это ртуть в человеческом образе. При таких обстоятельствах его политические убеждения очень ненадежны. Француз-легитимист с восторгом будет приветствовать наше выступление за роялистскую партию, но вот долго ли он пробудет легитимистом, этого как раз никто не может сказать. И может случиться так, что вчерашний легитимист и воин наших рядов завтра примкнет к самым отчаянным головорезам, санкюлотам!

— Ну что же, в этом деле мы обойдемся и без них. Я сам мало и плохо верю в грядущую признательность французов за избавление их от революционной гидры. Но когда ставишь задачей исполнение долга, то вопрос о благодарности интересует очень мало. До сих пор я думал, что революционное бесчинство выведет французов из себя, что они сами постараются вернуться к лояльным нормам, что революционное чудовище пожрет само себя. Да, вероятно, так и было бы, если бы санкюлоты не выдвинули вперед генерала Бонапарта, а он кружит французам головы бесконечными победами, благодаря которым Франция расползается все шире и шире. Швейцария, Италия уже захвачены... К чему же мы придем? Нет, пора положить этому конец, и только один Суворов в состоянии преградить дорогу этому дьяволу в человеческом образе — Бонапарту! Я должен сделать это не только как русский царь, но и как гроссмейстер Мальтийского ордена. Мальтийские рыцари всегда были образцом лояльности, беззаветной преданности делу чести и правды. Борьба с революцией — первый долг.

Шорох платья и стук отворяемой двери заставили его запнуться и с недовольным удивлением обернуться. Недовольство еще сильнее отразилось на его лице, когда он увидел, что вошла императрица Мария Федоровна.

Знаком руки отпустив Кутайсова, государь строго глядел на супругу, ожидая объяснения ее самовольного входа в рабочий кабинет.

— О, простите меня, ваше величество! — сказала с обворожительной улыбкой государыня. — Простите за смелость явиться без разрешения. Но меня крайне беспокоило, почему мой государь все еще не соблаговолит выйти в зал к приглашенным. Я подумала, не случилось ли что-нибудь неприятное или печальное, и взяла на себя дерзость без разрешения проникнуть в ваш кабинет. Как видите, я уже совершенно одета.

Но здесь Мария Федоровна смущенно остановилась, заметив, что ее супруг с гневом, негодованием и величайшим отвращением смотрел на ее шляпу.

— Ваше величество! — холодно сказал он. — Я не только вижу, что вы одеты, но вижу также, как вы одеты! Мне уже

пришлось слышать, будто ваше величество собираетесь ввести эту возмутительную моду, но я не хотел верить этому! Как? Вы осмеливаетесь надеть круглую шляпу, хотя вам должен быть известен указ, раз навсегда запрещающий носить это позорное головное украшение? Или вы думаете, что для государя не все его подданные одинаково равны и что вас может не коснуться мое приказание сдирать и разрывать без церемонии круглую шляпу с головы всякого, кто осмелится показаться в ней?

Государыня с возрастающим удивлением слушала слова царя.

На минуту ее щеки окрасились краской гнева, однако та сейчас же погасла, когда она спокойно ответила:

— Я никак не могла думать, что этот указ касается также и дамского туалета. Ведь запрещение носить круглые шляпы имело в виду мужчин, и я думала, что это делается по чисто политическим причинам. Очень часто заговорщики невинным на вид украшением маскируют свою принадлежность к преступному сообществу... Но дамы, дамы! Да ведь дамская мода меняется чуть не ежедневно, так что тут дело только в кокетливом капризе. Да и притом круглая форма — это основная форма дамской шляпы. Как же быть в таком случае?

Не отвечая, государь быстро подошел к Марии Федоровне и резким движением протянул руку к шляпе, собираясь сорвать ее с головы. Но государыня, заметив это, сейчас же вытащила шляпные булавки и покорно подала ему рассердившее украшение.

— Вы спрашиваете, как быть с модой? Я сейчас наглядно отвечу вам на это! — сказал Павел Петрович, доставая из ящичка коробочку, видимо, заранее приготовленную. — Вот здесь у меня случайно нашлись булавки, с помощью которых я придам вашей шляпе достаточно благонамеренный и приличный вид. Вы изволили высказать опасную мысль, будто в России дамы должны подчиняться моде, а не своему государю! Ну, так я докажу вам, что в России и мода — это я!

С этими словами Павел Петрович скомкал шляпу в ладонях, так что она вся покрылась возвышениями и ложбинками. Затем, взяв несколько булавок, он принялся скалывать в виде

пуфов эти возвышения, так что вскоре шляпа приняла совершенно иную, довольно странную и смешную форму.

подавая обезображенную шляпу императрице, Павел Петрович сказал:

— В ином виде подобные шляпы не могут быть терпимы. Покорнейше прошу вас надеть теперь эту шляпу и появиться в ней сегодня на вечере...

— Но, ваше величество...

— Тише, ваше величество, тише! Ни малейших возражений или попыток как-нибудь уклониться от исполнения моего приказа!

— Но вы, конечно, шутите, ваше величество! — воскликнула Мария Федоровна, вспыхнув от долго сдерживаемого гнева. — Как, я должна явиться сегодня вечером в этой шляпе на придворном вечере? Да разве вы не видите, что это не шляпа, а дурацкий колпак? Супруга русского императора не имеет права показываться в смешном виде — это значило бы унижать достоинство ее супруга и государства, и даже непонятный каприз самодержавного монарха не может заставить ее сделать это! Нет, вы шутите, ваше величество! Я с удовольствием сохраняю эту шляпу, как попытку вашего величества совершить переворот в области дамской моды, но надеть ее на голову категорически отказываюсь!

— А я говорю вам, что вы наденете ее! — крикнул Павел Петрович, изо всей силы хлопнув кулаком по столу. — Берегитесь, ваше величество! Самодержавная воля только тогда отвечает своему наименованию, когда во всем государстве нет ни одного лица, осмеливающегося уклониться от подчинения ей! И, чем выше поставлен подданный, тем неуклоннее должен он соблюдать мою волю. Я приказываю, и берегитесь, если вы дерзнете упорствовать!

— Да сохранит вас Господь на этом пути! — с горечью сказала Мария Федоровна. — Много забот предстоит вам. Пока еще запрещены фраки, жилеты и круглые шляпы, но дело неминуемо дойдет и до нижнего белья. И вам несравненно труднее будет проверить, не кроется ли под монархическим платьем революционного белья...

— Не беспокойтесь,— с грубым смехом перебил ее государь,— если дело даже дойдет до этого, то никаких затруднений тут для меня не будет. Поверьте, если я заподозрю, что вы, ваше величество, осмеливаетесь хотя бы в белье отступать от предписанных мною образцов, то не постесняюсь приказать раздеть вас и осмотреть!

— О, я нисколько не сомневаюсь, что вы не остановитесь ни пред чем и способны поставить всякого в смешное и унижительное положение! — с краской возмущения ответила императрица.— Подобная система замечается с самого начала вашего мудрого правления! Ведь теперь обращается особенное внимание на то, чтобы у подданных не оставалось ни капли самоуважения, принадлежащего одному только царю. При встречах на улицах дамы должны вылезать из экипажей и, не обращая внимания на пыль или грязь, отвешивать его величеству глубокие реверансы!

— Да,— страстно произнес государь,— да, я восстановил эту часть древнего русского этикета и намерен строжайше придерживаться ее. В этом заключены вся полнота могущества, все величие древнего московского царства, и наши подданные должны усмотреть из этого, что всякие попытки отразить на себе успехи европейской культуры будут жестоко преследоваться мною! Нам не надо культуры, нам не надо опасных новшеств! Русские были, есть и будут варварами, но такими варварами, которые не побегут за иностранцами, а заставят их следовать русскому примеру. В то время, когда за границей культура привела к пагубной развращенности нравов, русские благодаря своему варварству пребывали в голубиной чистоте нравов! Нам не надо культурного разврата; пусть уж будет варварская нравственность, пусть лучше русские будут неуклюжими медведями, чем прилизанными французскими обезьянами!

— И на выставке русских гороховых чучел первое место должна занять русская императрица, не так ли, ваше величество? — с глубочайшей иронией спросила Мария Федоровна.— Но только вот что я скажу вам: вы не совсем справедливы к обезьянам и медведям. Обезьяны редко причиняют вред, они больше забавляют, ну а медведь... Да вспомните хотя бы басню

Лафонтена о медведе, взявшемся охранять сон пустынного... В Петербурге многое рассказывается о разных случаях, которые способны были бы вызвать смех, если бы не были так ужасны... И вспомнить недолго: только на днях разыгралась история с бригадиршей Лихаревой. Бедная женщина прилетела из имения за врачом, так как ее муж опасно заболел. В Петербурге она встречается с его величеством; но несчастная так взволнована, что думает только о том, успеет ли она или нет подоспеть с помощью к умирающему. Его величество пылает гневом на дерзкую, не остановившую экипажа. Кучера и лакея приказано сдать без зачета в солдаты, бригадиршу сажают в арестный дом при полиции. Узнав об этом в заключении, бригадирша схватывает жесточайшую горячку и сходит с ума...

— Ну, что же вы хотите сказать этим? — угрюмо спросил государь. — Может быть, вы предполагаете, что я этого не знал? Да, на первых же порах мой указ принес несчастье двум людям. Жалею об этом, но и впредь буду поступать так же, не давая запугивать себя никакими ужасами. Пусть гибнут не единицы, а десятки, сотни, тысячи, лишь бы в России знали, что воля самодержавного монарха не отступит ни пред чем и никогда! Вы можете быть сентиментальны, на то вы — женщина! Но я — прежде всего государь, а потому на первом плане у меня только благо и счастье государства...

— Но разве благо и счастье государства могут заключаться в полнейшем подавлении проблеска личности подданных? Разве человек никогда и нигде не может быть самим собой? Разве у себя дома, в тесном кругу своей семьи...

— Нигде и никогда человек не может забывать, что он — подданный своего царя!

— Но, ваше величество, вы держитесь в данном случае простой формы! Вот, например, ваш новый указ о танцах на придворных балах... Разве и это тоже нужно для блага государства?

— Да, благо государства требует полноты проводимого плана, неуклонности, цельности системы даже в мелочах. Государство может быть счастливо только тогда, если воля монарха стоит превыше всего. А это в свою очередь только тогда осуществимо, если личность государя до мелочей окружена наивысшим почтением. Вот почему я запретил все танцы, при ко-

торых танцующий может стать спиной к государю. Танцующий должен неизменно быть лицом ко мне. Это трудно, скажете вы? Ну, что же, хореография обогатится новыми трудными танцами, и мой указ поведет только к усовершенствованию в этой области!

— Нет, ваше величество, ваш указ поведет только к упадку танца! Как и всякий другой род искусства, танец требует для своего развития того самого элемента, который вы так жестоко преследуете. Свобода — вот тот элемент, в котором только может развиваться человеческая мысль!

— Свобода! — неистово закричал Павел Петрович, сжимая кулаки и топая ногами. — И вы осмеливаетесь с непонятной дерзостью кидать мне в лицо это слово? Да ведь я только несколько дней тому назад приказал цензорам следить, чтобы это гнусное слово не появлялось больше в русском языке и было заменено словом «послушание»! Да знаете ли вы, что «свобода» означает то же самое, что и «революция»? И русская императрица уверяет, будто мысль способна развиваться только в революции? Берегитесь, ваше величество!

Мария Федоровна бесстрашно подняла на разгневанного мужа свой кроткий взор и тихо ответила:

— Мне нечего бояться за себя, ваше величество, потому что о себе я не забочусь. Единственно, что меня мучает и заботит, — это ваша безопасность. И вам, а не мне следовало бы побережиться. Известно ли вам, как они называют вас? Павел Темный! Темный! Подумайте, ваше величество, над этой оценкой вашего желания добра... Меня это так поразило, что я не утерпела и обратилась за разъяснениями к князю Куракину, случайно оказавшемуся поблизости...

— И что же ответил вам милейший князь Куракин? — с злобным хохотом спросил Павел Петрович. — Сами по себе указанные вами толки нисколько не интересуют меня, но слова господина вице-канцлера способны осветить мне кое-что из его тайных взглядов и намерений. Так потрудитесь повторить мне то, что он ответил вам!

— Князь сказал мне, что это прозвище дано вашему величеству только потому, что чернь любит тех, кто с нею заигрывает, а вы идете к благу, нисколько не играя в популярность...

— И в этом он прав!

— Кроме того, в народ проникают неверные слухи. Так, хотя народ и недолюбливает французов, но слухи о том, будто вы собираетесь объявить Франции войну, встречены народом очень недоброжелательно. Ведь война обыкновенно означает собою разорение для народа, даже если она и победоносна для государства. И вот народ не может понять, зачем вы ради блага Франции хотите подвергнуть бедствиям свою родную страну. Но князь разъяснил мне, что эти толки ошибочны и что вы не думаете о войне.

— Князь ошибается,— холодно отрезал Павел Петрович.— Я не только думаю о войне, но и объявляю ее в самом непродолжительном времени. До взгляда народа на этот предмет мне нет ни малейшего дела. Рассуждения и соображения от него не требуется — это мое дело. А дело подданных — повиноваться! И они будут повиноваться, черт возьми, будут! Все, от первых лиц до последнего раба! Начиная с вас, ваше величество, которая все-таки наденет сегодня измененную моими руками шляпу! Вы все еще не надели ее? Потрудитесь сделать это сейчас же, потому что я скоро выйду в зал. Ну-с, я жду.

— Так вы все-таки настаиваете на этом смешном приказании? — резко спросила императрица.

— Не вижу оснований отменять его. Однажды король Фридрих-Вильгельм Прусский...

Мария Федоровна кое-как надела шляпу и гневно перебила государя:

— Не трудитесь поучать меня историческими примерами! Я и без того знаю, что Фридрих-Вильгельм Первый тоже не умел быть вежливым с дамами!

Сказав это, Мария Федоровна резко повернулась и вышла из кабинета, не удостоивая супруга ни словом, ни взглядом на прощанье.

Выйдя из кабинета, она поспешила снять ненавистную шляпу, а, придя к себе в комнату, обратилась к ожидавшим ее дочерям и сыновьям с следующими словами:

— Милые дети, по некоторым обстоятельствам я решила отказаться от своего плана приветствовать его величество коле-

нопреклоненной встречей. В данный момент это оказалось бы неуместным. А теперь я должна просить вас оставить меня, так как я хочу четверть часа полежать: у меня что-то голова разболелась.

В этот момент послышался заразительный девичий смех. Великая княжна Елена, уже давно присматривавшаяся к шляпе, которую держала императрица в руках, смеясь воскликнула:

— Но что случилось с маминой шляпой? Боже мой, что за ужас...

— Узнаю руку его величества государя и самодержца всея Руси! — насмешливо отозвался великий князь Константин.

Мария Федоровна беспомощно махнула рукой. Великие князья и княжны замолчали и на цыпочках вышли из комнаты, оставляя государыню лежать на кушетке.

Х

Тем временем парадные залы дворца были переполнены приглашенными, немало удивлявшимися, что их величества до сих пор не соизволят выйти из своих апартаментов. По этому поводу стали циркулировать самые нелепые толки и предположения, которые, в свою очередь, наводили разговор на указы и мероприятия последнего времени.

Если бы государь мог слышать эти разговоры, он, пожалуй бы, поколебался в своей верности тезису: «В России царит единая воля монарха, подданным надлежит только повиноваться, а не рассуждать!» Он увидал бы, что никакая воля не может запретить человеку рассуждать и что рассуждения, вызванные желанием до юнца соблюсти одну только самодержавную волю, способны более поколебать трон, чем отступления от узко деспотических принципов.

Но он убедился бы и еще кое в чем. Среди лиц, негодующе или сатирически относившихся к царским распоряжениям, были и такие, которых он считал своими самыми верными помощниками и восторженными приверженцами. Тут были генерал-адъютант Ростопчин, князь Барятинский, граф Шу-

валов, личный секретарь Нелединский, граф Пален, да и мало ли еще!

Ведь надо было действительно потерять всякий человеческий образ, чтобы не поражаться странными скачками, которыми шла царская мысль!

Еще недавно было строжайше запрещено носить фраки, жилеты, круглые шляпы и употреблять в разговоре слово «свобода». Теперь в добавление к этому указом предписывалось, как танцевать в высочайшем присутствии. Мало того, безнадежно лысея, Павел Петрович указом запретил употреблять в разговоре слово «лысый», чтобы не подать повода к неуважительным намекам на безволосье монарха. По той же причине он запретил изображать на вновь чеканенных монетах свой портрет. Но и это было далеко не все. Новым указом (их выходило по несколько чуть ли не в час) предписывалось закрыть в России и строжайше запретить открытие новых типографий. Оставлялось только две: сенатская для печатания указов и синодская для печатания церковных книг и молитвенников. Секретарь государя, Нелединский, страдал невыносимым поэтическим зудом и писал недурные стихи. Но государь нашел это несовместимым с важной должностью секретаря его величества и приказал Нелединскому бросить поэтические занятия. Вообще не перечесть было всего, что совершенно справедливо вызывало насмешливое недоумение русских.

Безбородко, сновавший по всем кружкам, пытался было вмешиваться и доказывать необходимость тех или иных мероприятий, но его встречали таким градом насмешек, что чересчур усердному царедворцу приходилось махать рукой на насмешников и убираться подобра-поздорову. Особенно смущала князя единокрушная смелость, с которой обсуждались царские указы. Он даже лишен был возможности донести на кого-либо государю, так как пришлось бы доносить на всех.

«Да,— думал он, пробираясь в дальний угол большого зала,— кажется, его величество действительно чересчур пересаливает! Как бы не вышло чего худого!..»

Раздумывая таким образом, Безбородко искал взглядом Лопухину. Заметив ее наконец сидящей около большой пальмы в

одиночестве, он как бы рассеянно подошел к этой пальме, уселся рядом с Лопухиной и сказал, глядя в другую сторону:

— Слушайте, но не поворачивайтесь, как будто мы и не разговариваем вовсе! Трюк, придуманный ее величеством, предупрежден. Кутайсов, который все знает, сумел свести разговор на дамские выдумки и мимоходом заметил, что государыня собирается появиться на вечере в круглой шляпе. Государь позвал ее величество, накинулся на нее с упреками, снял с нее шляпу, скомкал, измял и приказал появиться в изуродованной шляпе на вечере. Государыня вздумала отказываться, но разыгралась такая буря, что ей пришлось подчиниться. Зато ее величество сейчас же объявила их высочествам, что задуманная церемония с битьем челом отменяется.

— Так вот от чего их величеств все еще нет! — сказала Лопухина, оживляясь. — Но неужели же государыня все-таки выйдет в изуродованной шляпе? Вот-то прелесть будет! Ну и посмеюсь же я!

— Увы! вы лишены этого удовольствия, божественная! Его величество через десять минут уже раскаялся, что обошелся слишком грубо с государыней, а потому он отправился к ней, извинился и разрешил ей шляпы не надевать! Но коленопреклонение-то отменено! Теперь вы можете сделать это соло, волшебница!

— И не подумаю даже, — резко ответила «божественная волшебница». — Очень мне нужно разыгрывать дурацкую комедию! Да и вообще, Господь с ним! Он мне не нужен. Ведь теперь он примирился с женой и появится к нам, озаренный семейным счастьем... Такая тряпка!..

Лопухина не успела договорить, как большие двери зала распахнулись и оттуда появился государь с государыней, а за ними — весь сонм великих князей и княжон.

За многочисленной группой императорской семьи блестящей лентой потянулась свита в богато расшитых придворных мундирах и платьях.

При виде государя с лица Безбородко сразу сбежала насмешливая, язвительная улыбка, которой он отозвался на слова Лопухиной. Да и она тоже, казалось, сразу забыла о своей

последней фразе, и, когда государь, отведя Марию Федоровну к ее месту на возвышении под балдахином, сам принялся обходить собравшихся, Лопухина встретила его взгляд с выражением страсти, пламенной любви, восхищения и покорности. Взгляд, которым он ответил ей на это, сразу растопил в Лопухиной малейший след раздражения, и она уже искренне просияла теперь.

Обойдя зал, государь вернулся к возвышению и сел рядом с государыней. Перекинувшись с ней несколькими словами — просто ради соблюдения формы, — он встал и сделал знак рукой.

Все в зале застыли в ожидании. С воцарением Павла Петровича был введен новый, не существовавший доселе обычай: на куртагах, вечерах и придворных балах государь лично объявлял собравшимся о задуманных им важных переменах; иногда он спрашивал кого-нибудь из присутствующих о его мнении по поводу задуманного, и тогда вечер превращался в законсовещательное заседание. Теперь, судя по взволнованному виду государя, все решили, что будет объявлено что-нибудь особенно важное.

Так оно и было.

Мы уже говорили, что в то время боролись две партии: Куракина и Безбородко. На стороне первой были государыня и прежняя фаворитка Нелидова, на стороне второй — Кутайсов и генерал Лопухин с дочерью. Переоценив свои силы, Куракин позволил себе ряд притеснений по отношению к старику Лопухину, жившему по-прежнему в Москве. Кутайсов, говоривший по этому поводу с государем пред выходом, сделал из этих притеснений мощное оружие против канцлера, а Мария Федоровна невольно подлила масла в огонь, упомянув, как мы помним, о своем разговоре с Куракиным.

Помолчав некоторое время и обведя зал взглядом, император наконец заговорил:

— Для государя всегда большая радость, когда ему предоставляется возможность отличить и возвысить человека, зарекомендовавшего себя верным подданным и работником. Таким человеком в данный момент для меня является генерал Лопухин, который оказал мне неоценимые услуги при реформи-

ровании русской армии, причем многое, на что не решался я сам, он произвел с такой быстротой, точностью и отчетливостью, что преисполнил меня величайшим удивлением и уважением к себе. Этот человек доказал, как много может совершить подданный, если проникается намерениями и планами своего государя и отождествляет свою волю с волей монарха. Поэтому я счел за благо возвести генерала Лопухина со всем его нисходящим потомством в княжеский сан, причем, торопясь известить генерала о последовавшей милости, я уже послал к нему в Москву князя Куракина. Для генерала будет двойной радостью выслушать эту весть из уст князя Куракина, потому что, как я узнал, князь Куракин был жесточайшим врагом генералу и доказал эту вражду рядом притеснений и незаконных издевательств. В этом отношении князь Куракин совершил величайшее преступление. Служа своему государю, он должен был понимать, что всякий полезный верноподданный — первый друг другого верноподданного. Князь же был врагом генералу. Так как преданность Лопухина уже засвидетельствована мною, следовательно, недостаточно верным подданным был именно Куракин; а потому ему повелено мною оставаться в Москве. Я освободил его от тягот службы мне, тем более что мне надоело терпеть возле себя человека, вечно со мной несогласного и готового бесчестно изменить при исполнении высказанную мною волю. Куракин осмелился забыть, что первый долг подданного — повиновение, что как у человека одна голова, так и у государства одна голова и что монарху нужны только дельные руки. Между тем Куракин именно хотел быть не рабочими руками, а приказывающей головой. Да послужит постигшая его немилость предупреждением всякому из вас!

Государь замолчал и снова обвел взором всех присутствующих. Он заметил гнев, сверкавший во взорах государыни, радость, переполнявшую лучистые глаза Лопухиной, растерянность, смущение одних придворных и торжество других. Он заметил также, что недовольных, смущенных, растерянных лиц было гораздо больше, чем радостных и торжествующих, и нахмурился.

Неизвестно, чем кончилась бы эта сцена, если бы внимание всех не было отвлечено в этот момент появившимися в зале новыми лицами.

Это был Кутайсов, который почтительно вел под руку старика Суворова.

Увидав последнего, государь просветлел и ласково улыбнулся старому герою. Но Суворов взглянул на него с такой угрюмостью и недоброжелательством, что Павел Петрович даже вздрогнул, и его недовольное лицо нахмурилось еще больше.

Все, затаив дыхание, ожидали самой бурной сцены. Не говоря уже о том, что Суворов осмеливался так непочтительно глядеть на государя, старый фельдмаршал позволил себе явиться на парадный вечер не в блестящем мундире, а в каком-то старом, весьма заплатанном и не менее замасленном одеянии.

Но каково же было удивление присутствующих, когда лицо государя снова просветлело.

Павел Петрович сошел с возвышения, быстрыми шагами подошел к старику и сказал, протягивая руку с самой очаровательной улыбкой:

— Бесконечно рад видеть вас снова у себя, фельдмаршал Суворов!

— Так-то оно так,— ворчливо ответил Суворов,— а только жалко, зачем это вашему величеству понадобилось тревожить меня поздно вечером. Ведь всем известно, что я ложусь спать вместе с курами, так как встаю в два часа, а тут вдруг является фельдъегерь, сажает меня в тележку и мчит в Петербург. Фу ты, Господи! Думал отдохнуть хоть тут, а меня ночью вдруг во дворец требуют... Положим, я мог бы самым спокойным образом оставаться в постели, потому что вашему величеству угодно было так обойтись со стариком, что ему никакой царь не нужен и не страшен... Ну да как-никак, а я — слишком русский человек, чтобы пользоваться преимуществами своего старческого положения. Вот я и пришел... Только простите за наряд, ваше величество! Сам знаю, что эта куртка неказиста, но раз меня лишили команды, так и этот мундир чересчур роскошен!

— Господи боже мой! — воскликнул в ответ государь. — Да неужели вы считали, что мы разошлись с вами навсегда? Прав-

да, я лишил вас командования, но потому, что вы действительно вели себя не очень-то хорошо по отношению ко мне. Но это все — мелкие ссоры, наши частные дразги, которые не могли помешать мне оставаться русским царем, а вам — фельдмаршалом Суворовым, жемчужиной русского народа. Не так ли? Ведь вы — все еще Суворов, которым может по справедливости гордиться каждый русский?

— Кукареку! — вместо ответа прокричал Суворов, делая вид, будто хлопает крыльями и нетерпеливо роет одной ногой землю.

— Вот великолепный ответ, — рассмеялся государь, — да, ответ, который лучше всего доказывает, что пред нами действительно Суворов. Так вот, разве нашему Суворову так уж повредит, если он однажды не ляжет вовремя спать? В обычное время можно ложиться, когда угодно, но если в поздний час необходимо столкнуться по поводу важной битвы, то может же царь потревожить своего фельдмаршала?

— Да почему вы, ваше величество, все зовете меня фельдмаршалом, когда я теперь милостью вашего величества вот что, — и Суворов с комическими ужимками дунул на пальцы, как бы сдувая бесконечно маленькую пылинку.

— Полно! — ответил государь. — Суворов никогда не переставал быть великим русским фельдмаршалом. Правда, вы задели мое самолюбие — далеко не худший из пороков, которым страдают венценосцы. Теперь я переболел и не могу долее отказываться от удовольствия видеть возле себя нашего славного русского героя! И первое, что я должен сделать, — это спросить вас, дорогой фельдмаршал, какого вы мнения о господах французах и их делах?

У старика Суворова заблестели глаза; он сразу забыл свое недовольство и воскликнул:

— Ах, ваше величество, французы — преподлый народ, но их Бонапарт — великий человек! Когда я в своем изгнании читал о его походах и успехах, то меня зло брало, почему я должен сидеть сложа руки. «Ах ты, дьяволенок ты этакий!» — думал я. Право, ваше величество, Бонапарт был бы достоин быть моим сыном. Я драл бы его, как сидорову козу, и тогда он стал бы

полководцем не хуже, чем теперь, но зато не стал бы потворствовать цареубийцам! Двадцать семь шкур спустил бы я с него, а дурь из головы выбил бы! Правда, это такой чертенок, что, говорят, с ним никому не управиться. Да только есть еще на свете старик Суворов. Помилуй Бог, молоденец еще Бонапарт, чтобы с Суворовым поладить! Эх, ваше величество, ваше величество! Как я умолял матушку Екатерину Алексеевну дать мне тысяч сорок бравых молодцов да пустить на французишек, а ее величество все — «погоди» да «погоди»! Наконец смилостивилась, дала... А тут — слышу — взял Бог к себе нашу матушку...

— Я очень рад слышать все это, — сказал Павел Петрович, подойдя еще ближе к старику и положив ему на плечо руку. — Рад тем более, что от души хочу дать тебе возможность померяться для торжества правого дела с Бонапартом...

— Уррра! — неистово закричал Суворов. — Спаси Господи люди Твоя!.. Матушка умерла, зато сынок жив... Ваше величество, — со слезами сказал он, сразу переходя в серьезный тон, — ведь мне уже шестьдесят восемь лет! Ведь пора уже мне совершить свою последнюю и лучшую работу!

— И вы сделаете ее, дорогой фельдмаршал! — торжественно сказал государь. — Только я дам вам не сорок, а семьдесят тысяч людей! А теперь скажу вам по секрету следующее: такой человек, как вы, много дороже всяких реформ и переобмундировок!

— Спасибо, государь, о, спасибо за эти милостивые слова! — воскликнул растроганный Суворов. — Земно кланяюсь вашему величеству за них!

Старик и в самом деле хотел отвесить государю земной поклон, но император ласково обнял его и не допустил опуститься на колена.

— Ну, значит, сегодня все опять налажено! — сказал он. — Но медлить нельзя, вам придется завтра же выехать в Вену, где вас встретят подобающим вам образом. Там вы в качестве моего уполномоченного обсудите с австрийскими генералами план совместной кампании, затем подоспеют наши войска, да и с богом на врага, за правое дело! А теперь до свидания, милый фельдмаршал! Ступайте домой и отдыхайте с богом!

Суворов низко поклонился государю, по обыкновению соединяя в этом поклоне шутовство и придворную элегантность, почтение и насмешку. Затем он быстро попятился к двери и скрылся.

Разговор государя с Суворовым отвлек внимание общества от инцидента с Куракиным — Лопухиным и вызвал после удаления фельдмаршала оживленный разговор среди присутствующих.

Сам Павел Петрович вернулся на свое место и обратился к супруге с каким-то замечанием. Он хотел вызвать ее на разговор, но государыня отвечала ему настолько кратко и односложно, насколько это только было возможно. Она окончательно не могла справиться с охватившими ее возмущением и негодованием на все то, что ей пришлось сегодня услышать.

Все, все усиливало ее дурное расположение духа. Итак, война все-таки будет объявлена? Ни с того ни с сего Россия вмешается во внутреннюю жизнь других государств, хотя в ней самой далеко не все благополучно и благоустроено! И во главе армии ставят Суворова? Императрица никогда не любила Суворова за его выходки и шуточки. Но это было еще туда-сюда. По ее мнению, было скверно то, что государь, постоянно проповедующий цельность абсолютистской системы и негибкость в проводимых мерах, сам отступил от своих взглядов. Ведь вышло так, что государь попросил прощения у Суворова, тогда как дерзкий фельдмаршал так и остался при своем. К чему же это было нужно? Если Суворов действительно один только способен победоносно закончить войну с Францией, то войну начинать нельзя: ведь Суворов стар и может умереть, что же будет тогда? А если он не один, так зачем же было государю внезапно идти на примирение и уступки?

Затем эта история с Куракиным. Князь был большим другом императрицы, и она лично страдала из-за его удаления. А главное — ведь это был преданный и честный патриот! Он бескорыстно служил русским интересам, и вот награда... Кто же рискнет быть честным с царем и бесстрашно указывать на его промахи, ошибки? Быть дерзким, как Суворов, можно, но быть честным, как Куракин, нельзя?

Это ли не опасный путь!



А главное — все это делалось для торжества Лопухиной! Ее партии хотелось войны, восстановления Суворова в прежнем значении, удаления Куракина, и все это сделано! О, государыня, как женщина, уже чувствовала всю оскорбительность случившегося!

Вдобавок ко всему этому поведение Лопухиной подливало еще больше масла в огонь раздражения Марии Федоровны. Спокойно выслушав слова государя о пожаловании ее отца и ее самой княжеским титулом, Лопухина и не подумала благодарить за это, а спокойно осталась стоять на прежнем месте, только ее взор, устремленный на императрицу, выражал язвительную насмешку, иронию, вызов.

«Ну кто ближе царю, кто ему нежнее?» — казалось, говорил этот взор.

— Ваше величество, мне дурно, я должна уйти к себе! — со стоном прошептала императрица.

Государь озабоченно подал руку Марии Федоровне и повел ее из зала.

Великие князья и княжны тоже тотчас же покинули балльный зал, а за ними оставили его и придворные дамы, и свита.

Вслед затем начался и разъезд.

XI

В последний период, будучи поглощен как военными делами, так и предпринятыми реформами управления, государь посвящал очень мало времени своим детям. Поэтому во дворце произвело большое впечатление, когда однажды государь приказал юной княжне Александре явиться к нему в кабинет.

Не без тайной жути подчинилась молодая девушка этому приказанию отца. Она совершенно не могла представить себе, с какой целью требует ее отец, и именно неизвестность-то и томила ее больше всего. Ведь государь стал такой странный в последнее время! Он был хмур, озабочен, иногда сердился без причин, другой раз без причины сиял. Как знать, в каком именно настроении позвал он ее?

Великая княжна вошла в кабинет к отцу бледная, смущенная, взволнованная. Но ласковый привет, которым встретил ее отец, и его задумчиво-спокойное лицо ободрили девушку, и она уже значительно спокойнее села по его приглашению в кресло подле стола.

Александра Павловна была любимой дочерью государя. В последние недели ему совершенно не пришлось видеть ее, и теперь Павел Петрович с искренней, нескрываемой радостью встретил приход дочери. Это была самая красивая, умная, обворожительная из всех великих княжон, да и, пожалуй, самая несчастная тоже. Разрыв с юным шведским королем, помолвленным с нею, болезненно отразился на ней; она впала в тяжелую меланхолию, стала задумываться и в конце концов слегла так, что врачи не надеялись на ее выздоровление. Болезнь сильно отразилась на ее наружности, и теперь Павел Петрович с радостным удивлением заметил, что в течение того времени, пока они не видались, молодость снова взяла свое, и Александра Павловна опять ослепляла чарующей красотой.

— Дорогая Александра, — начал государь, — я должен серьезно поговорить с тобой. Ты до сих пор была все еще так молода, что не приходилось задумываться относительно твоей дальнейшей судьбы. Правда, несмотря на молодость, ты уже успела испытать недетское горе. Но несчастную историю с шведским королем твое сердечко осилило наконец, как я вижу, и опять ты сияешь беззаботной весной. Таким образом, я надеюсь, что ты позволишь мне озаботиться выздоровевшим сердечком и приискать тебе жениха, который авось будет тебе не менее мил, чем первый герой твоей милой юности!

Догадавшись уже по первым словам отца, что он имеет в виду, Александра Павловна густо покраснела и испуганно задрожала, а затем промолвила:

— Милый папочка, умоляю тебя, не говори мне о браке! Правда, я больше и не думаю о короле Густаве, но мое сердце опустело и там нет места новой любви. Я страстно желала бы навсегда остаться незамужней и умереть, не разлучаясь с тобой!

— Ну, ну, — сказал государь, ласково поглаживая руку дочери, — не будем тратить время на пустые разговоры! У поря-

дочной девицы сердце не может опустеть от того, что ловкий хват, влюбивший ее в себя, оказался негодяем. Выслушай меня, пожалуйста, внимательно и спокойно! Ты знаешь, что я никогда не благоволил к тому брачному проекту. Конечно, я не мог идти против желаний моей матери, а твоей бабушки, да и жаль было бы мне насиловать твои чувства, которые ты так беззаветно отдала этому молодчику. Но мне лично он никогда не нравился. Уж один его костюм чего стоил... Ну, да не будем тревожить прошлое! Скажу просто: хотя я никогда не прощу этому господину, что он осмелился поступить с дочерью русского императора, как с какой-то деревенской лавочницей, но в душе я рад, что этот брак расстроился, рад, потому что не верю в возможность твоего счастья с ним, с политической же точки зрения брак с шведским королем был бы бессмыслен и бесполезен. Теперь я нашел тебе другого жениха. Один из австрийских принцев имеет честь просить твоей руки, Александра! Прочный союз с австрийской императорской семьей всегда казался мне очень желанным. Австрия — это не какая-то рыбацкая Швеция; с нею нас связывают совместные интересы, и твой брак должен положить начало сердечному слиянию обеих наций в дружбе и уважении. Принц, о котором я говорю, — австрийский эрцгерцог Иосиф, палатин венгерский, соединяющий вместе с блеском рождения истинно рыцарское сердце. Как только мы изъясним наше согласие, эрцгерцог явится лично в Петербург.

На лице великой княжны явно отразилась сильная, душевная борьба.

— Прошу дать мне время на обсуждение, — сказала Александра Павловна.

— Обдумай мое предложение, Александра, но, пожалуйста, сделай это поскорее. Я был бы очень рад, если бы ты свободно вынесла благоприятное для меня решение. Ты доказала бы этим, что достаточно близко принимаешь к сердцу интересы, как мои, так и всей России. Пойми, совместные действия наших войск против революционных французов положили начало дружбе наций, а победы Суворова вызвали среди австрийцев чувство уважения к нам. Если эрцгерцог Иосиф и великая княжна Александра Павловна подадут друг другу руки,

то это окончательно скрепит две могущественные страны, и таким образом, воюя против Франции с оружием в руках, мы мирно завоюем Австрию! Теперь это зависит от твоего «да» или «нет»!

— О, папа,— оживленно воскликнула Александра,— как я рада, что война в Италии пошла соответственно твоим надеждам и ожиданиям, и как я тебе благодарна, что даже среди таких больших забот ты не забываешь обо мне, о моей жизни и счастье! И раз ты связываешь это счастье еще вдобавок с политической миссией, раз я действительно могу быть полезной тебе и родине, то не стану и раздумывать! Я согласна, отец!

— Я всегда любил своих детей! — воскликнул государь, сердечно обнимая дочь.

В этот момент дверь с силой распахнулась, и в кабинет вбежал великий князь Константин. Он был в глубоком трауре, что составляло резкую противоположность его страстным, быстрым движениям.

Нельзя сказать, чтобы государь любил этого своего сына; последний отталкивал его своей несдержанностью, резкостью и дерзостью. Когда Константин был еще подростком, ему, по приказанию императрицы Екатерины, для забавы дали роту солдат, так как у великого князя с самого раннего детства сказывалась сильная склонность к военной карьере. Но в первый же день, вздумав произвести учение этой роте, Константин впал в такую ярость от недостаточно стройной маршировки, что избил офицеров палкой, а нижним чинам вышиб зубы.

Тогда у него отобрали эту роту и вернули только в виде свадебного подарка: Константина женили на принцессе Саксен-Кобургской.

И тут великий князь выкинул фортель. В первую же брачную ночь (около трех часов утра) он бросил молодую жену, чтобы произвести учения своей роте. По этому поводу Мария Федоровна сказала мужу: «Уж не знаю, действительно ли это военное неистовство обещает в Константине хорошего генерала, но только плохого семьянина оно в нем сразу обнаруживает!»

Помимо всего этого Константин отличался тем, что не стеснялся вслух, открыто смеяться над отцовскими мероприятиями.

ми и указами, причем эти насмешки зачастую облекались в более чем оскорбительную форму. Все это, разумеется, не могло содействовать установлению хороших отношений между отцом и сыном.

Павел Петрович знал о резких выходках и замечаниях Константина по его адресу и проявлял далеко не отцовскую нежность в его присутствии. Однако Константин, видно, нисколько не огорчало это обстоятельство. Он платил своему августейшему отцу тою же монетою.

Обыкновенно Константин Павлович никогда не заходил к отцу без особенно важных причин. Если же он сделал это сегодня, то по приказанию самого Павла Петровича. Сегодня было назначено торжественное погребение тела последнего польского короля, Станислава Августа, и Константин должен был зайти за отцом для присутствия при печальной церемонии.

— Может быть, я пришел не вовремя,— сказал он, заметив недовольный взгляд отца,— но ваше величество соизволили приказать мне явиться в этот час, чтобы доложить, готово ли все для погребения. Так как все готово, и лошадь, на которой ваше величество соизволите отправиться, подана, то я и явился сюда.

— Я очень рад,— холодно ответил император,— если ваше высочество на этот раз сделали все действительно хорошо. Но это еще не дает вам основания являться раньше времени, а вы пришли ровно на две с половиной минуты ранее назначенного мною часа. Но,— продолжал он, подойдя к окну,— насколько я вижу, пока еще ровно ничего не сделано. Может быть, вы и отдали соответствующие приказания, но пока еще я не вижу многих лиц, которые должны принять участие в процессии. Приказать мало, надо проследить, исполнено ли приказание, и эти две с половиной минуты вы могли бы употребить именно на это! Заметьте себе, ваше высочество, что хороший солдат никогда не должен являться раньше времени. Опаздывать плохо, но опоздание можно наверстать, а преждевременное появление иногда приводит к проигрышу целого сражения!

— В таком случае,— с дерзкой усмешкой ответил великий князь,— мне лучше всего сразу сознаться, что заставило меня

совершить столь ужасное преступление и явиться на целых две с половиной минуты раньше времени! Дело идет о просьбе, исполнением которой ваше величество несказанно обяжете меня. Вот я и хотел успеть замолвить за себя словечко до похорон. Дело в следующем. Мне очень хотелось бы отправиться в Италию на театр военных действий. Там совершаются великие дела, там творятся такие подвиги за царя и отечество, что мне просто стыдно киснуть в Петербурге. Вот я и прошу разрешения вступить добровольцем в армию фельдмаршала Суворова.

Государь ответил на эту просьбу сына язвительным хохотом.

— Могу себе представить, что именно гонит в бой несчастного мужа! Ты чувствуешь себя не очень-то хорошо в объятиях супружеской любви, вот тебе и пришло в голову принять участие в подвигах за царя и отечество! Ну, что же, я не откажу тебе в спасающей руке! Даже больше, я облеку твоё бегство от семейного очага в государственную миссию. Ты передашь Суворову оправленный бриллиантами портрет благодарного ему государя вместе с просьбой носить его на своей груди. Я чувствую себя в большом долгу пред нашим героем — ведь он делает там просто чудеса! Так вот, я сегодня же назначу лиц твоей свиты, и завтра ты можешь отправиться в путь. В данный момент ты застанешь Суворова еще в Турине, однако он пробудет там недолго, потому что неутомимый старик уже изыскивает подходящее поле для новой, решительной битвы. А теперь выслушай то, что касается лично тебя. Я не могу допустить, чтобы ты лез к Суворову в качестве сотрудника, потому что для этого Суворов слишком велик, а ты еще слишком ничтожен. Я напишу фельдмаршалу письмо, в котором попрошу его дать тебе возможность не вмешиваясь наблюдать за всеми военными операциями, дабы ты мог извлечь из этого полезные уроки для будущего. Но никакого личного участия ты принимать не должен и во всяком случае я строжайше запрещаю тебе соваться туда, где твоей жизни будет угрожать хотя бы малейшая опасность.

— В таком случае,— со злобой воскликнул великий князь,— я предпочитаю вообще оставаться дома и никуда не ездить. Жа-

лею, что побеспокоил ваше величество просьбой; исполнения ее мне теперь вовсе не нужно. Можете быть спокойны, с моим семейным счастьем дело обстоит далеко не так плохо и я в состоянии выдержать его еще довольно долго.

— Ну нет,— возразил государь,— нет, милейший Константин, здесь тебе оставаться нельзя! Ты сам навел меня на мысль послать Суворову знак моей признательности, а для передачи подарка у меня нет человека более подходящего, чем ты. Что касается твоей, как мне кажется, не очень-то счастливой семейной жизни, то это уже твое дело; я не вмешиваюсь, устраивайся, как знаешь. Да и то сказать, в нашей семье со счастливыми браками всегда не везло, хотя теперь, я надеюсь, дело изменится, и твоя сестра, только что выразившая свое согласие на сделанное ей через меня предложение, будет не в пример прочим очень счастлива. Можешь передать Суворову, что ее высочество великая княжна Александра Павловна намеревается выйти замуж за брата императора, эрцгерцога Иосифа!

Константин Павлович с неподдельным участием повернулся к сестре и в теплых выражениях пожелал ей счастья; она ответила на них так же сердечно и ласково. Видно было, что брата и сестру связывала очень нежная симпатия.

Государь некоторое время смотрел на них обоих и потом сказал:

— Так вот, Константин, будь готов завтра же выехать и не забудь предупредить об этом свою энергичную и чересчур легко вспыхивающую супругу, а то она еще устроит нам здесь скандал из-за тебя... Вообще, я думаю, тебе будет не худо покинуть на некоторое время Петербург. Уж очень все как-то серо и недружелюбно здесь. Люди смотрят на нас словно людоеды, собирающиеся позавтракать и желающие выбрать кусочек лучше.

— О, в таком мизерном положении может оказаться только император! — с резким смехом перебил отца великий князь. — Мы, великие князья, слишком лишены всякого значения и влияния, чтобы иметь столько врагов, сколько, быть может, мы заслуживаем. Зато ваше величество представляет собою несравненно более лакомый кусочек для завтрака. Да и немуд-

рено! Вы только и занимаетесь тем, что дразните худшие инстинкты людей, и в результате получается то, что если кому-нибудь удастся наступить хотя бы на кончик носа царской тени на полу, то и это делается со сладострастием и связывается с определенными мыслями!

— Что же может поставить в вину мне хороший русский? — спросил Павел Петрович, невольно отступая на шаг назад, — так поразила его страстная язвительность в интонации и мимика сына.

— Господи! — воскликнул Константин. — Да ведь ваше величество только и делаете, что бросаетесь из одной крайности в другую. То вы носитесь с мужиками, изливаете на них океаны милостей, хотите сделать из них первое сословие в стране, а потом ни с того ни с сего на них же сыплются строгости, и если следствием нового указа являются волнения среди них, то несчастных мужиков карают, как самых страшных бунтовщиков. Каких-нибудь негодяев, лакеев без стыда и совести вы чуть не ежедневно возносите на высоты почета, а заслуженного генерала Мейендорфа, лучшего знатока кавалерийского дела в России, вы самым унижительным образом отправляете в ссылку за старый мундир, надетый впопыхах. Вы ненавидите и преследуете гвардейцев, а они мстят за это самым жестоким образом, потому что прозвище «проклятые пруссаки», данное теперь остальным солдатам, изобретено гвардейцами, и это порождает ненависть и рознь между отдельными войсковыми частями, между боевыми единицами, государь! Жилеты и фраки, уже вошедшие во всеобщее употребление, теперь ни с того ни с сего запрещены, и люди боятся шить себе что-нибудь другое, потому что и это другое может быть запрещено завтра же. Из уст в уста передают рассказ о несчастном декораторе-французе, который, работая в церкви на лесах, снял кафтан и остался в брюках и жилете, чтобы свободнее было работать. Несчастливого отодрали за это, как только можно было. А ведь это был француз-легитимист, за братьев которого сражается Суворов. Рады ли будут французы такой помощи? Словом, нет такого потаенного уголка в России, где бы не трепетали пред царем, словно пред диковинным чудовищем, способным в любой

момент разразиться неожиданными карами. Да знаете ли вы, ваше величество, что маленькие великие князья и княжны, играя в разбойников, для вашей иллюзии учатся подражать гримасам разгневанного царя, так как страшнее этого они не могут ничего представить себе? Никто не чувствует себя в России в безопасности, а те, кто почтен милостью царя, трепещут более всего, так как, чем крупнее была вчера милость, тем огромнее может быть завтра кара. И то и другое одинаково незаслуженно... Словом, народ, встречая на улицах ваше величество, не знает, встречает ли он данного ему Провидением царя, который должен заботиться об их славе, могуществе и безопасности, или ему повстречался бич Божий, ниспосланный в наказание за прошлые грехи!

Государь, по мере того как Константин говорил, краснел все больше и больше. Он даже не мог сердиться — так неожиданно было ему слышать эту страстную, прямую речь. Он пытался прервать сына, приказать ему замолчать, но каждый раз, поднимая на него свой взор, встречал такой убежденный, такой пронизывающий взгляд его, что невольно потуплялся снова и начинал чувствовать, что смущение все более и более овладевает им.

Константин замолчал. Он тяжело дышал, и видно было, как он волновался, как страдал, говоря все это. Молчал и государь. Прошла минута невыразимо томительного смущения.

Вдруг чей-то жалобный стон прорезал тишину. Павел Петрович вздрогнул, поднял голову и заметил, что простонала Александра Павловна, о которой оба они забыли и которой было до ужаса неприятно присутствовать при таком тяжелом разговоре между отцом и братом, одинаково любимыми ею.

— Ступай к себе, дитя мое, — ласково сказал ей государь, — здесь ты не научишься ничему хорошему!

Великая княжна с видом величайшего облегчения выбежала из комнаты.

Помолчав некоторое время, государь заговорил:

— Я никогда не подумал бы, что все мои стремления нашли такую печальную оценку. Разумеется, я никогда и не рассчитывал нравиться всем и каждому, потому что в этом случае я должен был быть полнейшим нравственным ничтожеством. Не нравиться никому — в этом еще чувствуется определенное ве-

личие, потому что сильный человек должен быть всегда готов к тому, что его не оценят, не поймут, не разгадают. Но с этим считаться нельзя. Пусть все ворчат — лишь бы я сам чувствовал, что исполняю по крайнему разумению свой долг. И я надеялся на то, что страна встретит с некоторым удовлетворением мой образ действий по отношению к Франции. После того как Суворов завоевал Турин, Мантую, покорил все прочие крепости и захватил весь Пьемонт, парижская директория слала мне курьера за курьером, умоляя о мире. Сам Суворов присоединился к этим просьбам. Я же сказал, что это было бы оскорблением России, ее воинству, если бы я остановился на полудороге. И я думал, что русские скажут: вот царь, который видит свою честь в чести России, и пусть он — друг или недруг крестьян, пусть он закрывает вольные типографии, запрещает чтение французских газет, ношение жилетов, фраков и старых мундиров, он все-таки истинный друг России. И вот... — говоря это, государь задумчиво посмотрел в окно. Вдруг его мысли приняли новое направление, и он сказал: — Однако теперь, как я вижу, уже собрались все лица, назначенные мною участвовать в погребении польского короля; нам пора! Пойдем, Константин! — и, не дожидаясь ответа сына, он резко повернулся и твердым, прямым, как он сам, шагом, направился к двери.

Великий князь последовал за ним.

XII

Всецело отдаваясь государственным делам, не имея зачастую времени для сна, Павел Петрович находил тем не менее время на то, чтобы лично следить за возведением новой, задуманной им постройки.

Зимний дворец с его потайными ходами и запутанными коридорами представлял собой не очень-то безопасное убежище, а между тем в последнее время государю приходилось порой задумываться и об этом. Кроме того, Зимний дворец был слишком полон воспоминаниями, тенями прошлого, а Павлу Петровичу хотелось создать для царской семьи нечто совершенно новое — ведь он верил в то, что его царствование знаменует со-

бою новую эру для страны, а такому царствованию следовало иметь свой памятник.

Исходя из этого, государь предпринял постройку нового дворца, который был назван Михайловским. Этот дворец обошелся в огромную сумму, что представляло собой немалую жертву в такое время, когда война и без того отнимала массу денег... Но государь не смотрел ни на что — так страстно хотелось ему видеть осуществление своей мечты. Поэтому, когда в ноябре 1800 года дворец был приблизительно готов, государь поторопился поскорее переехать туда, хотя внутри него была такая сырость, что со стен лили потоки воды.

Но окончательное переселение царской семьи было отложено на девятнадцатое число, когда предполагалось отпраздновать новоселье парадным обедом, после которого вечером предполагался пышный маскарад.

Все утро этого дня государь находился в большом нетерпении. Пока он еще занимался в кабинете Зимнего дворца, но ему хотелось поскорее съездить в Михайловский, чтобы посмотреть, все ли там готово. Однако сначала он хотел исполнить одно дело, которое в его душе как-то странно связывалось с окончательным переездом в новое, безопасное жилище.

Это дело касалось гусара Бауэра, который до сего времени служил в суворовской итальянской армии, но был отправлен фельдмаршалом под строгим арестом в Петербург с донесением о том, что он, Бауэр, хвастал пред прочими офицерами своего полка готовностью убить царя, для чего ему пока еще не хватало только удобного случая, но едва этот случай настанет, как он, Бауэр, ни в коем случае не упустит его.

Суворов не хотел сам решать, как быть в столь исключительном деле, а потому и отправил Бауэра в Петербург. Здесь военный суд приговорил гусара к смертной казни, но государь к удивлению всех заменил ее пожизненным заключением в крепости.

В течение десяти месяцев, во время которых Бауэр находился в крепости, государь беспрестанно интересовался им и справлялся о нем. В первое время донесения были очень неблагоприятны для узника: он неистовствовал, сыпал на голову царя жесточайшие проклятия, разражался бессмысленны-

ми угрозами. Но потом в его поведении произошел какой-то перелом. Бауэр съезжился, затих, стал часами молиться в своей камере и всем своим видом свидетельствовал о глубочайшем раскаянии.

Государь пожелал воспользоваться просветлением арестанта, чтобы лично допросить его и узнать, как могла прийти ему в голову мысль о цареубийстве.

Когда Бауэра доставили под конвоем во дворец, государь приказал ввести арестованного к нему в кабинет без всякой стражи.

Вид узника произвел на Павла Петровича сильное впечатление. Он думал увидеть какого-то зверя, злодея по наружности, а перед ним был очень молодой, стройный, изящный человек, которого не портил даже ужасный арестантский костюм. Государь подошел к упавшему на колена узнику и долго всматривался в его кроткие голубые глаза, как бы желая прочесть там ответ на интересовавший его вопрос.

Узник не опустил взора перед пытливым взглядом императора. Произошла продолжительная и тяжелая немая сцена.

— Ты — тот самый Бауэр, который хвастался тем, что в любой удобный момент убьешь царя? — тихо спросил Павел Петрович. — А между тем твой вид не говорит ни о злодействе, ни о развращенности. Полагаясь на него, я доверил бы тебе жизнь любого человека... Или убить царя легче, чем простого человека? Что ты думал об этом?

— Простите безумца, ваше величество! — воскликнул Бауэр. — Я сам не понимаю теперь, как это могло прийти мне в голову. Мне даже кажется, что я был не в полном разуме. Разве стал бы я иначе вслух говорить о таких замыслах? В Италии было очень жарко, у меня кружилась голова. И вот однажды я задумался о страданиях России, и у меня мелькнула мысль, что эти страдания прекратились бы, если бы вашего величества не стало на свете. Я отогнал от себя эту мысль, но по мере того, как жара усиливалась, мною овладевало все более и более сильное, непреодолимое желание говорить, кричать, вопить о необходимости убийства нашего государя!

— Неужели это возможно? — с величайшим удивлением спросил государь. — О да, я знаю, что в помраченном уме мо-

гут затаиваться самые противоестественные мысли. Но мысль о цареубийстве. Боже мой, да как же можно дойти до такой мысли? Как же должен себя чувствовать человек, которым овладела она?

— Мне кажется,— с трепетом ответил молодой офицер,— что только глубокая вера в необходимость акта и очень важные причины могут привести человека к этому. У него должны быть сильный ум и жестокое сердце. Он должен быть в состоянии одним мановением ока окинуть весь исторический и политический горизонт, чтобы безошибочно найти на нем темную точку, обуславливающую цареубийство, как необходимость... Похож ли он или нет на прочих людей — не знаю, но, в то время как сердце должно окостенеть у него еще до того, как он придет к этому решению, дьявол неминуемо должен наложить свой отпечаток на его взоры, выражение лица и движения.

— И все это для того, чтобы убить государя? — грустно сказал Павел Петрович.— Разве государя легче убить, чем простого человека? Ах, если бы ты знал, какое невыразимое мучение, пока выяснишь себе и решишь, какой именно дорогой должно идти ко благу государства и для оправдания своего сана! Ведь цари — мученики! Они разрушают надежды, казнят, карают, а сами страдают за каждую жертву политической необходимости, потому что в них борется государь с человеком. Убить царя! Но ведь если сам царь не желает смерти, то только потому, что не хочет сбежать с поста, как трусливый часовой! Царь говорит: «Да свершится воля Твоя!» — и страдает, страдает без конца... Нет, я не хочу верить, что в тебе говорила злая воля. Мне ближе та мысль, которую ты выразил: жара помutilа твой ум, и в припадке безумия ты говорил о том, о чем не мог серьезно думать. Виной жара, страдания похода... А вы действительно страдали от жары?

— О да, ваше величество,— ответил Бауэр,— мы сильно страдали от жары, усталости и голода. Правда, иногда на этой почве разыгрывались пресмешные истории, вызывавшие смех у солдат и поднимавшие их дух. Не говоря уже о том, что сам фельдмаршал всюду шел с шуткой, с ласковым, ободряющим словом, иногда судьба посылала минуты веселости. Так было однажды с его высочеством великим князем Константином. Его

высочество от голода дошел до полного отчаяния и изнеможения. Однажды, когда наши войска проходили деревней, где мы рассчитывали приобрести пищевые запасы и ровно ничего не нашли, великий князь с отчаяния стал предлагать крестьянам пригоршню золотых дукатов за пару картофелин и ломоть хлеба. Но у крестьян у самих ничего не было. У великого князя даже слезы выступали на глазах, но он сейчас же оправился и сказал: «Говорят, что желудок принца может переварить что угодно. Уж не попробовать ли мне позавтракать этими дукатами?» Мы невольно расхохотались, и сам великий князь, забыв муки голода, хохотал громче всех!

— Вот как? — смеясь, сказал государь. — Ну, что же, я очень рад, что великому князю пришлось помучиться. Я отпустил его в Италию с приказанием сейчас же вернуться обратно и отнюдь не принимать участия в военных операциях. Но он бомбардировал меня с пути и из Италии письменными просьбами о разрешении остаться при войсках. Очевидно, жажда воинских подвигов была в нем не слабее жажды попользоваться парой итальянских картофелин, за которые он был не прочь отсыпать пригоршню дукатов, что само по себе очень многозначительно для такого человека, как его высочество. Но теперь он вернется героем, хотя и с подведенным от голода желудком... — Государь с улыбкой задумался о сыне. Вспомнив затем, кто такой Бауэр и зачем тот здесь, он тряхнул головой, отгоняя посторонние мысли, и сказал: — Так вот и я уже высказал, что считаю твою болтовню просто следствием временного затемнения разума. Десять месяцев крепости — достаточное наказание за бессмысленную болтовню. Восстанавливаю тебя в прежнем чине и достоинстве с зачетом проведенного в тюрьме времени; ты как будто никогда не покидал полка. Забудь о тюрьме, чтобы забыть также о прежних безумных мыслях. А чтобы ты мог рассеяться после десятимесячного воздержания и поста — вот тебе немного денег!

Государь кинул пораженному офицеру кошелек с деньгами, ласково кивнул головой и поспешно вышел в другую комнату, чтобы отдать соответствующие распоряжения и избежать выражений признательности нежданно обласканного им офицера.

Новоселье в Михайловском дворце было отпраздновано парадным обедом, к которому были приглашены только немногие избранные. Зато на бал, который должен был последовать через несколько часов после обеда, были разосланы приглашения в самые широкие круги, и едва только бурная ноябрьская ночь спустилась на землю, как залы нового дворца, освещенные «а-джиорно», стали наполняться приглашенными.

Редко когда государь был в таком великолепном настроении духа, как в этот вечер. Он с особенным удовольствием лично водил особо почетных гостей по помещениям дворца, чтобы похвастаться дивным мрамором и бронзой, приобретенными в Риме и Париже для украшения нового дворца. Действительно, все здесь по первому взгляду чаровало взоры, и гости искренне восхищались всем виденным. Но — странное дело! — зачастую возгласы восхищения вдруг смолкали, и это случалось каждый раз, когда гости внимательнее приглядывались к стенам: из-под дорогих картин виднелись крупные капли сырости, потолки были в сероватых подтеках, в углах золоченых стен разрасталась зеленая плесень.

Но сам император, казалось, даже не замечал этого и продолжал с восхищением показывать гостям богатое убранство комнат. Он, как ребенок, которому только что дали новую игрушку, не только не переставал любоваться ею, но и хотел, чтобы ею восторгались другие, а потому водил за собою по бесконечной анфиладе огромных зал пышную толпу.

В то время как внимание государя было отвлечено этим, в одном из дальних зал, в углу, собралась группа людей, о чем-то таинственно перешептывавшихся между собой. Несмотря на то что император был далеко, а в соседнем зале шли оживленные танцы, разговаривавшие по временам испуганно осматривались по сторонам.

Среди них заметнее всего была фигура графа фон Палена, недавно назначенного командующим всех расположенных в Петербурге военных сил.

Казалось, что в этом кружке Пален играл первую скрипку.

— Право, стоит полюбоваться,— произнес он, поблескивая черными, жгучими глазами,— как его величество выбивается из сил, показывая гостям и подданным великолепие нового дворца! Его величество от восторга даже надулся, словно шар! Жаль только, что стены отнюдь не разделяют высочайших чувств. Он радуется жить в них, а они плачут сыростью от огорчения принимать его...

— По-моему, этот дворец является отличным символом теперешнего жалкого состояния России,— отозвался граф Бенигсен.

Это был один из храбрейших русских полководцев, уже неоднократно отличавшийся в кампаниях последнего десятилетия царствования Екатерины II. Хотя Павел Петрович и недолюбливал Бенигсена, но способности и старательность последнего были настолько велики, что государю еще недавно пришлось пожаловать ему чин генерал-лейтенанта. О том, что Бенигсен отвечает ему такими же, если не еще более враждебными чувствами, государь отлично знал, но сам он в высокой степени отличался тем, что различал своих личных врагов от вредных, по его мнению, людей для страны и, насколько он бывал беспощаден к последним, настолько же терпимо относился к первым.

— Да,— повторил Бенигсен,— этот дворец является отличным символом теперешнего состояния России. Ведь и в нашей несчастной родине из-под показной роскоши указов и правительственных забот явно проступают гниль, плесень и тление. Так пусть же проклятие упадет на голову того, кто...

— Бога ради, Бенигсен,— испуганно сказал Пален, положив руку на плечо генерала,— оставь эту опасную тему! Я знаю, что ты собирался сказать, но подумай сам, дорогой друг, разве для успеха нашего дела не требуется прежде всего величайшая осторожность? Малейшее легкомысленное слово способно погубить и нас, и нашу великую задачу... А главное, ты ошибаешься чуть ли не в исходной точке нашего проекта. Да, я согласен, что настоящая система правления ведет страну к гибели, что не Божья рука направляет деятельность нашего несчастного монарха. Поэтому-то я и хочу поставить на карту все, чтобы до-

биться его отречения. Но отречения, Бенигсен, отречения, а не смерти! Пусть ни единый волосок не спадет с главы Божьего помазанника, иначе я первый отступлюсь от нашего дела!

Бенигсен с нескрываемой иронией обвел насмешливым взором остальных участников собеседования и, увидав, что на их лицах тоже отразились негодование и возмущение излишней осторожностью и совестливостью Палена, хотел сказать что-то очень едкое. Но в этот момент он увидал, что к их группе приближаются еще трое военных, и воскликнул:

— А, князьки! Добро пожаловать! Идите-ка да послушайте, как наш добродетельный Пален проповедует высшую мораль!

«Князьками» оказались трое Зубовых. Хотя, как мы знаем, Павел Петрович и изгнал Платона Зубова, а остальных подверг удалению от двора в немилости, но партия заговорщиков, видевшая в Зубовых надежных помощников и пособников, работала до тех пор, пока государь вновь не призвал их к себе. Впрочем, об истинных мотивах возвращения Зубовых мало кто знал и в придворном обществе ходили относительно этого самые невероятные истории. Говорили, что один из Зубовых хотел выкрасть у старика-герцога курляндского его красавицу и богатую наследницу-дочь и что остальные братья своими бесчинствами окончательно дискредитировали русское имя за границей. Поэтому все ждали, что Зубовых с возвращением их ожидают строгие кары, так что их появление на блестящем празднике было встречено крайним изумлением. Никто не знал, что заговорщики сумели ввести в заблуждение даже самого Кутайсова, по представлению которого государь и вернул милость Зубовым. Кутайсов совершенно искренне доказывал, что теперь, когда Россия быстрыми шагами идет к внешней и внутренней мощи, следует позаботиться о сплочении вокруг трона дворянства, а для этого надо забыть старые вины и объединить около престола все высшее русское дворянство общей государственной милостью.

Кутайсов был искренне уверен, что подает императору благой совет. Но, кроме того, он был также лично заинтересован в возвращении Зубовых. Дело в том, что Кутайсов, возведенный недавно в графское достоинство, хотел утвердить и укрепить в стране новый титулованный род, а это было возможно только в

том случае, если Кутайсовы породнятся с другими, более древними родами. Умри сегодня государь и лишись благодаря этому Кутайсов своего влиятельного положения, как завтра уже все будут смотреть на Кутайсовых свысока, как на людей недавнего, низкого происхождения. Совсем другое будет, если ко времени смерти государя второе поколение Кутайсовых будет уже связано узами брака с первыми родами России. Вот почему, когда заговорщики намекнули Ивану Павловичу, что Платон Зубов очень не прочь предложить свою руку и сердце дочери Кутайсова, Екатерине Ивановне, то Кутайсов и принялся хлопотать пред государем о помиловании Платона, Валерьяна и Николая Зубовых.

Хлопоты Кутайсова увенчались успехом, и теперь все трое Зубовых были также приглашены на «новоселье» в Михайловский дворец.

— Проповедует высшую мораль? — улыбаясь, переспросил Платон. — И разумеется, в отношении интересующего нас проекта? Ну, что же, это ничему и никому не мешает. Мне рассказывали про разбойника итальянца, который отличался таким благочестием, что не выходил на работу, не помолившись Богу, а по возвращении приказывал служить заупокойные обедни за убиенных. «Мне нужны их кошелёк, их молчание, — говорил он в объяснение этого, — но лишать их вечного спасения я, как добрый христианин, не считаю себя вправе!» Если перефразировать это изречение соответственно нашему положению, то...

— Господа, — прошептал вдруг генерал от артиллерии князь Татшвили, — обратите внимание, с какой подозрительностью наблюдает за нами Кутайсов!

— Мой нареченный тестюшка? — смеясь, воскликнул Платон Зубов. — Пойду приветствовать его и справлюсь о здравии очаровательной Екатерины Ивановны. А вы, друзья мои, лучше всего разойдитесь, потому что в последнее время мы стали действовать уж очень на виду.

— И это я считаю самым безопасным, — возразил Пален. — Вообще, господа, у меня есть план, которым я надеюсь придать нашему несчастному заговору характер государственной миссии. Но в данный момент Зубов прав, и нам лучше разойтись!

Действительно, кружок стал мало-помалу таять и заговорщики постепенно расходились в разные стороны, как бы продолжая начатый невинный разговор.

Пален остался один. Опустив голову, он медленно побрел к дальней гостиной; там никого не было, и граф задумчиво опустился в одно из кресел.

Через некоторое время послышался шум быстрых шагов, и в гостиную вбежал великий князь Александр. Он был очень возбужден танцами, его матово-бледное лицо теперь сильно покраснелось, а глаза сверкали веселостью и энергией.

— А, вы здесь, милейший Пален? — весело сказал он, опускаясь в кресло. — Какой удачный бал сегодня! Не правда ли, граф?

— Ваше императорское высочество, — торжественно сказал Пален, вставший при входе великого князя и теперь вновь усевшийся рядом с ним, — позвольте мне поговорить с вами без всякого стеснения и оговорок. Я знаю, что на балах не принято говорить о серьезных делах, но время не терпит, и если мы не примем мер, то все мы, все, не исключая и вашего высочества, погибнем.

— Вы пугаете меня, милый Пален, — озабоченно сказал великий князь. — В чем дело?

— Я уже имел не раз случай обсуждать с вашим высочеством положение момента и доказывать, что все мы идем к гибели. Я говорил вам, что его величество явно нездоров душою и что эта болезнь требует от нас принятия соответственных мер. В последнее время душевная болезнь его величества настолько возросла, что опасность стала крайней. Неужели, ваше высочество, вы думаете, что вы хоть сколько-нибудь в безопасности при настоящем положении вещей? Государю приходят странные мысли в голову. Так, не далее как вчера он в моем присутствии заявил, что считает для государя необходимым быть совершенно одному и что семья только стесняет венценосца в его намерениях. Насколько я знаю из других источников, государь собирается удалить императрицу Марию Федоровну в Архангельскую губернию, а вас, ваше высочество, посадить в Шлиссельбургскую крепость. Как только его высочество Константин

Павлович вернется из итальянского похода, его посадят в Петропавловскую крепость...

— Но к чему вы говорите мне все это, граф? — бледнея и хватая Палена за руку, спросил великий князь Александр Павлович.

— Для того чтобы пояснить вашему высочеству, в какой опасности находится в данный момент Россия. Все мы дошли до апогея злоключений... Ваше высочество, страна требует от нас мер к ее спасению, но мы будем считать себя только тогда вправе сделать это, когда будем иметь ваше согласие как наследника-цесаревича и будущего государя России!

Сильный испуг отразился на сразу побледневшем лице великого князя.

— Но,— заикаясь от замешательства, пробормотал он,— но... вы не собираетесь... сделать... самое ужасное?

— Самое ужасное? Но что именно кажется вашему высочеству самым ужасным? — спокойно переспросил Пален.

— Не знаю, да и знать не хочу! — резко бросил великий князь, вскакивая с места.

Пален тоже встал и сказал:

— Ужасное может быть необходимым, и тогда оно уже не ужасно, ваше высочество! Но у нас слишком мало времени, чтобы говорить загадками. Буду говорить прямо. У меня и в мыслях нет лишать его величество жизни. Просто, как неспособный к управлению человек, он должен отказаться от трона в вашу пользу. Конечно, мы могли бы сделать все это, не говоря ни слова вашему высочеству, но мы хотим показать, что мы — не бунтовщики, а верные слуги трона.

— Но кто такие вы? — спросил Александр Павлович.— Я не знаю вас, а потому как же могу я ответить на ваш вопрос?

— Если вашему высочеству угодно видеть моих друзей, то достаточно обвести взором присутствующих в зале. Мы — это вся верноподданная, вся благомыслящая Россия, ваше высочество!

— Это слишком неопределенно,— взволнованно возразил великий князь.— Во главе этого замысла, конечно, находятся близкие ко двору люди, и я хочу знать их имена.

— В таком случае я назову вашему высочеству главных участников замысла. Три Зубовых, граф Бенигсен, князь Татшвили... Да и мало ли?

— Все это такие люди, на которых можно положиться,— задумчиво сказал великий князь.— Но у меня сердце не лежит к вашим планам, граф.

— Сердце не должно играть роль там, где на первом плане должны быть поставлены рассудок и чувство долга,— ответил Пален.— И у меня сердце не лежит к тому, чтобы предпринимать что-либо против государя, которого я, несмотря ни на что, искренне люблю. Но если иначе нельзя? Если, давая волю чувствам и сердцу, мы совершим преступление против родины? Что там случилось? — испуганно вскрикнул он вдруг.

Из гостиной было видно танцующих в большом зале. Вдруг музыка смолкла, танцующие сразу остановились, и взволнованный ропот, донесшийся из зала, свидетельствовал, что там случилось что-то особенное.

Великий князь Александр и граф Пален поспешили туда. Оказалось, что прискакавший курьер привез весть о смерти фельдмаршала Суворова.

Это печальное известие произвело страшное впечатление на государя и на всех присутствующих. Ведь армия осиротела, без Суворова дело русского оружия уже не пойдет прежним блестящим шагом. Неизвестно теперь, не придется ли русским войскам отдавать французам обратно все, что они отняли у них?

Разумеется, танцы расстроились. Государь с семьей ушел в свои апартаменты, а следом за ним разошлись с бала и все приглашенные.

XIV

С каждым днем все острее чувствовался разлад, наступивший между государем и всеми остальными, как с его семьей, так и с высшими чинами государства. Даже Кутайсов, страстный поклонник всех мероприятий государя, по временам недоуменно разводил руками и не находил слов. Мечта Павла Пет-

ровича сбылась — он был совершенно один. Но это не принесло ему того душевного спокойствия, на которое он надеялся. Он видел, что возбуждение все растет, что в столице явно неспокойно, но не знал, что ему делать и как подавить этот глухой ропот, который только чувствовался, не выходя пока наружу.

Одна мера сыпалась за другой, но все это уходило в злое молчание и пустоту. И это молчание, эта пустота угнетали государя.

Все это отражалось на его состоянии духа, которое становилось с каждым днем все мрачнее и угрюмее. Государь не видел иного пути к счастью страны, кроме того, который наметил себе, но вместе с тем не находил возможным следовать этим путем. Беспричинные вспышки гнева все учащались. Все более дрожали окружающие его лица, так как никто не был уверен в том, что его ни с того ни с сего не сошлют в Сибирь, не разжалуют, не отдадут под суд.

Долее такое положение вещей не могло продолжаться, и партия графа Палена признала, что вынуждена приступить к действию.

Вечером 23 марта 1801 года во дворе Михайловского дворца можно было заметить какую-то тень, которая взволнованно ходила взад и вперед, по временам поглядывая на окно царской спальни, как бы дожидаясь какого-то сигнала.

Вот в окне сверкнул и погас слабый свет. Наблюдавший за окном вздрогнул и устремил туда внимательный взор. Он не заметил, как к нему подкрался какой-то офицер, который положил ему руку на плечо и тихо спросил:

— Что вы делаете здесь, граф Пален?

Пален вздрогнул, обернулся и увидал пред собой великого князя Александра Павловича.

— Боже мой, это вы, ваше высочество? — сказал граф. — Вы так легко одеты, а сегодня такой пронизывающий, сырой ветер.

— Время теперь во всех отношениях пронизывающее и неспокойное, — с дрожью в голосе ответил великий князь. — Сегодня с наступлением темноты мне стало вдруг так страшно, так тоскливо, что я не мог усидеть у себя в комнате. Ведь каждый день в Петербурге исчезают люди, от которых не остается даже следа. Исчезают и знатные, и простые, и никто не знает, что с

ними случилось... Я хотел уже лечь спать, но вдруг мне пришло в голову, что ведь я могу и не проснуться, а если проснуться, так совсем в другом месте... И я поспешил одеться кое-как, чтобы выйти сюда. Пусть лучше меня треплют стихии, чем одолевают призраки Михайловского дворца... И я оказался прав в своих расчетах. Здесь я хоть встретил вас, граф, и, надеюсь, вы наверняка расскажете мне что-нибудь интересное, если только не забыли, что когда-то рассказывали мне относительно общества бравых людей и хороших граждан.

— Сегодня,— сказал Пален,— я обедал у милейшего генерала Талицына, командира Преображенского полка, вместе с генералом Депрерадовичем, командиром Семеновского полка, и многими офицерами. Мы провели время так весело, что нам не хотелось надолго разлучаться, так что мы назначили себе свидание возле Михайловского дворца. Ведь нам предстоит много потрудиться сегодня ночью в этом дворце, ваше высочество! Настал такой момент, когда раздумывать да откладывать уже нельзя. Между прочим, за обедом у генерала Талицына был добрый десяток молодых людей лучших фамилий, которых я лично привел к генералу из казематов Петропавловской крепости. За что эти молодые люди были лишены чинов, дворянства, биты кнутами и заключены в крепость — этого не знает никто, ни они сами, ни тот, кто так жестоко распорядился их судьбой. Ваше высочество! Таких молодых людей пока еще, слава богу, немного, но если мы будем ждать еще долее, то через месяц все лучшее и славное в России будет опозорено, разгромлено. Ваше высочество! Вы сами должны признать, что гражданский долг требует от нас предупреждения дальнейшего разгрома! Подписали ли вы, ваше высочество, прокламацию, которую я дал вам вчера и которой вы уполномочиваете нас совершить замышляемый нами шаг?

Великий князь, видимо, колебался. Вдруг черная туча набежала на луну, и наступившая темнота придавала Александру Павловичу храбрости и решимости. Казалось, то, что великий князь не в силах был произнести при свете луны, помог сказать ему вдруг наступивший мрак. Великий князь Александр достал из-за обшлага рукава какую-то бумагу и, подав ее Палену, сказал взволнованным голосом:

— Я подписал эту прокламацию, граф, потому что, взвесив все, что вы мне говорили, увидел, что не могу поступить иначе! Но я соглашаюсь на это только под одним условием, от которого не отступлю ни в коем случае: жизнь моего отца должна быть пощажена, так как я принимаю не трон, а регентство вплоть до выздоровления его величества и полного прояснения его рассудка!

— О, это прекрасно, и я сам держусь такого же взгляда, — ответил Пален, пряча бумагу. — Так с Богом, ваше высочество! Ступайте к себе — я вижу, что сюда идут Зубовы и граф Бенигсен. Будьте, пожалуйста, в своей комнате, чтобы я мог в нужный момент известить вас...

— Хорошо, так и будет! До свидания, милый Пален, и помните мое условие!

С этими словами великий князь поспешно скрылся во дворце.

Пален пошел навстречу Зубову и Бенигсену. Вскоре к ним присоединился еще и адъютант императора Аргамаков, который был очень важным членом заговора: имея свободный пропуск во дворец, он мог беспрепятственно ввести туда и заговорщиков. Вслед за Аргамаковым пришло много офицеров, бывших на обеде у генерала Талицына. Пален заметил, что большинство их было сильно разгорячено вином, и шепотом сказал Аргамакову, не лучше ли оставить их во дворе на страже, не впуская в апартаменты, но адъютант только пожал плечами, ничего не ответив на опасения графа.

Когда все заговорщики собрались, Пален принялся распределять их роли. Зубов, Бенигсен и Аргамаков должны были пройти в спальню императора, чтобы заставить его подписать акт отречения. Пален не хотел входить в спальню, а предполагал стоять возле двери, чтобы иметь возможность пустить в ход тот или иной отряд охраны заговорщиков, так как могло случиться столкновение с дворцовой стражей.

Когда все было выяснено и вы решено, заговорщики с соблюдением всех предосторожностей направились во дворец. У входа они разделились, и каждый отряд стал подниматься по особой лестнице.

Аргамаков повел Зубова и Бенигсена той лестницей, которая вела прямо в апартаменты государя. Когда они проходили дверь, им пришлось неожиданно столкнуться с часовым, который окрикнул их:

— Кто идет?

— Тише! — крикнул Аргамаков. — Разве ты не видишь, куда мы идем?

Солдат вытянулся в струнку. Аргамаков и его спутники быстро скользнули мимо часового и дошли до дверей комнаты камердинера императора, и тот сейчас же открыл дверь при легком условном стуке адъютанта.

В комнате камердинера оказалось несколько гусар. Один из них, догадавшись, зачем пожаловали сюда все эти господа, кинулся на них с обнаженной шашкой.

Но Бенигсен был наготове; он одним взмахом сабли раскрыл гусару голову, и тот без стога и шума сполз на пол.

Затем, не раздумывая и не колеблясь, все они быстро вбежали в спальню императора.

Зубов был впереди всех и прямо подбежал к кровати государя.

— Что за черт! — вдруг воскликнул он. — Да ведь кровать пуста!

Не отвечая ничего, Бенигсен принялся тщательно осматривать комнату и наконец нашел Павла Петровича скорчившимся за каминным экраном. Бенигсен подошел к нему и твердо сказал:

— Вы арестованы по приказанию его величества императора Александра. Ваша жизнь будет пощажена, если вы не окажете нам ни малейшего сопротивления!

Государь совершенно механически поднялся со скамеечки, на которой он примостился, но не был в состоянии сказать ни слова.

На его посеревшем лице явно отразилась высшая степень испуга и замешательства.

В каком жалком виде был теперь грозный Павел Петрович! Он стоял босиком, в ночном колпаке и фланелевой фуфайке, а пред ним с покрытыми головами, обнаженными саблями и

грозными взглядами стояли его подданные, еще несколько часов тому назад трепетавшие пред одним его взором!

Наступила томительная, неловкая пауза. Никто не знал, что же теперь надо делать!

Первым, как и всегда, оправился от смущения хладнокровный Бенигсен. С методическим спокойствием и тщательностью он принялся осматривать комнату. Тут было двое дверей кроме той, в которую они прошли; одна из дверей вела в помещение императрицы, другая — в кладовую, где хранились знамена и оружие. Бенигсен сейчас же распорядился запереть двери в апартаменты Марии Федоровны и вынести знамена и оружие.

Это как бы пробудило императора из его остоленения. Он схватил саблю, лежавшую на стуле возле кровати, замахнулся ею и крикнул:

— Что вам здесь нужно?

При этом, опуская саблю, он чуть не задел ею князя Зубова.

Это движение сразу привело Зубова в величайшее раздражение, и он крикнул:

— Что нам здесь нужно? Нам нужно заявить вам, что вы окончательно сошли с ума, а потому не способны долее править нами. По приказанию императора Александра Павловича вы арестованы!

— То есть как это арестован? — с величайшим изумлением переспросил Павел Петрович. — Разве я могу быть арестован? Что же я вам сделал, господа?

Император Павел виноватым взором искал сочувствующего взгляда.

— Вы зверски обращались с нами и губили Россию! — крикнул Аргамаков.

В этот момент в коридоре слышались дикий вой и грохот, дверь спальни распахнулась, и на пороге показался генерал Татшвили вместе с другими заговорщиками.

Увидав их, поняв по их возбужденным, искривленным ненавистью лицам, что они явились отнюдь не защищать его, Павел Петрович в приливе отчаяния вновь взмахнул саблей. Но от этого движения пострадала только лампа, которая упала и погрузила комнату в мрак.

Луна слабо светила, и это был единственный свет, хоть отчасти пронизывавший темноту. При этом слабом свете было видно, как Татшвили кинулся на государя, схватил его и с нечеловеческой силой ударил об пол. Бенигсен подбежал к ним и закричал:

— Бога ради, ваше величество, не пытайтесь защищаться, иначе мы не отвечаем за вашу жизнь!

Но, не обращая на это внимания, государь вскочил с пола и стал махать саблей.

Тогда приспешники Татшвили, Аграмаков и Зубов, кинулись на него, вновь свалили государя на пол, причем, падая, Павел Петрович изо всей силы ударился головой об угол мраморного ночного стола.

— Негодяи! Позвольте же мне хотя бы помолиться пред смертью! — прохрипел по-французски Павел Петрович.

Бенигсен выбежал в соседнюю комнату, чтобы достать лампу или свечу. Когда он снова вошел, государь был мертв.

— Боже мой, что вы наделали! — раздался за ними испуганный, рыдающий голос Палена.

Он только что вошел в спальню и, увидев, что император мертв, не дожидаясь ответа, выбежал из комнаты и направился к великому князю Александру Павловичу, чтобы доложить ему о случившемся.

При известии о смерти отца великий князь побледнел и затрясся.

— Что вы наделали! — истерически крикнул он. — Ведь вы же обещали мне пощадить его жизнь!

— Ваше величество, — торжественно ответил Пален, — я сам не менее вас скорблю, что это все-таки случилось. Но теперь не время предаваться отчаянию или скорби. Прежде всего надо поспешить с присягой. Я уже отдал соответствующие приказания...

— Но что будет с бедной матушкой! — сказал Александр Павлович. — Боже мой! Как-то она перенесет этот удар!

— Я сейчас же отправлюсь к ее величеству, — ответил Пален. В этот момент в комнату вбежал Бенигсен.

— Ваше величество... — начал он.

Но Пален сейчас же прервал его:

— Его величеству все уже известно. Благоволите последовать за мной, чтобы известить ее величество императрицу Марию Федоровну о происшедшем.

Они отправились в апартаменты государыни и первым делом разыскали графиню Ливен, любимую статс-даму Марии Федоровны. Она должна была подготовить императрицу к ужасному известию.

В эту ночь императрица спала особенно крепко и ничего не слыхала, хотя возня и шум были слышны даже гораздо дальше, чем в покоях ее величества. Но при входе Ливен она сразу проснулась.

— Что случилось? — вскрикнула она. — Несчастье? С его величеством?

— Его величество только что опочил в Бозе от поразившего его удара, — ответила Ливен.

— Нет! — вскрикнула государыня, вскакивая с постели. — Не своей смертью умер он! Его убили, убили! Он был слишком велик, чтобы его могли разгадать... Скорее, одеваться! Где он? Ведите меня к нему! Надо посмотреть, нет ли надежды на спасение... Может быть, еще можно спасти, еще не все потеряно...

Ливен послала камер-фрейлин одеть ее величество: ей самой было невыносимо видеть страдания обожаемой императрицы. Кое-как одевшись, государыня бросилась к спальне покойного государя, но ее не пропустили туда. В этот момент она встретилась с Паленом и Бенигсеном, и они обратились к ней с просьбой соблаговолить проследовать в комнату его величества императора Александра, который сейчас отправится в Зимний дворец для принятия присяги от высших государственных чинов и хотел бы выслушать сначала присягу из уст возлюбленной матери.

Императрица безмолвно последовала за Паленом и Бенигсеном в комнату сына. Кое-как выговорив слова присяги, она истерически заплакала.

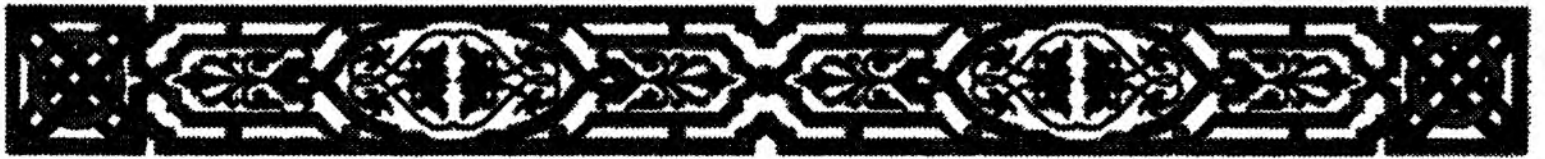
Император Александр подбежал к ней, обнял, усадил в кресло и со слезами в голосе сказал:

— Не плачь, мама, тырываешь мне сердце! Что же делать, случившегося не исправить... Но, право же, так для отца

лучше. Править он не мог, а жизнь царя, лишённого трона, была бы ему не под силу. Мама, мама, да разве ты сама не видела, что покойный государь был не под силу России?

— Я оплакиваю не государя, Александр,— сквозь слезы ответила Мария Федоровна,— я плачу о Павле Петровиче, о человеке редкой души, редкой сердечной доброты... Он заблудился на государственных путях, это правда... Но как же ему было не заблудиться, когда он был один, когда его никто не хотел понять? Быть монархом очень трудно, Александр, ты сам это теперь узнаешь, а быть неразгаданным монархом... Ах, Александр, Александр, да избавит тебя Господь от такого ужаса!.. И после мучительной жизни такая смерть!.. Бедный, бедный Павел, бедный неразгаданный монарх!

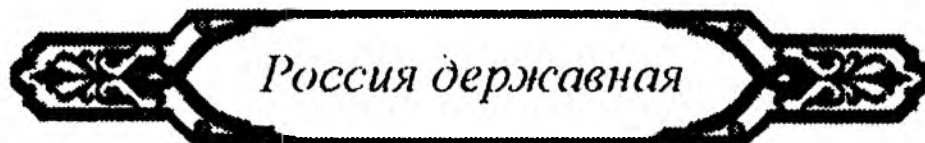




СОДЕРЖАНИЕ

ТИХИЙ АНГЕЛ	3
ЛЮБОВЬ И ПОЛИТИКА	111
ПРИ МАЛОМ ДВОРЕ	183
I. Павел Петрович и Мария Федоровна	185
II. На террасе в Павловске	187
III. Мария Федоровна	196
IV. Нелидова	200
V. Великая княгиня и Нелидова	210
VI. Гатчина	218
VII. Гатчина застраивается	232
VIII. Великая княгиня в качестве объекта нападения	237
IX. Смерть императрицы Екатерины II	243
НЕРАЗГАДАНЫЙ МОНАРХ	253

Scan Kreider |



Теодор
Мундт

**ТИХИЙ АНГЕЛ
ЛЮБОВЬ И ПОЛИТИКА
ПРИ МАЛОМ ДВОРЕ
НЕРАЗГАДАНЫЙ МОНАРХ**

Редактор *А. Храмков*
Компьютерная верстка *А. Кувшинников*
Корректор *Т. Семочкина*

ООО ТД «Издательство Мир книги»
111024, Москва, 2-я Кабельная ул., д. 2, стр. 6
Телефон: (495) 974-29-76, 974-29-75
Факс: (495) 742-85-79
E-mail: commerce@mirknigi.ru

ООО «РИЦ Литература»
115407, Москва, Судостроительная ул., д. 40

Подписано в печать 20.10.2009 г.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Петербург».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48
Тираж 7000 экз. Заказ № 1904.

Отпечатано по технологии StP
в ИПК ООО «Ленинградское издательство».
195009, Санкт-Петербург, ул. Арсенальная, д. 21/1.
Телефон / факс: (812) 495-56-10.

Теодор Мундт (1808 — 1861) — немецкий писатель, критик, автор исследований по эстетике и теории литературы. Участник либерально-буржуазного литературного движения «Молодая Германия», главное место в творчестве которого занимают исторические романы.

В данный том вошло несколько произведений, посвященных жизни российского царского двора конца XVIII века: бытовые, светские и любовные коллизии тесно переплетены с политическими интригами, а также с государственными реформами Павла I, неоднозначно воспринятыми российским обществом, что трагически сказалось на судьбе «неразгаданного монарха».

ISBN 978-5-486-03194-6



9 785486 031946